ISSN 2078-7626

ВЕСТНИК

Сургутского государственного педагогического университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 4 (25)
2013

ВЕСТНИК
СУРГУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

Основан в августе 2007 г.

№ 4 (25) 2013 г.

Выходит 6 раз в год

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере массовых коммуникаций, связи
и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-29393 от 24 августа 2007 г.

Учредитель:
Сургутский государственный
педагогический университет

Адрес редакции:
628417, ХМАО – Югра,
Тюменская обл., г. Сургут,
ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2, каб. 217,
редакция журнала «Вестник СурГПУ»

E-mail: vestnik@surgpu.ru

Сдано в печать 20.09.2013 г.
Формат 70x100/16
Усл. п.л. 22,1
Печать цифровая
Гарнитура DejaVu Serif
Тираж 1000
Заказ № 48
Отпечатано в РИО СурГПУ

© Сургутский государственный
педагогический университет, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ РОССИИ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Минаков А.Ю. А.А. Аракчеев – лидер консервативной «русской партии» в 1820-е гг. **5**

Карпачев М.Д. Общество и власть в России накануне падения крепостного права: истоки конфликта **18**

Лёвин С.В. Земские статистики в общественной жизни страны **32**

Репников А.В. 1906 год на страницах дневника Л.А. Тихомирова **41**

Варфоломеев Ю.В. Власть и законодательные учреждения Российской империи: расследование Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства прецедентов, связанных с неконституционным принятием законов **45**

Соколов А.В. Ревизия Александро-Невской Лавры в 1917 году: нереализовавшийся политический заказ **53**

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Троицкий Н.А. «СИБИРСКАЯ ВЕРА ЗАСУЛИЧ» (Мария Игнатьевна Кутитонская) **59**

Милевский О.А. Ирландский фактор в русском освободительном движении 1860–1880 гг. XIX в.: к постановке проблемы **70**

Худолеев А.Н. П.Н. Ткачёв о консолидации революционных сил **90**

Терехова С.А. К вопросу об истоках «Чигиринского заговора»: крестьянское движение в Чигиринском уезде Киевской губернии в начале 70-х гг. XIX в. **94**

Панченко А.Б. Отражение научных взглядов Д.А. Клеменца на страницах газеты «Восточное образование» **100**

Степаненкова З.В. В.В. Берви-Флеровский о сущности государства и развитии его форм во времени **106**

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ерохин В.Н. Католицизм в Англии в первой половине XVII века **113**

Миронов В.В. Английская школа теории международных отношений и изучение истории внешней политики России **120**

Мирошников С.Н. «Нечестный брокер» или роль администрации Д. Эйзенхауэра в урегулировании спора между Италией и Югославией о международной территории Триест **128**

Юн С.М. Политика Европейского Союза в отношении соседних государств в 1990-е гг.: развитие новых подходов **136**

Ерёмин С.В. Организационная структура советской внешнеполитической пропаганды в 1930-е гг. **142**

Юматов К.В. Роль средств массовой информации в нагорно-карабахском конфликте **149**

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Дутчак Е.Е. Конфессиональная книжность как память культуры: опыт изучения старообрядческих скитских собраний конца XIX – начала XXI вв. **156**

Солодкин Я.Г. Когда начал царствовать Борис Годунов? (К истории последнего Земского собора XVI в.) **164**

Мауль В.Я. Пугачёв/«Пётр III» и его первые сторонники (дискуссионный вопрос из истории российских самозванцев) **169**

Обухова Ю.А. Типология российских самозванцев как историографическая проблема (достоинства и недостатки) **179**

Девятова Е.Ю. Британская историография второй половины XX века: о секуляризации в Англии в правление Генриха VIII **186**

Савченкова Т.П. Мемуары Константина Волицкого как источник сведений о культуре Западной Сибири 1830-х гг. и биографии П.П. Ершова **192**

СИБИРЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Бодрова Е.В., Калинов В.В. Развитие нефтегазового комплекса страны в послевоенные десятилетия **199**

Колева Г.Ю. А.К. Протозанов и создание Западно-Сибирского нефтегазодобывающего района **206**

Акинин М.А., Ермолаев Т.С. Экологические последствия промышленного освоения Юга Якутии **214**

Андреенков С.Н. Проекты преобразования колхозной системы 1950-х гг. в Сибири **220**

Хромов Е.А. Тенденции и факторы развития сибирской региональной элиты во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. **226**

Карпов В.П. Проблемы организации досуга населения в районах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. 1960–80-е гг. **234**

РЕЦЕНЗИИ

Милевский О.А. В поисках «консервативного эйдоса» (рецензия на монографию: Григоров Е.В. Стратегия консерватизма. Социально-философский анализ [Текст] : монография / Е.В. Григоров. – Saarbrucken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 132 с.) **240**

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ **245**

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРАМИ **250**

Общественно-политическая жизнь России XIX – начала XX вв.

ББК 63.3(2)521.2-4
УДК 94:329.11(47+57)"182"

А.Ю. МИНАКОВ

A.JU. MINAKOV

А.А. АРАКЧЕЕВ – ЛИДЕР КОНСЕРВАТИВНОЙ «РУССКОЙ ПАРТИИ» В 1820-е ГГ.

A.A. ARAKCHEEV AS A LEADER OF CONSERVATIVE «RUSSIAN PARTY» IN 1820s

В статье рассматривается политическая биография А.А. Аракчеева как представителя русского консерватизма в царствование Александра I. Анализируется политическая роль Аракчеева в деятельности консервативной «русской партии» и православной оппозиции.

The article represents the political biography of A.A. Arakcheev as a representative of Russian conservatism in the reign of Alexander I. The author analyses the political role of A.A. Arakcheeev as a leader of «Russian Party» and an orthodox opposition.

Ключевые слова: А.А. Аракчеев, консерватизм, русская партия, православная оппозиция.

Key words: A.A. Arakcheev, conservatism, Russian Party, orthodox opposition.

Граф Алексей Андреевич Аракчеев является и по сей день одной из самых негативно мифологизированных фигур русской истории, несмотря на то, что в течение последних двух десятилетий о нем появился ряд серьёзных работ, существенно меняющих традиционные представления об этом государственном деятеле [33–35, 24, 22, 13].

Настоящая статья ставит своей целью показать причины выдвижения Аракчеева на роль одного из видных деятелей консервативной «русской партии» 1820-х гг. Сам термин «русская партия» [3, с. 201] или партия «старых русских» [17, с. 402] был впервые зафиксирован после Тильзитского мира 1807 г. в общественном мнении и в донесениях иностранных дипломатов. Так, Сент-Эньян (французский дипломат, бывший в Петербурге в 1807 г.) в письме, адресованном, по-видимому, Талейрану, писал: «Существует русская партия, состоящая из большого числа вельмож, которая не хочет никаких нововведений в управлении. Люди этой партии живут большей частью в Москве» [Цит. по: 18, с. 232].

В либеральной историографии деятельность «русской партии» характеризовалось, как правило, крайне негативно. В качестве типичного примера подобного рода приведём мнение М.Я. Морошкина, который охарактеризовал её как группировку своекорыстных крепостников, «оставшихся <…> совершенно без дела и признанных неспособными к государственным должностям» [14, с. 502]. Он утверждал, что для её членов типичны были «оскорблённое честолюбие, зависть, самолюбие и претензии на обширные государственно-административные дарования <…> наконец, просто преувеличенные и своекорыстные страхи за свои крепостнические права людей <…> вся сфера патриотизма этих людей, как показал опыт, ограничивалась бесконтрольным распоряжением своими крестьянами» [14, с. 502–503]. Подобные характеристики страдают чрезвычайной тенденциозностью и односторонностью. Деятельность «русской партии» отнюдь не сводилась к защи-

те своекорыстных интересов крепостников. Она была объединением защитников русских национальных интересов и патриотов России. Консервативно-националистическая идеология и настроения объективно стали необходимым условием для победы в Отечественной войне 1812 г. и преодоления галломании части дворянского общества. По-своему прав был либеральный историк Н.Н. Булич, который заявлял: «В войне народной победила патриотическая партия; она была убеждена, что восторжествовали её консервативные начала, что побеждена французская революция, глубоко ненавидимая ею» [4, с. 590].

Раскрывая роль Аракчеева в этом объединении, мы не можем не коснуться основных вех его биографии. Алексей Андреевич родился 23.09.1769 в небольшом селе Гарусово Вышневолоцкого уезда Новгородской губернии. Род Аракчеевых не отличался родовитость и знатностью. Он происходил от Фомы Аракчеева, пожалованного поместьем в Бежецкой пятине в 1607 г. Правнук этого родоначальника, Иван Степанович, отличился в войне с Польшей при царе Алексее Михайловиче [15, с. 322], проявив и «ратоборство и храбрость». Прадед Аракчеева участвовал почти во всех войнах Петра I, а дед, Василий Степанович, был убит в 1735 г., во время похода русской армии в Крым. Отец Аракчеева, Андрей Андреевич (+1796), служил в лейб-гвардии Преображенском полку, вышел в отставку в чине поручика, женился на Елизавете Андреевне Витлицкой (1750–1820) и занялся хозяйством. Воспитанием Аракчеева занималась мать, набожная, умная, властная и энергичная женщина, державшая всю семью в строгости и послушании. Она привила Аракчееву стремление к постоянному труду, строгому порядку, аккуратности и бережливости. Грамоте и арифметике Аракчеева учил сельский дьячок.

В 1785 г. Аракчеев поступил в один из лучших кадетских корпусов – Петербургский артиллерийский и инженерный шляхетский корпус. В корпусе преподавали арифметику, геометрию, начала тригонометрии, фортификацию и артиллерийское дело, изучали французский, немецкий и латинский языки. В «верхних» классах преподавание велось только на иностранных языках. Из «изящных» дисциплин кадет обучали танцам и фехтованию. Кадет воспитывали «в страхе Божием и в страхе розог». Аракчеев получил репутацию отличного кадета «как по наукам, так и по поведению». Он особенно отличался в изучении военно-математических наук, не имея больших склонностей к гуманитарному циклу. Он свободно читал по-французски, но имел плохое произношение, по-немецки же говорил довольно бегло. В чине сержанта Аракчеев был назначен преподавателем арифметики и артиллерии (1784). Как усердный кадет и одновременно наставник младших по корпусу Аракчеев в 1786 г. был награждён за отличие серебряной медалью. В 1787 г., по завершении курса обучения, Аракчеев, как один из лучших выпускников, в чине армейского поручика был оставлен в корпусе преподавателем математики и артиллерии. В 1789 г. Аракчеев получил чин подпоручика артиллерии и был назначен командиром одной из лучших, специально отобранных артиллерийских команд корпуса. Тогда же Аракчеев составил учебное пособие «Краткая артиллерийская записка в вопросах и ответах», внеся определённый вклад в развитие военного образования в России.

В 1790 г. Аракчеев был назначен адъютантом начальника корпуса генерала П.И. Мелиссино. В 1792 г. Мелиссино назначил Аракчеева в качестве артиллериста-практика на службу в Гатчину в войска великого князя Павла Петровича. Убедившись в опытности Аракчеев, наследник назначил его командиром артиллерийской роты и произвёл в капитаны от артиллерии и премьер-майоры. В короткий срок Аракчеев привёл в образцовый порядок всю гатчинскую артиллерию. В 1793 г. Аракчеев был произведён в майоры артиллерии. Кроме заведования гатчинской артиллерией Аракчееву было поручено устройство школы для младших офицеров. В 1794 г. Аракчееву поручается хозяйственная часть гатчинских войск – комиссариатская (вещевое довольствие, обмундирование и снаряжение) и провиантская. В начале

1796 г. на него были возложены инспекция гатчинской пехоты, а также должность коменданта города. В подчинении Аракчеева оказались все гатчинские войска и жители Гатчины. Аракчееву было поручено также устройство Павловского военно-сиротского дома. Тогда же Аракчееву был присвоен чин подполковника, а в конце года и полковника артиллерии. После восшествия на престол Павла I Аракчеев произведён в генерал-майоры и получил орден Св. Анны 1-й степени, назначен командиром сводного гренадерского батальона лейб-гвардии Преображенского полка, получил богатую Грузинскую вотчину в Новгородской губернии (более 2 тыс. душ крепостных). В день коронации Павла I, 5 апреля 1797 г., состоялось пожалование Аракчеева александровским кавалером и баронским титулом. Затем ему были одновременно поручены три должности: коменданта Петербурга, командира Преображенского полка и генерал-квартирмейстера всей армии (1797). Аракчеев обучал военному делу наследника престола, великого князя Александра Павловича, будущего Александра I.

Стиль деятельности Аракчеева отличался педантичностью и крайней дисциплиной, личным самоограничением, колоссальной волей и невероятной работоспособностью, жёсткой требовательностью, доходящей до жестокости (которую, однако, позднейшие мемуаристы невероятно преувеличивали, вложив свою лепту в создание негативного мифа об Аракчееве – «гатчинском капрале», «обезьяне в мундире», «временщике», «Змее Горыныче» и пр.) [О негативных мифах, сложившихся вокруг имени Аракчеева: 8, с. 56–60].

Наряду с этим известны и случаи, когда Аракчеев наказывал офицеров за жестокое обращение с солдатами. После кратковременной опалы, в 1799 г. Аракчеев получил должность инспектора всей артиллерии и пожалован графским титулом. В его герб император сам вписал девиз: «Без лести предан». Однако вскоре последовала вторая опала, из ссылки Аракчеева возвратил уже Александр I. Накануне 11 марта 1801 г. Аракчеев был вызван Павлом I, однако заговорщики помешали ему приехать в Петербург Возвращённый на службу Аракчеев был назначен инспектором всей артиллерии (1803–1808). На этом посту Аракчеев внёс огромный вклад в переустройство всего артиллерийского дела в русской армии. Под его руководством была создана первоклассная по тому времени артиллерия, прекрасно показавшая себя в сражениях 1805–1809 гг. и сыгравшая немалую роль в Отечественной войне 1812 г. Военно-административная деятельность, а не вопросы стратегии, была подлинным призванием Аракчеева, который в силу этого обстоятельства не принимал участия в боевых действиях. Современные историки приходят к выводу, что он был блестящим военным организатором, новатором, талантливым реформатором и организатором [35, с. 117–128].

13 января 1808 г. он был назначен военным министром. А. Мартин пишет по этому поводу: «Император был испуган слухами о государственном перевороте; но, поставив армию, верность которой представлялась решающим фактором при любых попытках свергнуть режим, под контроль Аракчеева, он мог спать немного спокойнее» [36, p. 53]. Возвышение Аракчеева – жёсткого, точного и волевого исполнителя – было ответом на недовольство русским обществом условиями Тильзитского мира, континентальной блокадой, унижавшими чувство национального достоинства. Управлять военным министерством Аракчееву приходилось в условиях военного времени. Россия продолжала вести войны с Ираном (1804–1813), Турцией (1806–1812), со Швецией (1808–1809), с 1809 г. находилась в состоянии войны с Австрией и в результате участия в «континентальной блокаде» – с Англией. За два года (до января 1810 г.) Аракчеев сумел провести ряд значительных преобразований, особенно в комплектовании и обучении строевого состава. По его проектам были учреждены рекрутские депо для начальной подготовки рекрутов перед отправкой в линейные части и учебные карабинерные полки для обучения унтер-офицерского состава и музыкантов. В армии была окончательно введена дивизионная организация. Военная коллегия получила право

самостоятельно решать многие вопросы, появилась должность дежурного генерала, в значительной степени освободившая военного министра от необходимости вникать во всевозможные мелкие дела. По новому штатному расписанию артиллерия получила более совершенную структуру и мобильность; вводились экзамены для фейерверкеров, юнкеров и обер-офицеров (до поручика включительно) при занятии тех или иных должностей, совершенствовались учебные занятия и боевые стрельбы. Артиллерийские подразделения были выделены в отдельный род войск и сведены в роты и бригады. Изменениям подверглась и материальная часть. Значительные перемены произошли на заводах, выпускавших оружие и боеприпасы, а в артиллерийских арсеналах Аракчеев очень интересовался техническими новинками и был всегда в курсе дела по этой части. По его предложению в ряде округов были построены паровые лесопильные заводы, механические прачечные в госпиталях, а на озере Ильмень и реке Волхов с 1819 г. появился буксирный пароход для перевозки строительных материалов. С 1825 г. начались регулярные пассажирские рейсы двух пароходов от Старой Руссы до Новой Чудовской дороги. В бытность военным министром Аракчеев написал несколько статей по вопросам технологии изготовления пороха, селитры и выполнения боевых стрельб; при его непосредственном участии был создан Военно-учебный комитет и начат выпуск «Артиллерийского журнала». Император доверил ему приём на службу и увольнение по своему усмотрению чиновников комиссариатского и провиантского департаментов до 6 класса включительно. В знак особого отличия 30 августа 1808 г. Александр I повелел переименовать Ростовский мушкетёрский полк в полк имени Аракчеева (с 27 января 1811 г. по 28 апреля 1834 г. – гренадерский графа Аракчеева полк).

В ходе русско-шведской войне 1808–1809 гг. Аракчеев с присущей ему энергией сумел наладить снабжение действующих армий всем необходимым: обученными рекрутами, провиантом, фуражом, оружием, боеприпасами. Им были приняты необходимые меры по укреплению Балтийского побережья России от возможных враждебных действий со стороны Англии. Но наиболее значительной была роль Аракчеева не только в материальном обеспечении, но и в непосредственном воздействии на ход военных операций. Его настойчивость заставила генералов Кнорринга и Барклая де Толли предпринять труднейший переход по льду Ботнического залива, перенести боевые действия на территорию Швеции и тем самым решить исход всей кампании и судьбу Финляндии.

В 1810 г. Аракчеев в знак протеста против либерального курса, проводимого М.М. Сперанским и поведения императора, который скрыл от него подготовку «Учреждения Государственного Совета», покинул пост военного министра. По рекомендации Аракчеева на пост военного министра был назначен М.Б. Барклай де Толли. Вскоре, по категорическому настоянию Александра I, Аракчеев возглавил департамент военных дел в Государственном совете. По оценке великого князя Николая Михайловича, Аракчеев в области военной сделал «очень многое» [5, с. 84].

В Отечественную войну роль Аракчеева резко возрастает. Уже 14 июня 1812 г. он был вновь призван к управлению военными делами. В автобиографических отметках, сделанных им на семейном экземпляре Евангелия, Аракчеев не без основания отмечал: «вся французская война шла через мои руки, все тайные донесения и собственноручные повеления императора» [30, стлб. 925–926]. Он «исполнял должность почти единственного секретаря государя во время Отечественной войны» [5, с. 219] и был единственным докладчиком у Александра I практически по всем вопросам: военным, дипломатическим, управлению, снабжению армии и т.п., ведя грандиозную работу, без которой невозможно было вести военные действия против Наполеона. Такова же была его роль и в кампании 1813–1814 гг. [24, с. 106]. Летом 1814 г. император за успехи в организации русской армии хотел наградить Аракчеева званием фельдмаршала, однако тот категорически отказался. Таким обра-

зом, Аракчеев был одной из ключевых фигур Отечественный войны, достойной стоять в одном ряду с М.И. Кутузовым и М.Б. Барклаем де Толли, Ф.В. Ростопчиным и А.С. Шишковым.

Со второй половины 1814 г. все дела, касающиеся государственного устройства и управления, рассматривались и готовились к всеподданнейшему докладу только канцелярией Аракчеева. Через него шли представления всех министерств и нередко даже «мнение» Государственного совета. В августе 1818 г. Аракчеев был назначен руководителем канцелярии Комитета министров и тем самым получил официальную возможность влиять на важнейшие решения. Выдвижение Аракчеева стало зримым симптомом «нарастания авторитарных тенденций во внутренней политике Александра I» [36, p. 54]. Практически, именно Аракчеев осуществлял в то время, наряду с Александром I, общее руководство внутренней политикой России, беря на себя бремя исполнения непопулярных решений. Только ему полностью доверял монарх.

В 1817–1825 гг. по поручению монарха Аракчеев занимался организацией военных поселений со званием главного начальника военных поселений. Первоначально Аракчеев был противником создания военных поселений, но затем подчинился воле государя. Военные поселения, по замыслу царя, должны были значительно сократить государственные расходы на содержание армии, ликвидировать рекрутские наборы в мирное время и тем самым облегчить экономическое положение страны, создать зажиточное военно-земледельческое сословие, обеспечить прикрытие границ и сократить передислокацию войск в случае военных действий. Военные поселения были созданы в Новгородской, Могилевской, Витебской, Слободско-Украинской, Херсонской и Екатеринославской губерниях. В управлении военными поселениями чисто военные функции (боевая подготовка войск) сочетались с хозяйственными (организация строительных и мелиоративных работ, транспорта, промышленности и сельского хозяйства). Одновременно, использовались крайние формы принуждения (насильственное прикрепление поселян к земле, лишение их права заниматься торговлей, отходничеством и промыслами, регламентация многих сторон жизни и т. д.), что приводило к разорению поселенческих крестьян и довольно масштабным восстаниям.

Одновременно с созданием военных поселений Аракчеев разработал по поручению царя в 1818 г. проект освобождения крестьян. Согласно этому проекту крепостные крестьяне и дворовые люди с согласия помещиков постепенно выкупались казной. Кроме того, государство должно было выкупать по две десятины пахотной земли на каждую ревизскую душу. На покупку крестьян и земли правительство должно было отпускать ежегодно по 5 млн. рублей, покрывая недостаток денег выпуском особых казначейских билетов. Проект Аракчеева получил одобрение Александра I, но вместе с тем, несмотря на его секретность, стал известен дворянским кругам и вызвал с их стороны мощное противодействие. В итоге Александр I не решился представить его на обсуждение в Государственный совет.

В этот период Аракчеев активизировал связи с основными деятелями «русской партии» [30, с. 229–230.]. Так, в марте 1816 г. состоялось личное знакомство Карамзина, приехавшего в столицу с целью добиться аудиенции у императора для переговоров об издании «Истории государства Российского», с Аракчеевым. Обстоятельства этого события в либеральной и советской историографии обычно трактуют как морально неприемлемые для историографа, не желавшего в принципе встречаться с «временщиком». Тем не менее, после их встречи Карамзин писал: «я нашёл в нем человека с умом и с хорошими правилами. Вот его слова: «учителем моим был дьячек: мудрено ли, что я мало знаю? Моё дело исполнять волю Государеву. Если бы я был моложе, то стал бы у вас учиться: теперь уже поздно» <…> Следственно и Граф Аракчеев обязался способствовать моему скорейшему свиданию

с Государем; даже уверил меня, что это откладывание не продолжится» [Цит. по: 16, с. 154]. М.П. Погодин так оценивал роль Аракчеева в организации встречи историографа с царём: «все старания и все посредства оканчивались ничем до свидания с графом Аракчеевым, который обещал исходатайствовать аудиенцию, и на другой день сдержал своё слово: Карамзин был принят и осыпан ласками и милостями» [16, с. 156]. «Чтобы попасть в рай, нельзя было избежать чистилища, где заседал суровый игумен», афористично отмечал Н.К. Шильдер [29, с. 7]. Несмотря на первоначальную обиду, детально и достаточно тенденциозно описанную в литературе, Карамзин в дальнейшем с уважением относился к Аракчееву. 14 сентября 1825 г. он писал: «Государственный человек, огорчённый ужасным домашним происшествием [убийством любовницы Аракчеева, Н. Минкиной. – *А.М.*], отказался от всех дел, как слышно: заменить его другим нелегко. Дельных людей на большой сцене у нас не много» [16, с. 415]. Оценки Аракчеева, сделанные Карамзиным – «человек с умом и хорошими правилами», «государственный человек» и т. д. вряд ли были лицемерными.

В результате встречи Карамзина с Аракчеевым Александр I удостоил Карамзина высочайшей аудиенции, в результате которой были выделены необходимые средства на издание «Истории государства Российского», он был награждён орденом св. Анны 1-го класса, а в 1824 г. стал действительным статским советником. По докладу А.Н. Голицына император отдал распоряжение печатать «Историю государства Российского» без цензуры [20, л. 1].

В этот же период Аракчеев оказал существенную поддержку А.С. Шишкову как президенту Российской Академии. Ещё в 1815 г. Шишков представил ходатайство об усилении денежных средств Российской Академии, которую он хотел поставить в независимое от министра народного просвещения положение; но по истечении двух лет дело не сдвинулось с мёртвой точки. Академия получала на свою деятельность из казны не более 9 тыс. рублей [31, с. 92]. Шишков же просил не менее 60 тыс. рублей в год и, кроме того, на создание типографии и пристройку к ней залы единовременно девяносто тысяч рублей. Пристройка была нужна Шишкову для того, чтобы «хорошо устроенная и украшенная зала могла бы служить для открытия публичных чтений, как-то было в доме Державина, под названием «Беседы любителей русского слова» [литературно-политическое объединение русских консерваторов, существовавшее в 1807–1814 гг. и возглавлявшееся А.С. Шишковым и Г.Р. Державиным. – *А.М.*], куда собиралась многочисленная публика, и где подобные чтения, к сожалению недолго продолжавшиеся приносили немалую пользу и удовольствие» [31, с. 94]. Попытки прибегнуть к помощи императора не давали никаких результатов, наоборот, Шишков даже стал полагать, что попал в новую опалу: «холодность ко мне его величества от часу становилось приметнее так что я уже не был к нему никогда призыван. <…> Я перенёс это с довольным равнодушием, будучи уверен в правоте своей, и помня одного из моих приятелей пословицу, что честному человеку терять нечего меньше нужды в царе, нежели царю в честном человеке» [31, с. 94]. В этой ситуации Шишков в феврале 1817 г. обратился с письмом к Аракчееву. В итоге дело мгновенно разрешилось. На другой день после получения письма Аракчеев заявил Шишкову: «Вот как скоро исполняю я ваши приказания!» [31, с. 97]. В мае 1817 новый бюджет Российской Академии был утверждён императором [31, с. 101]. Фактически, наряду с прочим, речь шла о финансовой и организационной поддержке со стороны государства задуманного Шишковым центра консолидации русских консерваторов.

Отметим также, что в 1817 г. Аракчеев при подписке на сочинения издателя консервативного журнала «Русский вестник» С.Н. Глинки отмечал, как ему приятно, «что сочинитель известный полезными произведениями, какими обогатил он отечественную словесность, требует его ходатайства:

«Кто из Русских не принял бы в положении вашем участия» – писал Аракчеев и взялся быть представителем С.Н. Глинки пред тогдашним министром Народного Просвещения, князем А.Н. Голицыным» [23, с. 13].

Неудивительно, что в 1823–1824 гг. Аракчеев выступил с санкции императора фактическим главой консервативной «русской партии», которая смогла добиться в 1822 г. запрета масонских лож и отправить в отставку князя А.Н. Голицына, министра духовных дел и народного просвещения, который был проводником экуменического и мистико-космополитического курса в конфессиональной политике и в образовании.

В силу ряда личных качеств Аракчеев вполне подходил на роль лидера «русской партии». В автобиографических записках протестант Е.Ф. фон Брадке, хорошо знавший Аракчеева, утверждал: «В церковном отношении он стоял на почве неподвижного православия; деятельность Библейского общества, вызов духовенства других исповеданий, влияние г-жи Крюднер и других мистиков внушали ему отвращение» [1, с. 123]. Активный масон Н.И. Греч с отвращением называл его «поборником православия» [1, с. 266]. Немаловажно и свидетельство Ф.В. Булгарина: «Главнейшее достоинство графа А.А. Аракчеева состояло в том, по моему мнению, что он был *настоящий русак*, как мы говорим в просторечии. Все русское радовало его, и все, что, по его мнению, споспешествовало славе России, находило в нем покровительство» [1, с. 255]. Историк П.К. Щебальский отмечал: «Аракчеев был во всяком случае не галломан; многие замечая что он говорит не иначе как по-русски и имеет все признаки русского помещика средней руки, разумели его даже великим патриотом» [30, с. 196–197]. По свидетельству великой княгини Александры Феодоровны, Аракчеев демонстративно говорил только по-русски [29, с. 82].

Именно в силу всех перечисленных свойств, ему довелось сыграть весьма значительную роль в истории церковно-государственных отношений в конце царствования Александра I. В начале 1820-х гг. возникла так называемая «православная оппозиция» (термин, введённый в научный оборот современным историком Ю.Е. Кондаковым), которая выступила против демонстративного покровительства верховной власти представителям неправославных конфессий, мистикам, сектантам и масонам, резкого принижения статуса Православной Церкви в связи с увлечениями императора Александра I идеями надцерковного «универсального христианства» (официальную линию в религиозной сфере проводил министр духовных дел и народного просвещения князь А.Н. Голицын).

«Православная оппозиция» появилась в результате объединения усилий писателей – «архаистов», сторонников А.С. Шишкова и представителей православного клира, среди которых наиболее выделялись архимандрит Иннокентий (Смирнов), позднее епископ Пензенский и Саратовский, митрополит Серафим (Глаголевский), архимандрит Фотий (Спасский). Кроме того, в неё входили некоторые представители придворных кругов, в частности А.А. Орлова-Чесменская; на завершающем этапе к ней примкнул ряд высокопоставленных чиновников – обер-прокурор Св. Синода П.С. Мещерский, М.Л. Магницкий и др. «Православная оппозиция» на начальном этапе действовала конспиративно, пытаясь в меру своих сил и возможностей противостоять наплыву мистицизма. Её представители признавали лишь легальные средства борьбы, главным среди которых признавалась жалоба лично императору [10, с. 192].

В 1823 г. Аракчеев с санкции императора негласно возглавил «православную оппозицию». Историки либерального толка утверждали, что Аракчеев руководствовался исключительно соображениями личного свойства, пытаясь в ещё большей степени упрочить своё положение при царе. Устраняя князя А.Н. Голицына, отвечавшего за проведения конфессиональной политики, Аракчеев не вникал в богословские хитросплетения, главным для него было удаление руками православных консерваторов влиятельного соперни-

ка. Существует и другая точки зрения, согласно которой Аракчеев был идейным патриотом и верным сыном православной церкви [2, с. 125]. Впервые её выразил архимандрит Фотий (Спасский), который характеризовал Аракчеева в своих записках следующим образом: «О Графе Аракчееве кратко сказать можно то одно, что он, по примеру своих предков, предан царю, церкви и отечеству; слово царёво был для него закон. Царь Александр из всех своих подданных никого более не любил, как графа Аракчеева, никто справедливее, точнее не исполнял царских велений, как Аракчеев. Сему одному все дела государственные, тайны сердца царёва были более откровенны и известны; а посему самая императорская канцелярия с тайными делами вся была в руках его, все дела о церкви и вере в сие время ему же тайно были вверяемы» [27, с. 180]. Есть ещё одно суждение Фотия об Аракчееве, которое сохранилось в копии, в частности, «Записка о графе Аракчееве», написанная им в 1824 г.: «Всячески познавая познал, что граф А.А. Аракчеев совершенно всем сердцем Бога любит, царю и государю императору предан, верен, правдив, св. православную церковь истинно любит; содержит православную веру; мудр и разумен. Кратко скажу – он есть правое око царя, столп отечества, и таковые люди веками родятся. В нем кроме добра я ничего не видел. Ему можно все поверить и с Божиею помощию все может делать. Теперь и народ и все состояния любят его более, нежели прежде, и всяк чает от него более правды, даже и враг, нежели от кого другого. За что спаси его Боже, на многие лета для церкви и отечества» [27, с. 180]. Высоко подчёркивал заслуги Аракчеева перед православной церковью и другой активный деятель «православной оппозиции» М.Л. Магницкий. В письме к Аракчееву от 31 января 1826 г. он писал: «Я твёрдо убеждён, что Господь ни в каком случае не оставит вас, милостивый государь, за великие услуги ваши святой Его церкви. Он верно поразит врагов её; ибо исхода всех дел видно чудесное охранение дома царского и России» [19, с. 679].

Беспрецедентные тайные встречи архимандрита Фотия (Спасского) с Александром I в 1822–1824 гг., в ходе которых архимандрит подробно излагал императору точку зрения «православной оппозиции» организовывались Аракчеевым. Это видно, например, из письма Аракчеева от 9 августа 1824 года, в котором он писал Фотию, что по приезде в Царское Село докладывал императору о своих свиданиях с Фотием, и что государю было весьма приятно слышать его усердие у церкви Божией и отечеству. «Его величество – продолжал Аракчеев – единожды навсегда позволяет вам, отец архимандрит, приезжать в Петербург, когда вам нужно будет, а в доказательство благоволения его величества к вам, государю угодно видеть вас лично у себя в Петербурге прежде его отъезда в вояж, а потому и изволил назначить вам приезд в Петербург, расположив так, чтобы вы могли быть между 3 и 10 чисел сего месяца». Затем, 5 августа, Аракчеев писал Фотию, что государь примет его после обеда, в начале 8-го часа, в Зимнем дворце» [9, с. 478–479].

Совершенно очевидно, что с санкции Аракчеева в 1823 г. деятели «православной оппозиции» перешли в наступление на «мистическую партию» А.Н. Голицына, воспользовавшись так называемым «делом Госснера» [12, с. 252–315]. Пастор И.-Е. Госснер, которого считали одним из лидеров гернгутеров [32, с. 21], эмигрировавший в Россию из Германии в результате религиозных гонений, был активным деятелем Библейского общества. Госснер вызывал особенное отторжение у православных консерваторов. Его книга «Дух жизни и учения Иисуса Христа, в размышлениях и замечаниях о всем Новом Завете» была пропущена цензурой в мае 1823 г. Ю.Е. Кондаков утверждает, что книга Госснера «представляла собой уникальный, в своём роде, пасквиль на православную церковь и её служителей <…> Антиправославный или же антихристианский характер сочинения И.Н. Госснера не подлежит сомнению» [11, с. 144, 150]. В нем он высмеивал обряды христианской церкви, объявлял их греховными, критиковал духовенство как посредника между Богом и человеком.

Подобная книга была исключительно удобна для критики со стороны ревнителей православия, которые не замедлили воспользоваться представившейся им возможностью. Дело в том, что книгу предложил перевести с немецкого Голицын и он же пропустил её в печать.

В конце 1823 г. Фотия посетили М.Л. Магницкий и А.Б. Голицын, которые сообщили архимандриту, что в Петербурге готовится к изданию книга И.Е. Госснера «Евангелие от Матфея», в которой под видом комментариев к Евангелию содержалась критика Православной Церкви и клира». Этот факт решено было использовать как повод для обращения к императору для того, чтобы устранить А.Н. Голицына с министерского поста [12, с. 195].

В марте 1824 г. корректурные листы книги Госснера по инициативе Магницкого были тайно куплены у одного из сотрудников типографии и переданы петербургскому митрополиту Серафиму (Глаголевскому), активному участнику «православной оппозиции». Серафим «решился сам написать апологию на сочинение Госнера, обличил пастырски, испроверг <…> и послал в собственные руки императора тайно» [25, с. 190–191]. Акция возымела определённое действие, и 17 апреля 1824 г. состоялась многочасовая встреча Александра I с митрополитом Серафимом. Накануне Аракчеев и Магницкий смогли уговорить колеблющегося Серафима отправиться во дворец, где он должен был лично изложить императору сведения о том вреде, который нанёс православной церкви князь Голицын, «открыть ему все козни врагов церкви и отечества, хитро перед ним дотоле скрываемые». Беседа императора и Серафима продолжалась беспрецедентно долго, около пяти часов.

В анонимной «Записке «о крамолах врагов России» излагались некоторые обстоятельства этой встречи: «Он [митрополит Серафим. – *А.М.*], сняв с головы своей белый клобук, положил его к ногам императора и с твёрдостию сказал: не приму его, доколе не услышу из уст вашего величества царского слова, что министерство духовных дел уничтожится и Святейшему Синоду возвратятся прежние права его, и что министром народного просвещения поставлен будет другой, и вредные книги истребятся. В несомненное доказательство гибельных для церкви и отечества действий министра духовных дел и народного просвещения митрополит представил императору книгу Госснера «О Евангелии Матфея», которая оканчивалась печатанием; раскрыл в ней те места, которые показывали дерзкое восстание сочинителя не только против русского православия и самодержавия, но даже против всех христианских вероисповеданий. Убеждённый доказательствами Серафима, император, подавая ему клобук его, сказал: «преосвященный, примите ваш клобук, который вы достойно носите; и ваше святые и патриотические представления будут исполнены» [6, стлб. 387].

В ночь с 22 на 23 апреля 1824 г. по поручению императора к Серафиму явился Аракчеев. При нем была записка, в которой было написано «дабы о. Фотий непременно при том тайном беседовании о делах веры и св. церкви был». Во время встречи, по словам Фотия, Аракчеев «старался от имени царя как-нибудь согласить во всем митрополита с князем Голицыным» [26, с. 229–230]. Тогда Серафим и Фотий пошли на рискованный шаг, фактически предъявив царю ультиматум, причём в беспрецедентно резкой форме: Серафим «взяв белый клобук свой митрополичий, снял с главы своея, бросил на стол пред очами вельможи-любимца царёва и сказал: «Граф! Верный слуга царёв, донеси о сем царю, что видишь и слышишь; вот ему клобук мой; я более митрополитом быть не хочу, ежели дела в прежнем виде останутся; с князем Голицыным не могу служить как явным врагом клятвенным церкви и государства» [26, с. 230]. Ему вторил Фотий: «Стой, владыко святый, не соглашайся ни в чем противном, на грех и на пагубу благочестию; будем крепки в слове и деле; что сказано царю, то верно, стой в слове до конца; лучше нам за правду Божию в заточение идти, нежели за нарушение нашей должности и нечестие в ад. <…> Теперь едино остаётся делать, ежели царь не исправит дело веры и не защитит благочестие, как царь благочестивый, – взять

святое Евангелие в одну руку, а в другую св. крест, идти в Казанский собор и посреде народа возгласить: православные! Веру Христову попирают; а новую какую-то бесовскую хотят ввести; князь Голицын, Госнер пастор и прочие их сообщники все то делают! Послушай граф, донеси царю, что сие быть может сделано; вся Россия узнает; жены и дети найдутся многие которые за Преблагословенную Приснодеву Богородицу вступятся, своё сохраняя благочестие. Она Владычица наша вскоре придёт на помощь: все, хотя с горестию, но уничтожится диавольское действо; падёт враг, и путь нечестивых погибнет» [26, с. 231–232].

Вероятно, со стороны Александра I это был зондаж того, насколько серьёзно настроены лидеры православных консерваторов. Фотий впоследствии утверждал, что Аракчеев говорил ему, что «император Александр велел ему быть потому на совете тайном сем, дабы, как старец, Серафим не оказал какой-либо слабости духа и уступки в деле, и стоял бы Серафим твёрдо; а что касается до царя, то он готов за все приняться. Ежели митрополит не устоит в твёрдости своей, то дело начать царю гласно будет без пользы» [26, с. 232].

Вскоре последовало высочайшее повеление о рассмотрении книги Госснера. 22 апреля Комитет Министров осудил книгу Госснера (её постановлено было сжечь в Невской Лавре), отдал распоряжение о начале следствия над теми лицами, которые были виновны в её издании – переводчиками, цензорами, типографщиками, и предании их суду Сената.

25 апреля 1824 г. вышел указ о высылке из России Госснера, а цензура всех религиозных книг, издаваемых на русском языке, которую ранее осуществлял Голицын, передалась митрополиту Серафиму (Глаголевскому) [11, с. 159; 27, с. 192].

Спустя несколько дней в доме А.А. Орловой-Чесменской Фотий предал анафеме князя Голицына. Министр духовных дел, отвечающий за положение в церкви, оказался отлучён от этой самой церкви. Это был грандиозный скандал. Фотий сильно рисковал, поскольку право предавать кого-либо анафеме принадлежало лишь св. Синоду и он, таким образом, мог стать жертвой уголовного преследования. Однако Фотий лишь получил высочайший выговор, который последовал спустя почти два месяца, 14 июня 1824 г., во время личной аудиенции у Александра I, когда Голицын уже потерял важнейшие посты. Тогда Фотий заявил царю: «я сотворил же волю Божию и ничего не боюся. <…> Всякому зло на Бога и царя глаголющему аз бы сказал: анафема, да не соблазнит других и зло не сотворит» [27, с. 194]. После этого Аракчеев пригласил Фотия в своё имение Грузино, чтобы «добре принять его, угостить и внушить, чтобы не опасался неудовольствий более за проклятие князя Голицына» [28, с. 425–426].

15 мая 1824 г. князь Голицын был отстранён от должности министра духовных дел и народного просвещения, а само министерство было реорганизовано. В этот же день во главе Министерства народного просвещения и главноуправляющим духовными делами иностранных вероисповеданий стал активный деятель «русской партии» А.С. Шишков, православная часть отошла к синодальному обер-прокурору, а доклады Синода теперь должны были представляться через Аракчеева. 17 мая 1824 г. Александр I подписал рескрипт о сложении Голицыным звания президента Библейского Общества; на этом посту его сменил митрополит Серафим, который был назначен главным цензором всех сочинений и переводов, издаваемых на русском языке.

Функции Голицына в негласном порядке на некоторое время перешли к Аракчееву, он направлял деятельность митрополита Серафима, Фотия и Шишкова в нужное царю русло. Особые отношения сложились у Аракчеева с Фотием, которому он объявил решение царя о том, что ему позволяется «во всякое время приезжать в С.-Петербург, когда угодно будет» [28, с. 428]. Сам император, по наблюдению хорошо информированного современника, «в то время приметным образом склонялся зрелою душою на сторону православия, отстал от мистики, одним словом, сделался твёрже и строже в сво-

их правилах и понятиях о религии. Прибавим к тому, что политические события убеждали его в необходимости всюду поддерживать законную власть и всемерно противиться безначалию духовному и гражданскому» [21, с. 284].

Фактически реальная власть в сфере конфессиональных отношений, просвещения и цензуры перешла к ревнителям православия. Таким образом, «православная оппозиция» добилась отказа Александра I от приоритета мистико-космополитического варианта «универсального христианства» в конфессиональной политике.

Роль Аракчеева в этих событиях оказалась очень велика. Ныне очевидно, что он способствовал установлению основ того курса, который уже в царствование Николая I стал ассоциироваться с формулой графа С.С. Уварова: «Православие – Самодержавие – Народность».

Вторая половина 1825 г. – начало 1826 г. стали переломными в политической карьере Аракчеева. В июне 1825 г., отправляясь на юг, после периода длительных раздумий и колебаний, Александр I поручил Аракчееву разобраться делом о декабристском заговоре, основные фигуры которого давно были известны царю. Однако 10 сентября в Грузине дворовые люди убили Настасью Фёдоровну Минкину – экономку графа, которая была его фавориткой более 25 лет. Аракчеев был настолько потрясён её смертью, что совершенно отошёл от государственных дел и впервые в своей служебной деятельности не выполнил важнейшего поручения монарха. Хорошо информированные современники считали, что если бы Аракчеев вовремя осуществил расследование, то «никогда бы возмущения гвардии 14 декабря на Исаакиевской площади не случилось – затеявшие бунт были бы заблаговременно арестованы» [7, с. 82]. Вторым ударом для Аракчева стала неожиданная кончина императора 19 ноября 1825 г.

Заняв престол в беспрецедентно тяжёлой обстановке, Николай I пошёл на некоторые уступки так называемому «общественному мнению» и освободил Аракчеева от заведования делами Комитета министров. За ним некоторое время сохранялась лишь должность главного над военными поселениями начальника, но и на ней он пробыл недолго. В апреле 1826 г. новый император удовлетворил просьбу Аракчеева о бессрочном отпуске для поездки за границу на лечение. Там Аракчеев издал собрание писем к нему Александра I. После возвращения из-за границы граф постоянно жил в Грузине, изредка выезжая к друзьям и родственникам, полностью отойдя от какой бы то ни было политической деятельности.

В последние годы жизни Аракчеев особенно много занимается устройством имения, старается вникнуть во все стороны хозяйственной жизни, читал много литературы по экономике. Его крестьяне в целом жили в достатке. Большинство домов крестьян были крыты железом, в Грузине был госпиталь, где крестьяне могли получить бесплатную медицинскую помощь, здесь же по инициативе Аракчеева был создан заёмный банк для крестьян, где они были обязаны брать ссуды для покупки семян, скота и т. д. Дороги в имении были в основном с твёрдым покрытием, их исправность поддерживалась самими крестьянами. Аракчеев очень строго наказывал за пьянство и нерадение к хозяйству. Само Грузино было обустроено по проектам лучших архитекторов и художников того времени.

После смерти Александра I Аракчеев составил завещание на сумму 50 тыс. руб. для написания полной и достоверной книги о жизни и деятельности своего покровителя, которую следовало издать через сто лет, когда этот капитал должен был вырасти минимум до 800 тыс. рублей. Очевидно, Аракчеев не боялся суда истории и ждал времени, когда страсти вокруг его имени улягутся и он сможет рассчитывать на объективную оценку своей деятельности.

В 1833 г. Аракчеев внёс в Императорскую Сохранную казну государственными ассигнациями 300 тыс. рублей «на вечные времена, неприкосновенно». На проценты с этих денег должны были постоянно содержаться

12 воспитанников Новгородского кадетского корпуса. Император приказал им именоваться Аракчеевскими и носить на погонах буквы «Г. А.». После смерти Аракчеева, поскольку он не вписал в завещание имени наследника, Николай I особым указом передал Грузинское имение, а также деньги, вырученные от продажи принадлежавших Аракчееву недвижимости и движимого имущества в Петербурге с аукциона, в распоряжение Новгородского кадетского корпуса, который стал именоваться Аракчеевским. Сюда же была передана значительная часть богатейшей библиотеки Аракчеева, составляющей 15 тысяч томов, в том числе на иностранных языках, и его архива. Скончался Аракчеев 21.04.1834 в Грузино.

Литература

1. Аракчеев: свидетельства современников [Текст]. – М. : Новое лит. обозрение, 2000. – 496 с.
2. Богданович, П.Н. Аракчеев. Граф и барон Российской империи. (1769–1834) [Текст] / П.Н. Богданович. – Буэнос-Айрес, 1956. – 138 с.
3. Бочкарев, В.Н. Консерваторы и националисты в России в начале XIX века [Текст] / В.Н. Бочкарев // Отечественная война 1812 года и русское общество. – М., 1911. – Т. 2. – С. 194–220.
4. Булич, Н.Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века [Текст] / Н.Н. Булич. – СПб., 1912.
5. Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I [Текст]. – М. : Богородский печатник, 1999. – 320 с.
6. Записка о крамолах врагов России [Текст] // Русский Архив 1868. Стлб. 1329–1390.
7. Исповедь Шервуда-Верного [Текст] // Исторический вестник. – 1896. – № 1.
8. Кандаурова, Т. Гений зла и блага. Слово в защиту Аракчеева [Текст] / Т. Кандаурова // Родина. – 2000. – № 3. – С. 56–60.
9. Карнович, Е.П. Архимандрит Фотий, настоятель Новгородского Юрьева монастыря [Текст] / Е.П. Карнович // Русская Старина. – 1875. – Т. XIII. – С. 439–489.
10. Кондаков, Ю.Е. Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время [Текст] / Ю.Е. Кондаков. – СПб. : Рос. нац. б-ка, 2000. – 312 с.
11. Кондаков, Ю.Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825) [Текст] / Ю.Е. Кондаков. – СПб. : Нестор, 1998. – 224 с.
12. Кондаков, Ю.Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века [Текст] / Ю.Е. Кондаков. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. – 334 с.
13. Минаков, А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX в. [Текст] / А.Ю. Минаков. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2011. – 546 с.
14. Морошкин, М.Я. Иезуиты в России с царствования Екатерины II и до нашего времени [Текст] / М.Я. Морошкин. – СПб. : Тип. 2-го отд-ния Собств. е.и.в. канцелярии, 1870. – Ч. 2.
15. Новый энциклопедический словарь / под ред. Арсеньева [Текст] / Издатели Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. – СПб. – Т. 3.
16. Погодин, М.П. Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников [Текст] / М.П. Погодин. Материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями. – М., 1866. – Ч. II.
17. Попов, А.Н. Эпизоды из истории 1812 г. [Текст] / А.Н. Попов // Русский архив 1892. – № 5. – Стлб. 398–418.
18. Предтеченский, А.В. Очерки общественно-политической истории в первой четверти XIX века [Текст] / А.В. Предтеченский. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1957. – 465 с.
19. Причины преследования М.Л. Магницкого, им самим описанные [Текст] // Русская Старина. – 1901. – Т. 105. – № 3. – 1826. – Март. – С. 678–684.
20. РГАЛИ. Ф. 1179. Оп. 2. Ед. хр. 16. Уваров С.С.
21. Стурдза, А.С. О судьбе Православной Церкви Русской в царствование императора Александра I [Текст] / А.С. Стурдза // Русская Старина. – 1876. – Т. XV. – № 2. – С. 266–288.

22. Томсинов, В.А. Временщик (А.А. Аракчеев) [Текст] / В.А. Томсинов. – ТЕИС, 1996. – 272 с.
23. Фёдоров, Б.М. Пятидесятилетие литературной жизни С.Н. Глинки [Текст] / Б.М. Фёдоров. – СПб. : [Б. и.], 1844. – 31 с.
24. Фёдоров, В.А. М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев [Текст] / В.А. Фёдоров. – М., Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 256 с.
25. [Фотий Спасский] Автобиография Юрьевского архимандрита Фотия [Текст] // Русская Старина. – 1895. – Август. – Т. 84. – С. 169–220.
26. [Фотий Спасский] Автобиография Юрьевского архимандрита Фотия [Текст] // Русская Старина. – 1895. – Ноябрь. – С. 207–236.
27. [Фотий Спасский] Автобиография Юрьевского архимандрита Фотия [Текст] // Русская Старина. – 1896. – Июль. – Т. 87. – С. 163–199.
28. [Фотий Спасский] Автобиография Юрьевского архимандрита Фотия [Текст] // Русская Старина. – 1896. – Август. – Т. 87. – С. 423–443.
29. Шильдер, Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. – СПб., 1898. – Т. 4. – 651 с.
30. Щебальский, П.К. А.С. Шишков, его союзники и противники [Текст] // Русский вестник. – 1870. – Т. 90. – № 11–12. – Паг. 1. – С. 193–254.
31. Шишков, А.С. Записки, мнения и переписка [Текст] / А.С. Шишков. – Берлин : Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина, 1870. – Т. 2.
32. Эткинд, А. «Умирающий Сфинкс»: круг Голицына – Лабзина и петербургский период русской мистической традиции [Текст] / А. Эткинд // Studia Slavica Finlandesia. – Helsinki, 1996. – С. 17–46.
33. Ячменихин, К.М. Алексей Андреевич Аракчеев [Текст] / К.М. Ячменихин // Вопросы истории. – 1991. – № 12. – С. 37–50.
34. Ячменихин, К.М. Алексей Андреевич Аракчеев [Текст] / К.М. Ячменихин // В сб.: Российские консерваторы. – М., 1997.
35. Ячменихин, К.М. «Аракчеевщина»: историографические мифы [Текст] / К.М. Ячменихин // Консерватизм в России и мире : в 3 ч. – Воронеж, 2004. – Ч. 1. – С. 117–128.
36. Martin, A. Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I [Text]. – DeKalb, Northern Illinois University Press, 1997. – 294 p.

ББК 63.3(2)521.2-4
УДК 94:329.11(47+57)"182"

М.Д. КАРПАЧЕВ

M.D. KARPATCHEV

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ В РОССИИ НАКАНУНЕ ПАДЕНИЯ КРЕПОСТНОГО ПРАВА: ИСТОКИ КОНФЛИКТА

SOCIETY AND THE AUTHORITIES IN RUSSIA ON THE EVE OF SERFDOM FALLING: CONFLICT SOURCES

В статье анализируются исторические условия возникновения глубокого политического конфликта между властью и просвещённым обществом в России накануне и в период подготовки великих реформ 1860-х гг. Показан процесс нарастания противоречий в общественном движении предреформенной поры. Дана оценка отношения власти к обществу перед отменой крепостного права.

The article is devoted to the historical conditions of the political conflict between the authorities and informed society in Imperial Russia after Eastern War (1853–1856) and on the eve of Great Reforms of the 1860s. The process of contradictions growth in Russian social life before 1860 is demonstrated in the article. The article shows examines the authorities treatment of society before serfdom revocation in the 1850s.

Ключевые слова: самодержавие, кризис политики, общественное движение, освободительные реформы, либерализация, власть, истоки конфликта.

Key words: the Russian Autocracy, the political crisis, social movements, liberal reforms, liberalization, the authorities, conflict sources.

С раннего средневековья сложный процесс развития Русского государства сопровождался усилением монархической власти. К XVIII в. самодержавие фактически монополизировало право выбора путей социально-политического, экономического и даже культурного развития населявших страну народов. В эпоху существования империи о реальном партнёрстве между обществом и коронными властями не могло быть и речи. При этом идеологи российского монархизма искренне считали отечественное государственное устройство оптимальным для своей страны. Высшим достоинством неограниченного самодержавия считалась его внутренняя стабильность. Кроме того, исторической заслугой монархии признавалось обеспечение ею внешних условий становления России как великой державы. Самодержавно-крепостническая страна вышла победительницей в войне с могущественной наполеоновской Францией, а царь Александр I в качестве лидера победившей коалиции европейских держав вступил весной 1814 г. в Париж. После Венского конгресса Россия уверенно играла роль одной из самых влиятельных сил в мировой и европейской политике.

Представление о неограниченном самодержавии как о наиболее оптимальной в геополитических и социально-экономических условиях России форме государственного устройства лежало в основе монархизма, прочно вошедшего в сознание широких народных масс. Такой народный монархизм на протяжении многих веков был важнейшим компонентом политической культуры российского общества. В исторической публицистике он нередко именуется наивным. Однако наивным он был только внешне, поскольку монархический принцип принимался массовым сознанием на веру, без излишней аргументации. По существу же в политическом менталитете русского народа наивного было мало. Понятия о долге перед родиной и о царской воле в народном сознании были неотделимы, что, в свою очередь, являлось усло-

вием морально-политической устойчивости растущего российского общества. Российское самодержавие имело не столько классовые, сколько глубокие народные корни.

Но рост внешнего могущества самодержавной империи в XIX в. стал все более ощутимо замедлять развитие общественной жизни. Внушительная концентрация политической мощи в руках государства обернулась проигрышем в темпах социально-экономического и культурного развития в сравнении с переживавшими эпоху промышленной революции странами Запада. Поражение в Крымской войне вызвало тяжёлое потрясение всего общественно-политического строя России. Со второй половины 1850-х гг. в стране поднимается волна небывалого прежде общественного возбуждения. Русское общество получило тяжёлый удар по самолюбию: десятки лет оно мирилось с недостатком предприимчивости и низким уровнем жизни ради внешнего (главным образом военного) могущества государства. Огромная страна, располагавшая колоссальными ресурсами, в том числе и военными, оказалась не в силах противостоять коалиции западных держав. Между тем со времени крушения наполеоновской империи прошло всего сорок лет. Казалось, что сила и могущество России фатальным образом иссякли за годы торжества николаевской системы.

Фактор внешней угрозы с Запада сыграл решающую роль в развития внутреннего кризиса самодержавно-крепостнической системы. Без чувствительного военно-политического удара старый режим в России вполне мог существовать и дальше. Во всяком случае, абсолютному большинству помещичьих и крестьянских хозяйств экономический кризис прямо не угрожал. Натуральная и в целом самодостаточная крепостническая экономика рыночной конкуренции особенно не боялась. С робкими же проявлениями политической оппозиции правительство научилось справляться относительно легко. Вот почему для многих мыслящих людей России военное поражение царизма выглядело как освежающая гроза, как тяжёлая, но необходимая встряска, побуждавшая к критической оценке положения дел в стране. Подлинные русские патриоты стыдились униженного положения своего отечества, но при этом не хотели победы Николая I. Военный успех мог бы только задержать проведение назревшей реконструкции режима. Как писал в то время С.М. Соловьёв, страшная туча войны не зря надвинулась над Николаем и его делом. Нестерпимо желать победы врагам своей родины, но и победа в тех условиях могла, по мнению историка, рассматриваться как сигнал к дальнейшему сохранению ненавистной авторитарно-бюрократической системы [7, с. 153].

В кругах просвещённого русского общества прежние достоинства режима сразу же обернулись его коренными изъянами – неспособностью обеспечить нужных темпов развития, а, значит, общей косностью, отсталостью и застоем. Впрочем, военное поражение стало лишь наиболее очевидным проявлением несостоятельности николаевской системы. Представление о внутреннем неблагополучии страны постепенно распространялось даже в наиболее благополучные для николаевского царствования годы. Проблема российской отсталости постепенно становилась все более злободневной и не могла не привлекать озабоченного внимания просвещённых представителей общества. В скрытом виде она неизменно присутствовала во время острых дискуссий западников и славянофилов. Поскольку государственная власть превратилась во всеобщего и весьма дотошного надзирателя, постольку долго искать главного виновника застоя не приходилось. Между тем постепенное развитие просвещения создавало условия для проникновения критической мысли в самые разные административные и общественные сферы. Ежегодные выпуски шести российских университетов и других высших учебных заведений неуклонно повышали массу специалистов, склонных к самостоятельному политическому анализу. Со времени начинаний М.М. Сперанского в управленческие структуры все увереннее проходят образованные

чиновники. К концу николаевской эпохи просвещённые управленцы ещё не определяли состава правительственных сфер, но уже уверенно чувствовали себя на ближайших подступах к высшему государственному руководству. В условиях культа николаевской непогрешимости они пока молчали, он уже в 1840-е гг. А.П. Заблоцкий-Десятовский, братья Н.А. и Д.А. Милютины, С.И. Зарудный и им подобные молодые администраторы приступили к сбору объективной информации о волновавших их проблемах развития страны.

Просвещённые чиновники были, несомненно, носителями новой политической культуры. Они, естественно, остро нуждались в общении, в обмене мнениями и в координации усилий. Так как политические объединения были совершенно исключены, их взаимное узнавание проходило на научных, экономических, а то и просто великосветских сообществах. Устойчивой популярностью образованных администраторов пользовались, например, Вольное экономическое общество, а также Русское географическое общество. Тематика занятий этих научно-просветительских учреждений позволяла оттачивать представления о возможных перспективах развития России, в том числе и с учётом опыта промышленных стран Запада. Конечно, близкие по взглядам чиновники стремились помочь друг другу при замещении вакантных должностей. Особенно настойчиво в этом отношении работали некоторые руководители департаментов Министерства внутренних дел.

Большую роль в распространении нового политического мировоззрения сыграли просвещённые и либерально настроенные представители правящей династии. Прежде всего, это относится к великой княгине Елене Павловне, вдове великого князя Михаила Павловича, дяди Александра II. Эта сильная характером и широко образованная женщина сумела превратить свой салон в подлинное прибежище чиновных интеллектуалов, начинавших подвергать критике негативные стороны российской жизни [19, p. 373–387].

В 1850-х гг. у прогрессивно настроенных и просвещённых бюрократов появился ещё один влиятельный патрон – второй сын Николая I великий князь Константин. Ученик известного флотоводца адмирала Ф.Ф. Литке, Константин Николаевич в начале 1853 г. получил под своё управление Морское министерство. Отличаясь большим честолюбием и склонностью к нововведениям, великий князь скоро превратил своё ведомство в своеобразный полигон для обкатки преобразований в системе управления, комплектования и внутреннего устройства одной из важнейших государственных отраслей. Под управление Константина Николаевича постепенно стягивались способные юристы, специалисты в области военного и морского строительства, начинающие политики. Поиск сановной протекции сочетался с естественным отбором людей со сходными представлениями о ближайших перспективах страны. Исподволь, но настойчиво в последние годы николаевского правления в бюрократических структурах шёл процесс консолидации носителей новой политической культуры[1].

Порождённый военными неудачами всплеск уязвлённого национального самосознания сразу же нашёл подготовленную почву. В просвещённых кругах общества и администрации начали озвучиваться скрытые прежде мысли. Прежде всего, стала совершенно очевидной беспочвенность утверждений официальных идеологов о качественном превосходстве государственного и общественного строя России перед «одряхлевшим Западом». «Мы с горестью сознаём, – писали в то время К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин, – что, несмотря на внешнее наше величие, мы перед народами европейскими все ещё ученики; мы видим, что ещё много и много нам предстоит работы

[1]Процессы консолидации просвещённой бюрократии накануне освободительных реформ подробно освещены в содержательных воспоминаниях выдающегося ученого и государственного деятеля П.П. Семёнова-Тян-Шанского, принимавшего вместе с братом Н.П. Семёновым деятельное участие в подготовке крестьянской эмансипации [16].

прежде, нежели мы в состоянии будем померяться с этими могучими бойцами, владеющими всеми средствами образованного мира... Видно ещё не совсем они сгнили, это мы слишком больно чувствуем на своих боках» [5, с. 21].

Очевидное преимущество западных соседей в техническом и культурном развитии сразу же стало связываться с острым недостатком общественной свободы, а, значит, и с общим курсом государственной политики последних десятилетий. Ощущение глубокой ущербности правительственной политики последних десятилетий было настолько сильным, что открытую критику режима не смог остановить даже привычный страх перед скорым на суровые репрессии императором. Ещё в царствование Николая I в просвещённой части русского общества начала формироваться политическая культура своеобразного «самиздата» – появились и начали распространяться рукописные произведения с попытками честного и объективного анализа положения дел в стране.

Особенно сильное впечатление произвели «Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны», созданные известным историком М.П. Погодиным. Как симптом менявшейся политической культуры письма М.П. Погодина были явлением совершенно исключительным. На резкую критику правительственного курса отважился автор, долгое время считавшийся одним из идеологов николаевского самодержавия, причастный к созданию столь любимой царём теории официальной народности. Читателей не могли не удивить отчаянные сентенции близкого ко двору историка: «Сердце обливается кровью, когда подумаешь, в каком глубоком, бесчувственном невежестве мы погрязаем, несмотря на некоторый наружный лоск и даже блеск, и какие усилия должно было употребить правительство для распространения в народе образования». Должно было, однако не употребило. И вина за такое бездействие лежит, по мнению Погодина, на сложившейся системе верховной власти. «Государь, очарованный блестящими отчётами, не имеет верного понятия о настоящем положении России. Став на высоту недосягаемую, он не имеет средств ничего слышать: никакая правда до него достигнуть не смеет, да и не может; все пути выражения мыслей закрыты, нет ни гласности, ни общественного мнения, ни апелляции, ни протеста, ни контроля». И эту закрытую от правды модель управления воспроизводят все подчинённые царю министерства и ведомства, начальники которых представляют собой подобие самодержавных государей. «Всякий думает только о снискании благосклонности начальника предусмотрением его мыслей и желаний, предугаданием его намерений... Все они составляют одну круговую поруку, дружеское тайное, масонское общество, чуют всякого мыслящего, для них противного, и поддерживая себя взаимно, поддерживают и всю систему, систему бумажного делопроизводства, систему взаимного обмана и общего молчания, систему тьмы, зла и разврата, в личине подчинённости и законного порядка»[1]. Ещё несколько лет назад теория официальной народности предписывала непременное восхваление прошлым и настоящим России, а сейчас причастный к её созданию историк вдруг обнаружил «ужасное» состояние Отечества. И это при том, что он рассматривал его только с некоторых сторон. А что было бы, «если бы обозреть все: – судопроизводство, жизнь духовенства, дворянское воспитание, столичную роскошь, взяточничество, под всеми его видами, проникнувшее до самого престола?»

Столь тягостное положение страны М.П. Погодин объяснял грубыми просчётами самодержавной власти, вызванными ложным страхом перед возможностью иметь у себя в стране западную революцию. Но такая мотивация власти не имела, по мнению историка, реальных оснований. У нас, заявлял он, нет сил, способных на серьёзную политическую оппозицию. «Миробо для нас не страшен, но для нас страшен Емелька Пугачёв. Ледрю

[1]Погодин, М.П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853–1856. – М., 1874. – С. 259–263.

Роллен со всеми коммунистами не найдут у нас себе приверженцев, а перед Никитой Пустосвятом разинет рот любая деревня. На сторону к Мадзини не перешатнётся никто, а Стенька Разин лишь кликни клич! Вот где кроется наша революция, вот откуда грозят нам опасности, вот с которой стороны стена наша представляет проломы, – перестаньте же возиться около западной почти совершенно твёрдой, и принимайтесь чинить восточную, которая почти без присмотра валится и грозит падением!» [14, с. 259–263].

Это был прямой упрёк императору за неверно выбранные приоритеты во внутренней политике. «Восточная стена» угрожала падением из-за явного невнимания к просвещению народа, из-за неразумного стеснения общественных инициатив. Столь резкие и открытые упрёки были бы совершенно немыслимы в предвоенные годы апогея николаевского самовластия. А в 1854 г. смелые выпады М.П. Погодина не навлекли на него никаких репрессий. Больше того, многие представители высшей власти передавали историку слова сочувствия и поддержки, и Николай I ограничился скромным замечанием о том, что публицист, вероятно, по своему прав, но монарху с высоты трона виднее [14, с. 259–263].

Такая необычная реакция царя свидетельствовала о том, что он способен был признать правоту основных упрёков. В конце своего царствования Николай I убедился в несостоятельности созданной им после декабристского мятежа политической системы. Нерешительность ослабевшего императора свидетельствовала о том, что позиции носителей политического консерватизма были основательно подорваны. И, напротив, зревшие под спудом государственного деспотизма силы общественного обновления определённо вступили в полосу подъёма. Публицистический почин М.П. Погодина получил внушительную поддержку. В своём обращении к А.И. Герцену К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин имели все основания заявить: «У нас теперь все пришло в движение; все, что есть порядочного в обществе устремило взоры и внимание на исправление внутренней нашей порчи, на улучшение законов, на искоренение злоупотреблений. Мы думаем об том, как бы освободить крестьян без потрясения всего общественного организма, мы мечтаем о введении свободы совести в государстве, об отменении или по крайней мере об ослаблении цензуры» [10, с. 164].

Собственно, об этом же мечтал и сам А.И. Герцен, основавший в лондонской эмиграции Вольную русскую прессу ещё в конце николаевского царствования. К середине 1850-х гг. оппозиционные зарубежные издания наряду с рукописными материалами отечественного происхождения встали у истоков освободительной политической мысли, неуклонно расширяя затем своё влияние и на общество и на власть.

Для первых оппозиционных выступлений было характерно вполне естественное стремление выяснить очевидные ошибки уходившей эпохи. Исторически сложившаяся система самодержавного государственного устройства сама по себе поначалу не вызывала особых сомнений. Зато политика наиболее последовательного самодержца подверглась буквально фронтальной критике. «Главный недостаток царствования Николая Павловича тот, – резюмировал А.В. Никитенко, – что все оно – ошибка. Восставая целые двадцать девять лет против мысли, он не погасил её, а сделал оппозиционной правительству» [5, с. 21–22].

Практически все оппоненты Николая I сходились на том, что монарх явно переоценил опасность мятежа 14 декабря 1825 г. В публицистике уже первых военных лет настойчиво зазвучала мысль о том, что император извлёк неверные уроки из восстания декабристов. Сильная и уверенная в себе власть не должна ставить свой политический курс в зависимость от угроз, большую часть которых вообще можно было считать мнимыми. Тем более недопустимо сводить главные цели царствования к исключительному охранительству. «Из опасения, чтобы не повторились у нас явления 14 Декабря, которого однако разительный неуспех явно свидетельствовал о совершенном

отсутствии в народе даже тени сочувствия к таким переворотам, меры предосторожности со стороны правительства стали на первом плане и заслонили собой все прочее», – писал в «Мыслях вслух об истёкшем тридцатилетии России» критик Н.А. Мельгунов [13, с. 67]. Вместо того, чтобы руководить процессом просвещения и воспитания подданных на лучших примерах культурных и более свободных стран, власть заняла сугубо оборонительную, а потому деструктивную позицию, поскольку резко ограничила возможности роста общественного самосознания. Впрочем, некоторые авторы в таком грехе упрекали не одного только Николая I. О чрезмерной подозрительности самодержавного режима ко всякому живому и свободному слову заговорили многие публицисты. Адресуясь к Герцену, Кавелин и Чичерин признали: «Система предупреждений политических преступлений дошла у нас до того, что русской мысли нельзя было дышать под невыносимым гнётом. Так для её развития пропали целые сорок лет мира и спокойствия, когда она могла бы сложиться и окрепнуть в разумную форму» [5, с. 75].

Серьёзный упрёк был брошен монарху и за неверную политику по отношению к западным странам. Царя упрекали за чрезмерное самомнение, за грубые просчёты во внешней политике, в результате чего Россия не только оказалась без союзников, но и получила в общественном мнении большинства европейских государств крайне негативные оценки.

Конечно, начавшаяся критика николаевской политики не могла быть в тот период взвешенной и объективной. Горечь от унизительных поражений была для этого слишком сильной. В известной степени Николаю I мстила та самая система власти, которую он так ревностно защищал в течение всего своего царствования. Самодержец не желал поступаться авторитарной властью, поэтому ему и не с кем было разделить ответственность за случившиеся со страной невзгоды.

Рисовавшийся обиженным россиянам образ Николая – виновника поражений был, конечно, не вполне адекватен оригиналу. Реальный самодержец не был безнадёжно глух к проблемам развития и обновления своей страны. Хорошо известно, что Николай I тяготился присутствием в российской жизни тяжёлой проблемы крепостного права. Ещё в 1839 г. шеф III Отделения А.Х. Бенкендорф сделал в своём конфиденциальном отчёте красноречивое заявление о том, что крепостное право может сыграть роль пороховой бочки под зданием государства. Едва ли руководитель спецслужбы того времени отважился на столь рискованную фразу, если бы не чувствовал настроения царя. Да и сам Николай выражал желание устроить судебный процесс крепостного права. Однако недостаток ясного представления о возможных последствиях крестьянского освобождения, скрытое, но весьма упорное противодействие планам серьёзных нововведений со стороны большинства высших руководителей страны, а также беззастенчивая лесть в адрес монарха по поводу достигнутой им внутренней стабильности государства остановили развитие инициатив в освободительном направлении. Николаю I, иначе говоря, не хватило воли и политического кругозора для принятия мер, в целесообразности которых он, в общем, не сомневался. Ему, конечно, были хорошо известны великосветские занятия либеральных родственников. И он, при всей своей твёрдости, не стал им мешать.

Впрочем, критиков монарха беспокоили не тайные изгибы николаевской политики. Монарх в любом случае отвечал в России за все, а за позор национального унижения – в первую очередь. И только монарх мог и должен был возглавить процесс целительного обновления Отечества. Даже упомянутые уже корреспонденты А.И. Герцена не видели в России никакой иной, способной на конструктивные нововведения силы, кроме самодержавной власти царя. Ни о каких общественных альтернативах ей в то время не могло быть и речи. «Если правительство вздумает продолжать идти по тому же пути, ему по-прежнему нечего опасаться ни восстаний, ни заговоров, ни тайных обществ». Но в таком случае силы государства иссякнут сами собой. Прави-

тельство просто «загубит страну, иссушит все её живые соки, и положение наше, внутри и вне, будет ещё мрачнее, ещё достойнее слез, чем теперь. Бог, история покажет; а люди, русские люди всё-таки бунтовать не станут, потому что некому, потому что нет у нас бунтовщиков» [5, с. 13]. К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин сильно заблуждались. Бунтовщики в России, конечно, были. И очень скоро либеральные публицисты сами удивятся их количеству. Но в данном случае они передавали господствовавшее общественное настроение – стране в очередной раз остро понадобился монарх-преобразователь.

Сказанное выше может отчасти объяснить, почему свершившаяся в феврале 1855 г. смена царствования стала событием эпохального значения. Надежды сторонников преобразований сразу же сконцентрировались на личности молодого царя Александра II. В развитии общественно-политической мысли наступил исторический перелом. Освободительные мотивы получили новые и решающие стимулы для своего утверждения. Как часто случалось (и случается) в России, приход нового властителя вызвал прилив надежд на перемены к лучшему, в том числе и во взаимоотношениях власти и общества. Правда, общественному мнению было известно, что до восшествия на престол великий князь Александр Николаевич не отличался особой склонностью к начинаниям либерального свойства. Нерешительный по характеру наследник был неизменно в тени своего властного отца.

Однако сторонники преобразований имели определённые основания надеяться на молодого императора. Прежде всего, в обществе знали о предсмертном признании Николая I, имевшего мужество сказать сыну о тяжёлом состоянии страны. А, значит, и о грузе нерешённых проблем, свалившемся на плечи наследника. Кроме того, оптимизм вселяли укоренившиеся представления о мягком и гуманном характере Александра, о благотворном влиянии на него воспитательной программы поэта-сентименталиста В.А. Жуковского. Принимая престол в драматических обстоятельствах неудачной войны и поднимавшейся волны общественного недовольства, молодой монарх не мог разрушить сложившегося вокруг его имени политико-культурного образа. Морально он был просто обязан начать инициативы по реализации отцовского напутствия, вопреки даже собственным страхам перед возможными трудностями и при отсутствии чётких представлений о конкретном содержании предстоящих преобразований [5, с. 18]. Вокруг Александра II сразу сложилась атмосфера высоких ожиданий. «Мы все, – восклицал в марте 1855 г. Н.А. Мельгунов, – простираем руки к престолу и молим: простору нам, державный царь! Наши члены онемели; мы отвыкли дышать свободно. Простор нам нужен как воздух, как хлеб, как свет Божий! Он нужен для каждого из нас, нужен для всей России, для её процветания внутри, для её ограждения и крепости извне» [6, с. 149]. Такой порыв не мог не учитываться молодым императором.

Острая необходимость в новом политическом мышлении была очевидной. Однако положение Александра II было очень сложным. И он сам, и его ближайшее окружение в начале царствования не имели и не могли иметь сколько-нибудь определённой программы действий. Формулу и алгоритм преобразований ещё предстояло найти. Ясно было только одно – самодержавную политическую систему предстояло совместить с ускоренным развитием социально-экономических и культурных процессов. Иначе говоря, к статичной по своему характеру модели политического устройства необходимо было привить динамичную экономику, современное правосознание и культуру в общественной жизни. Спустя шесть лет после воцарения в пометах на докладе министра внутренних дел П.А. Валуева император так формулировал задачи своей политики: «Цель движения мною неоднократно была указана и вам и всем прочим министрам. Прежде всего, я желаю, чтобы Правительственная власть была властью и не допускала никаких послаблений и чтобы всякий исполнял свято лежащую на нем обязанность. Вторая же: стремиться к постепенному исправлению тех недостатков в нашей администрации, ко-

торые все чувствуют, но при этом не касаясь коренных основ Монархического и Самодержавного правительства» [5, с. 149]. Это была вполне естественная для российского монарха позиция. Рисковать исторически сложившимися устоями государственной жизни он не мог, но и стоять на месте – тоже.

Начало царствования открыло новую эпоху в политической истории России. Атмосфера всеобщего ожидания была настолько сильной, что уже первые мероприятия приобрели символическое значение. Немедленные нововведения были невозможны, зато вполне доступными оказались шаги по устранению наиболее одиозных атрибутов николаевского правления. Прежде всего, были приняты меры по устранению чрезмерных цензурных ограничений, характерных для последних лет николаевского царствования. Без гласного обсуждения сложившейся в стране ситуации и способов избавления от наиболее очевидных недостатков нельзя было поставить точного диагноза социального недомогания страны, а, значит, и выработать программу правительственных действий. Кроме того, широкое распространение рукописных памфлетов, а также изданий герценовской Вольной русской прессы оставляли не у дел старую охранительную систему в области печати. 6 декабря 1855 г. состоялось закрытие комитета о печати, с деятельностью которого в сознании современников связывалась «эпоха цензурного террора».

Такое движение власти дало мощный дополнительный толчок развитию политической публицистики. Широкую известность в обществе приобрели энергично составленные записки К.Д. Кавелина, К.С. Аксакова, А.И. Кошелева, продолжал писать свои «Политические письма» М.П. Погодин. Сотни рукописных текстов с анализом социальных, правовых, финансовых и других животрепещущих проблем русской жизни вполне открыто циркулировали как в общественных, так и административных кругах. Оживлённые дискуссии о путях и способах предстоящих преобразований резко контрастировали с глухим молчанием совсем ещё недавних лет. «Здесь, в Петербурге, – писал в начале 1856 г. К.Д. Кавелин, – общественное мнение расправляет все более и более крылья. Нельзя узнать больше того караван-сарая солдатизма, палок и невежества. Все говорит, все толкует вкось и вкривь, иногда и глупо, а всё-таки толкует и через это учится если лет пять-шесть так продлится, общественное мнение, могучее и просвещённое, сложится, и позор недавнего ещё безголовья хоть немного изгладится» [3, с. 192]. Чрезмерный оптимизм кавелинских ожиданий «могучего и просвещённого» общественного мнения сам по себе характерен для начала нового царствования. Выходя после длительного застоя к свету, молодая общественная мысль воспринимала каждое движение власти как залог скорых, благодетельных и, главное, успешных реформ.

Подобные процессы шли не только в столице. «Кто не был свидетелем этой поры, – замечал И.С. Аксаков, – тому и не представить себе – каким движением внезапно была объята Россия. Откуда не возьмись, «общественное мнение», – которого и существования не подозревали, и в принципе не признавали, – явилось такою неодолимой нравственной силой, которой никакая в мире живая, личная власть не могла сопротивляться. Словно неистовством вешних вод прорвало плотину, и помчался бурный мутный поток, неся на хребте – вместо льдин и мусора – протесты, укоры, беспощадную критику прошлого тридцатилетия и бесчисленные предположения реформ» [2, с. 210]. Свободно выраженные мысли были настолько ещё непривычны, что они, конечно, производили сильное впечатление на власть, но оставались пока только нравственным фактором эпохи. И.С. Аксаков подчеркнул это не случайно.

О готовящихся переменах в концепции царствования свидетельствовал и Высочайший манифест 19 марта 1856 г., объявлявший о заключении Парижского мира: «При помощи Небесного промысла, всегда благодетельного России, да утверждается и совершенствуется её внутреннее благоустройство; правда и милость да царствует в судах её, да развивается повсюду и с новой силой стремление к просвещению и всякой полезной деятельно-

сти, и каждый под сенью законов, для всех равно справедливых, всем равно покровительствующих, да наслаждается в мире плодами трудов невинных» [1, с. 164]. Крепостническая действительность никак не соответствовала риторике о законах, для всех равно справедливых, а также со стремлениями к просвещению и «всякой полезной деятельности».

Заключение мира закономерно воспринималось как необходимое условие для решения освободительных по отношению к русскому обществу задач. «Хорошо, что мы заключили мир, – заявил императору А.М. Горчаков, – дальше мы воевать не в силах. Мир даёт нам возможность заняться внутренними делами, и этим должно воспользоваться. Первое дело – нужно освободить крестьян, потому что здесь узел всяких зол» [9, с. 17]. Чрезвычайно характерная ситуация для политической культуры того времени: министр свободно толкует с царём о ликвидации крепостничества, между тем гласное обсуждение этого вопроса было ещё категорически запрещено.

Однако утаить от общества перемены в настроении правящих сфер было невозможно. Первых намёков власти на необходимость внутренних преобразований вполне хватило для бурного подъёма общественных настроений. «Как только Крымская война кончилась, все дохнули новым, более свободным воздухом, все, что было в России интеллигентного, с крайних верхов и до крайних низов, начало думать, как оно ещё никогда не думало... Все стали думать, и думать в одном направлении, в направлении свободы, в направлении разработки лучших условий жизни для всех и каждого», – вспоминал видный деятель демократического движения Н.В. Шелгунов [18, с. 191].

Тем временем правительство продолжало подогревать общественный оптимизм. Просвещённые круги общества с энтузиазмом воспринимали известия о снятии ограничений с издания произведений А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя, о небывалых прежде высказываниях высших должностных лиц в пользу «разумной гласности», необходимой как для выяснения причин отечественных неустройств, так и для выбора нужных средств по их преодолению. Ещё совсем недавно правительство всячески стесняло периодическую печать, теперь же открыть новый журнал можно было без особых затруднений. В Москве, например, началось издание «Русского Вестника», журнала, вокруг которого либерально настроенный в ту пору М.Н. Катков сумел объединить выдающиеся литературные силы. Славянофилы приступили к изданию журнала «Русская Беседа», а «Современник» Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова и Н.А. Некрасова стал быстро увеличивать свои тиражи, привлекая читающую публику смелостью тем и самостоятельностью суждений.

Сильное впечатление на общественность произвела амнистия жертв политических преследований минувшего царствования, прежде всего декабристов и петрашевцев. Вчерашние «злодеи» теперь воспринимались как достойные граждане, нравственные качества и политические убеждения которых оказались вполне созвучными новой эпохе. Росту освободительных общественных настроений способствовали и такие меры, как снятие ограничений для университетов по количеству принимаемых студентов, устранение излишних преград для желающих и имеющих возможность выехать за границу. Все эти движения высшей власти так резко контрастировали с прожитой эпохой, что их естественным следствием стало возникновение обстановки чрезвычайных общественных ожиданий и бурного формирования широчайшего спектра социально-политических идей. А.И. Герцен не случайно назвал первые годы после Парижского мира «нашей утренней зарей», «величественной увертюрой», во всем её «юном, поэтическом, широком, богатом значении. В ней слышались зародыши всей будущей оперы, все её мотивы... Масса идей, идеалов, вопросов, сомнений, фактов, ринутых в оборот, в общее брожение в продолжение семи лет, изумительна» [4, т. 20, с. 11].

Однако на первых порах самой заметной и внушительной реакцией общественной мысли стала «беспощадная критика» российской жизни, о которой так выразительно говорил И.С. Аксаков. Лидер славянофилов и сам де-

ятельно участвовал в подъёме критической волны. В ноябре 1855 г. в одном из своих писем он так оценивал положение дел в родной стране: «Ах, как тяжело, как невыносимо тяжело порою жить в России, в этой вонючей среде грязи, пошлости, лжи, обманов, злоупотреблений, добрых малых-мерзавцев, хлебосолов-взяточников, гостеприимных плутов-отцов и благодетелей взяточников!.. Чего ожидать от страны, создавшей и выносящей такое общественное устройство, где надо солгать, чтоб сказать правду, надо поступить беззаконно, чтобы поступить справедливо, надо пройти всю процедуру обманов и мерзостей, чтобы добиться необходимого законного!» [15, с. 15]. Негодующим набатом звучали широко распространившиеся в рукописном виде стихи ещё одного теоретика славянофилов А.С. Хомякова. Преклоняясь перед Богом избранной Россией, он, тем не менее восклицал:

«Но помни: быть орудьем Бога
Земным созданьям тяжело;
Своих рабов он судит строго, –
А на тебя, увы! Как много
Грехов ужасных налегло!
В судах черна неправдой чёрной
И игом рабства клеймена:
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мёртвой и позорной,
И всякой мерзости полна!» [10, с. 12].

Такого потока обличений, шедших буквально со всех сторон никогда ещё в России не бывало. Общественная мысль брала своеобразный, но, увы, закономерный реванш за долгие и унизительные стеснения.

Конечно, критика такого рода страдала эмоциональными перехлёстами. Если бы положение дел было действительно настолько ужасным, то пришлось бы действительно вслед за Чаадаевым признать, что ничего достойного внимания ни в прошлом, ни в настоящем России нет, а будущее не может внушать никакого оптимизма. Спустя годы сторонники преобразований давали гораздо более взвешенную и объективную оценку минувшей эпохе. Современники обращали внимание на успехи в развитии просвещения при министерстве С.С. Уварова, на мероприятия по укреплению правопорядка, на определённый прогресс в развитии промышленности и городской культуры. Негативно относившийся к формализму и казёнщине, присущим николаевскому царствованию, Д.А. Милютин, тем не менее, отмечал: «Однако ж, при всем этом, было бы несправедливо отрицать громадные успехи, сделанные в это 30-летнее царствование во всех отраслях государственного устройства России; во всем же, что было сделано в этот период, Государю принадлежало личное, непосредственное руководство» [12, с. 326].

Впрочем, на стыке эпох общественности было не до спокойного анализа только что завершившегося этапа. Волна разоблачительной литературы преследовала совсем иную цель. Заинтересованные в переменах круги общественности стремились, прежде всего, к расчистке строительной площадки для здания будущих реформ. Резкие осуждения недавнего прошлого призваны были убедить как общество, так и властные структуры в абсолютной неотвратимости коренной перестройки всей системы социально-экономических и политико-культурных отношений. Готовилась, иными словами, идейно-психологическая почва для перехода к коренным реформам освободительного характера.

Характерной особенностью начинавшегося общественного подъёма был рост надежд на благотворные для судьбы Отечества царские инициативы. Иного, впрочем, не могло поначалу и быть. На исходе самодержавно-крепостнической эпохи русское общество не располагало даже минимальным политическим опытом, а потому и не могло мыслить себя в качестве субъекта государственной жизни. О монаршей воле как главном творце грядущих

реформ традиционно рассуждали лидеры славянофилов. Ведущие представители умеренного западничества К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин также не представляли себе сколько-нибудь существенных перемен без руководства со стороны высшего правительства. «Мы готовы, – заявляли они, – столпиться около всякого сколько-нибудь либерального правительства и поддерживать его всеми силами, ибо твёрдо убеждены, что только через правительство у нас можно действовать и достигнуть каких-нибудь результатов» [5, с. 22].

Надежды на преобразовательные возможности монархии разделяли в ту пору и идеологи формировавшейся демократии. Уже успевший заявить о своей готовности защищать интересы крестьянства Н.Г. Чернышевский поначалу тоже не скрывал своих расчётов на просвещённого монарха. Я думаю, заявлял он, «что единственная и возможно лучшая форма правления есть диктатура или лучше наследственная ограниченная монархия, но которая понимает своё назначение; – что она должна стать выше всех классов и собственно создана для покровительства угнетённых» [17, с. 121].

Самые радужные надежды на молодого императора до начала реформ питали даже «лондонские пропагандисты». А.И. Герцен поспешил обратиться к Александру II фактически сразу после воцарения. Напомнив царю, что его воспитал поэт, которого любила Россия, он выразил пожелание, чтобы молодой государь дал свободу русскому слову, смыл с России «позорное пятно крепостного состояния» и при этом отдал землю крестьянам [4, т. 12, с. 273–274]. А в тогда ещё не опубликованной статье Н.П. Огарёва «Что бы сделал Пётр Великий?» высказана не слишком оригинальная для русского сознания мечта о новом царе-преобразователе: «В наше время Пётр Великий с неутомимой деятельностью и гениальной быстротою – уничтожил бы крепостное право, преобразовал бы чиновничество и возвысил бы значение науки. Тогда бы Россия отдохнула и ожила бы к новой, великой умственной и промышленной деятельности, правительство блистательно стало бы в уровень с современной задачей русского развития» [11, с. 321].

Естественно, что в политической мысли того времени конструировался не универсальный образ благодетельного монарха, а только такой, который соответствовал бы желаниям определённого направления. Всеобщие энтузиазм и единодушие были и кратковременны и иллюзорны. Беспредельные надежды на монарха разнородные общественные силы могли питать только до тех пор, пока верховная власть не приступила к конкретным созидательным действиям. Поскольку император никак не мог удовлетворить завышенных ожиданий самых разных общественных сил, постольку оптимизм неизбежно должен был скоро обернуться разочарованием, досадой и даже ненавистью.

К времени коронации Александру II и его ближайшим советникам стало ясно, что первоочередной задачей царствования стало решение проблемы ликвидации крепостного права. Однако царю были совсем ещё не ясны пути и методы её исполнения. Предстоящая реформа страшила своей масштабностью: предстояло радикальным образом изменить условия жизни громадных масс сельского населения, да и всей страны в целом. При этом верховная власть понимала, что в своих начинаниях она не может полагаться на сознательную поддержку массовых общественных сил. Развитых и политически организованных слоёв собственников в России не было (а при крепостном праве и не могло быть), силы же просвещённых интеллектуалов при сопоставлении их с массой населения и с масштабами грядущих преобразований были просто ничтожны. Самодержавие могло положиться только на силу своего административного аппарата, что, в принципе, было для него делом естественным и привычным. Непривычной была лишь сама задача народного освобождения. Никто не мог дать точного прогноза всех последствий свободы для не привыкшего к ней общества.

Низкий уровень политической культуры всех слоёв русского общества заставлял сторонников реформ строить преобразовательные планы, прежде всего, в расчёте на ведущую роль самодержавной власти. Просвещён-

ная монархия виделась им (и в общем вполне обоснованно) как фактически единственная надёжная опора для приверженцев реформ. Поэтому отмена крепостного права и связанные с ней другие реформы должны были, с их точки зрения, проводиться при сохранении незыблемых принципов неограниченного самодержавия. Эта позиция полностью соответствовала политическим убеждениям самого императора. В одной из своих помет на докладе министра внутренних дел, Александр II начертал: «Цель движения мною неоднократно была указана и вам и всем прочим министрам. Прежде всего я желаю, чтобы Правительственная власть была властью и не допустила никаких послаблений и чтобы всякий исполнял свято лежащую на нем обязанность. Второе же: стремиться к постепенному исправлению тех недостатков в нашей администрации, которые все чувствуют, но при этом не касаясь коренных основ Монархического и Самодержавного правительства» [3, с. 292].

Сложившаяся в России ситуация ставила власть перед необходимостью проведения модернизации государства собственными ресурсами, не рассчитывая на поддержку политически активных социальных сил. Лидером либеральных по своему содержанию преобразований могла быть только администрация самодержавного монарха, которой, к тому же, предстояло преодолеть сопротивление окружавшей её общественной среды. Поэтому сторонники крестьянской эмансипации из бюрократического лагеря видели в укреплении неограниченной царской власти одно из необходимых условий успеха начинавшегося реформирования. Но такой подход к проведению реформ был чреват серьёзными противоречиями.

Предстоящие изменения должны были всё-таки носить освободительный характер. Кроме того, предстояло найти средства для того, чтобы побудить дворянство принять условия игры и спровоцировать его на организацию «добровольного пожертвования». Без такого «пожертвования» самодержавию пришлось бы принять на себя неприемлемую роль нецивилизованного деспота. Нужно было любой ценой возбудить освободительные дворянские инициативы. А это, в свою очередь, не могло не вести к ускоренной политизации общественной жизни, к обострению идейных разногласий и к росту оппозиционных настроений. Эпоха подготовки реформ стала одновременно и эпохой быстрого формирования и бурного развития всех основных направлений русской общественно-политической мысли.

Между тем, большинство провинциального дворянства с тревогой относилось к правительственным начинаниям и пыталось, по мере сил, предотвратить потерю привилегии на владение крепостными людьми [8, с. 85]. Наряду с этим, создание губернских дворянских комитетов в 1858 г. стало новым сильным фактором в развитии общественно-политической мысли. В 46 комитетов пришлось избрать почти 1 400 депутатов и уже сама кампания выборов разогревала общественные темпераменты дворянства [8, с. 88]. Но ещё важнее было то, что дворянским представителям предстояло выразить свои позиции по сложнейшему вопросу социальной жизни страны, что, несомненно, потребовало определённых усилий по подъёму их политической культуры. В провинциальную жизнь первого сословия властно входили дискуссии политического толка. «Губернские комитеты представляли, – писал наблюдательный современник, – небывалое явление в провинции. Комитетам предстояло разрешение таких вопросов, которые, близко касаясь интересов земледельцев, не могли быть обсуждаемы, а тем менее решаемы без основательного знания современной политической экономии и местной статистики, предметов, немного лет тому назад во многих провинциях известных только понаслышке… Оттого в комитетах тотчас выдвинулись на первый план лица, получившие образование в высших учебных заведениях, усвоившие современные понятия образованного мира об экономических отношениях и проникнутые духом гуманности, который с конца тридцатых годов столь благотворно повеял на молодое русское поколение из университетских аудиторий» [10, с. 48].

Обсуждение предстоящих реформ, а, следовательно, и перспектив социально-политического развития страны постепенно сосредоточилось в двух основных средах – бюрократической и дворянской. При этом либеральные чиновники, основным учреждением которых стали образованные весной 1859 г. Редакционные комиссии, стремились удержать инициативу в своих руках. От дворянства ожидалось только выражение готовности оформить предстоящее освобождение в виде добровольного пожертвования. Однако запущенные властью механизмы активизации политической мысли дворянства оказались слишком сильными. На иной результат, впрочем, было трудно рассчитывать. Дворяне, имевшие почти столетний опыт корпоративной деятельности, не могли так просто смириться с ролью исполнителей бюрократических инициатив. Более того, административный нажим стимулировал развитие естественной реакции противодействия. У значительной части членов губернских комитетов стало нарастать стремление к изменению политического режима, к обузданию всевластия российской бюрократии. Об этом обстоятельстве весьма остроумно и точно говорил в «Письмах без адреса» Н.Г. Чернышевский: «Раз, будучи принуждены обстоятельствами думать об общественных делах, все сословия естественно перешли от частного вопроса, давшего их мысли такое направление, к общему положению вещей и, разумеется, не затруднились сообразить, согласно ли оно с их выгодами. Тотчас же заметили они, что находятся в настоящем порядке черты, одинаково невыгодные для всех сословий, и соединились в желании изменить эти черты» [17, с. 100]. Иными словами, власть сама стимулировала появление общественной оппозиции, в которой дворянству поначалу принадлежала ключевая роль.

Разработчики реформы из правительственного лагеря с большим неудовольствием и тревогой воспринимали сообщения о разгоревшихся в дворянских комитетах спорах. Сторонники крестьянского освобождения имели все основания опасаться, что разноголосая дворянская оппозиция могла подорвать волю монарха к преобразованиям. Поскольку же в решимости царя виделся залог успешного разрешения начатого дела, постольку бюрократы-реформаторы считали абсолютно необходимым ограждение самодержавной власти от возможных посягательств на неё со стороны недовольного дворянства. Складывалась парадоксальная, на первый взгляд, политическая ситуация: либеральная бюрократия – ради успеха освободительных реформ – оказалась крайне заинтересованной в защите принципов неограниченного самодержавия. И напротив, активизировавшиеся круги дворянства были не прочь обуздать «произвол бюрократии» и, отстаивая свои сословные интересы, считали желательным ограничение правительственного самовластия той или иной формой общественного представительства. В завязавшемся противостоянии либеральные бюрократы охотно пользовались политическим оружием консерваторов, а противники крестьянского освобождения – инструментарием либералов. Такая противоречивая коллизия свидетельствовала о том, что социальные силы России ещё только начинали трудный путь политической самоидентификации.

Дворянское недовольство вылилось, в конце концов, в целую серию политических манифестаций. Спектр выступлений представителей первого сословия оказался весьма широким. Среди них были демарши так называемой «партии плантаторов» или, иначе говоря, группы аристократов, заподозренных реформаторами в попытке ограничения самодержавной власти путём введения олигархического правления. С другой стороны, в губернских комитетах прозвучали заявления откровенно либерального толка. Уже само разнообразие проявившихся воззрений было для политической жизни России явлением совершенно новым. Подготовка крестьянской реформы решительным образом меняла общественно-политическую обстановку в стране. Курс на реформы создавал условия для возникновения совершенно новой, несовместимой с традициями российской государственной жизни, политической

культуры. На это обстоятельство обратил внимание наблюдательный мемуарист А.В. Никитенко. Крестьянская реформа, замечал он, приведёт к неминуемой переоценке российских социальных ценностей. «Но как скоро установится идея права между дворянством и ему подвластными, то идея этого права непременно должна проникнуть и в другие общественные отношения, должна получить повсеместное приложение. Сделав этот шаг, мы вступили на путь многих реформ, значение которых теперь нельзя с полной вероятностью определить. Сила потока, в который мы ринулись, увлечёт нас туда, куда мы не можем представить» [13, с. 466].

Наблюдение поразительно точное. После отмены крепостного права самодержавие столкнётся с такими проблемами, разрешить которые ему будет уже не суждено. Политические идеи обновлявшегося общества плохо совмещались со статичной системой государственного устройства. Приходится признать, что реформаторы, начавшие грандиозную перестройку общественной и культурной жизни страны, плохо понимали, с какими угрозами столкнётся государственная система России уже в ближайшем будущем.

Литература

1. Аксаков, И.С. Сочинения 1860–1886 [Текст] / И.С. Аксаков. – М. : Тип. Волчанинова, 1886. – Т. 5.
2. Барсуков, Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина [Текст] / Н.П. Барсуков. – М., 1899. – Т. XIV. – С. 210.
3. Власть и реформы: от самодержавной к советской России [Текст]. – СПб., 1996.
4. Герцен, А.И. Собр. соч. : в 30 т. [Текст] / А.И. Герцен. – М., 1960. – ТТ. 12, 20. – Кн. 1.
5. Голоса из России [Текст]. – Лондон, 1856. – Кн. 1.
6. Долбилов, М.Д. Александр II и отмена крепостного права [Текст] / М.Д. Долбилов // Вопросы истории. – 1998. – № 10. – С. 35.
7. Дружинин, Н.М. Москва в годы Крымской войны [Текст] / Н.М. Дружинин // Избранные труды. – М., 1988.
8. Захарова, Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861 [Текст] / Л.Г. Захарова. – М., 1984.
9. Корнилов, А.А. Курс истории России XIX века [Текст] / А.А. Корнилов. – Ч. 2. – М., 1918.
10. Корнилов, А.А. Общественное движение при Александре II (1855–1881). Исторические очерки [Текст] / А.А. Корнилов. – М., 1909
11. Литературное наследство [Текст]. – М., 1941. – Т. 39–40. – С. 321.
12. Милютин, Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Милютина, 1843–1856 [Текст] / Д.А. Милютин ; под ред. Л.Г. Захаровой. – М. : Российский архив, 2000. – 527 с.
13. Никитенко, А.В. Дневник : в 3 т. [Текст] / А.В. Никитенко. – М., 1955. – Т. 2.
14. Погодин, М.П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853–1856 [Текст] / М.П. Погодин. – М., 1874. – С. 259–263.
15. Ранние славянофилы: А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. и И.С. Аксаковы [Текст] / сост. Н.Л. Бродский. – М., 1910.
16. Семёнов-Тян-Шанский, П.П. Мемуары. Эпоха освобождения крестьян в России (1857–1861) в воспоминаниях бывшего члена-эксперта и заведовавшего делами Редакционных комиссий [Текст] / П.П. Семёнов-Тян-Шанский. – Пг., 1915–1916. – Т. III–IV.
17. Чернышевский, Н.Г. Полн. собр. соч. : в 15 т. [Текст]. – М., 1939. – Т. 1.
18. Шелгунов, Н.В. Воспоминания [Текст] / Н.В. Шелгунов, Л.П. Шелгунова, М.Л. Михайлов. – М., 1967. – Т. 1.
19. Lincoln, B. The Circle of the Grand Duchess Yelena Pavlovna 1847–1861 [Text] / B. Lincoln // The Slavonic and East European Review. – 1970. – Vol. 48. – № 3. – P. 373–387.

ББК 63.3(2)53
УДК 94(47).081/083

С.В. ЛЁВИН

S.V. LYOVIN

ЗЕМСКИЕ СТАТИСТИКИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ СТРАНЫ

TERRITORIAL STATISTICIANS IN THE SOCIAL LIFE OF THE COUNTRY

В статье рассматривается участие земских статистиков в общественной жизни пореформенной России. Многие из них участвовали в народническом движении 1870-х годов, но в дальнейшем порвали со своим революционным прошлым. Тем не менее, правительство считало земских статистиков «политически неблагонадёжными» и продолжало их преследовать.

The paper considers the participation of territorial statisticians in the social life of Russia in the after-reform period. Many of them took part in the Narodnichestvo movement of the 1870s, but later they broke with their revolutionary past. However, the government regarded territorial statisticians «politically unreliable» and kept following them.

Ключевые слова: закон, земская управа, земские статистики, крестьянское хозяйство, народники, статистические работы.

Key words: a law, a municipal council, territorial statisticians, a peasant houschold, narodniks, statistical work.

В конце XIX – начале XX вв. передовым отрядом земской интеллигенции являлись земские статистики, представлявшие собой численно небольшую, но сплочённую группу высокопрофессиональных специалистов.

Появление земской статистики было обусловлено всем ходом социально-экономического развития пореформенной России. Существовавшие правительственные статистические учреждения – губернские статистические комитеты – не могли предоставить земству необходимых данных, поэтому на организованные при губернских земских управах статистические отделы (бюро), возлагались большие надежды. Их возглавили настоящие энтузиасты и знатоки своего дела, большинство которых принимали участие в народническом движении 1870-х гг. «Земская статистика, создалась под непосредственным влиянием движения к сближению с народом», – считал земский статистик и публицист А.В. Пешехонов [23, с. 185]. Служащий Полтавского земства Ю.А. Бунин вспоминал: «Занятия в земстве вообще, в частности статистикой, мы считали в духе наших старых народнических идеалов» [29, л. 4].

Не подлежит сомнению, что в период становления земской статистики народническая идеология оказала определённое влияние на направление статистических исследований, их методологию, технику проведения, на разработку программ экономико-статистических работ. Неудивительно, что земские статистики стали объектом постоянного преследования со стороны правительства и критики со стороны консервативных земских гласных. «Земская статистика, – писал «Вестник Европы», – испытала на себе все превратности, с которыми вообще приходилось иметь дело земским учреждениям. Её заподозривала и ограничивала администрация; против неё открывались походы в самих земских собраниях; статистические работы обрекались на сожжение, статистические бюро то закрывались, то открывались вновь; в земских статистиках одни видели пионеров нового метода, одинаково важного и в научном, и в практическом отношении, другие – опасных агитаторов, которых не следует допускать в деревню» [11, с. 439].

Анализ источников позволяет утверждать: обвинения земских статистиков в антиправительственной деятельности не имели под собой реальной основы. Тем не менее, в отечественной научно-исследовательской литературе бытует мнение, что земские статистики, во время проведения статистических переписей крестьянских хозяйств в 80–90-е гг. XIX – начале XX вв. вели революционную агитацию среди крестьян [12, с. 200; 19, с. 363–364; 24, с. 97; 26, с. 41]. По мнению А.В. Воронежцева, «сам характер их [земских статистиков. – *С.Л.*] работы с социально-экономическими материалами склонял их к участию в революционном движении» [6, с. 80].

Думается, говорить об активном участии земских статистиков в освободительном движении 80–90-х гг. XIX – начала XX вв. было бы значительным преувеличением. Нельзя не согласиться с выводом Е.Г. Корнилова, что «для многих земских статистиков непосредственное участие в революционной борьбе было уже делом прошлого. Слабость революционных убеждений, суровость понесённого наказания, разочарование в возможности достижения поставленных целей, всё это обусловило отказ значительной части земских статистиков от революционных методов борьбы и привело их в лагерь либерального народничества» [15, с. 19]. Земский врач, в прошлом активный участник народнического движения, С.И. Мицкевич отмечал в своих воспоминаниях, что если в 1870-е гг. революционно настроенная молодёжь «шла с воодушевлением в народ с революционной проповедью», то в 1880–1890-е гг. уже «шли для культурной работы в качестве врача, фельдшера, сельского учителя, земского статистика» [20, с. 24].

Отрицать участие многих земских статистиков в народническом движении 1870-х гг. невозможно, но степень этого участия была не одинаковой. Так, один из первых земских статистиков В.И. Покровский ещё в 1866 г. привлекался к дознанию по делу о покушении на царя Д.М. Каракозова и два месяца провёл в заключение в Петропавловской крепости. На этом его «революционная деятельность» и закончилась. С 1871 г. В.И. Покровский возглавил статистическое бюро Тверской губернии и оставался в должности руководителя тверской статистики до 1893 г. включительно.

Видный земский статистик В.И. Орлов, возглавивший в 1875 г. статистическое бюро Московского губернского земства, в 1876 г. был арестован за участие в собраниях «Всероссийской социально-революционной организации», но вскоре вышел на свободу. 17 июля 1877 г. «по высочайшему повелению» дело в отношении него было прекращено. В дальнейшем В.И. Орлов не проявлял никакого интереса к политической деятельности.

Один из ведущих земских статистиков Черниговской губернии В.Е. Варзар, находясь в 1874 г. в Швейцарии, познакомился с русскими революционерами-эмигрантами, в том числе с П.Л. Лавровым, который по свидетельству самого В.Е. Варзара, оказал на «склад моих убеждений довольно определённое влияние и направил мои мысли и настроения в определённую сторону» [3, с. 6]. В.Е. Варзар даже вступил в кружок «лавристов» и написал, ставшую широко известной в революционной среде, пропагандистскую брошюру «Хитрая механика», но вскоре отошёл от революционного движения, хотя и сохранял знакомства со многими «политически неблагонадёжными лицами».

Руководитель Черниговской земской статистики П.П. Червинский проявил себя на революционном поприще уже в 1860-х гг. В «Отчёте по делам следственной комиссии 1868 года» он охарактеризован не иначе, как «личность с самыми враждебными правительству воззрениями» [22, с. 213]. П.П. Червинский участвовал в нелегальных студенческих собраниях, на которых обсуждались современные общественно-политические вопросы. В 1870 г. его арестовали и сослали в Архангельскую губернию, где он пробыл до 1875 г. После возвращения из ссылки П.П. Червинский полностью посвятил себя работе в статистическом бюро Черниговской губернской земской управы.

Известный рязанский статистик В.Н. Григорьев за участие в студенческих беспорядках в Петровской земледельческой академии, студентом которой являлся, в 1876 г. был арестован и выслан в Олонецкую губернию «под надзор полиции». В июле 1877 г. В.Н. Григорьев освобождается от полицейского надзора, а в апреле 1879 г. его вновь арестовали по подозрению «в тайном печатании землевольческих изданий». Проведя несколько дней в доме предварительного заключения, В.Н. Григорьев без предъявления обвинения был отпущен на свободу и, вскоре, занялся земскими статистическими исследованиями.

Н.Ф. Анненский во второй половине 1870-х гг., находясь под негласным надзором полиции, активно сотрудничал в газете «Начало», на страницах которой помещались материалы антиправительственного содержания, в связи с чем, неоднократно подвергался обыскам. В феврале 1880 г. его арестовали и посадили в Вышневолоцкую тюрьму, но по постановлению Верховной распорядительной комиссии в административном порядке был выслан в Тобольскую губернию, где и пробыл до марта 1881 г. Получив «высочайшее разрешение» проживать в европейской части страны, Н.Ф. Анненский переехал в Казанскую губернию. Здесь до 1889 г. он руководил земскими статистическими работами. В 1889–1895 гг. Н.Ф. Анненский занимал должность заведующего Нижегородским губернским земским статистическим бюро, а с 1895 по 1990 гг. возглавлял статистическое отделение при Санкт-Петербургской городской управе. При этом ни в каких антиправительственных действиях «замечен не был».

Ф.А. Щербина в 1875–1876 гг. являлся членом одесского революционного кружка «башенцев» и вёл пропаганду среди одесских рабочих. 3 февраля 1876 г. его арестовали и «привлекли к дознанию, возникшему в Одессе по делу о Южно-русском рабочем союзе, по обвинению в распространении социалистических идей среди рабочих» и выслали под гласный надзор полиции в Вологодскую губернию [9, с. 2079]. Здесь он оставался до декабря 1880 г., затем жил на Кубани, занимаясь там «научной работой по вопросам экономики и хозяйственной статистики». Наконец, в начале 1890-х гг. Ф.А. Щербина возглавил статистическое отделение при Воронежской губернской земской управе.

С.А. Харизоменов участвовал в организации землевольческих поселений в Анапе, а также в Саратовской и Тамбовской губерниях, был одним из авторов землевольческой программы. И.М. Краснопёров являлся активным участником «Казанского заговора» 1863 г., целью которого было поднять крестьянское восстание в Казанской губернии и соседних с ней губерниях. За участие в «Казанском заговоре» И.М. Краснопёрова приговорили к каторжным работам сроком на восемь лет, но по «высочайшему повелению» помиловали и отдали под надзор полиции. П.Н. Скворцов возглавлял Нижегородский кружок марксистов, активно участвовал в распространении революционной литературы, несколько раз выступал на собраниях фабрично-заводских рабочих. И.М. Краснопёров и С.А. Харизоменов уже в начале 1880-х гг. отошли от революционного движения и возглавили земские статистические учреждения Саратовской и Самарской губерний. П.Н. Скворцов с 1901 г. с головой уходит «в занятия теоретической статистикой», порвав со своим революционным прошлым.

Согласно подсчётам Е.Г. Корнилова, в освободительном движении 1870-х гг. участвовало и подверглось, в той или иной мере, правительственным репрессиям всего 44 будущих земских статистика. Их социальный состав был следующим: 37,1% земских статистиков составляли дворяне, 34,2% – выходцы из духовного сословия, 5,7% – представители купечества, 20% – из мещан и 3% составляли выходцы из крестьян. При этом высшее образование имели 32,3% земских статистиков, незаконченное высшее – 61,3%, а среднее – 6,4% [16, с. 103]. Применительно к 1870–1880-м гг. И.П. Белоконский привёл следующие данные: из 28 руководителей земских статистиче-

ских бюро – 7 человек имели высшее юридическое образование, 1 – высшее техническое, 2 окончили историко-филологический факультет, 2 – математический, 1 – медицинский, 1 руководитель имел два высших образования – юридическое и историко-филологическое, 6 – окончили курсы различных агрономических учебных заведений и 8 человек имели среднее образование (или неоконченное высшее, поскольку участие в народническом движении 1870-х гг. прервало их обучение в высших учебных заведениях) [1, с. 19–20]. В начале XX в. 14% земских статистиков имели высшее образование, 11% – незаконченное высшее, 49,4% – среднее и 25,6% – ниже среднего [30, л. 44].

Здесь следует согласиться с мнением Е.Г. Корнилова, что земские статистики «по своему социальному составу мало чем отличались от земских учителей и медиков, однако выделялись по уровню образования, уступая здесь только земским врачам» [16, с. 103]. Но его утверждение о сравнительно «пожилом» возрасте земских статистиков, по сравнению с другими группами земских служащих представляется не совсем верным. Приводимые им же самим данные опровергают это высказывание. Возраст 60% земских статистиков составлял до 30 лет, 27% находились в возрасте от 30 до 40 лет, наконец, только 13% статистиков были старше 40 лет [16, с. 103–104]. Так, средний возраст сотрудников земского статистического бюро Саратовской губернии на 1 апреля 1902 г. составлял 33 года [8, л. 17 об. 18]. Таким образом, земских статистиков выделял не «пожилой», а наоборот, более молодой, по сравнению с земскими учителями и медиками, возраст.

Народническое прошлое земских статистиков заставляло правительство и губернские власти с подозрением относиться к ним. Ещё в декабре 1886 г. Департамент полиции предписал всем своим губернским отделениям проверить «состав земских статистиков, служащих по найму при статистических отделениях земских управ и немедленно отстранять от занимаемых должностей и впредь не допускать к ним лиц политически неблагонадёжных»[7, оп. 82, д. 761, л. 15]. Мотивировалось данное решение тем, что земские статистики, по сравнению с другими категориями земских служащих, «имеют непосредственное, вне всякого контроля, сношение с сельским и фабричным населением» [7, оп. 82, д. 761, л. 15]. С декабря 1887 г. специальным циркуляром министра внутренних дел Д.А. Толстого земству запрещалось проводить подворные переписи крестьянских хозяйств без разрешения Министерства внутренних дел. Подворные статистические исследования были приравнены к однодневной переписи, а программу их проведения и даже формы таблиц, в которые сводился обработанный материал, утверждал сам министр.

Губернские власти, следуя постановлениям Министерства внутренних дел, к земскому персоналу относились с явным недоверием. В результате жёстких проверок на «политическую благонадёжность» кандидатов на земскую службу, земствам становилось труднее найти сотрудников, особенно статистиков. Например, в докладе Саратовской губернской земской управы «О ходе статистических работ в течении 1883 года» отмечалось: «Каждого вновь приглашённого статистика Управа не имела возможности тотчас же командировать исполнения обязанностей, потому что он должен был предварительно получить свидетельство на право разъездов [по уездам губернии. – *С.Л.*] от начальника губернии, а такое свидетельство давалось не раньше, как по собирании о каждом статистике необходимых сведений относительно его благонадёжности» [10, с. 32]. «Тяжёлое положение с подбором специалистов, – сокрушался Б.Б. Веселовский, – стало хронической болезнью земства, так как не удаётся найти таких кандидатов на земскую службу, к приглашению которых местная администрация не имела бы препятствий» [4, с. 474].

Земский статистик Д.И. Рихтер, защищая своих коллег от обвинений в антиправительственной деятельности, писал: «Гонения на представителей «третьего элемента в земстве» вообще, и на занимающихся исследованием

народной жизни – статистиков – в частности, не имеют за собою разумных оснований, а потому являются большею частью совершенно напрасными. <…>. Обвинения земских статистиков в том, что параллельно с исследованиями они ведут какую-то другую подпольную работу, не может иметь места при условиях, которыми обставлена сама работа. Земские статистики обыкновенно являются на исследования с определённой утверждённой программой, заполнить которую им необходимо, притом спешно, так как растягивать не дозволяют ни время, ни наши климатические и сельскохозяйственные условия. При лихорадочно-спешной работе, времени и настроения для какого либо занятия быть не может» [28, с. 331–332].

Рабочий день статистиков длился 8–10 часов. Днём они проводили опрос населения, записывая полученные сведения, а вечером осуществляли их предварительную обработку, которая зачастую заканчивалась далеко за полночь. Как правило, вся работа, включая и окончательную обработку собранного материала, его группировку, составление таблиц и подготовку материала к печати, делалась крайне незначительными силами – двумя, в лучшем случае тремя, сотрудниками. Во время проведения переписи вести какую-либо пропаганду было просто физически невозможно. Темп работ был очень высоким.

Несмотря на то, что земские статистики нигде не были замечены в ведении революционной пропаганды, правительство упорно продолжало рассматривать их как самую «политически неблагонадёжную» категорию земских служащих. Неудивительно, что начавшиеся в 1901–1902 гг. крестьянские волнения в Полтавской и Харьковской губерниях были восприняты правительством как результат агитации «третьего элемента» и прежде всего земских статистиков. Министр внутренних дел В.К. Плеве на события в Полтавской и Харьковской губерниях смотрел, по справедливому замечанию И.П. Белоконского, «исключительно с полицейской точки зрения, как на результат деятельности крамолы, сосредоточенной в лице «третьего элемента», преимущественно среди земских статистиков» [2, с. 96]. Приехав в Полтаву, он «разгромил статистическое отделение губернского земства», а его заведующего А.А. Русова выслал из губернии. Специальным распоряжением министра внутренних дел было прекращено проведение статистических работ в Бессарабской, Екатеринославской, Казанской, Курской, Орловской, Пензенской, Полтавской, Самарской, Симбирской, Тульской, Харьковской и Черниговской губерниях, а в остальных земских губерниях «применение этой меры в отдельных сельских местностях» предоставлялось «на усмотрение начальников губерний» [7, оп. 101. 1903 г., д. 1242, л. 59].

Репрессии против земских статистиков прокатились почти по всем губерниям. Так, во Владимире были уволены все сотрудники губернского статистического бюро, в Самаре губернатор отстранил от работы девятерых статистиков, а в Костроме администрация задержала всех статистиков, командированных земством в уезды для проведения экономико-статистических исследований. В Тверской губернии представитель столичной администрации, отъявленный реакционер, гофмейстер Б.В. Штюрмер не только приостановил своим распоряжением проведение статистических работ, но и уволил около 100 земских служащих.

Помимо преследований со стороны правительства земские статистики в ряде губерний испытывали давление и со стороны земских гласных. Конфликты земских статистиков с губернскими управами начались ещё в 1880-е гг., когда стали издаваться подробные отчёты статистиков о проделанной работе и собранный ими материал о социально-экономическом положении крестьянских хозяйств. Работы земских статистиков вскрыли и показали реальную действительность – тяжёлое экономическое положение крестьянских хозяйств, их разорение и обнищание. «Земские цифры, – подчёркивал В.Г. Короленко, – оказывались слишком неудобными. В них не было нужной гибкости, они ни в какой мере не подчинялись ожиданиям прави-

тельства и собственные губернаторские доклады окрашивали слишком пессимистично» [17, с. 269]. «Доказывая разорение крестьян в пореформенное время и требуя уменьшения земских налогов с крестьянских хозяйств, земская статистика неизменно вступала в острый конфликт как с центральной и местной администрацией, так и с помещичьим большинством земских собраний», – заключал Е.Г. Корнилов [16, с. 102].

Особенно резко выступали против статистики крупные землевладельцы-дворяне, для которых земская статистика была, по образному выражению В.Г. Короленко, «настоящим пугалом» [17, с. 273]. Стремясь скрыть, во время проведения статистических переписей, часть своих земельных угодий и хозяйственных строений, чтобы они не попали под земское налогообложение, крупные землевладельцы заявляли на губернских земских собраниях, что статистические переписи не имеют никакого практического значения и их финансирование – напрасная трата денег. Например, ревизионная комиссия по продовольственным вопросам, организованная при Саратовской губернской земской управе в 1888 г., предложила закрыть статистическое отделение, мотивируя это нехваткой денег на его финансирование. Только благодаря вмешательству губернатора А.И. Косича статистическое бюро не закрыли. В 1889 г. некоторые земские гласные снова пытались поднять вопрос о его закрытии, объясняя это тем, что губернское земство «не в силах создать необходимую земскую статистику и не в состоянии пользоваться её данными» [31, с. 1].

На заседаниях губернской земской управы заведующий статистическим бюро С.А. Харизоменов изо всех сил отстаивал возможность дальнейшего проведения статистических работ, доказывая их необходимость для изучения социально-экономического развития губернии. Его жена Е.А. Реброва-Харизоменова вспоминала: «Много он потратил молодых сил, чтобы вырывать каждый год на земских собраниях необходимые мизерные суммы на ведение дела. Чего стоило убедить земцев, – и каждого в отдельности, и всех вместе – на собраниях в полезности вообще статистики, в серьёзности и достоверности тех знаний и истины, которые добываются статистическими исследованиями. Какие абсурды и дикости высказывали земцы на собраниях, какие обвинения возводили на статистику просвещённые земцы, так это смешно и вспомнить» [27, с. 267–268].

В начале XX в. конфликты губернских земских управ со статистиками вспыхнули с новой силой. Обвиняя земских статистиков в ведении революционной агитации среди крестьян «Московские ведомости» писали: «Нет никакого сомнения в том, что некоторое упорядочение земских оценочно-статистических работ предпринято наиболее трезвыми и разумными земскими деятелями, не пожелавшими допускать в подведомственных им управлениях распущенность даже и под либерально-оппозиционным флагом. И оппозиция, и стачка должны, наконец, открыть им глаза на то, с кем они имеют дело в лице того умственного пролетариата, который, шатаясь из одной губернии в другую, занимается не то статистическими исследованиями, не то просвещением местных подростков в социал-демократическом духе» [32, с. 1]. Анализируя корреспонденцию с мест, В.И. Ленин констатировал: «В последнее же время конфликты управ с статистиками приняли прямо эпидемический характер» [18, с. 330]. По мнению Н.М. Пирумовой, «причины столкновений статистиков с управами и властями не были политическими» [24, с. 190]. Действительно, политической подоплёки в большинстве конфликтов между земскими управами и статистическими отделениями не было. Что же касается «столкновений статистиков с властями», то в эту часть высказывания Н.М. Пирумовой необходимо внести некоторое уточнение: во-первых, едва ли целесообразно говорить о «столкновениях», скорее можно, и это будет правильнее, вести речь о гонениях на земскую статистику со стороны правительства; во-вторых, правительство любому местному конфликту, в котором оказывались замешанными земские статистики, стремилось придать

политическую окраску, чтобы всякий раз иметь повод для их преследования. Выступления же земских гласных против статистики происходили, главным образом, в наиболее «политических отсталых» губернских земствах и обуславливались, вероятнее всего, следующими причинами: а) программы статистических исследований были слишком обширными, на их выполнение требовались значительные денежные средства, которых многие земства не могли, а некоторые просто не хотели, выделить; б) большинство земских гласных не умели пользоваться статистическим материалом, особенно цифровыми таблицами, в силу чего, им казалось, что статистики тенденциозно составляли свои отчёты, намеренно искажая полученные результаты; в) крупные землевладельцы старались скрыть действительные размеры своих земельных угодий и хозяйственных строений, с целью снизить ставку земского налогового обложения.

Всё вышеизложенное, позволяет сделать следующий вывод: неудачи народнического движения 1870-х годов вызвали разочарование в нём значительной части прогрессивно настроенной российской молодёжи. Однако, именно в 80-е годы XIX в. началось систематическое изучение социально-экономического развития российского крестьянства. Отошедшая от революционного движения, главным образом из-за неприятия террора как средства политической борьбы, молодёжь, снова двинулась в деревню, но на этот раз не поднимать крестьян на восстание, а вести среди них легальную, просветительскую работу. Нельзя не согласиться с утверждением С.Я. Новака, что благодаря этому «культурническому» движению, народнической молодёжи «во многом удалось реализовать просветительскую часть своей программы» [21, с. 82].

Основными сферами, в которых стали работать бывшие народники оказались земская статистика, медицина и земские школы. В экономико-статистических исследованиях крестьянских хозяйств, они видели продолжение своей деятельности 1870-х годов, но в легальной форме, что представлялось им более эффективным и действенным способом «узнавания народа», оказания ему посильной помощи. «Земская статистика, – писал один из её виднейших представителей А.А. Кауфман, – сделалась для народнически окрашенной интеллигенции одним из способов служения народу и сближения с народом – сближения и служения посредством изучения народной жизни» [13, с. 261]. Несмотря на свою малочисленность, земские статистики стали, как верно подметил А.А. Кизеветтер, «одной из наиболее влиятельных групп в земском «третьем элементе» и играли видную роль в общественной жизни страны [14, с. 141]. Их, по мнению О.Л. Протасовой, с полным основанием можно назвать «ферментом общественного брожения в стране» [25, с. 14]. В отличие от других земских служащих статистики, работая главным образом с материалами социально-экономического характера, имели возможность для их глубокой научной характеристики и обобщения, а также всестороннего анализа социально-экономического развития русской пореформенной деревни.

Земские статистики оказали определённое влияние на характер и направленность земской практической работы, а проделанная ими колоссальная работа по изучению социально-экономического положения крестьянских хозяйств, представлявших основу производительных сил страны, стала неоценимым вкладом в развитие отечественной общественно-политической и экономической мысли.

Литература

1. Белоконский, И.П. Земство и народное хозяйство: статистика [Текст] / И.П. Белоконский // Северный вестник. – 1892. – № 5. – С. 16–33.
2. Белоконский, И.П. Земство и конституция [Текст] / И.П. Белоконский. – М. : Издание московского книгоиздательского тов-ва «Образование», 1910. – 183 с.

3. Варзар, В.Е. Воспоминания старого статистика [Текст] / В.Е. Варзар. – Ростов-на-Дону : 2-я гостипография ДПБ, 1924. – 22 с.
4. Веселовский, Б.Б. История земства за 40 лет [Текст] / Б.Б. Веселовский. – СПб. : Изд-во О.Н. Поповой, 1911. – Т. III. – 796 с.
5. Внутреннее обозрение [Текст] // Русская мысль. – 1904. – Кн. 2. – С. 209–246.
6. Воронежцев, А.В. Земская интеллигенция Саратовской губернии в годы первой русской революции [Текст] / А.В. Воронежцев // Четыре века : сб. статей, посвящённый 400-летию Саратова / отв. ред. Е.К. Максимов. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1991. – С. 68–85.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. 3-е делопроизводство.
8. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 25. Оп. 1. Д. 1427.
9. Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь [Текст] / сост. А.А. Шилов, М.Г. Карнаухова ; под ред. Б.П. Козьмина, Ф.Я. Кона, В.И. Невского. – М., 1932. – Т. 2. – Вып. 4. – С. 2079–2081.
10. Доклад о ходе статистических работ в течении 1883 г. [Текст] // Доклады Саратовской губернской земской управы очередному земскому собранию 1883 г. – Саратов : Типография губернской земской управы, 1883. – С. 29–37.
11. Из общественной хроники [Текст] // Вестник Европы. – 1898. – Кн. 3. – С. 439–452.
12. История русской экономической мысли : в 3 т. [Текст] / под ред. А.И. Пашкова, Н.А. Цаголова. – М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1960. – Т. 2. – Ч. 2. – 676 с.
13. Кауфман, А.А. Земская статистика [Текст] / А.А. Кауфман. // 1864–1914. Юбилейный земский сборник / под ред. Б.Б. Веселовского, З.Г. Френкеля. – СПб. : Издание тов-ва О.Н. Поповой, 1914. – С. 260–291.
14. Кизеветтер, А.А. На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914 [Текст] / А.А. Кизеветтер ; вступ. статья, коммент., В.Г. Вандалковский. – М. : Искусство, 1996. – 396 с.
15. Корнилов, Е.Г. Земская демократическая интеллигенция и её участие в революционном движении 70-х гг. XIX в. [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е.Г. Корнилов. – М., 1973. – 24 с.
16. Корнилов, Е.Г. Земские статистики и служащие земских управ в революционном движении 70-х годов XIX века [Текст] / Е.Г. Корнилов // Общественно-политическая мысль и классовая борьба в России в XVIII–XIX вв. : межвузовский сборник ; отв. ред. И.В. Оржеховский. – Горький : Изд-во Горьковского ун-та, 1973. – С. 101–122.
17. Короленко, В.Г. Третий элемент [Текст] / В.Г. Короленко // Собр. соч. : в 10 т. ; подгот. текста и примеч. С.В. Короленко. – М. : Художественная литература, 1955. – Т. 8. – С. 266–283.
18. Ленин, В.И. Внутреннее обозрение [Текст] / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 5. – С. 295–347.
19. Львова, Т.Н. Земская демократическая интеллигенция Московской губернии и её участие в революционном движении 1870-х – начала 1890-х годов [Текст] / Т.Н. Львова // Учёные записки МГПИ им. В.И. Ленина. – 1964. – № 229. – С. 355–369.
20. Мицкевич, С.И. Записки врача-общественника (1888–1918) [Текст] / С.И. Мицкевич. – 2-е изд. – М. : Медицина, 1969. – 238 с.
21. Новак С.Я. Я.В. Абрамов – пионер «теории малых дел» [Текст] / С.Я. Новак // Отечественная история. – 1997. – № 4. – С. 80–85.
22. Отчёт по делам следственной комиссии 1868 г. [Текст] // Голос минувшего. – 1915. – № 4. – С. 206–218.
23. Пешехонов, А.В. Кризис в земской статистике [Текст] / А.В. Пешехонов // Русское богатство. – 1901. – № 12. – С. 167–189.
24. Пирумова, Н.М. Земская статистика и её роль в общественной борьбе до начала XX в. [Текст] / Н.М. Пирумова ; отв. ред. В.Я. Лавёрычев. – М. : Наука, 1986. – 272 с.
25. Протасова, О.Л. А.В. Пешехонов: Человек и эпоха [Текст] / О.Л. Протасова. – М. : РОССПЭН, 2004. – 240 с.
26. Пушкарский, Н.Ю. Всероссийский император Николай II. (1894–1917) [Текст] / Н.Ю. Пушкарский. – Саратов : Соотечественник, 1995. – 320 с.
27. Реброва-Харизоменова, Е.А. С.А. Харизоменов [Текст] / Е.А. Реброва-Харизоменова // Каторга и ссылка. – 1924. – № 4 (11). – С. 263–269.

28. Рихтер, Д.И. Земская статистика и её работы [Текст] / Д.И. Рихтер // Вестник Европы. – 1904. – Кн. 7. – С. 315–342.
29. Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 218. Картон № 765. Д. 1.
30. Российский государственный исторический архив. Ф. 1276. Оп. 27 (1902 г.). Д. 651.
31. Систематический сборник постановлений Саратовского земского собрания 1891–1900 [Текст] / под ред. Н.Н. Львова. – Саратов : Издание Саратовского губернского земства, 1901. – 112 с.
32. Стачка земских статистиков [Текст] // Московские ведомости. – 24.09.1901. – № 263. – С. 1–2.

ББК 63.3(2)6-28
УДК 330.8(470+571)

А.В. РЕПНИКОВ

A.V. REPNIKOV

1906 ГОД НА СТРАНИЦАХ ДНЕВНИКА Л.А. ТИХОМИРОВА

A YEAR OF 1906 IN TIKHOMIROV'S DIARY

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Проект № 12-01-00185а.

В статье анализируется отражение на страницах дневника Л.А. Тихомирова основных революционных и общественно-политических событий 1906 года.

The article discusses Tikhomirov's opinion about the political situation in Russia during the Revolution of 1906.

Ключевые слова: Л. Тихомиров, общественная мысль, революция, русский консерватизм, историческая биография, история политических партий

Key words: L. Tikhomirov, public opinion, revolution, Russian conservatism, historical biography, history of political parties.

Дневник Л.А. Тихомирова, всё ещё очень слабо введённый в научный оборот, представляет собой один из интереснейших источников о событиях революции 1905–1907 гг. В настоящий момент при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) автор статьи готовит полную публикацию дневниковых записей Л.А. Тихомирова периода 1905–1907 гг. (проект № 12-01-00185а). Продолжая анализировать дневниковые записи, в этой статье мы обратимся к году, ставшему в определённом смысле переходным для Льва Александровича [6, с. 50–55].

Провожая 1905 год, Тихомиров отмечал: «Не хорош был год. Ещё хуже предшественника. Чуть не все бедствия, какие только возможно, обрушил на Россию и посеял для будущего множество семян ещё худших бедствий. А хорошие события? Очень мало. Может быть, *страдание*, которое вразумляет. Зародыши учреждений… которыми однако можно воспользоваться и на спасение своё, но и не гибель… Как воспользуются Русские? Бог ведает. А если не вразумятся, то 1906 год – должен быть ещё ужаснее этого. Что Господь даст. *Лично* и на мне отразилось немало общих бедствий, и вот перед лицом Нового года – я совершенно не знаю – что меня ждёт: жизнь, смерть, нищета? Никаких указаний ни на что хорошее, и много указаний на бедствия. Одна надежда на Бога. Нет надежд на *людей*, нет таких людей, на которых я мог бы надеяться» [2, л. 3–4].

Первая же запись в январе 1906 года начинается с сетований. Будничная суета в первую январскую неделю захлёстывает Льва Александровича. Будучи осуждённым и не оправданным официально по процессу 193-х народников-пропагандистов он не имеет «ни прав избирателя, ни права редакторства» [2, л. 13]. Ко всему прочему, в «Московских ведомостях», где он работает, у него отбирают 1200 рублей в год, и «будет ещё меньше передовых» [2, л. 14а].

30 января к Тихомирову приходит в гости предварительно договорившийся с ним о встрече известный революционер В.Л. Бурцев. Цель визита – поиск информации для «Былого» с целью публикации материалов по народническому движению 1879–1882 гг. Интересно, что Тихомиров одобрил эту идею: «Просит оказать содействие его изданию посильными сведениями. Кажется, очень увлечён своей идеей. Что же! Дело полезное. Все же немало-

важная страница истории. Только *мне* некогда этим заниматься, да притом – если важен и возможен сбор материала, то очень трудно его *опубликование*… Впрочем, в мелочах не отказываю в содействии» [2, л. 22–22а]. Бурцев охотно пошёл на контакт и при встрече «рассказал немало интересного о старых товарищах, теперь выпущенных из Шлиссельбурга. Они живут, однако, под очень строгим надзором» [2, л. 22а]. Через Бурцева Тихомиров устанавливает связи со «Шлиссельбургским комитетом», хотя и не стремится к личным контактам, но готов оказать финансовую помощь народовольцам, вышедшим по амнистии. Интересен текст отпечатанного на пишущей машинке письма Тихомирова на имя Бурцева от 30 марта 1906 г., вклеенный Львом Александровичем в дневник. Осуждая сам принцип революции, он выразил готовность помочь М.Ф. Фроленко и М.Р. Попову: «Я бы хотел, по возможности, помочь таким. Как же это сделать? Можете ли вы на себя взять это? Вы можете и не говорить им, что это от меня. Ведь они, без сомнения, такие же непримиримые революционеры, как прежде. Им негде было проверить свои взгляды. Это самая ужасная сторона тюрьмы, что знаю по себе. Четыре года тюрьмы были для меня совершенно потерянным временем для развития. А следующие четыре года свободы дали мне тысячи различных драгоценнейших наблюдений себя, людей и законов жизни. Так, говорю я – они может быть и не захотели бы принять помощи от человека, совершенно отрицающего их идеи. Бог с ними, это все равно. Вы можете дать анонимно. Если вы согласитесь оказать мне эту услугу, то прошу вас: пришлите мне список уцелевших. И на нем, пожалуйста, отметьте тех, которые не имеют семейных средств к жизни или случайной работы… Я ведь знаю иных из старых товарищей, которые заняли великолепное положение, превосходные места, о каких я и мечтать не могу. Затем заметьте, что я вообще человек без средств, так что с меня пользы немного, и – кто знает – сегодня живу, а завтра могу быть вполне на улице. Я ведь не продаю своих убеждений никому. Ну, а таким людям денег нигде не дают. Так что большой пользы от меня нельзя иметь. Но мне лично было бы очень приятно, пока могу и насколько могу, помочь старым товарищам в нужде. Так что вы не им окажете услугу, а скорее, мне» [2, л. 52б–53]. Казалось бы, странный поступок для человека, порвавшего с революцией и имевшего прочное положение «около власти», но «шлиссельбуржцы» были людьми, с которыми связана его революционная молодость. 24 января 1907 г. Бурцев писал С.В. Зубатову: «Вот вам Лев Тихомиров. 18 лет он не видал ни одного человека с “*этого* берега”, а я как приехал в Москву, не говоря худого слова, сейчас же пошёл к нему. Я нашёл в нем “православного” человека (православнее всех митрополитов вместе взятых), убеждённого монархиста (более убеждённого, чем Дубровин и весь его союз русского народа, – Николай II недаром ему дал чернильницу), врага революционеров и особенно народовольцев. Тем не менее, мы с ним самым задушевным образом говорили уже не раз, и я никогда не поеду в Москву, чтобы не зайти к Л. Тихомирову и не побеседовать» [3, с. 79].

В феврале 1906 г. друг Льва Александровича генерал А.А. Киреев обратился к министру двора В.Б. Фредериксу с просьбой «исходатайствовать Л.А. Тихомирову знак монаршего внимания за поднесённый Государю Императору труд “Монархическая государственность”». Вследствие этого прошения было Высочайше повелено выдать Тихомирову подарок ценою около 200 рублей. Заказ Кабинета Его Императорского Величества выполняла фирма Фаберже. В результате 28 февраля Тихомиров был удостоен Всемилостивейшего пожалования – серебряной чернильницы «Empire» с изображением государственного герба. В дневнике Тихомиров отметил это не рядовое для него событие: «Получена моя чернильница. Ничего себе – красивая. Пожалуй, рублей 50 может стоить. Впрочем, конечно, тут цена не имеет значения» [2, л. 42]. В примечании к этой записи он с долей скепсиса фиксирует: «Она обозначена стоимостью, будто бы, 200 рублей!» [2, л. 42]. В ответ 15 марта последовало «Всеподданнейшее прошение Льва Александровича Тихоми-

рова, выражающее Его Императорскому Величеству благодарность за Всемилостивейшее пожалованный подарок». Однако, говорить о популярности «Монархической государственности», из которой неомонархисты XXI века сделают фетиш, при жизни автора труда не приходится. Раскупалась книга очень плохо и показалась правым слишком «наукообразной». 18 августа 1906 года Тихомиров жаловался Суворину: «Обидно, что моя “Монархическая государственность” не читается. Время придёт, конечно, но тогда пожалуй нужно будет строить монархию заново, а это трудно» [1, с. 67]. Власть не внушает Тихомирову доверия. 15 февраля 1906 года он пишет А.С. Суворину: «Насчёт талантов у нас, конечно, оскудение большое. Но сказать правду – плохие песни соловью в когтях у кошки. Талант требует свободы. Тут дело не в начальстве, а несравненно худшем гнёте. Вообще это сложный вопрос. Я думаю даже, что таланты есть, но им не охота выступать. Уж очень все мерзко, глупо, а главное – *мы, русские* в полном *рабстве*, везде, и на каждом месте. Оскорбительно и противно» [5, л. 43]. У Тихомирова все чаще встречаются записи, свидетельствующие о желании уйти в кабинетную работу. 27 марта 1906 года он отмечает в дневнике: «Теперь только и стоило бы махнуть рукой на все практические дела этих несовершенных людей, и заняться чисто теоретическими работами. Но вот теперь на месте “ученых” сидят политиканы и газетчики, а ученые по природе должны быть борзописцами за хлеб насущный. Это страшная участь, когда человек развился дальше своих современников, и даже пользы для них от этого нет. Все равно – не только понимать, да и обвинять их за это нельзя. Теперь они, как дети, играют в политику, а потом будут играть в гильотину и республику, и ничто этому не поможет, кроме возраста страны в лета совершеннолетия. Но до тех пор она уже растеряет свои лучшие чувства, на которых *можно бы было* строить её теперь, если бы только в ней были сознательные элементы. Но увы! И выходит, что живёшь абсолютно бесполезно» [2, л. 51–52].

Однако вопреки мизантропическому настрою, именно в 1906 году происходит активизация участия Тихомирова в общественно-политической жизни. 11 апреля он выступает с докладом «О причинах победы конституционалистов над монархистами» на Всероссийском съезде русских людей, проходившем в Москве. Но те, чьё мнение было Тихомирову значимо (М.А. Новосёлов, К.П. Степанов), не пришли его послушать, и он отмечал: «Но мне грустно. Именно те, которые, казалось бы, могли понимать; отсутствовали… Это такая *проба* им, печальная проба. Мой доклад мог быть и хорош и плох… Но по теме его чуткий человек непременно должен был придти» [2, л. 60].

По просьбе дворянина Н.А. Павлова, сотрудника «Московских ведомостей» и «Гражданина», близкого к дворцовым кругам, Тихомиров составляет проект тронной речи для Николая II при открытии Думы, сделав упор на незыблемости самодержавной, власти и подчёркивая от имени монарха: «Даруя подданным права и вольности гражданские и политические, я [монарх. – *А.Р.*] остаюсь тою же Верховною, Самодержавной, Неограниченной Властью, какую унаследовал от предков, и какую передам потомкам Моим. Во имя этой власти Я дал Моим подданным права и призвал вас в Государственную думу, где вы должны служить не партиям, а Мне и Отечеству, со Мною неразделимому» [2, л. 67г]. Но, к сильнейшему разочарованию Тихомирова, предложенный им проект не был утверждён, что он прокомментировал 28 апреля в дневнике: «Тронная речь императора довольно бледна, и, во всяком случае, не имеет ничего общего с набросанным мною образцом. Новое доказательство, что господа консерваторы только суетятся в СПб., но никакой силы и влияния не имеют» [2, л. 74–75].

События, связанные с роспуском Думы и назначение премьером П.А. Столыпина породили у Тихомирова надежду на то, что на политическом олимпе России появилась сильная фигура. Тихомирову и Столыпину суждено было не только встретиться, но и начать весьма плодотворное сотрудничество, что произойдёт уже в 1907 году [4, с. 24–28].

Литература

1. Бухбиндер, Н.А. Из жизни Л. Тихомирова (По неизданным материалам) [Текст] / Н.А. Бухбиндер // Каторга и ссылка. – М., 1928. – № 12. – С. 59–70.
2. ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 16.
3. Козьмин, Б.П. Зубатов и его корреспонденты [Текст] / Б.П. Козьмин. – М. ; Л. : Государственное издательство, 1928. – 144 с.
4. Репников, А.В. «Я верю в Россию...». Тихомиров и Столыпин: надежды и разочарования [Текст] / А.В. Репников, О.А. Милевский // Родина. – 2012. – № 4. – С. 24–28.
5. РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 4234. Л. 43.
6. Репников, А.В. 1905 год на страницах дневника Л.А. Тихомирова [Текст] / А.В. Репников // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2012. – № 4. – С. 50–55.

ББК 63.3(2)524+67.401.212(2)
УДК 94(47).083+351.746(470-89)

Ю.В. ВАРФОЛОМЕЕВ

ВЛАСТЬ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: РАССЛЕДОВАНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИЕЙ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПРЕЦЕДЕНТОВ, СВЯЗАННЫХ С НЕКОНСТИТУЦИОННЫМ ПРИНЯТИЕМ ЗАКОНОВ

Y.V. VARFOLOMEEV

THE POWER AND THE LEGISLATIVE INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN EMPIRE: AN INVESTIGATION OF PRECEDENTS CONNECTED WITH THE ADOPTION OF UNCONSTITUTIONAL LAWS BY THE EXTRAORDINARY INVESTIGATION COMMISSION OF PROVISIONAL GOVERNMENT

В статье рассматривается деятельность Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по расследованию злоупотреблений царской власти, связанных с применением законодательства в порядке ст. 87 Основных законов Российской империи, а также нарушений законов, связанных с порядком созыва Государственной Думы, объявления перерывов её занятий и роспуска, а также по проблеме так называемых «бланковых» указов.

The article considers the activities of the Extraordinary investigation Commission of Provisional government on the investigation of abuse of the tsar authority, related to the application of the legislation in order of article 87 of Basic laws of the Russian Empire, as well as law breaking connected with the procedure of the convocation of the State Duma, the announcement of breaks and the dismissal of the parliament, as well as on the problem of the so-called «unsecured» decrees.

Ключевые слова: Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства, расследование, нарушения, Основные законы Российской империи.

Key words: the Extraordinary investigation Commission of Provisional government, the investigation, violations, Basic laws of the Russian Empire.

Указом Временного правительства от 4 марта 1917 г. была учреждена Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц Российской империи (далее – ЧСК) [2], одно из 12 направлений деятельности которой было определено следующим образом: «Власть и законодательные учреждения. Детали: правительство и Государственная Дума: организация выборов и злоупотребления, при этом допущенные; созывы Государственной Думы; перерывы её занятий; роспуски и бланковые указы» [5, т. 1, с. XXII]. Первым этапом, так называемых «игр с Государственной Думой», по мнению председателя ЧСК Н.К. Муравьёва было вмешательство со стороны властей в ход избирательной компании были, после которых, по его мнению, наступил момент, когда «…создавшие по этому бесстыжему проекту III Думу, путём преступлений, путём преступного превышения власти стали играть с этою самою Думою, стремясь всемерно к одному – к осуществлению такого строя, который предшествовал строю 1905–1906 гг.» [4].

«Политические игры», о которых говорил председатель комиссии, заключались, прежде всего, в принятии законов на основании ст. 87, когда стали, по его выражению, «искусственно не созывать Государственную Думу,

стали искусственно укорачивать её сессии» [Там же]. Содержание печально знаменитой 87-й статьи Основных законов Российской империи сводилось к следующему. Во время прекращения занятий Государственной Думы в случае необходимости, вызванной чрезвычайными обстоятельствами, царь издаёт законы без участия Думы. Но если они не будут внесены в Думу в течение первых двух месяцев после возобновления её работы или будут отвергнуты палатами, эти законы потеряют силу. Действие статьи не распространялось ни на Основные законы, ни на законы о Думе и Государственном совете, ни на избирательный закон.

Отношение депутатов законодательного органа к подобной практике было различно. Левое крыло, например, относилось к законодательствованию по 87 ст. крайне негативно, и «нельзя не признать в их отрицательном отношении доли правды, – считал председатель Думы М.В. Родзянко, – потому что мы могли проводить законы в законодательном порядке и давали доказательства, что мы на это способны, так как нужные законы мы проводили в 2–3 дня, соблюдая известные формальности, предписанные наказом» [5, т. 7, с. 145].

Отношение правого крыла думцев, как и следовало ожидать, было положительное. Большинство представителей правых фракций считали, что Дума вообще не нужна, и правительству следует законодательствовать непосредственно по 87 статье. Отношение центра и прогрессивного блока было переменчивым и варьировалось в зависимости от того в какой момент и в каких условиях эта статья применялась. Случалось так, что «в периоды, когда Дума была распущена, на все законодательные акты, касающиеся войны и не требующие отлагательства, мы смотрели сквозь пальцы, – признавался один из лидеров центра М.В. Родзянко, – и считали, что их надлежало утверждать» [Там же].

В то же время, прогрессивный блок подготовил соответствующий запрос, и на ближайшей повестке дня сессии стояло отклонение всех законов, принятых по 87 ст. Однако почему этого не было сделано, пояснил А.И. Шингарёв: «Дума не внесла запросов на основании общего контура своей политики во время войны. Пока она резко не столкнулась с правительством, она не считала (необходимым поднимать запросы, и только в конце запросы посыпались как из мешка). Военно-полевое управление осталось без запросов, остались без запроса правила военного фонда и проч. Все это отмечалось в речах и докладах, но формальных запросов внесено не было» [Там же, с. 24].

Председатель Думы, говоря о практике рассмотрения законов и нецелесообразности их принятия по 87 ст., уточнял: «У нас был составлен реестр: часть законов подлежала принятию, потому что они были целесообразны и отвечали данной минуте, но их было не много, а все остальные мы проектировали к отклонению. Так что отношение Государственной Думы в её целом к законодательствованию по 87 ст. было отрицательное, за исключением правого крыла» [Там же, с. 146].

Злоупотребление эксклюзивными возможностями 87 ст. подчас приводило к серьёзным столкновениям Думы с правительством. Так, в III Думе, произошёл конфликт депутатов с председателем совета министров П.А. Столыпиным, в результате которого серьёзно пострадал авторитет и влияние последнего. События развивались таким образом, что он, по словам А.И. Шингарёва, постепенно все больше терял полноту власти, которая, как он думал, у него есть: «Большинство членов Думы также теряло веру в Столыпина, и обаяние его быстро утрачивалось» [Там же, с. 7].

Последнее происшествие, причинившее ему большие осложнения в этом смысле, была история с западным земством. Заключалась она в том, что в Думе, несмотря на протесты левых фракций, проект, внесённый Столыпиным, прошёл с некоторыми ограничениями. В Государственном совете тот же проект был отклонён, несмотря на его защиту Столыпиным. Тогда был устроен искусственный трёхдневный перерыв, во время которого указом царя по 87-й ст. было проведено положение о западном земстве.

Это было грубое нарушение самого смысла ст. 87 Основных законов, поэтому и в Думе, и в Государственном совете одновременно были внесены запросы председателю совета министров по поводу неправомерных действий власти. Несмотря на сильную аргументацию и объяснения Столыпина по поводу этого инцидента, и в верхней, и в нижней палате запросы были приняты. «Наиболее близкий Столыпину человек, Гучков, до такой степени расстроился этим фактом, что сложил свои полномочия, как председатель Думы, – вспоминал Шингарёв. – Ему это было непонятно. Он протестовал всеми силами своей души против такого изнасилования законодательных учреждений, но в то же время дружба со Столыпиным была так велика, что он предпочёл уйти сам. Я так себе объясняю это психологически» [Там же].

Целый ряд фактов, выявленных ЧСК, свидетельствовал о неполноте бюджетных прав Думы. Так, между IV Думой и министром финансов возник спор о том, имеет ли право министр финансов проводить по 87 статье налоги. С момента начала войны почти все налоговые мероприятия П.Л. Барк проводил по 87 статье, и только один подоходный налог он предоставил провести Думе в обычном порядке, не желая обращать против себя недовольство состоятельных классов. Он предоставил возможность провести Думе только этот налог, а десятки других налоговых мероприятий – повышение акцизного сбора, установление сбора на грузовое и пассажирское движение, на хлопок и пр., все было проведено по 87 статье. «И хотя Дума ворчала, хотя высказывала осуждение, хотя упрекала в бюджетной комиссии, он упорно проводил по 87 статье, – отмечал А.И. Шингарёв. – Обыкновенно бывала такая картина: после короткой сессии Дума распускалась, и вот, после роспуска, в перерыв, проводились все налоги по 87 статье. До сих пор масса налогов военного времени действует в качестве мер, проведённых по 87 статье и подкреплённых народным представительством. Таких примеров можно набрать десятки» [Там же, с. 19–20].

Эмиссионное право Государственного банка также проводилось по 87 ст. Однако по этому поводу возник серьёзный спор между министром финансов Барком и кадетом А.И. Шингарёвым. Депутат доказывал, что расширение эмиссионного права Государственного банка по 87 ст. проводить не следует. Министр финансов публично дал слово в заседании бюджетной комиссии Государственной Думы, что больше он этого не сделает, и, тем не менее, случилось следующее. В 1915 г. он поехал в Англию заключать финансовый договор по поводу экономической помощи Англии в военных расходах России. В соответствии с договором Англия гарантировала через свой государственный банк выпуск кредитных билетов на сумму 2 миллиарда. «Таким образом, – утверждал А.И. Шингарёв, – было обойдено эмиссионное право законодательных учреждений, и помимо Думы министерство финансов получило право на выпуск 2-х миллиардов кредитных билетов, обеспеченный не соглашением Думы, не одобрением закона, а волею английского правительства и английского банка» [Там же, с. 20].

По этому поводу Государственная Дума сделала указание министру финансов о том, что этот договор заключен в обход закона, и это совершенно незаконно. Это ничто иное, как нарушение прав представительного органа законодательной власти, и, следовательно, этот кредитный выпуск нелегальный. «Это было, – вспоминал А.И. Шингарёв, – насколько я знаю, последнее крупное нарушение бюджетных прав Думы при старом строе. Такова в сущности скучная и скорбная история бюджетных отношений старого правительства и народного представительства. Начались эти споры в 1907 г. во 2-й Думе упорно продолжались через всю 3-ю и 4-ю Думы и фактически подходили только к умалению прав Думы. Добиться расширения, улучшения и даже усиления своих прав Дума никогда не могла» [Там же].

Между тем несколько раз в III и IV Думах фракция левых вносила законопроект об отмене сметных правил 8 марта 1906 г. Дума их принимала, а Государственный совет, по требованию министерства финансов, отклонял.

Министр финансов упорно доказывал, что бюджетные права Думы совершенно достаточны, и что их расширять вовсе не нужно. «При этом даже карикатурная статья бюджетных правил 1906 г. осталась до сих пор неотменённой, – сетовал Шингарёв. – <…> Там есть статья 13–14, которая говорит о том, что же будет в случае разногласия Думы с советом. Оказывается, что должна быть согласительная комиссия» [Там же]. Однако реализации механизма согласительной процедуры не существовало. В том случае если соглашение не было достигнуто, – значилось в статье, – тогда в роспись вносилась в кредит, наиболее близкий к кредиту последней утверждённой росписи. Что это значило, и кто конкретно должен был вносить в роспись этот кредит, статья бюджетных правил не разъясняла [Там же].

ЧСК заинтересовал вопрос: как Дума реагировала на то, что в порядке 87 ст., при явно искусственных перерывах занятий Думы, проводились мероприятия, облагавшие население излишним налоговым бременем? Депутат А.И. Шингарёв объяснил это следующим образом: «Шла война, и, как вы знаете, в первый год войны Дума совсем не вступала в спор с правительством, только в бюджетной комиссии были указания Годнева и мои. Годнев настаивал на том, что налоги на граждан, вообще, незаконно налагать по 87 статье. Это находило слабое отражение и в докладах бюджетной комиссии, но формального протеста ни разу не было. Объяснялось это политикой, которую вело во время войны большинство Государственной Думы по отношению к власти. Иногда даже самые острые моменты наших споров оказывались совершенно неизвестными публике» [Там же, с. 21]. Например, необычайно драматичный спор произошёл в 1915 г. на частном заседании членов Государственной Думы с царскими сановниками: И.Л. Горемыкиным, В.А. Сухомлиновым и Н.А. Маклаковым. Такая форма совещания была вызвана тем, что левые фракции Думы хотели обсудить важные проблемы с членами правительства, но так как было решено не выносить эту острую и сложную дискуссию на публику, и было устроено частное заседание Думы, в котором все и было высказано.

Если позиция депутатов по отношению к 87 ст. в ходе расследования была выяснена, то, что касается представителей исполнительной власти, то здесь при разборе этого вопроса членам комиссии пришлось столкнуться с большими трудностями. Когда председатель ЧСК задал подследственному И.Л. Горемыкину конкретный и внятный вопрос: «…Не можете ли вы сказать нам, каково было принципиальное отношение ваше и совета министров к 87 статье, какие пределы пользования этой статьёй считали вы законными и какие незаконными?», – бывший глава правительства заявил: «Я не совсем понимаю этот вопрос…» [5, т. 3, с. 311–312]. Пытаясь добиться от Горемыкина вразумительного ответа по практике применения 87-й статьи, Муравьёв даже полностью зачитал ему текст этой статьи. Но и на этот раз тот, почти издеваясь, ответил: «Буквально так и понималось Советом министров» [Там же, с. 312]. Не оставляя надежды выяснить истину, председатель просит допрашиваемого дать хотя бы общий очерк его отношения к 87-й статье, но Горемыкин снова уходит от ответа: «Нет, не могу дать в настоящее время» [Там же, с. 314].

Несмотря на упорное нежелание Горемыкина давать внятные объяснения по поводу противоправных действий правительства в связи с применением ст. 87, Комиссии удалось собрать достаточное количество фактов, изобличающих порочную и, как выяснилось, преступную практику законотворчества в обход Государственной Думы. Разоблачая этот противоправный порядок издания законов, председатель ЧСК, на основе материалов следствия, смог утверждать, что в правительстве «вырабатывали проекты до Думы и выработанные проекты держали в портфелях, пока Дума существует, затем, чтобы внести их без Думы, – к чему беспокоиться» [4]. На основании приведённых фактов Муравьёв смог образно и метко определить сложившийся в эти годы порядок государственного управления как «период

бездумья» [Там же]. Де-юре Государственная Дума существовала, но де-факто царское правительство при принятии решений всячески стремилось её обойти, и тем самым изолировало её от процесса правотворчества и реального влияния на жизнь страны.

Комиссия документально установила, что во время Первой мировой войны правительство принимало по 87-й статье десятки и сотни законов, в том числе и жизненно важных, совершенно открыто игнорируя народное представительство. В эти годы вошло в практику принятие законов по 87-й статье за несколько дней до открытия очередной сессии. «В этот период бездумья <…>, – отмечал Муравьёв, – за короткое время создали 384 закона помимо Думы» [Там же]. Подобная практика, безусловно, противоречила легитимному процессу законотворчества, при котором нормативно-правовые акты высшей юридической силы должны были приниматься государственными учреждениями России, т. е. Государственной Думой и Государственным Советом.

Одновременно с тем, председатель ЧСК обратил внимание и на тот факт, что среди законов, принятых в исключительном порядке, были и такие, которые обременяли население новыми налогами, вводили дополнительные повинности, в том числе и личного характера, как, например, закон об инородцах. Были приняты законы, которые, как заявил Муравьёв, выражали «чисто классовые интересы – вроде законопроекта о допущении труда под землёю для малолетних, не достигших 15 лет, и для женщин, – законопроект, который недавно отменен» [Там же].

Обобщая факты правительственных злоупотреблений, связанных с применением ст. 87, А.Я. Аврех точно заметил, что «…на деле было явное издевательство над законом и правами Думы, но формально все было правильно, и все попытки ЧСК доказать, что налицо было нарушение закона, оказывались несостоятельными» [1, с. 92]. Но, несмотря на то, что привлечь к правовой ответственности организаторов «игр» с Думой у Комиссии не было достаточных оснований, тем не менее, её несомненной заслугой явилось то, что были документально доказаны факты вышеперечисленных нарушений. А значит, все законы, принятые в исключительном порядке, подлежали пересмотру, а при необходимости и отмене.

В связи с «делегированием» и 87-й статьёй в поле зрения ЧСК попал ещё один криминальный сюжет – незаконная контрасигнация царских указов. Эту версию выдвинули председатель Комиссии и сенатор Н.Д. Соколов. Суть этого вопроса сводилась к следующему. Поскольку царь по закону был неответственен, ответственность за подписанные им незаконные акты должен был нести министр, скрепивший (контрасигновавший) параф самодержца своей подписью. «Государь был, по существующим законам, безответственным, – разъяснял Муравьёв, – он мог делать свои распоряжения вперёд и как угодно; но ответственен был председатель совета министров, который не мог принимать к исполнению незаконные распоряжения» [5, т. 3, с. 310].

С правовой точки зрения контрасигнация по определению – это подпись министра на акте, исходящем от главы государства, означающая, что министр принимает на себя юридическую и политическую ответственность за данный акт, то с формально-юридической стороны предложение Муравьёва о привлечении к ответственности контрасигнаторов было правомерным и логичным. Но и на этот раз мнения по этому вопросу в Комиссии разделились, поэтому вопрос о министерской скрепе был передан на обсуждение юридического совещания, которое состоялось 7 апреля.

Ведущие отечественные специалисты-правоведы, участвовавшие в совещании, не поддержали версию Муравьёва и Соколова. Проф. А.Н. Лазаренко, например, заявил, что в контрасигнации нет преступления, раз монарх не выходит за пределы закона, а указы о перерывах в занятиях Думы, как бы они ни были вредны для народа, формально были законны [3, д. 2. Л. 19]. Проф. Э.В. Нольде пошел еще дальше. Скрепа по русскому праву, под-

черкнул он, не имела того значения, какое она имела, например, в английском законодательстве. «У нас в сущности не было политической скрепы, влекущей ответственность министра перед народным представительством, а скорее только канцелярская форма, удостоверение правильности акта, вызывавшая ответственность министра только перед монархом» [Там же, л. 19об], – отметил Нольде. В то же время один из «героев», – вокруг которого скрестили шпаги в этой полемике юристы, – И.Л. Горемыкин, отвечая на вопрос об ответственности министра за контрасигнацию, признал правоту Муравьёва: «Эта точка зрения, которую я нисколько не могу оспаривать, потому что я не могу же оспаривать эту точку зрения <…> Может быть, это закон такой, но только закон…» [5, т. 3, с. 310].

Несмотря на неблагожелательные оценки экспертов, Муравьёв, уверенный в своей правоте, долго и упорно отстаивал мысль о привлечении министров за нарушение закона в связи с 87-й статьей, но, в конце концов, уступил мнению большинства. «Стоило большой борьбы в течение двух месяцев, – драматизируя ситуацию, утверждал в связи с этим А.Ф. Романов, – чтобы заставить Муравьёва отказаться от подобной нелепости» [7, с. 29]. Конечно, никакой «нелепости», как необъективно и некорректно отозвался Романов, в предложении председателя Комиссии не было, но в тот момент его идея так и не нашла себе сторонников.

Одной из серьёзных политико-криминальных тем, которая оказалась в поле зрения ЧСК, была проблема существования каких-либо посягательств и умыслов членов правительства или власть имущих по поводу изменения Основных законов Российской империи. Председатель Думы М.В. Родзянко, как наиболее осведомлённый на этот счёт государственный деятель сообщил членам комиссии, что настоятельное требование относительно изменения Основных законов было в Царском Селе, и исходило оно, главным образом, со стороны императрицы, которая почему-то находила, что слишком много дано свобод, и что на эти свободы надо наложить известное veto. «Но император колебался, – отмечал Родзянко. – По крайней мере, когда я ему поставил вопрос в упор, он сказал, что Думе ничего не угрожает. Это я определённо готов показать, где угодно. Так что тут, по-видимому, происходила борьба между ним и ею, а может быть и среди тех, которые стояли за их спиной» [5, т. 7, с. 147].

В то же время император давно вынашивал мысль об изменении статьи Основных законов, в силу которой, если Государственная Дума не согласится с изменениями Государственного совета и не утвердит проекта, законопроект уничтожается. 18 октября 1913 г. Николай II направил письмо по этому поводу министру внутренних дел Н.А. Маклакову, в котором, обосновывая свою идею, рассуждал следующим образом: «считаю необходимым и благовременным немедленно обсудить в совете министров мою давнишнюю мысль об изменении статьи Гос. Думы, в силу которой, если Гос. Дума не согласится с изменениями гос. совета и не утвердит проекта, законопроект уничтожается. Это, при отсутствии у нас конституции, есть полная бессмыслица. Предоставление на выбор и утверждение государя мнений большинства и меньшинства будет хорошим возвращением к прежнему спокойному течению законодательной деятельности, и притом в русском духе» [Там же, с. 148]. Для обсуждения этой проблемы летом 1914 г. в экстренном порядке император созвал совещание для обсуждения вопроса об изменении характера законодательных учреждений и о превращении их в законосовещательные.

В тот день, перед проведением заседания правительства председатель Думы М.В. Родзянко докладывал царю о положении в Польше. Николай II, вероятно под впечатлением довольно резкого доклада Родзянко, обратился к министрам с такими словами: «Я надеюсь, господа, что вы мне скажете правду, такую же резкую, какую я только что выслушал от председателя Государственной Думы» [Там же]. Но правды, тем более резкой и нелицеприятной Николаю II, судя по всему, ему не удалось услышать от своих ближайших са-

новников и царедворцев ни тогда, ни вплоть до отречения. В противном случае он не записал бы в своём дневнике 2 марта 1917 г. с болью и отчаяньем: «Кругом измена и трусость и обман».

Накануне гибели империи в кругах близких к Николаю II рассматривалось три варианта решения судьбы представительного органа власти, а вместе с этим и внесение соответствующих изменений в текст Основных законов. Первая версия, это – временная отсрочка Государственной Думы в декабре 1916 или январе 1917 г. При этом тогдашний министр внутренних дел А.Д. Протопопов настаивал на полном роспуске Думы и на проведении новых выборов. Причём своих намерений он не скрывал, и даже попытался продавить свою идею при поддержке промышленных кругов. Для реализации этой цели по инициативе Протопопова была даже учреждена газета «Русская Воля», правда, которая потом оказалась совершенно не того направления, которое он ожидал. Вторая версия отражала более лояльную точку зрения и заключалась в том, чтобы объявить лишь отсрочку заседаний представительного органа, что, в общем-то, и последовало. Третья версия была самой радикальной – роспуск Государственной Думы без вариантов, coup d'etat. Родзянко уточнил, что все эти три варианта «могли быть осуществлены каждый момент, потому что бланки находились (я доподлинно это знаю) у кн. Голицына: тот, другой и третий» [Там же].

Вместе с тем, большинство политиков постепенно склонялись к мысли, что законодательные права Думы необходимо сохранить, за исключением, возможно, параграфа, определяющего то, что закон, не принятый Государственной Думой дальнейшему рассмотрению не подлежит. Предлагалось изменить его в следующей редакции: если даже закон, и отвергнут Думой, то он все равно переходит на дальнейшее рассмотрение и заключение Государственного совета, и в конечном итоге только верховной власти предоставляется право или принять его, или нет, согласившись с Госсоветом и с Думой. Это как раз и была идея императора, поддержанная, как видно, некоторыми представителями и законодательной и исполнительной властей.

В ЧСК пыталась выяснить были такие моменты в жизни Государственной Думы, когда, в связи с появлением определённых лиц у власти, положение представительного органа и основных законов становилось критическим, и казалось, что им грозит опасность? Отвечая на этот вопрос, председатель Думы М.В. Родзянко указал, что он помнит только один момент, когда под угрозой оказались положения Основных законов «это было в 3-й Думе – знаменитые шаги по 94 ст. Тогда, действительно, Столыпин уступил. А в 4-й Думе я этого не помню, или мне память изменяет, но я не помню, чтобы была угроза об изменении основных законов» [Там же], – заверил он.

В то же время, отношение императора к Думе и к её председателю периодически менялось. Причём это могло зависеть от разных причин, сторонних влияний и даже сиюминутного настроения Николая II. «Например, если я сидел у него гораздо дольше, значит, он был ко мне милостив, и тогда я знал, что он на стороне Думы, – вспоминал М.В. Родзянко. – Членов гос. совета он считал оплотом и надеждой, я это чувствовал. А по отношению к Думе были периоды, когда он был мягок, например, в начале войны. Ясно было, что он чрезвычайно благоволил. Например, когда вернулась императрица Мария Фёдоровна, мы встречали её в Петергофе (он меня к себе потребовал)...» [Там же].

Во время высочайших аудиенций Родзянко всегда пытался уловить отношение императора к Думе. Переживая за целостность и права Думы, председатель в своих докладах по несколько раз возвращался к этому вопросу, и неизменно получал заверение Николая II в том, что Думе ничего не грозит. «Когда я бывал на докладах, – вспоминал Родзянко, – каждый раз не пропускал случая и старался уловить его взгляд, потому что он редко смотрел в глаза, а я его всегда фиксировал и думал, что, может быть, как-нибудь, путём смущения, что-нибудь уловлю, но не улавливал ничего» [Там же, с. 148–149].

В мае 1915 г. после неоднократных «доношений» министра внутренних дел Н.А. Маклакова царю о том, что Государственная Дума и её председатель стремятся превысить свою власть и значение в государстве, и, ища популярности, стремятся умалить власть императора, М.В. Родзянко вынужден был просить специальной аудиенции у Николая II, чтобы отмести эти инсинуации. После встречи у него сложилось впечатление, что цели своей он достиг, тем более что император в конце поблагодарил его за «прямой, искренний и смелый доклад».

Однако каково было удивление и разочарование Родзянко, когда сенатор Н.Н. Таганцев после допроса в ЧСК показал ему одно из майских (1915 г.) донесений Маклакова, в котором тот убеждал монарха в необходимости «уменьшения прав Государственной Думы и на сведение её на степень законосовещательного учреждения» [6, с. 23]. Для бывшего председателя Думы очередной пасквиль Маклакова не представлял ничего нового, в то время как собственноручная запись, сделанная рукой Николая II на обратной стороне этого документа заставила усомниться его в искренности императора во время их встреч. «Действительно, – соглашался царь с Маклаковым, – время настало сократить Государственную Думу. Интересно, как будут при этом себя чувствовать г.г. Родзянки и К°» [Там же, с. 24]. По числам эта запись совпадала с тем временем, когда император внешне шёл навстречу к совместной работе с представительным органом и общественными организациями и даже обсуждал совместно с Родзянко проект создания Особого Совещания по обороне.

Отсюда можно сделать вывод о том, что отношение императора к Думе в целом и к различным депутатам в частности, находилось, прежде всего, под влиянием его жены. Наряду с этим, оно могло в какой-то степени изменяться в связи со сменой лица, стоявшего во главе правительства, или приближенного лица, пользовавшегося его особым доверием. Слухи, предложения и проекты о превращении Думы из законодательной в законосовещательную действительно существовали, но, при этом, они не трансформировались в непосредственные и реальные угрозы, способные изменить положения Основных законов государства. Таким образом, по итогам расследования деятельности верховной и исполнительной ветвей власти ЧСК определила две основные области нарушения законов: так называемое делегирование части прерогатив верховной власти в пользу председателя Совета министров и законодательствование по 87-й статье Основных законов.

Литература

1. Аврех, А.Я. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства. Замысел и исполнение [Текст] / А.Я. Аврех // Исторические записки. – Т. 118. – М., 1990. – С. 9–98.
2. Вестник Временного правительства. – 1917. – № 1. – 5 марта.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1467. Оп. 1.
4. Муравьёв, Н.К. О работе Чрезвычайной следственной комиссии. Доклад на Первом Всероссийском съезде Рабочих и Солдатских депутатов [Текст] / Н.К. Муравьёв // Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских депутатов. – 1917. – № 95. – 18 июня.
5. Падение царского режима. Стенографические отчёты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства в 1917 г. : в 7 т. – М. ; Л., 1924–1927.
6. Родзянко, М.В. За кулисами царской власти [Текст] / М.В. Родзянко. – М. : Панорама, 1991. – 47 с.
7. Романов, А.Ф. Император Николай II и его правительство (по данным Чрезвычайной Следственной Комиссии) [Текст] / А.Ф. Романов // Русская летопись. – Париж : Русский очаг. – 1922. – Кн. 2. – С. 1–38.

ББК (Т)63.3(2)
УДК 94(17)

А.В. СОКОЛОВ

РЕВИЗИЯ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЛАВРЫ В 1917 ГОДУ: НЕРЕАЛИЗОВАВШИЙСЯ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЗАКАЗ

A.V. SOKOLOV

REVISION OF THE ALEXANDER NEVSKY MONASTERY IN 1917: UNREALIZED POLITICAL ORDER

Статья посвящена деятельности судебного следователя П.А. Александрова в период проведения ревизии Александро-Невской Лавры в Петрограде в 1917 году. Пристрастность, с которой подбирались материалы против бывшего Петроградского митрополита Питирима (Окнова), позволяет сделать вывод о наличии политического заказа по сбору сведений, компрометирующих митрополита и его окружение. При написании статьи использованы ранее неизвестные документы из Российского государственного исторического архива (РГИА), а также из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Отдела Рукописей Российской Национальной Библиотеки (ОР РНБ).

The article is devoted to the activities of P.A. Alexandrov, a legal investigator, during the revision of the Alexander Nevsky Monastery in St. Petersburg in 1917. The materials selected by Alexandrov with bias against the former Petrograd Metropolitan Pitirim (Oknov) demonstrate that there must have been some political order to find the compromising data about the Metropolitan and his entourage. The article used previously unknown documents from the Russian State Historical Archive, as well as from the State Archive of the Russian Federation and the Department of Manuscripts of the National Library of Russia.

Ключевые слова: Временное правительство, Синод, Александро-Невская Лавра, Владимир Львов.

Key words: Provisional Government, Synod, Alexander Nevsky Monastery, Vladimir Lvov.

История Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры в Петрограде в 1917 г. рассмотрена в статье М.В. Шкаровского, вышедшей в журнале «Христианское чтение» в 2010 году. Автор упоминает и о ревизии монастыря, назначенной в мае 1917 г. Святейшим Синодом, и в том числе, о «представителе обер-прокурора», вошедшем в состав ревизионной комиссии. Однако причины появления этого «представителя», его задачи и результаты его деятельности остались за рамками исследования [9].

До весны 1917 года Лавра являлась резиденцией митрополита Петроградского Питирима (Окнова), которого считали ставленником Г.Е. Распутина. Назначение Питирима на столичную кафедру (также как и митрополита Макария (Невского) на Московскую) действительно было произведено с грубым нарушением церковных канонов по прямому распоряжению Николая II, оформленному в виде «верноподданнейшего доклада» обер-прокурора Святейшего Синода. При этом синодальные архиереи лишь задним числом узнали о состоявшихся назначениях [7, с. 38]. Имя преосвященного неизменно называлось в числе представителей так называемой «камарильи» и вызывало неприязнь даже в самых правых кругах. Вот как писал о нём в стихах, посвящённых министерской чехарде 1916 года, В.М. Пуришкевич:

Их жизни срок сейчас минует,
Уходят, вслед им серый дым,
И прочен лишь один Распутин,
Да долгогривый Питирим [ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 24. Л. 19].

Неудивительно, что в дни Февральской революции, когда арестовывали и привозили в Государственную думу царских министров, солдаты доставили из Александро-Невской Лавры в Таврический дворец и Петроградского митрополита. Однако члены ВКГД объявили Питириму, что ордера на его арест никто не давал, и разрешили вернуться в обитель. Перед отъездом Питирим подал председателю Думы прошение об увольнении на покой [8, с. 122]. Видимо из-за такой «сговорчивости» митрополита Временное правительство поступило с ним крайне мягко и избавило от разбирательств в Чрезвычайной следственной комиссии, занимавшейся одиозными представителями павшего режима. 6 марта Синод утвердил отставку Питирима с назначением ему пенсии 4 000 рублей в год из церковных средств и местопребыванием на Кавказе. Для обеспечения охраны митрополита при отъезде из Петрограда обер-прокурор Синода В.Н. Львов даже обратился к главе правительства князю Г.Е. Львову [ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 328. Л. 1–1(об)].

Чуть менее чем через месяц, 11 апреля 1917 г., премьер-министр переправил В.Н. Львову записку монахов Киево-Печерской Лавры о необходимости участия монашества «в деле строительства церковной жизни на началах нового государственного строя» и с предложением провести ревизию лавры и других крупных монастырей «в экономическом и нравственном отношении». Премьер всецело одобрял эту идею, дослав 10 мая обер-прокурору подборку финансовых документов обители, из которых следовало наличие растраты более 2,5 тыс. рублей с «кружечных» поступлений за 1916 год [РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 12. Л. 2–3].

Инициатива киевских монахов пришлась по душе и обер-прокурору, однако начинать решили со столицы. В Свято-Троицкой Александро-Невской Лавре в середине апреля 1917 г. также состоялись несколько собраний её «насельников», в ходе которых было решено ходатайствовать перед Синодом об обращении Лавры в ставропигию, смене наместника и проведении ревизии [7, с. 32]. 5 мая В.Н. Львов официально предложил Синоду образовать ревизионную комиссию для обследования Александро-Невской Лавры, что и осуществили указом от 6 мая. Комиссию возглавил епископ Сердобольский Серафим (Лукьянов), его ближайшим помощником стал директор синодального контроля М.А. Дьяконов. Их наделили правом привлечения в комиссию других лиц и устранения от должностей насельников Лавры [РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 12. Л. 24]. Одновременно Синод уволил весь состав Духовного собора монастыря, включая наместника архимандрита Филарета. На его место временно назначили епископа Елисаветградского Прокопия (Титова). Указом от 26 мая было введено в действие новое «Положение об Александро-Невской лавре», переподчинившее её непосредственно Святейшему Синоду [9, с. 9–10].

Однако проводимой духовными властями проверки обер-прокурору показалось мало. Он связался с министром юстиции П.Н. Переверзевым, предложив назначить в состав ревизионной комиссии ещё некоего «особого представителя», который займётся своим собственным параллельным расследованием. Переверзев 18 мая предложил кандидатуру судебного следователя по особо важным делам П.А. Александрова, и 30 мая Синод своим определением утвердил его участие в комиссии как «представителя обер-прокурорской власти». Александров взял себе в помощники судебного следователя П.А. Тераевича и ещё двух служащих [РГИА. Ф. 797. Оп. 86. III Отд. 5 Стол. Д. 12. Л. 11, 13]. Надо отметить, что В.Н. Львов в марте 1917 г. уже неоднократно поручал проведение ревизий деятельности духовенства светским лицам. Так, в Екатеринбург он направил подпоручика П.В. Тарусина с поручением провести ревизию деятельности епископа Серафима (Голубятникова), а в Рязань командировал прапорщика артиллерии М.В. Николаева [РГИА. Ф. 797. Оп. 86. I Отд. 1 Стол. Д. 94. Л. 2–3]. Однако никогда назначение не происходило на таком высоком уровне, что свидетельствует о важности предполагаемо-

го расследования. Думается, после апрельского кризиса правительству весьма пригодились бы скандальные сведения, демонстрирующие «язвы» павшего самодержавного строя.

Задачей «особого представителя» стало изучение «распутинских злодеяний», имевших место в монастыре до революции. При этом П.А. Александров не испытывал никаких сомнений относительно того, что от него ожидаются именно громкие разоблачительные материалы. С самого начала объектами своего пристального внимания Александров выбрал «распутинский кружок» – митрополита Питирима (Окнова) и его приближённых. Член ревизионной комиссии С.П. Каблуков прямо отметил в своём дневнике, что «Александров с двумя подручными» занимался Питиримом, наместником Филаретом, «экономистом» Афанасием и «Питиримовским другом» И.З. Осипенко [4, л. 158]. На самом деле, как следует из отчёта П.А. Александрова, эконом Афанасий его практически не интересовал. Хоть он и был близок к о. Филарету, но, видимо, являлся слишком мелкой фигурой для громкого разоблачения.

Ещё раз отметим, что к моменту начала ревизии Питирим с ведома и при поддержке правительства уже уехал на Кавказ, а с митрополитом отбыл и И.З. Осипенко. Архимандрита Филарета ещё до начала ревизии 6 мая 1917 г. Синод уволил с занимаемой должности, и летом того же года бывший наместник Лавры скончался [9, с. 18]. Таким образом, итогом расследования Александрова действительно могло стать именно выявление каких-то фактов, призванных возбудить общественный резонанс, а не реальное привлечение виновных к административной или уголовной ответственности.

Ревизия длилась около полутора месяцев, с 16 мая по 14 июля 1917 года [4, л. 158]. В ходе неё, кроме всего прочего, епископ Серафим (Лукьянов) с разрешения Синода в присутствии архиепископа Вениамина (Казанского) и епископа Прокопия (Титова) произвёл вскрытие массивной серебряной раки с мощами Св .бл. кн. Александра Невского для освидетельствования останков [2, с. 32]. Следователь Александров, взявшийся за дело с небывалым энтузиастом, жаловался, что отведённого ему времени явно недостаточно для «проведения всестороннего расследования». Особенно его беспокоил факт юридической неопределённости его статуса: обер-прокурор не известил его ни об объёме предоставленных полномочий, ни о порядке работы, в результате чего роль следователя, по его словам, носила чисто осведомительный характер. «В моих руках не было средств и способов, которые вообще необходимы для раскрытия злоупотреблений, – писал Александров. – При отсутствии каких-либо инструкций, предоставляющих мне известные права, я лишён был возможности обязывать лиц явкою для дачи показаний, лишён был возможности производить (в случае надобности) обыски и, если лица и приглашались для сообщения необходимых сведений, то явка их и дача сведений в виде опросов носила чисто добровольный характер» [1, л. 20]. Тем не менее, Александрову отвели для работы помещение в Зимнем дворце (следственную комнату № 19), и он сумел опросить значительное количество свидетелей, в том числе сотрудников центральных учреждений Синода, монахов Лавры, прислугу, швейцаров, водителей, поваров, кучеров и т. д. Собранные материалы (протоколы допросов и осмотров, доклады, отношения, справки и пр.) составили довольно внушительный том [5]. По заключению Александрова, они свидетельствовали «о расстройстве некоторых отраслей ведения хозяйства» Лавры и «злоупотреблениях», а также давали достаточно оснований для возбуждения уголовного преследования против виновных в них лиц [1, л. 21].

Свой отчёт о проделанной работе П.А. Александров начал с оценки общего положения обители, сложившегося при митрополите Питириме. Как писал Александров, «Питирим приблизил к себе Лаврского эконома Филарета, предоставив ему место высокое наместника Александро-Невской Лав-

ры. Кроме того, исключительное положение при бывшем митрополите Петроградском занимал его «личный» секретарь Иван Зиновьевич Осипенко, числившийся по Красному Кресту как подлежавший отбыванию воинской повинности и состоящий заведующим Лазаретом Александро-Невской Лавры для раненных воинов» [1, л. 3–4].

Далее, «в митрополичьи покои почти ежедневно, в полуночные часы, через боковые Лаврские ворота, подъезжали автомобили с сановниками, военными и штатскими лицами, а также и женщинами. Особо частыми гостями Преосвященного Питирима были Протопопов, Штюрмер, Григорий Распутин, Манасевич-Мануйлов, Вырубова и др.» Это не могло не мешать нормальной жизни обители, особенно «светское пение» в покоях митрополита. Престарелого эконома Митропольичего дома архимандрита Евгения Питирим уволил с должности, исключил из числа членов Духовного собора Лавры и лишил казённой квартиры, так как «Распутин и Вырубова заподозрили, что он подглядывает» [1, л. 5].

Большая часть собранных Александровым сведений, однако, не могла иметь никаких правовых последствий для Питирима, разве что общественное осуждение. Действия митрополита, в том числе нарушение монастырского устава, теоретически подлежали рассмотрению духовного суда, но Александров не имел к нему никакого отношения. Единственным реальным обвинением Питирима стала информация о присвоении им значительных денежных сумм, предназначавшихся на нужды Лавры. Оклад митрополита состоял из фиксированных 4 000 руб. в год и одной трети с чистой прибыли монастыря. Однако этой прибыли в предреволюционные годы не было. В 1912–13 гг. вообще имелся дефицит монастырской сметы, и предшественник Питирима митрополит Владимир (Богоявленский) никакого дополнительного содержания не получал. Тем не менее, в октябре 1916 года архимандрит Филарет потребовал на заседании Духовного собора Лавры выплатить Питириму одну треть не с чистой прибыли, а с доходов вообще. Собор сначала отказался, но Филарет заявил, что директор Хозяйственного управления Синода А.А. Осецкий уже разрешил выплатить Преосвященному данным порядком 70 000 рублей. Тогда члены собора «из страха» подписали соответствующее постановление, а казначей Лавры Гедеон в тот же день подал прошение об отставке. Вскоре Питириму выдали указанную сумму из поступлений от продажи могильных мест и аренды лаврских земель, составивших как раз 70 327,39 руб. [1, л. 11]. Впоследствии А.А. Осецкий сообщил, что никакого разрешения он Филарету не давал [5, л. 11]. Кроме того, доходы монастыря за январь–октябрь 1916 г. составили 172 143,90 руб., то есть даже при предлагаемом Питиримом порядке расчёта треть должна была составить всего 57 381,30 руб.

В феврале 1917 г. Питирим затребовал себе третью часть доходов Лавры за ноябрь–декабрь 1916, которая по его подсчётам равнялась 14 117,07 руб. 5 марта, находясь в монастырской больнице, митрополит пригласил к себе секретаря канцелярии П.И. Тихомирова и вручил ему бумагу с постановлением Духовного собора и собственной резолюцией «согласен, 01.03.17». При этом Питирим произнёс: «хотя я раньше и не желал бы получить этих денег, но при настоящих обстоятельствах я бы не отказался». Митрополит, кроме того, передал Тихомирову бумагу с резолюцией о выдаче И.З. Осипенко по 100 руб. в месяц за заведование Лаврским лазаретом с начала 1917 года [1, л. 40]. В выдаче всех этих сумм Питириму отказали [5, л. 12].

Про наместника Лавры о. Филарета также удалось собрать немало сведений, большую часть которых составляли конечно же сплетни и слухи. Прежде всего, многие свидетели указали на наличие у монаха «гражданской жены» – престарелой почитательницы Г.Е. Распутина А.Г. Гущиной. Александров вызвал её для допроса в Зимний дворец 9 июня, но Гущина прислала бумагу, что находится в провинции и не может явиться из-за болезни [5, л. 31–32]. Так что ни опровергнуть, ни подтвердить данную информацию следователь не смог. Зато он собрал материалы о других – хозяйственных –

злоупотреблениях экономa. Выяснилось, что о. Филарет установил 10%-ый «откат», который требовал со всех, кто получал от монастыря заказы на проведение каких-либо работ. Об этом имелись показания подрядчиков. Квартиры в Лаврских домах «в некоторых случаях» также предоставлялись за взятки [1, л. 13]. Завещанную монастырю вдовой статского советника Кривошеина шкатулку с драгоценностями, оценённую в 1 200 руб., Филарет распродал, как он отчитался, за 620 руб., причём покупателями, возможно, не по собственной воле, стали в том числе писарь Духовного собора, эконом о. Афанасий и подрядчик Николаев [1, л. 14]. Ещё одно «деяние» наместника – распродажа по заниженным ценам имущества принадлежавшей монастырю «Митрополичьей дачи», находившейся около ст. Преображенская Варшавской железной дороги (ныне ст. Толмачёво). Скот ни с того ни с сего продали некоему голландскому подданному Оскару Никампу, о чём даже не уведомили заведующего имением иеромонаха Платона. Сам Никамп впоследствии сообщил, что ради этой сделки ему пришлось дать о. Филарету взятку [1, л. 15]. Интересно отметить и то, как по словам очевидцев вёл себя Филарет после ареста митрополита Питирима 28 февраля 1917 г.: «наместник сразу переменился как к Питириму, так и к Осипенке, а раньше были хорошие, тёплые отношения» [5, 40–40(об)].

Про «личного секретаря» Питирима И.З. Осипенко Александров отметил, что тот «несмотря на своё скромное сторублёвое содержание, вёл праздную жизнь, разъезжая постоянно на предназначенных для нужд Лавры лошадях, проводил совместно с Григорием Распутиным время в обществе женщин, не стесняясь даже привозить их и в стены Лаврской обители» [1, л. 5–6]. На допросе 25 мая 1917 г. директор канцелярии обер-прокурора В.И. Яцкевич сообщил, что одни считали Осипенко сыном Питирима, а другие «усматривают между ними ещё более «близкие» отношения» [5, л. 31]. Кроме этих слухов И.З. Осипенко уличили в «присвоении» в августе и декабре 1916 года мяса из подведомственного ему лазарета на сумму более 500 рублей. В добавление к этому, он ежедневно поставлял закупаемое для лазарета молоко Г.Е. Распутину [1, л. 17].

Единственное событие из жизни Александро-Невской Лавры, случившееся после отъезда Питирима, на которое обратил внимание следователь – это пропажа 9 882,76 руб., предназначенных для уплаты государственного налога с лаврских недвижимых имуществ, не состоящих в аренде. Деньги находились в столе в келье правителя дел Духовного собора о. Всеволода, их «посредством подобранного ключа» похитили «злоумышленники», проникшие в помещение 17 апреля 1917 г. Несмотря на то, что как раз в данном случае происшествие действительно можно было попытаться распутать по горячим следам, тем более что грабители явно имели информатора из числа насельников монастыря (иначе, откуда они могли узнать о том, где искать деньги), Александров не проявил к этому никакого интереса. Он только связал произошедшее с «общей бесхозяйственностью», воцарившейся в Лавре при Питириме и выразившейся в отсутствии точного распределения обязанностей между монахами (о. Всеволод кроме канцелярии занимался ещё и финансами), недостатке контроля, а также в том, что «нет точных сведений о наличии всего недвижимого имущества» [1, л. 17].

По известным причинам П.А. Александров не стал сообщать в отчёте и о ряде других «растрат», обнаруженных во время ревизии. Член ревизионной комиссии С.П. Каблуков записал 18 июня в своём дневнике, что, как они выяснили, по требованию действующего обер-прокурора Синода В.Н. Львова в начале марта 1917 г. последнему выдали из монастырской кассы «на неизвестные цели» 5000 рублей, о чём имелась соответствующая расписка. Каблуков отметил от себя, что «брать этих денег обер-прокурору, конечно, не следовало» [3, л. 100]. Обошёл молчанием Александров изъятые солдатами в Лавре 28 февраля 26 000 рублей [6, с. 416], а также ничего не сказал о самовольной реквизиции военным ведомством 21 марта 1917 г. здания Певческо-

го корпуса монастыря. Все эти факты подчёркивали «бесхозяйственность», но свидетельствовали не против уже совершенно безобидных Питирима и его свиты, а против самих революционных властей.

О результатах своего расследования П.А. Александров сначала устно доложил в комиссии по обревизованию Лавры, а потом приступил к составлению пространного письменного отчёта. Закончил он его только 8 октября 1917 г., когда В.Н. Львова давно уволили с поста обер-прокурора Синода, а Временное правительство было занято совсем другими делами. В условиях нараставшего общегосударственного кризиса расследование преступлений павшего монархического режима уже мало кого интересовало. Документы так и не опубликовали, и никакого громкого разоблачения или вообще какого-либо резонанса по итогам расследования П.А. Александрова не последовало. В вышедшем 14 декабря 1917 г. указе Синода хоть и говорилось о выявленных в процессе ревизии «несоответственном состоянии религиозно-нравственной жизни» и «весьма многочисленных случаях нарушений со стороны бывших членов духовного собора Лавры», но персонажи доклада П.А. Александрова не упоминались [9, с. 18].

Литература

1. Доклад представителя Александрова обер-прокурорской власти Святейшего Синода в комиссию по обревизованию Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры [Текст] // РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 139. Л. 21.
2. К истории освидетельствования мощей св. Александра Невского [Текст] // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. – 2000. – Вып. 23. – С. 32.
3. Каблуков Сергей Платонович. Дневник 1917 г. (с 1 мая по 30 июня). Пг. [Текст] // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 322. Оп. 1. Д. 45. Л. 313.
4. Каблуков Сергей Платонович. Дневник 1917 г. (с 1 июля по 22 июля). Пг. [Текст] // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 322. Оп. 1. Д. 46. Л. 230.
5. Материалы комиссии по обревизованию судебным следователем Петроградского Окружного суда Александровым Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры [Текст] // РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 138. Л. 181.
6. Николаев, А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года [Текст] / А.Б. Николаев. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. – 695 с.
7. Рогозный, П.Г. Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции) [Текст] / П.Г. Рогозный. – СПб. : Лики России, 2008. – 224 с.
8. Февральская революция 1917 года : сборник документов и материалов [Текст]. – М., 1996. – 353 с.
9. Шкаровский, М.В. Александро-Невская Лавра в год революционных потрясений (1917–1918) [Текст] / М.В. Шкаровский // Христианское чтение. – 2010. – № 1. – С. 6–33.

Из истории российского освободительного движения

ББК 63.3(2)53
УДК 94(47).081/083

Н.А. ТРОИЦКИЙ

N.A. TROITSKY

«СИБИРСКАЯ ВЕРА ЗАСУЛИЧ» (МАРИЯ ИГНАТЬЕВНА КУТИТОНСКАЯ)

«THE SIBERIAN VERA ZASULITCH» (MARIA IGNATYEVNA KUTITONSKAYA)

В статье исследуются, по данным из опубликованных и архивных источников, жизнь и судьба героини народничества Марии Игнатьевны Кутитонской – её борьба против царского деспотизма, два суда над ней (с каторжным и смертным приговором), страдания на Карийской каторге в Забайкалье и смерть в Иркутской тюрьме.

The paper, based on the published data and archival sources, concerns the life and destiny of Maria Ignatyevna Kutitonskaya. Her struggle against tsar's despotism, two trials (sentenced to hard labour and death), sufferings at Kara hard labor in exile in Transbaikal and death in Irkutsk prison are considered.

Ключевые слова: «белый» террор, каторга, «красный террор», народники, тюрьма, царизм.

Key words: «white» terror, hard labor in exile, «red» terror, narodniks, prison, tsarism.

Мария Кутитонская в тот исторический период явилась для Сибири тем же, чем была раньше её для России Вера Засулич.
(Из прошлого // Искра. – 15.02.1902. – № 17)

Сенсационный выстрел народницы Веры Засулич 24 января 1878 г. в самовластного петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова и её ещё более сенсационное оправдание судом присяжных взволновали (сочувственно к ней!) не только российскую, но и международную общественность. «В течение 48 часов Европа забыла о войне [русско-турецкой. – *Н.Т.*] и мире, о Бисмарке, Биконсфилде и Горчакове, чтобы заняться только Верой Засулич и её удивительным процессом», – констатировал французский ежегодник «Revue des deuxMondes» [25, p. 216]. Четыре года спустя в Чите громко заявила о себе подобным же «выстрелом в защиту человеческих прав» [4, с. 30] Мария Кутитонская, увековеченная в отечественной истории как «сибирская Вера Засулич».

О жизни и смерти Марии Игнатьевны повествует немалое число сохранившихся до наших дней (в публикациях и архивах) источников, хотя обобщающего исследования нет о ней и сегодня. Я ставлю своей задачей лишь обозреть в общих чертах весь её жизненный путь и представить её читателю по возможности верно и живо как личность.

Мария Игнатьевна родилась 23 февраля 1856 г. [23, л. 81] в семье коллежского асессора [чиновник среднего класса, соответствующий по Табели о рангах воинскому званию майора. – *Н.Т.*] Игнатия Антоновича Кутитонского в Одессе. Автор наиболее подробных воспоминаний о ней, П.С. Ивановская – выдающаяся революционерка, агент Исполнительного комитета партии «Народная воля», а с 1903 г. – после смертного приговора, заменённого

каторгой и побега из Сибири, – член ЦК партии эсеров, отбывавшая каторжный срок в Сибири вместе с М.И. Кутитонской, близко познакомилась с Кутитонской в 1877 г. и даже недолго жила вместе с нею в Одессе, вспоминала, что отец Марии Игнатьевны был типичным чиновником, «суровым служакой старого типа», а мать её, Мария Антоновна, «рано умерла, оставив после себя большую семью из пяти сыновей и четырёх подростков-девочек» [5, с. 178].

Мария Игнатьевна была в этой семье старшей из дочерей. В 1875 г. она окончила с золотой медалью Одесскую Мариинскую гимназию и вскоре ушла из дома, не поладив с деспотом отцом. Поступив на службу в городскую думу, она стала жить другой, общественной жизнью, но не порывала связи с семьёй, точнее – с братьями и особенно сёстрами. По воспоминаниям П.С. Ивановской, Мария Игнатьевна «очень любила музыку и хорошо играла [на пианино. – *Н.А.*]; после службы она обыкновенно приходила к своим сёстрам музицировать. Впоследствии, в тюрьме, она очень тосковала от лишения возможности играть и много раз просила допустить немые клавиши, чтобы не забыть своё любимое искусство» [5, с. 178].

В то время секретарём Одесской городской думы служил Сергей Николаевич Южаков – сын генерала, впоследствии видный публицист и социолог, близкий к революционному народничеству, редактор 22-томной «южаковской» «Большой энциклопедии». Вокруг него группировались «молодые, революционно настроенные, часто нелегальные лица – радикалы, как звались тогда общим именем все социалисты Юга. Вошла в этот кружок и Мария Игнатьевна» [5, с. 178]. Думается, важную роль в жизни Кутитонской сыграл тогда факт, не отмеченный у П.С. Ивановской, но зафиксированный в докладе Департамента полиции Российской империи Особому совещанию министров при Александре III от 15 декабря 1883 г.: в 1876 г. Мария Игнатьевна «была в Париже, где вместе с эмигрантом Германом Лопатиным принимала участие в сходках коммунистов и социалистов разных фракций и национальностей» [2, ф. 102, 5-е делопроизводство. 1882, д. 3079, ч. 1, л. 36]. Г.А. Лопатин, живший тогда в Париже, действительно имел обширные деловые связи не только с французскими, но и с английскими, немецкими, испанскими, бельгийскими, шведскими и даже американскими «коммунистами и социалистами» [17, с. 80–81].

Вероятно, уже по возвращении из Парижа (где она могла быть и в деловой командировке от Одесской городской думы) М.И. Кутитонская сблизилась с участниками различных народнических кружков, в частности, с В.Х. Кравцовым, будущим своим сопроцессником по делу «28-ми», и с А.Ф. Таксисом (участник кружка «лавристов», «интересный, образованный, большой «марксоед») [5, с. 179].

В 1877–1878 гг. совсем ещё юная Мария Игнатьевна, по воспоминаниям П.С. Ивановской, «вносила большую освежающую бодрость» в кружки одесских народников, с которыми она сотрудничала, включая авторитетный тогда кружок 26-летнего Ивана Мартыновича Ковальского: «её характерные качества – природный художественный вкус, острый юмор и богатый интонациями голос – делали её очень интересной и в дружбе, и в сотруднической работе» [5, с. 179]. Запомнилась П.С. Ивановской и внешность Марии Игнатьевны тех лет: «Стройная, гибкая, с лёгкими движениями, она казалась молодой тростинкой, гнущейся, но не ломкой. Чуть приподнятая верхняя губа выражала упорство и настойчивость. Голубые глаза на залитом нежным румянцем лице казались более тёмными и глубокими, вследствие небольшой близорукости. Светлые, тонкие волосы пышно покрывали умную головку, не закрывая белого высокого лба. В ту раннюю пору невозможно было ещё предугадать всё упорство, настойчивость и героизм, какие таились в этой хрупкой, изящной женщине и выявились позднее» [5, с. 179].

В октябре 1877 – январе 1878 гг. будоражил общественное мнение России и Европы самый крупный за всю историю нашей страны судебный процесс «193-х» – по делу о «хождении в народ». По этому делу были аресто-

ваны до 8 тыс. человек. Многие арестанты содержались до суда в столь жутких условиях, что власти официально насчитали среди них 93 случая самоубийств, умопомешательства и смерти [20, с. 157–158]. В ответ на массовый «белый» террор царизма народники стали всё чаще прибегать к отдельным актам красного террора.

С 19 по 24 июля 1878 г. Одесский военно-окружной суд вершил расправу над Иваном Ковальским и семью его товарищами. Они оказали вооружённое сопротивление отряду жандармов, который явился арестовать их. Это был первый в истории российского освободительного движения случай ***коллективного*** [выделено мной. – *Н.Т.*] вооружённого сопротивления при аресте. К моменту объявления приговора у здания суда собралась многолюдная (не менее 3 тыс. человек) толпа, в которой были почти все поголовно участники одесских народнических кружков и приезжие радикалы. О числе и вооружении приезжих говорила тогда вся Одесса: кто-то «видел» даже, как «один из них тащил пушку на своих плечах» [24, с. 49]. Вся эта масса людей устроила самую крупную в России за 1870-е годы по числу участников демонстрацию протеста, которая закончилась вооружённым столкновением с войсками [14, с. 201–206, 415–418; 12, с. 64–80; 11, с. 251–270].

В 9 часов вечера 24 июля «из зала суда раздался пронзительный, раздирающий душу крик: « Ковальскому – смертная казнь!» [14, с. 205]. Толпа всколыхнулась и устремилась к зданию суда, но конные жандармы, казаки и даже кадровые солдаты встретили их нагайками, прикладами и ружейным залпом. Несколько демонстрантов, вооружённых револьверами, стреляли в солдат. Демонстрация была разогнана. Не обошлось и без жертв с обеих сторон: два протестанта были убиты и трое солдат ранены. М.И. Кутитонская была в числе самых активных демонстрантов, но в тот день не пострадала.

С утра 25 июля власти учинили в Одессе «неслыханную и невиданную облаву» [14, с. 417]. «Вся Одесса, – читаем у П.С. Ивановской, – была опоясана цепью сборных военных сил, с ингушами, татарами и другими инородцами. Облава велась искусно, опустошение носило характер налёта африканской саранчи, сокрушавшей всё беспощадно. До того пустовавшие дома заключения были набиты арестованными, как овины снопами» [5, с. 179]. Хватали всех «подозрительных» по принципу: «потом разберёмся…» [12, с. 71].

Кутитонская избежала ареста и в этой облаве. Но, как установила П.С. Ивановская по данным жандармских архивов, Марию Игнатьевну выследил полицейский чиновник Козловский, когда она приходила на сходку в квартиру руководителя одного из народнических кружков Сергея Чубарова [5, с. 180]. По тем же данным, 9 июня 1879 г. одесский военный генерал-губернатор граф Э.И. Тотлебен приказал Козловского наградить, а Кутитонскую арестовать. 19 июня Мария Игнатьевна была арестована [5, с. 180].

Из других источников, не использованных П.С. Ивановской, известно, что уличили Кутитонскую как участницу «преступного сообщества» народников предатели-народники Николай Суворов, Андрей Баламез и Василий Веледницкий [2, ф. 102, 5-е делопроизводство, 1882, д. 3079, ч. 1, л. 36–36 об.]. О Суворове начальник Одесского губернского жандармского управления К.Г. Кноп ещё 7 августа 1878 г. докладывал шефу жандармов, что он добровольно «согласился сделаться агентом [полиции. – *Н.Т.*] и выдавать своих товарищей» [2, ф. 109, 3-я экспедиция, оп. 71. 1878, д. 291, ч. 1, л. 55, 77–77 об.]. Вытряхнув из Суворова всё полезное для себя, власти сослали его в Калужскую губернию (посёлок Лихвин), где он, вконец морально опустошённый, 4 февраля 1880 г. Застрелился [2, ч. 2, л. 239].

Итак, Мария Игнатьевна Кутитонская в 23 года оказалась на скамье подсудимых перед царским судом по одному из самых громких в то время политических дел, которое вошло в историю как «процесс 28-ми». Рассматривал это дело Одесский военно-окружной суд с 25 июня по 5 августа 1879 г. Все 28 подсудимых обвинялись в том, что они «принимали участие в преступном сообществе, стремящемся к ниспровержению существующего в России

государственного и общественного строя» [1, 3.08, с. 2]. То был первый в России судебный процесс, начиная с которого одна ***принадлежность*** [выделено мной. – *Н.Т.*] к «сообществу, стремящемуся к ниспровержению...» уже подводилась под ст. 249-ю Уложения о наказаниях, карающую смертной казнью, «и только в том случае, если суд признавал смягчающие обстоятельства, он мог заменить казнь другим наказанием» [12, с. 79].

Центральной фигурой процесса «28-ми» был Дмитрий Андреевич Лизогуб – один из самобытнейших героев народничества, земельный магнат (!), по-детски добрый и отзывчивый, безукоризненно честный и преисполненный благородства в убеждениях, в отношении к делу и в обхождении с людьми, «святой революции», по определению С.М. Кравчинского [18, с. 427], герой рассказа Л.Н. Толстого «Божеское и человеческое», где он изображён под именем Светлогуба. Рядом с Лизогубом выделялся среди обвиняемых по делу «28-ми» Сергей Фёдорович Чубаров. Оба они, а вслед за ними и ещё несколько обвиняемых (в том числе Кутитонская) отказались от защиты, не желая «бороться с предположениями» [1, 27.10.1879, с. 2; 8.11.1879, с. 2], ибо суд исходил именно из *предположений* [выделено мной. – *Н.Т.*], из смеси правды и лжи, выведанной у предателей. Мария Игнатьевна, не желая защищать себя, отказалась и от последнего слова [1, 7.11.1879, с. 1].

Приговор по делу «28-ми» был жесток. Признав всех обвиняемых «подлежащим смертной казни», но приняв во внимание «смягчающие обстоятельства» (конкретно не указанные в протоколе), суд приговорил к виселице пятерых (Лизогуба, Чубарова, С.Я. Виттенберга, И.Я. Давиденко, И.И. Логовенко), а всех остальных – кроме 14-летней (!) Виктории Гуковской, сосланной в Сибирь, – к каторге в рудниках от 10 лет до вечной. Кутитонская была осуждена на 15 лет каторги, но Э.И. Тотлебен по конфирмации сократил ей каторжный срок до 4-х лет [1, 9.08.1879, с. 1].

Вместе с другими каторжанами Мария Игнатьевна была отправлена в зловеще прославленную каторжную тюрьму на р. Кара в Забайкалье. «15 января 1880 года она, наконец, вошла в общую женскую камеру, – вспоминала о ней П.С. Ивановская. <...>. Со скидками она должна была пробыть в тюрьме 3 года и 8 месяцев, после чего ей предстояло поселение в назначенное властями место [там же, в Сибири. – *Н.Т.*]. Протекли годы заточения и уже приближалось – хотя и относительное, – освобождение. Но раньше, чем уйти из тюрьмы на призрачную свободу, Марии Игнатьевне суждено было пережить одно из тягчайших событий, разбившее вдребезги все её светлые думы и твёрдое решение возвратить себе полную свободу» [5, с. 180–181].

1 мая 1882 г. из мужской тюрьмы на Каре бежали восемь каторжан, в том числе Ипполит Никитич Мышкин – знаменитый «страстотерпец революции» [10, с. 715], главный герой процесса «193-х». Власти во главе с военным губернатором Забайкалья генералом Л.И. Ильяшевичем (под его руководством и наблюдением) устроили репрессивную вакханалию над оставшимися каторжанами. 11 мая 500 солдат охраны ворвались в мужскую тюрьму на рассвете, застав каторжан ещё спящими, и начали зверски избивать их. Проснувшись, каторжане пытались защититься от прикладов и штыков досками с нар, но, конечно же, без успеха.

«После 11 мая, – вспоминала П.С. Ивановская, которая содержалась, вместе с Кутитонской, в женской тюрьме на Каре, – в мужской тюрьме наступило до крайности тяжёлое положение. Были отняты все вещи, постели, книги. Производились обыски, поверки с поимённой перекличкой. Узники спали на голом полу, параши стояли в камерах день и ночь, начали брить каторжным головы, бессрочных заковали в ручные и ножные кандалы и в ножные – всех. За малейшее непочтительное слово скручивали верёвками, целыми днями оставляя на грязном полу» [5, с. 182].

Кутитонская болезненно воспринимала зверство охранников Ильяшевича по отношению к её товарищам-каторжанам. на первой уходила с каторги на поселение после майской оргии репрессий. «И она взяла на себя

обязанность так «громыхнуть», чтобы гром защиты поруганного человеческого права был услышан далеко» [5, с. 183]. О том же вспоминал, по рассказам ссыльных и каторжан, американский журналист Джордж Кеннан, который тогда изучал Сибирь и встречался с Марией Игнатьевной в иркутской тюрьме: «До глубины души охваченная чувством гневного возмущения, она решила ценой своей жизни испробовать крайнее средство, убить генерала Ильяшевича и таким образом привлечь внимание всего мира к жестокостям, чинимым по его распоряжению на Карийских рудниках» [7, с. 170].

Итак, 23 июня 1882 г. Мария Игнатьевна была освобождена от каторжных работ и отправлена на поселение в местечко Акша на р. Онон в том же Забайкалье. Здесь она сблизилась с народником Михаилом Дементьевичем Терентьевым (родным братом агента ИК «Народной воли» Людмилы Терентьевой, осуждённой по делу «20-ти» в 1882 г., когда ей только исполнился 21 год, на 20 лет каторги), осуждённым в 1876 г. за пропаганду среди крестьян на 6 лет 8 месяцев каторги [16, л. 61 об.]. Поскольку Терентьев был выпускником 2-й Одесской гимназии, Кутитонская могла быть знакома с ним ещё до его (и своего, разумеется) ареста. Теперь же, по свидетельству П.С. Ивановской, «у неё установились самые близкие, короткие отношения» с Терентьевым [5, с. 183]. Но главной её заботой была тогда подготовка к покушению на Ильяшевича. Из денег, присланных ей родными, она собрала необходимую сумму на дорогу в Читу, где находилась резиденция забайкальского губернатора, и на покупку револьвера.

О том, как Мария Игнатьевна добралась до Читы и добилась аудиенции у губернатора, подробно рассказано в книге Д. Кеннана: «Как только ей удалось собрать достаточно денег на дорогу, она купила у одного уголовного ссыльнопоселенца дешёвый револьвер, покинула своё место ссылки и, нанимая лошадей у крестьян в деревнях, через которые она проезжала, направилась в Читу. Поскольку молодые, привлекательные женщины обыкновенно не путешествуют в этих местах в полном одиночестве, крестьяне посматривали на неё с некоторым интересом и любопытством, и незадолго перед тем, как она добралась до места назначения, её арестовал по подозрению какой-то деревенский чин. Она уговорила его отвезти её в Читу и передать исправнику, с которым она лично знакома. Исправнику она откровенно призналась, что самовольно покинула место ссылки, однако сделала это не с намерением бежать, а лишь для того, чтобы встретиться с губернатором. После непродолжительной беседы исправник отправился вместе с нею в дом губернатора и, оставив её в приёмной, пошёл доложить Ильяшевичу о ней и её желании встретиться с ним.

– Вы её обыскали? – спросил губернатор с подозрением.

– Нет, – отвечал исправник. – Я не подумал об этом.

– Неважно, – сказал Ильяшевич. – Что может сделать женщина?

И с этими словами он вышел в приёмную, где дожидалась его Кутитонская, держа в правой руке завёрнутый в платок револьвер со взведённым курком» [7, с. 170–171]. Далее цитирую показания самой Марии Игнатьевны, извлечённые П.С. Ивановской из архива Забайкальского военного губернатора: «Войдя в приёмную комнату, я увидела губернатора. Он стоял в нескольких шагах от двери, в которую я только что вошла. В то время, когда он ко мне приближался, я тотчас же выстрелила из имевшегося у меня шестиствольного револьвера – того самого, который был поднят с полу и предъявлен мне при настоящем допросе. Где хранился у меня револьвер по прибытии в дом губернатора и откуда я таковой приобрела, отвечать не желаю. Мотивы совершённого преступления желаю письменно объяснить сама.

Все меры, применявшиеся в последнее время сибирской администрацией по отношению к государственным заключённым, не достигали желанных вами результатов: вы уничтожили переписку даже с близкими родными и порвали решительно всякую связь с внешним миром, упразднили вольные команды и обрекли заключённых на пожизненное сидение, желая обратить

их в живых мертвецов. На все меры строгости они ответили побегом из тюрем в то время, когда компетентный во всех отношениях Галкин [М.Н. Галкин-Враской – начальник Главного тюремного управления Российской империи. – *Н.Т.*] ревизовал тюрьму и вводил инструкцию, целью которой было обращение революционеров в стадо мирных баранов. Поражённые фактом побега, вы, государственные мужи, поседевшие в делах правления, обратились к позорным и унизительным мерам – единственно достойным ваших умственных и нравственных воззрений.

Вы решились посягнуть на человеческое достоинство и личную неприкосновенность людей принципа и чести, людей, понимающих права человека и гражданина и строго проводящих их в жизнь. По отношению к этим людям вы применили дикую меру бритья голов и повального избиения безоружных и беззащитных узников с помощью штыков и прикладов. Этой отвратительной расправой правительство вызвало террор в Сибири, и сибирская администрация является ответственной за него. Все меры грубого насилия вы можете обратить в систему, но не забывайте, что столкновение штыка с идеей вызывает страшную грозу. Подписала поселенка Мария Кутитонская» [5, с. 184].

Другие источники, (включая последующие рассказы Марии Игнатьевны своим сокамерникам) дополнительно рисуют момент покушения: «Губернатор вышел в приёмную, подошёл ближе к идущей навстречу просительнице и на расстоянии не более сажени остановился. В этот миг Мария Игнатьевна со словами «Вот вам за 11 мая!» выстрелила в упор. Раненый губернатор покачнулся и упал, после чего Мария Игнатьевна опустила револьвер на пол. Сбежавшиеся на выстрел люди подняли и унесли раненого из приёмной. Исправник поспешил поднять с пола револьвер, преступницу же распорядился связать и отправить в местную тюрьму» [5, с. 184–185; 7, с. 171].

Выстрел Кутитонской 16 сентября 1882 г. прозвучал на всю Сибирь – и не только: «Телеграммы, эстафеты, курьеры бегут в разных направлениях, доходя до самого царя, разнося грозную весть во все стороны» [5, с. 185].

Несколько телеграмм из архива Забайкальского военного губернатора опубликованы П.С. Ивановской [5, с. 185–186]. Вот первая из них, из Читы в Иркутск генерал-губернатору Восточной Сибири Д.Г. Анучину 16 сентября: «Губернатор Ильяшевич сейчас ранен бежавшей из Акши государственной преступницей Кутитонской. Преступница схвачена. Приступаю к производству формального следствия. Вице-губернатор Залесский». Анучин в тот же день телеграфировал о выстреле Кутитонской министру внутренних дел и фактически главе правительства Д.А. Толстому, а тот ответил телеграммой от 19 сентября за № 1636: «Прошу Ваше превосходительство по предоставленной Вам власти предать Марию Кутитонскую военному суду для суждения по законам военного времени». 22 сентября Анучин телеграфно доложил Толстому о том, как Кутитонская мотивировала своё покушение, и запросил Толстого: «так как предание Кутитонской военному суду должно повести к смертному приговору, то прошу телеграфировать, нет ли каких соображений против исхода подобного дела <…>. Здоровье Ильяшевича удовлетворительно». Толстой ответил шифрованной телеграммой от 25 сентября: «Долгом считаю уведомить Ваше превосходительство, что никаких препятствий к указанному Вами исходу судебного дела о ней не имеется». В статье П.С. Ивановской не отмечен тот факт, что сам Александр III, как только его ознакомили с телеграммой вице-губернатора Залесского о выстреле Кутитонской, распорядился: «Надеюсь, она будет судиться военным судом» [2, ф. 102, 3-е делопроизводство, 1882, д. 1042, л. 1].

Тем временем Мария Игнатьевна томилась в ужасных, бесчеловечных условиях Читинской тюрьмы. Свидетельствует Джордж Кеннан: «Её поместили в холодную, грязную «секретную» камеру, которая, как рассказал мне забайкальский окружной архитектор, «была недостаточно длинной, что-

бы в ней можно было лежать, и недостаточно высокой, чтобы встать в полный рост». У неё отобрали её платье и бельё, и вместо этого выдали ей старый арестантский халат, кишевший паразитами, который до неё уже носила какая-то уголовница. Она находилась на строгом «карцерном положении» и в продолжении трёх месяцев спала без подстилки на голом полу. Когда, вследствие всех этих тягот и лишений, она заболела и попросила соломы, чтобы положить её на доски, служившие ей постелью, полицмейстер Мельников сказал ей, что для неё нет соломы. Если бы не уголовные арестанты из той же тюрьмы, которые из жалости тайком передавали ей в камеру еду и незаметно оказывали ей помощь, она бы, несомненно, умерла раньше, чем собрался бы суд для расследования её дела» [7, с. 171].

По убеждению П.С. Ивановской, Мария Игнатьевна «не дожила бы до суда [может быть, власти на это и рассчитывали. – *Н.Т.*], если бы не проявленное к ней внимание со стороны уголовных. <…>. Эти «отверженные» люди на сей раз решили всеми мерами защитить секретную арестантку. На общем собрании тюрьма решила делать передачи Марии Игнатьевне из специального для неё отчисления. Тут же были избраны «специалисты-артисты», которым поручалось «тонко обработать дело под носом начальства». Они приняли на себя рискованную задачу – лазить через пали и бросать в форточку к заключённой передачу» [5, с. 187].

«Отверженные» уголовники так заботились о Кутитонской не только потому, что были поражены её мужеством и самоотверженностью. Они видели (а те, кто не видел её, были наслышаны), как она была женственна, обаятельна, добросердечна в общении. Известный народник Лев Дейч, который лично знал Марию Игнатьевну, так вспоминал о ней: «Стройная, изящная блондинка с мягкими, добрыми чертами лица, она располагала к себе с первого взгляда. <…>. Уголовные называли её «Купидонской» [Купидон – бог любви в римской мифологии. – *Н.Т.*], что действительно шло к ней» [3, с. 170]. «Некоторые из них, – вспоминала П.С. Ивановская, – своё восторженное уважение выражали в послании к ней: на крошечном кусочке бумаги писали – «Земля и воля» или изображали Софью Перовскую с высоко поднятым на древке знаменем с теми же словами – «Земля и воля» [5, с. 187].

Тяжесть положения Кутитонской усугублялась ещё и тем, что она была беременна (вероятно, от Михаила Терентьева, хотя точных данных об этом нет). Как вспоминала с её слов П.С. Ивановская, «в ожидании суда и неизбежно смертного приговора Мария Игнатьевна обдумывала, имеет ли право губить своего ребёнка вместе с собой. Казнь глядела ей в глаза, а живая жизнь, живое крохотное существо неустанно тревожило резкими движениями, неотступно будоражило совесть. Какой предпринять выход?.. Заявить начальству о своём положении?.. Несомненно, казнь будет отсрочена или совсем заменена каторгой. Но ей казалось лучше погибнуть вместе со своим ребёнком». «Что-то во мне содрогнулось от такого бесповоротного решения, – говорила она Ивановской, – но вслед за тем я стала бесстрашно выжидать свой конец» [5, с. 187].

17 ноября 1882 г. в Чите военный суд приговорил Марию Игнатьевну Кутитонскую к смертной казни через повешение. Двадцать суток она провела в камере смертников, а 7 декабря ей сообщили, что виселица для неё заменена вечной каторгой. По мнению П.С. Ивановской (без ссылки на конкретные источники), ходатайствовал перед царём о «даровании жизни» Кутитонской генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин [5, с. 187]. Однако Джордж Кеннан, который тогда активно общался в Сибири и с каторжанами, и с властными чинами, ещё по свежим следам событий установил: «У меня имеются достоверные известия – и справедливости ради об этом следует упомянуть, – что по поводу смягчения приговора ходатайствовал губернатор Ильяшевич, на жизнь которого покушалась Кутитонская. Почувствовал ли он жалость и угрызения совести, или же просто хотел выказать великодушие, дабы бросить тень сомнения на слухи о его жесто-

кости и тем ослабить их последствия, мне неизвестно» [7, с. 172]. Версия Кеннана подтверждена последующей публикацией ходатайства Л.И. Ильяшевича [8, с. 11].

10 декабря 1882 г. Анучин уведомил Д.А. Толстого, что не считает возможным содержать Кутитонскую на Каре, где скажется её «дурное влияние» на каторжан и не исключаются «манифестации» этих последних, а потому временно помещает эту «государственную преступницу» в Читинскую тюрьму и просит перевести её в одну из центральных каторжных тюрем Европейской России (известных крайне жестоким режимом). «Толстой ответил Анучину, что мест для женщин в централках уже нет, и что Кутитонскую Анучин может держать в одной из тюрем своей сатрапии» [5, с. 188–189]. Анучин выбрал главную в Сибири Иркутскую каторжную тюрьму.

7 января 1883 г. Кутитонская под конвоем двух унтер-офицеров была отправлена из Читы в Иркутск вместе с партией уголовных ссыльных. «Несмотря на то, что была середина зимы, – свидетельствовал Кеннан, – ей не выдали овчинный тулуп и валенки [положенные по закону. – *Н.Т.*], и она замёрзла бы в дороге, если бы уголовники не сжалились над ней и не отдали ей свои тёплые вещи. Когда она прибыла в Иркутск, она была так плоха, что её пришлось выносить из саней на руках. Вследствие пережитых ею душевных потрясений и телесных недугов в Иркутской тюрьме у неё вскоре родился мёртвый ребёнок» [7, с. 172].

В общем коридоре Иркутской тюрьмы соседнюю с камерой Кутитонской одиночную камеру занимал 24-летний учитель местной женской гимназии, выпускник Петербургского университета, народоволец Константин Гаврилович Неустроев, руководивший кружками самообразования в мужской и женской гимназиях Иркутска [15, с. 66]. Он был арестован в октябре 1883 г. по доносу уголовника Зельцера в причастности к организации побега трёх каторжан из Иркутской тюрьмы. В тюрьме у него с Марией Игнатьевной завязались добрососедские, да и просто дружеские отношения. 26 октября 1883 г. генерал-губернатор Д.Г. Анучин, осматривая тюрьму, подозвал к себе Неустроева и начал стыдить его: «Стыдно развращать юных! Стыд! Срам!». Неустроев ответил генерал-губернатору пощёчиной [2, ф. 102, 7-е делопроизводство, 1883, д. 1264, л. 44–44 об.]. Через считанные минуты Неустроев в сопровождении солдата охраны подошёл к открытой форточке камеры Кутитонской, сказал, что он дал пощёчину Анучину, и попрощался с Марией Игнатьевной [5, с. 190]. 5 ноября 1883 г. Иркутский военно-полевой суд приговорил Неустроева к смертной казни (за пощёчину!), и 9 ноября он был расстрелян.

Народоволка Фанни Абрамовна Морейнис, содержавшаяся тогда в одной камере с Кутитонской, вспоминала: «Вечером накануне казни Неустроев через солдата прислал Марии Игнатьевне, с которой он был очень дружен, том Лермонтова, в котором какое-то стихотворение было отмечено специально для неё. Всю ночь она лежала, уткнувшись лицом в подушку, стараясь заглушить рыдания, а я молча сидела у её постели» [13, с. 166].

Казнь Неустроева вызвала у Кутитонской потрясение, губительно сказавшееся на её к тому времени уже подорванном здоровье, но до конца своих дней она старалась не падать духом. В марте 1884 г. к ней в камеру вселили Прасковью Ивановскую, осуждённую по громкому делу «17-ти» на вечную каторгу. Прасковья Семёновна дружила с Марией Игнатьевной в 1877–1879 гг. на воле и вот теперь, после пятилетней разлуки, они встретились в каторжной тюрьме. «Эта встреча, радостная для нас обеих, – вспоминала Ивановская, – очень взволновала меня и вызвала в моём сердце тайную гордость и глубочайшее изумление перед тем мужеством, на которое была способна эта хрупкая женщина и великое существо. <…>. Сравнительно небольшой пятилетний срок унёс её молодость. «Я уже не та прежняя, меня изрядно смяло, но я всё же не умерла, – говорила она» [5, с. 190].

Весной 1884 г. в Иркутской тюрьме встретилась с Кутитонской другая народница, тоже бессрочная каторжанка, Елизавета Николаевна Ковальская. Вот какой запомнилась ей тогда Мария Игнатьевна: «Исхудалая, прозрачно бледная, с большими светящимися лучистыми голубыми глазами, тонкая, стройная, она производила на меня впечатление не живого человека, а какой-то прекрасной неземной тени. Поговорив с нею, я увидела ту же спокойную энергию, стойкость, решительность, ту же Кутитонскую, которую я хорошо знала на Каре. Но с болью в сердце почувствовала, что дни её сочтены» [9, с. 112].

Болезненное состояние Кутитонской усугубила коллективная голодовка, которую она провела в декабре 1884 г. вместе с Марией Ковалевской, Софьей Богомолец и Еленой Россиковой в знак протеста против издевательств иркутского полицмейстера над заключёнными. Эта голодовка, затянувшаяся, как узнал об этом Джордж Кеннан, на 16 дней, стала на его взгляд, «одной из самых ужасных трагедий» в Сибири и «едва не стоила всем четырём женщинам жизни» [7, с. 153].

Мария Игнатьевна ещё находила силы для того, чтобы поддерживать «ноющих» в упадке духа каторжан, которых она лично знала. Одному из них, «брюзжащему на якутов», она ответила таким письмом: «По твоим словам, якуты ужасны, но так как некоторые наши вкусы диаметрально противоположны, то думаю, что эти же самые якуты мне не показались бы столь отвратительными, как тебе, полтавскому «Ною» (от глагола «ныть»). Прости меня, но я это говорю потому, что ноющий располагает лесом, холмами и долами, а выслушивающий нытьё – только вонючим двориком, в котором от мёртвых тифозных воняет гораздо хуже, чем от живых якутов» [5, с. 191]. Однако, чахотка (туберкулёз лёгких) – болезнь, обычная в царских каторжных тюрьмах, – неумолима убивало Марию Игнатьевну. 20 мая 1887 г. иркутский губернатор телеграфировал в Департамент полиции: «Каторжанка Мария Кутитонская после продолжительных страданий горловою чахоткою 14 мая умерла» [2, ф. 102, 5-е делопроизводство, 1887, д. 3079, ч. 1, л. 64].

Имя Марии Игнатьевны Кутитонской навсегда вписано в историю Сибири и всей России. Её каторжное житьё на Карийских рудниках и в Иркутской тюрьме отслеживал центральный орган партии «Народная воля» [21, с. 175; 22, с. 271]. В России неизвестный автор восславил Марию Игнатьевну в трогательных стихах:

Мир тебе! На битву с дикой,
Безобразной властью зла
Силу всю души великой
Ты геройски принесла!
И сомненьям не давая
Никогда закрасться в грудь,
Ты прошла, не отступая,
До конца свой трудный путь [6, с. 451, 644, примеч.].

За рубежом, в Англии, о «геройской девушке» Кутитонской писал в книге «Россия под властью царей», переведённой на многие языки, Сергей Михайлович Степняк-Кравчинский [19, с. 178]. О смерти Марии Игнатьевны сообщил европейской и американской общественности орган русской политической эмиграции «Самоуправление», который издавался в Женеве.

15 октября 1883 г. Джордж Кеннан из Вашингтона обратился с письмом к Степняку-Кравчинскому в Лондон: «С болью узнал из присланного мне недавно номера «Самоуправления» о смерти Натальи Армфельдт [член Большого общества пропаганды (т. н. «чайковцев») и киевского «кружка бунтарей», по делу которого в 1879 г. была осуждена на 14 лет 10 месяцев каторги и умерла на Каре в сентябре 1887 г. – *Н.Т.*], которую я встретил в рудниках на Каре, и Марии Кутитонской, которую видел в Иркутской тюрьме в бытность мою там. Я глубоко опечален этим известием, и меня утешает лишь мысль о

том, что их нельзя уже больше терзать, и они обрели покой. Это были мужественные женщины. В следующих статьях [в журнале «Century Magazine». – *Н.Т.*] я дал очерк их жизни, насколько она мне известна. Не можете ли Вы помочь мне с биографическими сведениями и нельзя ли достать фотографию Кутитонской для гравировки?» [19, с. 229]

У меня нет данных о том, помог ли Кравчинский Кеннану в изыскании биографических сведений о Кутитонской и её фоторгафий и каковы были обещанные Кеннаном статьи об Армфельдт и Кутитонской в «Century Magazine», но, судя по тому, как подробно рассказал Кеннан в своей книге «Сибирь и ссылка» о каторжной и тюремной жизни Марии Игнатьевны в Сибири, он был хорошо информирован…

Наступал новый век, и в борьбу с самодержавием включалось новое, социал-демократическое поколение народолюбцев и тираноборцев, которые свято хранили традиции своих предшественников. Через 20 лет после выстрела Кутитонской в забайкальского военного губернатора печатный орган российской социал-демократии «Искра» помянул Марию Игнатьевну как «сибирскую Веру Засулич» в специальной статье о ней: «Её выстрел в защиту человеческих прав раскатился повсюду и долго звучал среди широких слоёв сибирского – и только ли сибирского? – населения» [4, с. 1].

Литература

1. Ведомости Одесского градоначальства [Текст]. – 1879.
2. Государственный архив Российской Федерации.
3. Дейч, Л.Г. 16 лет в Сибири: Воспоминания [Текст] / Л.Г. Дейч. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Н. Глаголев, 1906. – 416 с.
4. Из прошлого [Текст] / Искра. – 15.02.1902. – № 17 // Искра. – 1900–1903. – Л. : Б.и., 1926. – № 1–52. – Вып. 3.
5. Ивановская, П.С. М.И. Кутитонская [Текст] / П.С. Ивановская // Каторга и ссылка. – 1927. – № 6 (35). – С. 177–192.
6. К-ой [Кутитонской М.И.] [Текст] // Вольная русская поэзия XVIII–XIX веков : сборник / сост. С.А. Рейсера. – Л. : Советский писатель, 1988. – С. 451–452.
7. Кеннан, Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886 гг.) [Текст] / Дж. Кеннан. – СПб. : Русско-балтийский информационный центр «Блиц», 1999. – Т. 2. – 398 с.
8. Ковальская, Е.Н. Женская каторга [Текст] / Е.Н. Ковальская // Карийская трагедия (1889): Воспоминания и материалы. – Петербург : Государственное изд-во, 4-я государственная типография, 1920. – С. 5–29.
9. Ковальская, Е.Н. Побег [Текст] / Е.Н. Ковальская // Каторга и ссылка. – 1932. – № 10 (95). – С. 110–128.
10. Короленко, В.Г. История моего современника [Текст] / В.Г. Короленко ; подгот. текста и примеч. А.В. Храбровицкого. – М. : Художественная литература, 1965. – 1054 с.
11. Левин, Ш.М. Две демонстрации [Текст] / Ш.М. Левин // Исторические записки. – 1955. – Т. 54. – С. 251–270.
12. Лион, С.Е. Первая вооружённая демонстрация [Текст] / С.Е. Лион // Каторга и ссылка. – 1928. – № 8–9. – С. 64–80.
13. Морейнис-Муратова, Ф.А. Автобиография [Текст] / Ф.А. Морейнис-Муратова // Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат / ред. Ю.Ю. Фигатнер. – М. : Советская энциклопедия, 1989. – С. 290–305.
14. Одесса во время суда над Ковальским [Текст] // Революционная журналистика 70-х годов. – 2-е приложение к сборникам «Государственные преступления в России». – 1905. – 580 с.
15. Прянишников, Д.Н. Мои воспоминания [Текст] / Д.Н. Прянишников ; вступ. ст. А.В. Петербургского. – М. : Сельхозгиз, 1957. – 336 с.
16. Российский государственный исторический архив. Ф. 1405. Оп. 75. Д. 7104.
17. Сайкин, О.А. Первый русский переводчик «Капитала» [Текст] / О.А. Сайкин. – М. : Мысль, 1983. – 173 с.

18. Степняк-Кравчинский, С.М. Подпольная Россия [Текст] / С.М. Степняк-Кравчинский // Сочинения : в 2 т. / вступ. ст. Д. Юферьева ; подгот. текста и примеч. Б.А. Пискуна. – М. : Гослитиздат, Ленинградское отделение, 1958. – Т. 1. – 670 с.
19. Степняк-Кравчинский, С.М. Россия под властью царей [Текст] / С.М. Степняк-Кравчинский ; вступ. ст. Е. Таратуты. – М. : Мысль, 1964. – 407 с.
20. Троицкий, Н.А. Крестоносцы социализма [Текст] / Н.А. Троицкий. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2002. – 370 с.
21. Тюрьма и ссылка [Текст] // Литература партии «Народная воля». («Народная воля». «Листок Народной воли». «Рабочая газета»). Документы / под ред. А.В. Якимовой-Диковской, М.Ф. Фроленко, М.И. Дрея и др. – М. : Изд-во Всесоюзного об-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1930. – С. 172–177.
22. Хроника революционной борьбы [Текст] // Литература партии «Народная воля». («Народная воля». «Листок Народной воли». «Рабочая газета»). Документы / под ред. А.В. Якимовой-Диковской, М.Ф. Фроленко, М.И. Дрея и др. – М. : Изд-во Всесоюзного об-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1930. – С. 267–271.
23. Центральний державний історичний архів України. Ф. 385. Оп. 1. Д. 131.
24. Шехтер, А.Н. Революционная Одесса [Текст] / А.Н. Шехтер // Каторга и ссылка. – 1923. – № 6. – С. 44–52.
25. Chronicle [Текст] // Revue des deux Mondes. – Paris. – T. 27. – P. 215–216.

ББК 63.3(2)51
УДК 94(47).082

О.А. МИЛЕВСКИЙ

ИРЛАНДСКИЙ ФАКТОР В РУССКОМ ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ 1860–1880-х ГГ.: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

O.A. MILEVSKY

IRISH FACTOR IN RUSSIAN LIBERATION MOVEMENT IN 1860–1880s OF THE XIX CENTURY: STATING THE PROBLEM

В статье рассматривается проблема влияния политических событий второй половины XIX в. в Ирландии на характер и ход российского освободительного движения. Акцент делается на анализе роли и особенностях отечественной демократической печати в освещении «ирландского вопроса».

The article considers the influence of political events of the second half of the XIX century in Ireland on the character and progress of Russian Liberation Movement. The analysis and peculiarities of Russian democratic press in the coverage of «the Irish Question» are emphasized.

Ключевые слова: Ирландия, фении, народничество, демократическая печать, аграрный вопрос, политическая борьба, крестьянские выступления, терроризм.

Key words: Ireland, Fenians, narodnik movement (populism), democratic press, agrarian question, political struggle, peasant protests, terrorism.

История российского освободительного движения, начиная со второй половины 70-х гг. XIX в., продемонстрировала миру, пример действия крупных нелегальных организаций, ставящих своей целью борьбу с существующим в России государственным строем. В их числе можно назвать вторую «Землю и волю» и «Народную волю».

Совершенно естественно, что выработка теоретических постулатов, обосновывающих борьбу русских революционеров с самодержавием, не могла проходить полностью изолированно и хотя бы опосредованно, но опиралась на достижения европейской политической мысли. К тому же русские революционеры, оставаясь сторонниками крестьянской революции должны были обращаться и к использованию практического опыта предшественников из других стран. В этом контексте представляется чрезвычайно интересным обратиться к рассмотрению истории борьбы ирландского народа и влияния, происходящих там событий на освободительное движение в России.

Возникает вопрос – почему именно Ирландия? Ответ коренится в относительной схожести социально-экономической ситуации в Ирландии и в России – это острота аграрного вопроса и несовершенство его разрешения властями на протяжении длительного времени. Другой проблемой, притягивающей пристальное внимание русского передового общества, была борьба ирландцев за свою свободу и независимость от английской короны.

Конечно, многое, как в ментальности, так и в организации политических порядков в Ирландии и России существенно разнилось, но приниженное и во многом бесправное положение простого земледельца, обрабатывающего землю, и стремление к свободе – вот что роднило два эти народа и формировало протестные отношения в среде, как ирландского, так и российского общества.

Некоторые западные либеральные общественные деятели для характеристики политических процессов, происходящих тогда в России, напрямую обращались к образам революционной Ирландии. В качестве иллюстрации

можно привести фрагменты из книги Дж. Кеннана «Сибирь и ссылка», в которой повествуя о бесправном положении политических ссыльных в России Дж. Кеннан прибегает к использованию прямых аналогий с событиями в Ирландии [25, с. 192].

В свою очередь на увлечение русских революционеров ирландской темой обращали внимание и серьёзные отечественные исследователи народничества, например Е.А. Таратута [53] и Б.С. Итенберг [23]. Сопоставление данных о крестьянских выступлениях 1878–1882 гг. в России и Ирландии использовал своей монографии о «Народной воле» С.С. Волк [10, с. 49]. Отдельные аспекты, касающиеся ирландской тематики на страницах журнала «Дело», затрагивает Б.И. Есин [14].

Своеобразный параллелизм в оценке передовыми публицистами исторических судеб Ирландии и России, появившийся на страницах демократических изданий, начиная с некогда нашумевшей статьи Н. Сатина, помещённой в «Современнике» в 1847 г. [49], диктовал весьма устойчивый интерес к этой теме на протяжении всей второй половины девятнадцатого столетия. Если другие европейские и мировые проблемы, такие например, как борьба за объединение Италии, Гражданская война в США, или балканский вопрос занимали журнальные полосы, что называется «по факту», то к ирландской тематике публицисты обращались более ли менее регулярно.

Причём практически все статьи об Ирландии начинались с серьёзного исторического экскурса, ярко демонстрировавшего всю несправедливость и тенденциозность английской политики в Ирландии, а уж затем с привлечением новых материалов и данных рассматривалось современное состояние ирландской проблемы преимущественно с двух сторон: аграрного вопроса и насущных политических проблем.

Естественно такое внимание российской демократической печати к ирландским делам не было случайным. Нельзя не согласиться с мнением исследователей, что «учитывая сложные цензурные условия… редакция часто обращалась к историческому материалу, проводя аналогии между историей и современными проблемами России» [22, с. 41], и ирландская проблематика предоставляла для такого рода завуалированной критики российских социально-экономических порядков прекрасные возможности.

Это ярко продемонстрировала упомянутая выше статья Н. Сатина, хотя и называющаяся «Ирландия», но имевшая весьма явную антикрепостническую направленность. В ней публицист, изображая всю неприглядность аграрной ситуации в тогдашней Ирландии, в заключении прямо подчеёркивал: «Мы сказали в начале статьи и теперь с полным убеждением повторим мысль нашу: для Ирландии прошло время частных улучшений и временных мер, для Ирландии необходим полный радикальный переворот в основаниях её общества» [49, с. 33]. Теперь поменяйте слово Ирландия на слово Россия и получим, что называется искомое, просто удивительно, как николаевская цензура, опирающаяся на печально знаменитый «чугунный» цензурный устав, пропустила подобную публикацию.

Более того, в заключении рассматриваемой статьи автор прямо указал и на способ действия, который применяли в Ирландии борцы против английского засилья, обратившись к опыту действия «лиги типперарских фермеров» образованную под начальством гг. Лалора и Доэни и провозгласившую, что «земля Ирландии украдена наглыми саксонцами у её законных владетелей» [48, с. 34]. Не будем забывать того обстоятельства, что Лалор был не только активным членом радикального крыла «Молодой Ирландии» – «Ирландской конфедерации», но и сторонником вооружённой борьбы, ставившей целью обретение островом независимости.

В своём «Обращении к рипилерам и конфедератам» он чётко говорит о том, что без вооружённой борьбы ничего не добиться: «Фермеры единственная военная сила Ирландии, а они пойдут в бой не за уничтожение унии, а за землю. Борьба за землю даст и политическое освобождение» [26, с. 39].

Таким образом, «Современник» помещением подобной статьи, фактически выдвигал целую программу деятельности для будущих русских революционеров.

В пореформенный период ирландская тематика не раз использовалась для критики половинчатости и незаконченности «реформы 1861 г.». Например, в журнале «Дело», появляется очерке Г.Е. Благосветлова [22, с. 141], также получивший название «Ирландия» [17]. В нем, как справедливо отмечал Б. Есин, «на примере Ирландии, но, безусловно, имея в виду Россию, Благосветлов, показывает, что отдельные реформы, которые он называет паллиативными полумерами, не могут изменить бедственного положения Ирландии» [14, с. 81–82].

Отталкиваясь от не слишком удачного английского опыта преобразования Ирландии, Г. Благосветлов указывает на то, что половинчатые реформы не могут изменить бедственного положения страны, а в идеале все земледельцы должны стать землевладельцами, вместо крестьян – арендаторов должны появиться крестьяне собственники, т. е. по мысли публициста должен осуществиться переход от «искусственного сельского хозяйства к естественному» [22, с. 292], с которым, по его мнению, и связан промышленный прогресс необходимый для экономического благосостояния нации. Такие же социально-экономические рецепты он, по-видимому считал необходимыми и для России.

Не будем забывать и того обстоятельства, что, повествуя о бедах ирландского народа, литераторы-демократы не забывали подчёркивать и то, чем это чревато для властей, а именно указывали на факты не исчезающего в этой английской колонии аграрного терроризма.

Так, в 1863 г. на страницах «Русского слова» в разделе «Политика» можно было найти следующие строки: «В Ирландии народные страдания обнаруживаются таинственными ассоциациями, которые вызывают все прежние эксцессы риббонизма[1]. Снова являются так называемые Белые ноги, Дубовые сердца и адресуют к землевладельцам кровавые циркуляры и предвестия смерти» [40, с. 23–24]. Казалось бы, простая констатация факта из жизни чужого народа, но посмотрим, что происходит тогда в России. Неудовлетворённость результатом крестьянской реформы, провоцирует резкий рост крестьянского движения по статистике период с 1861 по 1863 гг. – это пик крестьянских выступлений в России. Для сравнения если в 1859 г. было 797 выступлений [55, с. 175], то уже 1861 г. – 1859, причём показательно, что до объявления реформы, с 1 января по 5 марта 1861 г., было всего 11 волнений, а с 5 марта до конца года 1848 [55, с. 229]. И хотя далее цифра крестьянских выступлений несколько снижается она все равно остаётся впечатляющей: 1862 г. – 844, 1863 г. – 509 [55, с. 229].

Кроме того, в стране действует первое действительно крупное тайное общество «Земля и воля», важнейшая цель которого поднять народ именно на крестьянскую революцию и спор в это время как раз и ведётся о способах как это сделать. Согласитесь, что в подобном контексте публикация «Русского слова», издания очень популярного у наиболее радикальной части общества, смотрится уже не только как новости из другой страны, но в сложившихся условиях её можно трактовать и как определённую тактическую рекомендацию.

И в дальнейшем ирландская тематика присутствует на страницах русских демократических изданий, в той или иной форме влияя на формирование мировоззрения читателей. В частности в преддверии окончания 9-летнего срока, по которому крестьяне должны были выполнять старые повинности, в журнале «Дело» в разделе «Политическая и общественная

[1]Риббонизм (риббониты) – название происходит от слова «риббон» – лента, так как члены этой группы носили зелёные ленточки, риббониты применяли в своей борьбе методы аграрного террора против лендлордов, мидлмэнов, представителей колониальной администрации [33, с. 33].

хроника» появляется цикл сообщений об Ирландии и попытках реформ направленных на её умиротворения после подавления фенианских выступлений 1867–1868 гг.

Всесторонне рассматривая политику кабинета «вигов» У. Гладстона, направленную на разрешение наболевшей ирландской проблемы в ситуации острейшего политического кризиса вызванного политическим движением фениев, публицист «Дела» писал: «Министерство представляет также проект закона об улучшении положения ирландских крестьян и арендаторов... Такой решительный шаг министерства следует считать за подвиг, так как общественное мнение Англии враждебно в отношении к своей сестре, Ирландии. Вслед за уничтожением преимуществ господствующей англиканской церкви в католической Ирландии, ирландцы выбрали в парламент фения О'Доновэна Росса, арестованного в английской тюрьме... Аграрные преступления продолжаются. Ненависть с обеих сторон не ослабевает... И при таком мрачном настроении общественного мнения... Гладстон представляет свой проект закона имеющий целью умиротворить край и оказать справедливость угнетённому народу» [41, с. 10–11].

Причём именно поземельный вопрос видится демократическим журналистам ключевым в деле окончательного успокоения Ирландии. Не останавливаются они и перед прямыми параллелями, сравнивая представления о справедливом земельном устройстве ирландского и русского крестьянина. «Взгляд ирландского земледельца на землю весьма сходен с понятием о ней великорусского крестьянина: «Мир – владелец земли», – подчёркивает автор очерка. Также показательным является и оценка роли развития капитализма в сельском хозяйстве, озвученная явно с народнических позиций и также сближающая Ирландия и Россию: «В Ирландии, как и в России, буржуа – существо исключительное и встречается только в городах; народная масса не имеет с ним никаких столкновений. Право буржуа есть право капитала, а это право совершенно неизвестно простым обитателям деревень» [42, с. 106].

Но, несмотря на, симпатии по адресу правительства У. Гладстона за попытку разрешить ирландскую аграрную проблему и хоть как-то улучшить быт ирландского народа [41, 42, 43] в целом аграрные законопроекты вигов оцениваются в статьях весьма критично. Журналист «Дела» прямо указывает на то, что «положение Ирландии теперь таково, что его улучшить могло бы только быстрое и радикальное разрешение существенного для страны поземельного вопроса» [42, с. 110–111].

Причём призыв – предостережение направленный к У. Гладстону с таким же успехом можно было переадресовать и Александру II : «Если бы Гладстон был действительно великий человек, он, разумеется, имел бы мужество действовать против воли общественного мнения. К тому же нас нисколько не может утешить убеждение, что в несправедливом деле виновна целая нация; ничто не может быть печальнее этой ненависти, которую постоянно вызывает Великобритания своей младшей сестре Ирландии! Но пусть Англия не забывает, что несправедливость и беспричинная ненависть никогда не остаются без возмездия!» [42, с. 113].

Анализируя материалы русской демократической печати по ирландской проблематике, хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. Усматривая определённое сходство в социально-экономическом развитии российской и ирландской деревни, публицисты демократического лагеря проводили на примере Ирландии идею о необходимости радикальной ломки отживших и несправедливых аграрных порядков. Отметим также, что в их очерках, повествующих о событиях в Ирландии, они как бы исподволь указывают на силу, которая заставляла английское правительство идти на уступки – и эта сила политическое движение в Ирландии, постепенно срастающееся с актами фактически непрекращающихся аграрных беспорядков. В 1850–1860-е гг. это движение обрело формы политического заговора

фениев, вылившегося в попытку открытого антианглийского восстания 1867 г., что изрядно напугало английские власти тем самым и вызвав реформы У. Гладстона.

Вот некоторые цифры динамики политических и аграрных преступлений в Ирландии: 1866 г. – 813 первого рода и 88 второго, 1867 г. – 836 и 123, 1868 г. – 126 и 160, 1869 г. – 63 и 767, 1870 – 0 и 1329. На основе этих данных современный исследователь А.В. Мирошников приходит к следующему выводу: «Крестьянство оживляется после 1867 г., т. е. со времени решающих неудач ИРБ, и толчок этому подъёму был дан политическим течением, наполнившим массы активностью и своим примером борьбы. Однако поражение политического движения вынудило крестьянское население вернуться к исторически традиционным для него методам сопротивления. Активизировавшаяся сельская провинция не могла считать для себя близкими вопросы захвата власти, не решив предварительно, в чем тут её выгода» [33, с. 84–85].

Естественно движение фениев Ирландского революционного братства стало объектом пристального внимания революционно-демократического лагеря и в России. Стоит прислушаться к мнению того же А. Мирошникова, отмечавшего, что «движение фенианства середины прошлого века в течение нескольких лет находилось в центре внимания населения Ирландии, Великобритании, Северной Америки. Тема фенианства не сходила со страниц тогдашних газет и журналов. Техническое состояние средств массовой информации той поры позволило фенианской эпопее довольно быстро стать объектом пристально внимания мировой общественности» [33, с. 6].

Кроме того, не будем забывать и того обстоятельства, что представители «Ирландского революционного братства», в частности Д. Стивенз, были членами Первого Интернационала [33, с. 75], в котором была и Русская секция. Естественно, что положение в Ирландии не раз становилось предметом оживлённых дискуссий и обсуждений в МТР [Международное товарищество рабочих. – *О.М.*], и это не могло не находить определённого отклика и в российском освободительном движении.

Очень важным научным событием, несомненно, повлиявшим на рост интереса русского передового общества к Ирландии и её наболевшим социально-экономическим проблемам, в которых многие читатели видели зеркальное отражение того, что происходит или будет происходить в России, стало появление в 1873 г. на русском языке книг Дж. С. Милля «Англия и Ирландия» [31] и работ Дж. Брайанта [7]. Кроме того, российские читатели использовали для получения информации также сборник статей вышедший в 1871 г. [9], в котором содержалась интересная и смелая по духу и стилю изложения статья Э. де-Лавелея «Поземельная система Ирландии».

Но конечно особую известность имела книга Дж. С. Милля. Не будем забывать и того обстоятельства, что его работы были тогда крайне популярны среди русской радикально настроенной молодёжи. Красноречивое тому свидетельство фрагмент из воспоминаний Д.А. Клеменца: «В области вопросов общественных наук появились также неизвестные доселе на Руси идеи. Милль отстаивал равноправие женщин, Лассаль произносил свои огненные речи перед рабочими. На все эти новинки сразу набросилось все живое, молодёжное любознательное» [27, с. 95]. А ведь эти слова принадлежат не просто рядовому участнику освободительного движения 70-х годов, а человеку сотрудничавшему во многих бесцензурных изданиях того времени, например в журналах «Вперёд», «Община» и кроме того ведущему редактору «Земли и воли».

На книгу Дж. С. Милля об Ирландии (причём ещё до её выхода на русском языке) отреагировала и подцензурная демократическая печать. В 1872 г. в «Отечественных записках» появляется серьёзная статья «Аграрный вопрос в Ирландии» жёстко бичующая английскую аграрную политику и подчёркивающая, что следствием политики англичан приведшей после их завоевания Ирландии к разрушению традиционного для Ирландии общинного владения землёй стало превращение ирландцев в «нацию нищих» [1, с. 28].

Рисуя страшные картины ирландской нищеты, голода и как следствие резкого роста ирландской эмиграции в Америку, автор при этом отмечал и то обстоятельство, что «под влиянием этого ужаса, проснулось «чувство общественной справедливости», тем скорее, что фенианизм из Америки грозил отделением Ирландии от Соединённых Королевств, а страшный суд ribbonmen, сменивших whelbays и steelbays XVIII и начала XIX века[1], распространил панику между лендлордами и капиталистами-фермерами» [34, с. 39]. И под «влиянием проснувшегося чувства справедливости и правительство, и общество, и литература занялись исследованием причин упадка Ирландии» и «аграрный вопрос Ирландии сделался насущным вопросом» [34, с. 39]. Не трудно заметить, что публицист весьма прозрачно намекает на то, что происходило и происходит в России в крестьянском вопросе в пореформенный период, где также множественность нерешённых проблем в аграрном секторе привлекали к нему внимание и правительства, и общества.

В частности, в тех же «Отечественных записках» впервые были опубликованы «Письма из деревни» А.Н. Энгельгардта. В них он выступал, как противник помещичьего землевладения, не имевшего по его мысли будущности в России. Кроме того, он критиковал современное положение дел в русском сельском хозяйстве и ратовал за артельную организацию труда, переход всей земли в руки крестьян на началах общественного пользования ею и артельной её обработки. Однако для успешного развития этих начал необходимо широкое просвещение народных масс силами интеллигенции, которая должна помочь народу [59].

Возвращаясь к статье в «Отечественных записках» отметим, что обращаясь к опыту борьбы ирландских фермеров за tenant right, так называемое «ольстерское право»[2], публицист прямо отмечает, что «благодаря ему провинция Ольстер, которая более всего претерпела от гнёта Англии достигла той степени развития и благосостояния, которые равняют её с самыми цивилизованными странами Европы». Причём этого «tenant right нельзя не найти ни в одной хартии, – подчёркивает автор, продолжая далее, – оно держится обычаем и было введено в Ольстере горсткою энергичных выходцев. Пуритане изгнанные из Англии, поселились на севере Ирландии, и чтобы оградить себя от произвола и грабительства лендлордов постановили свои правила пользования землёй… и заставили под угрозой смерти подчиниться им и лендлордов и других фермеров» [1, с. 47].

Можно себе представить с каким восторгом читала эти строчки революционная молодёжь – ведь в них фактически целая программа действий в интересах угнетаемого народа. Вполне привлекательно для российского мыслящего читателя звучал и вывод сделанный публицистом: «Но время полумер прошло… Народ удовлетворится только законом, который обяжет землевладельцев отдать ему в вечное пользование землю за уплату известной и очень умеренной аренды» [1, с. 50].

Таким образом, публицисты-демократы практически прямо увязывали возможность радикальных преобразований в Ирландии только с насильственной борьбы ирландцев за свою «землю волю». Демократическая публицистика второй половины 60-х – начала 70-х гг. в оценке ирландских событий закладывала устойчивый стереотип их восприятия, а именно только с помощью открытой борьбы можно добиться окончательного и полного разрешения всех ирландских проблем.

---

[1]Крестьянские секретные общества, исповедующие насилие и акты аграрного терроризма. Их технологию отличала высокая степень подвижности, массированные ночные рейды, сочетаемые с картельными действиями против конкретных врагов [34, с. 58–61].

[2]Согласно этому «ольстерскому обычаю», лендлорд был обязан компенсировать затраты арендатора при сгоне с земли [34, с. 59].

Исследователь Б. Есин отмечал, что «сотрудники «Дела», внешне придерживаясь научной формы изложения, часто именно в этом стиле говорили о самых животрепещущих вопросах своего времени: крестьянском малоземелье, о культурной и экономической отсталости России, о паразитизме господствующих классов, о невыносимой политической атмосфере в стране. Сюда надо отнести такие статьи… как «Ирландия» Благосветлова, «Турция», «Социально-экономические фантазии» Шелгунова, «Производительные силы России» Ткачёва» [14, с. 55]. В свою очередь наиболее восприимчивые читатели, особенно из рядов радикальной молодёжи, могли переносить подобное восприятие и на решение наболевших российских проблем.

Литераторы «демократической волны» обращаясь к своим читателям и в некотором роде проецируя ирландские события на российскую действительность, как бы говорили: «Если уж в конституционной Англии правительство не может справедливо разрешить аграрный вопрос и народ Ирландии только с помощью насильственных мер против властей сдвинул дело с мёртвой точки, то чего ждать от власти в деспотической самодержавной России в плане улучшения положения того же крестьянства, а раз так то следовательно нужно брать дело освобождения народа в свои руки и действовать сообразно местным условиям». То есть у оппозиционно настроенной части российского общества формировался устойчивый алгоритм восприятия процесса преобразования российской действительности через призму антиправительственных революционных действий.

Причём все это прекрасно сочеталось с теоретическими выкладками из популярных тогда среди молодёжи работ П.Л. Лаврова, в частности его «Исторических писем» (1869 г.). Благодаря ему, к услугам антиправительственно настроенной интеллигенции явился «субъективный метод, первым провозвестником которого и выступил П. Лавров» [28, с. 152]. Он доказывал, что «критически мыслящая личность» имеет право свои субъективные идеалы ставить во главу угла изучения истории. «Я сниму с себя ответственность за кровавую цену своего развития, если употребляю это самое развитие на то, чтобы уменьшить зло в настоящем и будущем» [31, с. 81], – такой привлекательный для молодых радикалов тезис выдвигал П. Лавров. В свою очередь демократическая журналистика указывала на примере Ирландии и способы реального приложения этих действий.

Поэтому нет ничего удивительно в том, что молодые русские революционеры внимательно знакомились с материалами периодической печати о событиях в Ирландии, особенно об аграрном движении, более того находили аналоги ему и в истории России. Так, выходец из крестьян Новороссии, будущий герой «Народной воли» А.И. Желябов не только интересовался событиями в Ирландии, но и проявлял огромный интерес к истории гайдамаческого движения на Украине. В квартире, в которой он вместе с С.Л. Перовской жил перед арестом 27 февраля 1881 г. среди ряда книг было обнаружено и «Исследование о гайдамачестве» профессора В.Б. Антоновича [16, с. 110].

Сохранилось и свидетельство П.А. Кропоткина – периода «чайковцев» о его интересе к организации крестьянского движения в России по ирландскому образцу [30, с. 295]. Идея об организации боевых крестьянских дружин для открытых вооружённых выступлений активно отстаивалась им в период обсуждения в Центральном кружке его записки «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?» [57, с. 211–212]. Хотя по воспоминаниям Н.А. Чарушина эти предложения не нашли поддержки и сочувствия, тем не менее в окончательном тексте записки П. Кропоткина они, хотя и с оговорками на каждую конкретную ситуацию все же воспроизведены [13, с. 107–109]. Например, «что касается местных волнений с какой- нибудь частной целью, напр. Демонстрация против мастера или управляющего на фабрике, демонстрация против какой-нибудь стеснительной меры, волнения в деревне… то мы смотрим на них, как на воспитательное средство массы и как на средство для народных агитаторов ближе узнать людей… Всякая

агитация, не подкрепляемая никаким делом, скоро перестаёт поддерживать бодрость в деятельных людях… Стараться воздержаться от протеста, когда он настойчиво напрашивается сам, значит развивать равнодушие к окружающему и даже род иезуитизма» [13, с. 108–109].

К этим же планам П. Кропоткин возвращался и несколько позднее, в начале 1874 г. Когда уже начался разгром чайковцев, «он сетовал на то, что в своё время его не послушали, а теперь лучшие силы кружка погибают бесплодно, когда они могли бы погибнуть более ярко, оставив после себя несомненный след в истории революционного движения» [57, с. 212].Об этих же предложениях П. Кропоткина вспоминал и М.Ф. Фроленко [54, с. 503].

Подобные же идеи, опирающиеся на мысль о пропаганде действием среди крестьянства, находят своё выражение и в программах ряда революционных народнических организаций первой половины 70-х гг. Характерный тому пример «Устав Всероссийской социально-революционной организации» (февраль 1875 г.). В этом документе в разделе IX «Об агитации» в «пункте С», который назывался «Чистая агитация», сформулировано следующее: 1. В мирное время: а) она ведётся посредством организации шаек[1]… в) цель подобных шаек – наводить страх на правительство и привилегированные классы… г) поднимать дух народа и этим делать его более способным к принятию революционных идей» [45, с. 121–122].

В дальнейшем планы создания боевых отрядов по типу ирландских риббонистов, но с ориентацией на пропаганду идеалов социальной справедливости, найдут своё концентрированное выражение в программе «Земли и воли», разработка которой началась в 1876 г. [3, с. 62].

Знакомство с её черновыми вариантами позволяет увидеть, что много места в них уделялось как раз разработке вопросов связанных с организацией крестьянской борьбы за справедливый земельный передел, который мыслился, как «переход всей земли в руки сельского рабочего сословия и равномерного её распределения» [3, с. 58].

На кого же предполагали революционеры опереться для борьбы с правительством. Обратимся к «разделу А» программы «Земли и воли» (Часть организаторская), причём отметим, что в этом разделе очень много сохранившейся правки т. е. можно предположить, что прорабатывали его максимально основательно и не без дискуссий. В этом плане интересны следующие пункты:

в) заведение возможно более широких и прочных связей в местностях, где недовольство наиболее заострено, и устройство прочных поселений и притонов среди крестьянского населения этих районов;

г) привлечение на свою сторону по временам появляющихся в разных местах разбойничьих шаек типа понизовой вольницы.

Далее после «пункта д» следует запись: «Деятельность людей, взявшихся за исполнение этих пунктов, должна заключаться, в видах заострения и обобщения народных стремлений, в агитации [примечание на полях: «Кроме того: путь действия, т. е. бунты, стачки, всякого рода волнения мы считаем наилучшим средством для организации революционных сил». – *О.М.*] в самом широком смысле этого слова, начиная с легального протеста против местных властей и кончая вооружённым восстанием, т. е. бунтом. В личных знакомствах, как с рабочими, так и с крестьянами (в особенности с раскольниками), агитаторы, конечно, не могут отрицать важности обмена идей и пропаганды» [3, с. 62].

---

[1]По поводу выражения «организация шаек» И.С. Джабадари оставил специальное указание в своих воспоминаниях. Он объяснял выбор данного словосочетания следующим: «Мы просто хотели… найти такое название для свободных вооружённых революционных отрядов, которое даже по имени не напоминало бы правительственные военные организации», как например, слово «дружина», которое по существу подходило больше, чем слово «шайка» [12, с.176].

Активно вопросы, связанные с тяжёлым и бесправным положением крестьянства и вытекающими из такого положения с аграрными выступлениями в России и ролью революционной организации в их подготовке, использовало и самое авторитетное тогда нелегальное издание – «Земля и воля», а чуть ранее её предшественница газета «Начало» [44, с. 16–19, 47–48, 60–62].

Причём многое в землевольческой журналистике было так или иначе связано с использованием идеи аграрного террора, хотя напрямую об использовании опыта ирландского аграрного движения и не говорилось.

Уже в передовице № 1 «Земли воли» аграрный вопрос и проблемы его разрешения стали центральными, хотя по сравнению с ирландскими лозунгами здесь присутствовал сильнейший анархический мотив и утверждение о следовании социалистическим идеалам: «Отнятие земель у помещиков и бояр, а иногда поголовное истребление всего начальства, всех представителей государства и учреждение «казачьих кругов», т. е. вольных автономных общин с выборными, ответственными и всегда сменяемыми исполнителями народной воли – такова была всегда неизменная «программа» народных революционеров-социалистов: Пугачёва, Разина и их сподвижников» [44, с. 70].

Любопытно здесь и ещё одно обстоятельство. Сторонники аграрного терроризма искали теоретическое подкрепление своих идей в историческом прошлом своего народа и таким образом подчёркивали генетическую связь этой борьбы, обречённой по их мнению на конечную победу, а для этого надо максимально быстро перенести её на народную почву: «В настоящее время мы имеем уже один факт, первостепенной важности, знаменующий собой этот переход социалистов на почву чисто народную. Стефанович с друзьями в чигиринской глуши создаёт первую в нашей революционной истории народную организацию, безусловно революционную и народно-социалистическую, которая в несколько месяцев охватывает собою до 1,5 тысяч крестьян. Революционеры-социалисты здесь становятся впервые действительно признанными вождями народных масс» [43, с. 76].

Здесь-то и хотелось бы указать на принципиальное отличие аграрного движения в Ирландии и действий среди российского крестьянства представителей русской революционной партии. В Ирландии протестное аграрное движение носило чётко очерченный экономический характер, и только фении попытались связать его с борьбой за независимость, в России же идею «чёрного передела» т. е. справедливого решения земельного вопроса революционеры напрямую увязывали с осуществлением широкомасштабного социального переворота.

Думается, во многом поэтому при весьма частом упоминании в землевольческой публицистике опыта европейского социалистического движения и даже просто отдельных террористических актов против первых лиц европейских государств, например покушения испанца Монкуси на жизнь короля Альфонса [44, с. 255–256] или Геделя и Нобилинга на Вильгельма II [44, с. 103–111] на страницах «Земли и воли» ничего не писалось об ирландских делах, хотя тактические параллели более чем очевидны.

Так в корреспонденции «Каменская станица», повествующей о волнениях донских казаков, по поводу введения новых правил пользования общественными лесами есть следующее весьма примечательное место, повествующее о выстреле в окно хаты, в которой помещался землемер, принявший сторону властей и поддерживающий неправедное по мнению казаков решение и вот, что содержится в тексте: «К выстрелу население относится сочувственно и жалеет только, что таксатор не был убит» и далее: «Вообще, как бы ни было различно сопротивление, недовольство везде одинаково сильно. Припоминаются какие-то предсказания «стариков», которые давно говорили, что придёт время, когда будут стеснять казаков, когда у них отберут все угодья и тогда произойдут на тихом Дону смуты и будет кровопролитие» [44, с. 126–127]. Т. е. уже в этой корреспонденции отчётливо заметны идеи использования ситуации в целях придания ей формы прямого столкновения с представителями власти.

Далее, исходя из складывающихся в стране политических и экономических условий, революционеры в России пришли к следующим выводам, которые они, в том числе выводили из опыта западноевропейских социалистов, стремящихся к «коллективному владению землёй и орудиями труда» выводы звучали следующим образом: «Короче сказать, одно из требований западноевропейского социализма, коллективизм владения, составляет у нас существующий факт… таким образом, мы a priori пришли к тем практическим задачам, которые давно ставили себе титаны народно-революционной обороны: Болотников, Разин, Пугачёв и другие. Мы пришли к «Земле и Воле». Но тем самым центр тяжести нашей деятельности переносится из сферы пропаганды лучших идеалов общественности на создание боевой народно-революционной организации, для осуществления народно-революционного переворота в возможно более близком будущем» [44, с. 152].

Теперь на повестке дня вслед за вопросами революционной теории становились вопросы революционной стратегии и тактики и здесь-то мотивы, очень напоминающие практику ирландского аграрного движения зазвучали со всей отчётливостью. В передовой статье в № 5 «Земли и воли» прямо декларировалось: «Каждый из нас хорошо понимает, что рано или поздно – чем раньше тем лучше – народу придётся себе силой добывать землю и волю, силой сбросить с себя эксплуататоров всех сортов… Возьмём, например, такой случай. Деревня навлекла на себя и «вмешательство вооружённой команды». Нет возможности защитить крестьян. Но несколько соединённых банд, успевают соединиться, выбрать подходящее место и время, напасть где-нибудь в лесу на возвращающийся с победой отряд, попытаться отбить у него арестованных крестьян и т. п.»

И уж совсем в духе ирландских whelbays и steelbays: «…например, революционерам удастся убить виновного в погроме станового исправника, помещика, изменившего крестьянского старшину и т. п. …Во всех этих случаях разгром нисколько не ошеломит крестьян, и революционная агитация выйдет из борьбы с незапятнанной честью и с новым доверием со стороны крестьян» [43, с. 238–239]. Ну и венчала эту апологию аграрного терроризма следующая сентенция: «Составляя необходимую опору для современной революционной работы банды, вместе с тем, образовывали бы первые кадры революционной армии. Пополняясь и непрерывно возрастая от прилива наиболее энергичных бунтовских личностей из среды самого народа, они с течением времени дали бы нам по разным концам России несколько десятков или сотен отрядов, сформировавшихся из людей, привыкших ко всевозможным опасностям, на все готовых и связанных между собою общей центральной организацией» [44, с. 239].

О впечатлении передовой статье в № 5 «Земли и воли», написанной Л.А. Тихомировым, на революционное сообщество сохранились подробные воспоминания непосредственного свидетеля тех событий О.В. Аптекмана: «…новым являлся лишь аграрный деревенский террор, как особая форма народнической борьбы в деревне, противополагаемая прежней исключительной форме агитации в деревне – бунтам. Собственно и это – деревенский террор – не был открытием самого Тихомирова: мысль эта уже носилась, так, сказать, в воздухе и была принесена в Петербург «деревенщиной» [58, с. 60].

В плане же обращения к подобной революционной практике русские революционеры пока чувствовали себя не слишком подготовленными, что отмечал в своих «Заметках русских социалистов-террористов за 1878 г.», арестованный и казнённый 20 апреля 1879 г. за вооружённое сопротивление офицер В.Д. Дубровин. Он подчёркивал, что «русский социалист не обладает, к сожалению, теми революционными сведениями, какие имеются на этот счёт (т. е. на счёт свойств оружия и искусства им владеть) у революционеров других стран… На Западе, в особенности в таких странах, как Франция, Италия, Испания, приходилось с малолетства приниматься за кинжал и револьвер, приходилось воспитываться среди возбуждающих волнений революци-

онной борьбы, приходилось чуть ли не ежегодно присутствовать и принимать участие в шумных демонстрациях и видеть с малолетства, как их отцы и братья геройски умирали на баррикадах защищая священные права человеческой свободы», далее автор статьи, в которой цитировались фрагменты записей В. Дубровина обращался к своим товарищам с просьбой-призывом следующего характера: «В интересах того святого дела, которому мы служим запасаться хорошим оружием и более или менее искусно владеть им» [44, с. 298].

Поэтому нет ничего удивительно в том, что именно во второй половине 70-х гг. значительное количество русской радикальной молодёжи направилось на Балканы, где завязывалась борьба местных народов за свою свободу против Османской империи. Представляется, что кроме славянской солидарности, ещё и для овладения хотя бы первичными военными навыками многие молодые русские революционеры принимали участие в балканских восстаниях и Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Так из выехавших в Боснию и Герцеговину 50–60 русских добровольцев, революционеров было не менее 30 человек [11, с. 91]. Уже в сербско-черногорско-турецкой войне 1876 г. революционеров-добровольцев было в 3–4 раза больше, чем в Боснии – около 100 человек, а в Русско-турецкой войне принимало участие более 200 представителей революционной России [11, с. 15].

На влияние балканских событий на тактику, например «южных бунтарей», указывал М. Фроленко: «Революционеры назвали себя бунтарями и стали высматривать, не надумают ли где крестьяне самостоятельно бунтовать, тогда они явились бы к ним в качестве союзников, уже вооружённых и несколько подготовленных к бою. Чигиринское движение послужило основой для этой программы, но главное что натолкнуло на неё, восстание в Герцеговине и Черногории» [56, с. 203].

В целом не противореча М. Фроленко, обратим внимание на то обстоятельство, что та тактика, которую предполагали использовать «южные бунтари» все же намного больше соответствовала действиям ирландских риббонистов. Просто театр балканских военных действий был не только ближе, но и по духу, по ментальности, устремления балканских борцов за независимость были понятнее и роднее русским революционерам, к тому же именно в годы формирования тактических установок «Земли и воли» на Балканах проходили действительно значимые события, в то время, как Ирландия несколько успокоилась после «реформ Гладстона» [8]. Однако полностью отметать влияние на тактические установки русских народников второй половины 70-х годов предыдущего опыта ирландского аграрного движения активно транслируемого через демократические подцензурные издания на наш взгляд не следует.

Распад в августе 1879 г. «Земли и воли» на «Народную волю» и «Чёрный передел» привёл к тому, что магистральным для России стало политическое движение, развиваемое народовольцами, использовавшими в своих организационных построениях, некоторые черты присущие ранее существовавшим централизованным тайным обществам, в том числе и фениям. Созданный тогда же «Чёрный передел» по-прежнему в своих программных построениях делал ставку на использование идеи аграрного, и фабричного терроризма [37, с. 157], развивались также планы широкой организации крестьянского движения на Украине [2, с. 289].

Кроме того, в отличие от землевольцев революционеры из «Чёрного передела» напрямую обращались и к ирландскому опыту. Так в том же № 1 Г.В. Плеханов сравнивая воззрения революционеров-черноперелельцев и ирландских патриотов подчёркивал их видовые отличия отмечая, что «современные ирландские агитаторы были бы народниками-революционерами, если бы, вместо более менее паллиативных мер, они указали низшему классу ирландского населения на аграрную революцию, как единственный выход из его бедственного положения», и далее Г. Плеханов продолжал: «Но как

в современной Ирландии, так и в древнем Риме аграрная революция могла бы лишь передать право поземельной собственности в руки всего народа, не внося нового принципа в отношения людей к земле. Она могла бы только раздробить частную поземельную собственность, но не уничтожить её совсем».

Причина по мысли Г. Плеханова в исчезновении в этих странах поземельной общины. В этом-то и есть базовые отличия России от той же Ирландии, где у «населения успело изгладиться всякое представление о коллективной поземельной собственности». Поэтому-то отмечал Г. Плеханов и в этом с ним согласились бы и те же народовольцы в странах, где община является преобладающей формой крестьянского землевладения «экспроприация крупных земельных собственников необходимо ведёт… не только к более справедливому распределению экспроприируемых земель, но и к замене индивидуального владения коллективным. Такой именно смысл имеет живущее в русском народе ожидание чёрного передела… Вследствие этого социалист, провозглашающий коллективное владение орудиями и объектами труда, по крайней мере в той части своей пропаганды, которая касается поземельного владения становится выразителем и обобщителем народных стремлений… и с полным правом может называть себя революционером-народником» [58].

Но это, что касается вопросов революционной теории, другое дело вопросы революционной тактики, где опыт ирландских аграрных выступлений мог пригодиться русским революционерам. Недаром, в № 1 «Чёрного передела» треть места отведена описанию Чигиринского заговора. Интерес к крестьянству и его борьбе не покидал и народовольцев, особенно это стало проявляться в 1880 г. когда в России разразился голод.

Свидетельство тому мы находим в письме «Исполнительного комитета «Народной воли» заграничным товарищам»: «Мы, собственно, почти ничего не делали, если не считать прокламаций да очень робких помышлений о нар[одном] терроре. Но это не значит, что мы принципиально отказались от подобной деятельности» [45, с. 319]. Т. е. в этом документе при признании минимальности работы в деревне слова о народном, читай аграрном терроре имеют место, и думается во многом эти строки, обращённые к русской революционной эмиграции содержали в себе реакцию на последние события в Соединённом королевстве, охваченном сильнейшими за последние десятилетия аграрными беспорядками.

Проблемы крестьянского малоземелья, неурожая и голода тогда активно поднимаются на страницах подцензурной печати. Так, в том же в статье «Наши виды на урожай» (1881 г.), вскрывая причину сокращения посевов, И. Кольцов (Л. Тихомиров) прямо называл главную проблему – недостаток семян, а это в свою очередь связано с упадком благополучия крестьянских хозяйств. Показывая всю бедственность ситуации, он делал неутешительный вывод, что «в результате экономического подчинения крестьянства Россия зарастает вместо хлеба бурьяном». Поэтому «первая и главная задача должна состоять теперь в том, чтобы вывести крестьянские массы из экономической зависимости и поставить земледельческий труд в такие же условия, при которых жатва бы не являлась каждый год каторгой» [29, с. 148].

Статьи на аграрную проблематику в российской демократической печати и действия революционеров среди крестьянских масс, фактически совпали по времени с организацией в Ирландии движения за гомруль, организованного Ч. Парнеллом и создания им же и бывшим фением М. Дэвитом «Земельной лиги». История последней началась с крупного митинга организованного при непосредственном участии М. Дэвита весной 1879 г. в Айриштауне, на его родине, а уже 21 октября в Дублине собрался съезд, созванный по инициативе Ч. Парнелла и с этого времени и начинается истории «Ирландской национальной земельной лиги» [26, с. 112–114].

Лига начала активно действовать в 1880 г. Центральный пункт её программы требовал создания крестьянской собственности вместо существующей системы аренды. Тогда же в арсенале борьбы лиги зазвучали слова, став-

шие вскоре международно известными, например «бойкот», а с этой тактикой напрямую соседствовали и выступления крайних сторонников лиги, исповедующих традиционную для Ирландии тактику аграрного терроризма. Число аграрных преступлений к началу 80-х гг. резко возросло. В 1877 г. их было 236, в 1878 г. – 301, в 1879 г. – 863, в 1880 г. – 2 589, в 1881 г. – 4 439, в 1882 г. – 3 432. К числу аграрных преступлений относились и поджоги, и покушения на убийство лендлордов и их управляющих, и калечение скота [26, с. 122–123].

События в Ирландии, связанные с активной и весьма успешной деятельностью «Земельной лиги», да ещё в свете неурожая и голода в России, привлекли к её действиям особое внимание российской печати. Демократическая журналистика начала 80-х гг. была насыщена материалами по Ирландии, да и освещение происходящих там событий, в связи с некоторой цензурной либерализации «эпохи М.Т. Лорис-Меликова» стало более свободным, что естественно открывало перед публицистами большие возможности.

Так описывая ситуацию в Ирландии, охваченной подъёмом аграрного движения, «грозящего громадным социальным переворотом государству патентованного конституционализма» [6, с. 79] корреспондент журнала «Слово» отмечал, что «напрасно также искать в ирландском вопросе… национального антагонизма и сепаратистских стремлений. Последние служат лишь средством выставить в наиболее яркой форме иные стремления, нужды более серьёзные и глубокие», а далее говоря о «партии гомрулеров» подчёркивалось, что она «никогда не обнаруживала колебаний относительно того, что составляет сущность ирландского вопроса, – поземельных отношений, ирландцев, и можно сказать, что партия гомрулеров в этом смысле, а не как партия сепаратисткая, становится наиболее народной и национальной, потому что в этом случае она всего ближе подступает к разумению и чувствам своего народа» [6, с. 80]. Т. е. именно выдвижение требования широкомасштабных агарных преобразований по мысли корреспондента даёт возможность «партии гомруля» возглавить поход ирландского народа к независимости. При этом в статье прямо подчёркивалось: «Как для конституционной, так и для самой деспотической власти безземельная масса есть несокрушимый враг; В Ирландии же безземелье, можно сказать, образцовое и служит типом этого рода социально-патологических явлений» [6, с. 82].

Повествуя о нерешённости аграрной проблемы, о нищете ирландского крестьянина, который «пожалуй беднее даже русского крестьянина северной полосы России» [6, с. 83], автор отмечал, что «уже в 60-х годах ирландские патриоты указывали, как на единственный путь умиротворения Ирландии, на выкуп государством всех или, по крайней мере, пустых необрабатываемых земель лендлордов и раздачу этих земель населению мелкими участками в постоянное владение за плату, которая взималась бы погодно в течение определённого числа лет» [6, с. 85].

Успешная деятельность «Земельной лиги» и освещение её программных и тактических установок российской демократической печатью привлекли к деятельности последней внимание народовольцев. Признанным знатоком современных ирландских событий в ИК был Г.П. Исаев. Ирландским опытом организации аграрного движения активно интересовался А. Желябов. Он не только изучал его, но и пропагандировал в студенческой и особенно рабочей среде, выступая с лекциями по данному вопросу [16, с. 94]. О его увлечении ирландскими делами свидетельствует и тот факт, что отголоски ирландских событий, в т. ч. упоминание фениев, имени Ч. Парнелла встречаются на страницах письма А. Желябова к М.Н. Драгоманову [39, с. 73].

Успех «Земельной лиги» и пропаганды Ч. Парнелла заставляет русских революционеров вновь серьёзно задуматься об организации крестьянства для прямой борьбы за землю. Известно, например, что на одном из заседаний Исполнительного комитета «Народной воли», в период голода 1880 г. А. Желябов предлагал рассмотреть вопрос об отправке его в Поволжье, где

он намеревался, используя рост недовольства среди местных крестьян, поднять широкомасштабное крестьянское движение. Осенью, того же 1880 г. ряд членов ИК и в первую очередь А. Желябов задумали создать, наряду с рабочей, студенческой и военной сельскую организацию «Народной воли», но не успели сделать этого, отвлекшись на форсированную подготовку цареубийства [10, с. 368].

Ещё более показательны в этом отношении строки из письма народника П.О. Иванова к М.Р. Попову (одному из активнейших сторонников продолжения работы в крестьянской среде). Представленное письмо повествует о событиях связанных с работой революционеров в деревне в начале 1880 г. Автор сообщает: «Из нескольких мест мы получили следующие известия: крестьяне хотят уничтожать подати, не знают только как это делать. В одном месте это желание разрешилось небольшим бунтом, кончившимся, конечно, ничем, кроме арестов, но тем не менее движение есть ещё довольно значительное» и далее сообщая, что некоторые крестьяне согласны выступить с оружием и просят совета, автор письма прямо подчёркивал, что: «В таких обстоятельствах… мы ещё не ответили, но решили предложить им правильный, в систему организованный путь аграрных преступлений на манер ирландских фениев. С этой целью мы, имея список помещиков и кулаков с обозначением их состояния, разложим их подати и пошлём из Киева или Питера печатные приглашения от имени общества «Земли и воли» уплатить требуемую сумму в счёт податей, формулируя так: до нашего сведения довели… а потому… в случае же не внесут, – после этого начнутся систематические поджоги по группам». Это по мысли автора письма первая стадия развития, а далее «вторая будет подобная, т. е. новые требования – террор и организация» [46, с. 162–163].

Подобные же нотки мы видим и в программе Донского общества «Земля и воля» (1882 г.), где в разделе о практической деятельности пункт 4 звучит следующим образом: «Террор, как случайное средство для обуздания административного произвола, для самосохранения лиц и организаций и как средство мести народным угнетателям и чересчур хищным народным эксплуататорам» [46, с. 157] или в программе «Народной партии» (1881 г.) в которой также указывается: «Народная партия должна пользоваться каждым случаем столкновения народа с администрацией, помещиками и пр., освещая эти столкновения революционной идеей, способствуя хотя бы временному, успеху их и практикуя, сообразно обстоятельствам, аграрный и фабричный террор» [46, с. 152].

В 1881 г. в демократической печати выходит целая серия очерков посвящённых событиям в Ирландии [19, 20, 21], в том числе и непосредственно истории создания «Земельной лиги» [35, 36]. Кроме того, в них уделялось не мало места и собственно политикам, возглавлявшим современное оппозиционное движение, в частности Ч. Парнеллу. Причём следует отметить, что факт создания и деятельности той же «Земельной лиги» однозначно оценивался одобрительно, как событие позитивное и отвечавшее потребностям времени. Особенно, в условиях, когда даже правительство У. Гладстона оказалось бессильно. «Среди молодой патриотической партии созрела мысль, что новый порядок вещей должен быть фактически приготовлен в самой стране, и тогда английское законодательство будет поставлено в необходимость признать существующий факт и санкционировать его. Таков смысл всего движения 1879 и 1880 годов», – писал публицист [35, с. 21].

В продолжении этих очерков автор на фоне борьбы «Земельной лиги» против изгнаний фермеров значительное внимания уделяет и рассмотрению непосредственных фактов и форм аграрной борьбы, как следствия негодной политики администрации в Ирландии, а также тактике бойкота, получившей там повсеместное распространение [36, с. 39–42]. Показательна в этом отношении следующая ремарка публициста из «Отечественных записок»: «Неудивительно, что Брайт, говоря однажды в парламенте об аграрных пре-

ступлениях, воскликнул: «Такова воля провидения, что доколе нечестивые законы будут мешать населению страны владеть, хоть частью своей родной земли, будут совершаться подобные насилия, хотя бы в качестве маяков, освещающих путь законодательному собранию и напоминающих ему, в чем состоят его обязанности к управляемой им стране»» [21, с. 231].

Кроме всего прочего, события, происходящие в Ирландии нашли отражение даже в разделах беллетристики русских журналов, например в «Отечественных записках» был помещён рассказ «Ирландская месть» повествующий историю об одном из аграрных преступлений, направленном против Лаудера, поземельного агента лорда Гольтимора и весьма подробно излагающий коллизии с этим фактом связанные [18].

Естественно, что описание истории борьбы ирландского народа, в подцензурной печати, включавшее в себя, в том числе описание тактики аграрного экстремизма, не могло обойти вниманием русских революционеров, тем более в обстановке, когда цареубийство 1 марта 1881 г. не привело к активизации народного и общественного движения, а силы «Народной воли» оказались подорваны. Свидетельство тому фраза из письма В. Фигнер, написанного в конце 1882 г. [24, с. 182], в котором упоминается о статьях А.М. Сулливана, посвящённых истории ирландского национально-освободительного движения XIX в. и объединённых названием «Новая Ирландия» [51].

Ещё одной особенностью в освещении российской демократической прессой 1880-х гг. событий в Ирландии было то обстоятельство, что в этом процессе принимали весьма активное участие и представители революционной эмиграции, что лишний раз подтверждает актуальность происходящего в Ирландии для российских революционеров.

Особенно активно в 1881 г. в этом вопросе действовал журнал «Дело». Так, в № 3 за 1881 г. в разделе «Политическая и общественная хроника» была помещена корреспонденция подписанная инициалами Ж-ка, под которыми скрывался Виктор Жаклар [23, с. 234], активный участник международного революционного движения, в прошлом парижский коммунар, муж известной русской революционерки-шестидесятницы А.В. Корвин-Круковской. В статье на фоне бедственного положения ирландского народа он рисует весьма яркий политический портрет Ч. Парнелла. Причём, показательно, что для характеристики поступков и действий последнего, автор приводит слова из речи в Корке одного из священнослужителей о том, что «ирландцы не имели бы в 1880 г. Парнелла, «если бы не существовали его предшественники 1867 г.» и «Эти слова были покрыты восторженными рукоплесканиями» [15, с. 172].

Таким образом, В. Жаклар, как представитель международного социалистического движения, подчёркивая генетическую преемственность деятельности легистов с фениями, отметал обвинения деятелей лиги в какой-либо причастности к социалистическому движению, называя их «запоздалыми вандейцами» [15, с. 173]. При этом, особое внимание в статье уделяется взаимоотношениям деятелей лиги и вновь поднимающего голову фенианского движения, при оценке которого публицист отдавал дань его самопожертвованию и героизму: «Наконец фении сделались грозной силой вследствие того, что в них соединилось конспираторское искусство, приобретаемое и развиваемое под гнётом рабства, с личной энергией и отвагой… Неудача их постигшая не уменьшала сочувствия к ним со стороны ирландского народа» [15, с. 189]. Не будем забывать, что эти строки были напечатаны в мартовской книжке за 1881 г., т. е. время убийства народовольцами Александра II и упоминание фениев в таком контексте по-видимому, должно было наводить читающую публику на определённые аналогии.

Вообще следует признать, что в целом демократическая печать весьма сочувственно относилась к движению фениев. «Какова бы ни была деятельность фениев в настоящее время и к каким бы результатам ни привела в будущем их система угроз, – писал один из авторов, – но нельзя не сказать,

что в прошедшем их движение возбудило спасительный поворот, в современной истории Ирландии. С одной стороны неуспех теории «огня и меча» возбудил во свей Ирландии прежнее расположение к... системе законной мирной агитации, а с другой – фенианское движение, как верный признак хронического недовольства Ирландии, произвело и сильное впечатление на общественное мнение Англии и на лучших её государственных деятелей» [20, с. 591].

Возвращаясь к статье В. Жаклара отметим, что далее он отмечал следующее: «Если фении доставляют движению материальную поддержку, то аграрная лига есть единственное орудие действия», и вывод для властей следовал неутешительный: «Аграрная лига, в которой принимают участие все без исключения мелкие фермеры, должна роковым образом не сегодня-завтра привести к конфискации всей крупной земельной собственности в Ирландии, если не легальным, то фактическим путём». В заключении же голос публициста и вовсе возвысился до угрожающих ноток: «Итак, аграрная лига будет содействовать преобразованию не одной только Ирландии, но и самой Англии. На развалинах старых и немощных партий, образуется под её импульсом новая партия великих политических и социальных преобразований» [15, с. 196]. Не вызывает сомнения, что при такой подаче антиправительственный пафос статьи был очевиден для большинства русских читателей.

Примерно той же проблематике была посвящена серия статей «Ирландские дела», принадлежащая перу С.М. Степняка-Кравчинского, писавшего под псевдонимом «Б». Причём некоторые её места удивительно созвучны современной истории русского революционного движения, в котором сам автор принимал деятельнейшее участие.

Изображая предшествующую историю борьбы ирландского народа, автор отмечал в ней традицию массовых народных восстаний, а вот подготовительной деятельностью к этим массовым движениям по убеждению автора «являются, с одной стороны аграрные убийства, исконное ирландское средство борьбы, никогда не прекращающееся и служившее сильнейшим орудием аграрной агитации в среде крестьян; с другой – политические заговоры, составляющие достояние более образованных классов» [4, с. 153]. Далее, весьма подробно рассматривается весь ход борьбы ирландского народа за землю и свободу, начиная с действия «Молодой Ирландии», продолжая анализом фенианского движения и далее до движения за гомруль и «Земельной лиги», вплоть до принятия «усмирительного билля», получившего силу 2 марта 1881 г. и имевшего официальное название «Закона о лучшем охранении личностей и собственности в Ирландии».

Анализируя же «земельный билль» принятый парламентом в апреле 1881 г. С. Степняк-Кравчинский подчёркивал его крайнюю запутанность и половинчатость, и даже поправки к нему сторонников Ч. Парнелла мало, что меняли. По его мысли лучшей иллюстрацией подобного положения дел является мнение представителей самой лиги, на своём конгрессе в Дублине заявивших, что «земельный билль, даже с представленными поправками, не разрешает земельного вопроса, который может быть окончательно решён только с уничтожением лендлордизма» [5, с. 211].

Публицист на основе изучения сложившейся в Ирландии ситуации отмечал, что «билль 1881 г.» представляет собой «первый и весьма тяжёлый удар, нанесённый доселе священному и неприкосновенному праву собственности», но это лишь паллиатив. По мысли С. Степняка-Кравчинского: «Совершенно очевидно, что единственный способ на долго успокоить Ирландию, заключается в превращении теперешних арендаторов в собственников арендуемой ими земли» [5, с. 213].

При оценке очерков «Ирландские дела» вполне можно согласиться с мнением Е. Таратуты, отмечавшей, что в них «для каждого внимательного читателя ясна была тревога и боль за судьбу России и русских тружеников, сквозившая во всех картинах ирландского голода и ирландской борьбы за на-

циональную независимость» [5, с. 224]. Однако, хотелось бы обратить внимание и на ещё один на наш взгляд важный сюжет в этих очерках, на которых ранее внимание не акцентировалось.

С. Степняк-Кравчинский в самом их конце проводит следующую мысль, которую он наверняка хотел довести до русских читателей: «В Англии, а стало быть и в Ирландии, нет надобности прибегать к насилию, именно потому, что свободное проявление личности не подавляется насилием. Нам возразят, что в самой Ирландии действует в настоящее время усмирительный закон… Но если мы взглянем на него не сквозь увеличительные очки ирландских патриотов, то должны будем сознаться, что он вовсе не так ужасен, как о нем говорят ирландцы, и что найдётся не мало стран, которые были бы очень рады, если бы у них, а не в Ирландии вошёл в силу этот усмирительный закон» [5, с. 215]. Не вызывает сомнения, что в этом месте автор недвусмысленно намекает на российскую действительность и подводит читателя к мысли, что не во всех странах, а тем более в России, борьба за землю и свободу может вестись бескровно и без использования оппозицией крайних средств. И здесь-то опыт «ирландских дел» может сильно пригодиться.

Также обратим внимание на то, что в своих работах, написанных позднее (в середине 80-х гг.) в Англии, для западного читателя С. Степняк-Кравчинский возвращается к теме аграрных преступлений, но теперь уже на примере русской деревни. В своей публицистической работе «Русская грозовая туча» (1885 г.), повествуя, в том числе и о беспросветной нужде русского крестьянства, С. Степняк-Кравчинский приводит факты вспышек аграрного террора: «Красный петух», или поджоги, – нередкий гость в нынешней русской деревне, излюбленное средство мщения. Кроткие и безропотные русские крестьяне начинают применять и более лютые меры возмездия… Преступления на селе, подобные тем, какие одно время были столь частым явлением в Ирландии, принимают все более широкие размеры и на русской земле» [51, с. 187].

И нельзя сказать, что он сильно преувеличивал размер проблемы. Недаром же в обстановке жесточайшего правительственного кризиса, вызванного, кроме активной деятельности «Народной воли», ещё и ростом недовольства среди крестьян[1] и во многом, как реакция на это 28 декабря 1881 г. последовал правительственный указ о понижении выкупных платежей и о прекращении с 1 января 1883 г. временнообязанного состояния крестьян.

Неудивительно, что в такой ситуации и не исключено, что под впечатлением успехов от действий «Земельной лиги» в Ирландии в кругах русских революционеров вновь заговорили об аграрном терроре и о возвращении его в программу «Народной воли», имеется ввиду, деятельность «Молодой партии «Народная воля» (1883–1884 гг.) [50, с. 87–88]. К чести для русского освободительного движения удалось сохранить не только единство организации, но и отстоять право на использование в отдельных случаях террора только, как политического способа борьбы.

Борьба за гомруль и собственно политическая деятельность Ч. Парнелла очень интересовали и П. Лаврова. С января 1886 г. в либеральных «Русских ведомостях» начали публиковаться «Письма из Лондона» подписанные инициалами «П-Ъ» или «Ъ», за которыми скрывался сам П. Лавров [23, с. 234]. В этих корреспонденциях немалое место отводилось и событиям в Ирландии. Несомненно «Письма из Лондона» привлекали внимание читателей и не только либеральных. Вскоре за рассмотрением и анализом парламентских комбинаций Ч. Парнелла автор писем поведал и о революционной струе в ирландском освободительном движении, связанной с возрождением фенианства. Причём в одном из газетных сообщений П. Лавров поместил текст

[1]По данным Н.А. Троицкого к середине 80-х гг. крестьянские выступления вновь участились: если за 1881–1883 гг. в среднем до 77 в год, то за один 1884 г. – 110 волнений [55, с. 319].

манифеста американских фениев [47]. Много места в своих корреспонденциях он отводил и борьбе крестьян-фермеров за землю. По его мысли, несмотря на сравнительное успокоение Ирландии, борьба не прекращалась: имели место «весьма серьёзные столкновения с войсками, а положение становится все грознее» [48].

Изучая публицистику П. Лаврова по ирландскому вопросу можно отметить многообразие рассматриваемых им проблем, объединённых как бы одной задачей – продемонстрировать мыслящему русскому обществу, пребывающему в своеобразном анабиозе в период царствования Александра III, на примере Ирландии и в частности деятельности могучей личности Ч. Парнелла, что каковы бы не были времена борьба не окончена, что в исторической перспективе права не сегодняшняя правящая элита, а те на стороне которых законы истории и кто верно уяснил себе верную историческую задачу – предназначение которой построение социально справедливого общественного организма.

Например, П. Лавров указывал, что роль Ч. Парнелла может быть интересной иллюстрацией к вопросу о влиянии ума и характера отдельной личности на ход исторического события. «Человек, собственно принадлежащий толпе, но усвоивший смысл исторического движения в стране и одарённый сильным умом и характером, оказывается способным сделаться главным органом в данном общественном организме в данную эпоху, концентрировать, в себе главные силы этого движения и передавать их обществу, его окружающему, как осмысленную и уяснённую историческую задачу» [23, с. 240].

Таким образом, из приведённого выше материала видно, что ирландская проблематика перманентно присутствовала на страницах российской демократической печати. При этом нельзя не отметить желания публицистов, исходя из некоторого отождествления социально- экономических проблем присущих, как Ирландии, так и России, готовя материалы об Ирландии для русского читателя максимально их актуализировать.

Подобная подача материала по «ирландским делам» – борьбе ирландского народа за землю и независимость, хотя и косвенно, но формировала у «передовой» читающей публики и особенно молодёжи, устойчивое представление о том, что любые серьёзные преобразования в сфере социально-экономической или политической могут быть достигнуты не путём мирной эволюции и сотрудничества с властью, а только методом непосредственного революционного действия. Подтверждение тому и то, что ирландская тематика, так привлекала русскую революционную эмиграцию, также рассматривающую обращение к ней, как одно из средств завуалированной пропаганды идей борьбы с существующим в России политическим строем.

Исходя из всего вышесказанного, представляется, что проблема изучения своеобразного «ирландского фактора», который хотя и опосредованно, но все же оказывал влияние на выбор форм борьбы русских революционеров с самодержавием заслуживает внимания и дальнейшей проработки.

Литература

1. Аграрный вопрос в Ирландии [Текст] // Отечественные записки. – 1872. – № 7. – С. 27–56.
2. Аптекман, О.В. «Общество «Земля и воля» 70-х годов [Текст] / О.В. Аптекман // «Народная воля» и «Чёрный передел». Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879–1882 гг. – Л. : Лениздат, 1989. – С. 75–96.
3. Архив «Земли и воли» и «Народной воли» [Текст]. – М. : Всесоюзное общество поликаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. – 455 с.
4. Б. Ирландские дела [Текст] / Б. // Дело. – № 8. – 1881. – С. 149–177.
5. Б. Ирландские дела [Текст] / Б. // Дело. – № 9. – 1881. – С. 195–217.
6. Б.Л. Ирландский вопрос [Текст] / Б.Л. // Слово. – 1880. – № 1. – С. 79–90.

7. Брайант, Дж. Избранные речи по вопросам политической и общественной жизни [Текст] / Дж. Брайант. – СПб., 1873.
8. Вильям Эварт Гладстон [Текст] // Отечественные записки. – 1880. – № 6. – С. 597–654.
9. Владение и пользование землёй в различных странах : собрание статей известных экономистов [Текст]. – СПб., 1871.
10. Волк, С.С. «Народная воля» (1879–1882) [Текст] / С.С. Волк. – М. ; Л. : Наука, 1966. – 485 с.
11. Гросул, В.Я. Революционная Россия и Балканы (1874–1883) [Текст] / В.Я. Гросул. – М. : Наука, 1980. – 336 с.
12. Джабадари, И.С. Процесс 50-ти (Всеросс. соц.-рев. организация, 1874–1877 гг.) [Текст] / И.С. Джабадари // Былое. – 1907. – № 10. – С. 168–197.
13. Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя? [Текст] // Революционное народничество 70-х годов XIX века : сб. документов и материалов : в 2 т. Т. 1. 1870–1875 гг. – М. : Наука, 1964. – С. 55–118.
14. Есин, Б.И. Демократический журнал «Дело» (1866–1884) [Текст] / Б.И. Есин. – М. : Наука, 2008. – 192 с.
15. Ж-ка. Английские затруднения и ирландские дела [Текст] / Ж-ка. // Дело. – № 3. – 1881. – С. 166–196.
16. Заславский, Д. А.И. Желябов [Текст] / Д. Заславский. – М. ; Л. : Госиздат, 1925. – 133 с.
17. Ирландия [Текст] // Дело. – № 1. – 1866. – С. 277–297.
18. Ирландская месть [Текст] // Отечественные записки. – 1881. – № 10. – С. 511–540.
19. Ирландский вопрос [Текст] // Отечественные записки. – 1881. – № 7. – С. 249–279.
20. Ирландский вопрос [Текст] // Отечественные записки. – 1881. – № 8. – С. 573–599.
21. Ирландский вопрос [Текст] // Отечественные записки. – 1881. – № 9. – С. 225–258.
22. Исхакова, О.А. «Дело» [Текст] / О.А. Исхакова. // Общественная мысль России XVIII – начала XX века : Энциклопедия. – М. : РОССПЭН, 2005. – С. 140–143.
23. Итенберг, Б.С. По страницам «Русских ведомостей»: Пётр Лавров о Чарлзе Парнелле [Текст] / Б.С. Итенберг // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. – М. : Наука, 1981. – С. 233–241.
24. Кан, Г.С. «Народная воля»: Идеология и лидеры [Текст] / Г.С. Кан. – М. : Пробел, 1997. – 196 с.
25. Кеннан, Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886 гг.) [Текст] / Дж. Кеннан. – СПб. : Русско-балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. – 399 с.
26. Керженцев, П. Ирландия в борьбе за независимость [Текст] / П. Керженцев. – М. : Социально-экономическое издательство, 1936. – 246 с.
27. Клеменц, Д.А. Из прошлого [Текст] / Д.А. Клеменц. – Л. : Колос, 1925. – 181 с.
28. Ковалик, С.Ф. Революционное движение семидесятых годов [Текст] / С.Ф. Ковалик // Революционеры 1870-х годов. Воспоминания участников народнического движения в Петербурге. – Л. : Лениздат, 1986. – С. 150–193.
29. Кольцов, И. Наши виды на урожай (1881 г.) [Текст] / И. Кольцов // Дело. – 1881. – № 8. – С. 124–148.
30. Кропоткин, П.А. Записки революционера [Текст] / П.А. Кропоткин. – М. : Мысль, 1990. – 526 с.
31. Лавров, П.Л. Избранные произведения : в 2 т. [Текст] / П.Л. Лавров. – М. : Мысль, 1986. – Т. 2. – 714 с.
32. Милль, Дж. Ст. Англия и Ирландия [Текст] / Дж. Ст. Милль. – Харьков, 1873.
33. Мирошников, А.В. Ирландия и фении. 1850–1860 [Текст] / А.В. Мирошников. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1995. – 216 с.
34. Мирошников, А.В. Три века Ирландии : в 3 кн. Кн. 1. 1603–1845 [Текст] / А.В. Мирошников. – Воронеж : Истоки, 2008. – 315 с.

35. Н.Ч. Очерк аграрного движения 1879 и 1880 годов в Ирландии [Текст] / Н.Ч. // Слово. – 1881. – № 2. – С. 1–24.
36. Н.Ч. Очерк аграрного движения 1879 и 1880 годов в Ирландии [Текст] / Н.Ч. // Слово. – 1881. – № 3. – С. 29–51.
37. Ольховский, Е.Р. К истории «Чёрного передела» (1879–1881 гг.) [Текст] / Е.Р. Ольховский // Общественное движение в пореформенной России : сб. статей к 80-летию со дня рождения Б.П. Козьмина. – М. : Наука, 1965. – С. 124–179.
38. Памятники агитационной литературы. Т. 1 «Чёрный передел». Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. [Текст]. – М. ; Птг. : Госиздат, 1923. – 305 с.
39. Письмо А.И. Желябова к М.П. Драгоманову [Текст] // Былое. – 1906. – № 3. – С. 71–73.
40. Политика [Текст] // Русское слово. – 1863. – № 2. – С. 22–25.
41. Политическая и общественная хроника [Текст] // Дело. – 1870. – № 3. – С. 1–11.
42. Политическая и общественная хроника [Текст] // Дело. – 1870. – № 4. – С. 100–113.
43. Политическая и общественная хроника [Текст] // Дело. – 1870. – № 8. – С. 79–80.
44. Революционная журналистика семидесятых годов / под ред. В. Базилевского (В. Богучарского) [Текст]. – Ростов-на-Дону : Донская речь. – 1907. – 312 с.
45. Революционное народничество 70-х годов XIX века : сб. документов и материалов : в 2 т. Т. 1. 1870–1875 гг [Текст]. – М., 1964. – Т. 1. – 530 с.
46. Революционное народничество 70-х годов XIX века : сб. документов и материалов : в 2 т. Т. 2. 1876–1882 гг. [Текст]. – М. ; Л. : Наука, 1965. – Т. 2. – 474 с.
47. Русские ведомости. – 1886. – № 157.
48. Русские ведомости. – 1888. – № 331.
49. Сатин, Н.М. Ирландия [Текст] / Н.М. Сатин // Современник. – 1847. – № 11. – С. 1–34.
50. Сенчакова, Л.Т. Новые документы по истории народовольческого движения [Текст] / Л.Т. Сенчакова // Вестник Московского университета. Сер. IX, История. – 1966. – № 2. – С. 83–88.
51. Степняк-Кравчинский, С.М. Русская грозовая туча [Текст] / С.М. Степняк-Кравчинский // Степняк-Кравчинский С.М. В лондонской эмиграции. – М. : Наука, 1968. – 448 с.
52. Сулливан, А.М. Новая Ирландия [Текст] А.М. Сулливан // Русская мысль. – 1881. – №№ 4, 5, 7–10. – 1882. – №№ 6, 7, 9.
53. Таратута, Е.А. С.М. Степняк-Кравчинский – революционер и писатель [Текст] / Е.А. Таратута. – М. : Художественная литература, 1973. – 544 с.
54. Твардовская, В.А. Комментарии [Текст] / В.А. Твардовская // Кропоткин П.А. Записки революционера. – М. : Мысль, 1990. – С. 486–515.
55. Троицкий, Н.А. Россия в XIX веке : курс лекций [Текст] / Н.А. Троицкий. – М. : Высш. школа, 1997. – 431 с.
56. Фроленко, М.Ф. Избранное [Текст] / М.Ф. Фроленко. – М. : Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. – Т. 1. – 331 с.
57. Чарушин, Н.А. О далёком прошлом. Из воспоминаний о революционном движении 70-х годов XIX века [Текст] / Н.А. Чарушин. – М. : Мысль, 1973. – 408 с.
58. «Чёрный передел». № 1. 1880 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.lib.ru.
59. Энгельгардт, А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1877 [Текст] / А.Н. Энгельгардт. – М. : Госиздат, 1956. – С. 240–315.

ББК 63.3(2)51
УДК 94(47).081

А.Н. ХУДОЛЕЕВ

A.N. KHUDOLEEV

П.Н. ТКАЧЁВ О КОНСОЛИДАЦИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СИЛ

P.N. TKACHEV ABOUT CONSOLIDATION OF REVOLUTIONARY FORCES

Статья посвящена одному из ведущих теоретиков революционного народничества – Петру Никитичу Ткачёву. В ней оспаривается точка зрения о бескомпромиссности позиции Ткачёва, его нежелании идти на сотрудничество с другими революционными фракциями. Доказывается, что Ткачёв неоднократно призывал к сплочению всех революционных сил ради достижения общей цели.

The article is devoted to one of the leading theorists, Peter Nikitich Tkachev. The point of view about Tkachev's non-compromising position, his unwillingness to continue the cooperation with other revolutionary fractions are challenged. It is proved that Tkachev has repeatedly called to unite all the revolutionary forces to achieve a common goal.

Ключевые слова: П.Н. Ткачёв, русское народничество, революционная эмиграция 1870-х годов, освободительное движение.

Key words: P.N. Tkachev, Russian narodnichestvo, revolutionary emigration of 1870s, liberation of movement.

Благодаря воспоминаниям современников (В.Н. Фигнер, О.С. Любатович, С.М. Кравчинского, Л.Э. Шишко, Л.Г. Дейча) в отечественной историографии утвердилось мнение, что П.Н. Ткачёв не признавал компромиссов, сознательно шёл на конфронтацию с другими революционными фракциями и поэтому находился в изоляции. Действительно, брошюры и публиковавшиеся в «Набате» статьи Ткачёва по вопросам тактики и стратегии революционной борьбы отличались острой полемичностью и ироничным тоном. Так, он принципиально не соглашался со взглядами П.Л. Лаврова на революционный процесс, называл его филистером, «никогда ни в теории, ни на практике не занимавшийся *революционным* делом» [2, с. 5]. Оценка Ткачёвым взглядов М.А. Бакунина была более благосклонной, но в итоге звучал вывод, что теоретик анархизма постоянно «виляет между Сциллой и Харибдой – между метафизическим идеализмом и грубым житейским реализмом» [7, с. 21].

Тем не менее, точка зрения о раскольническом характере позиции Ткачёва требует уточнения и корректировки. Ещё в открытом письме к Ф. Энгельсу Пётр Никитич отстаивал не только свои взгляды, но и выступал от имени всего русского освободительного движения. Он разделил революционные кружки по средствам и методам борьбы на два направления. Первое – «наиболее умеренное и наименее практическое», группируется вокруг журнала «Вперёд!» П.Л. Лаврова и выступает за медленную, постепенную подготовку революции. Второе характеризовалось как «партия действия», к которой принадлежит «все, что имеется в нашей революционной интеллигенции молодого, смелого, умного и энергичного» [3, с. 341]. Эта партия считает революцию настоятельно необходимой в настоящее время и строится на принципах строгой конспирации, централизации и дисциплины.

Однако разногласия относительно средств борьбы не должны способствовать разъединению. В первом номере «Набата» Ткачёв призывал все революционные фракции забыть идейные и тактические разногласия и сплотиться в одну партию ради достижения единой, главной для всех цели. Теоретические позиции анархистов, «впередовцев» и бланкистов не должны оказывать влияния на возможность плодотворного практического сотрудни-

чества, потому что «не только до, но, мы думаем, что даже и *после* революции нашим революционерам не из чего враждовать; как *до*, так и *после* революции они *могут* и *должны* быть товарищами, друзьями, солдатами одной и той же армии. На какие бы фракции они себя не разделили, какими бы кличками себя не величали, они всегда будут и должны быть *естественными*, *неизбежными* союзниками друг друга» [4, с. 17].

Ситуация разъединённости русской политической эмиграции, когда революционеры разбились на отдельные кружки, изолировались друг от друга, играли в «партии», тревожила Ткачёва [5, с. 2]. Во-первых, он считал, что раздоры выгодны противникам, которые могут воспользоваться ими. Во-вторых, только сплочённость всех революционных сил повысит шансы на победу в борьбе с российским самодержавием. Поэтому Ткачёв призывал «поскорее смести разделяющие нас барьеры <…>, соединиться в одну общую тесную организацию, обхватывающую все существующие революционные кружки, все существующие революционные фракции» [8, с. 3].

Между тем, говоря о сплочении, Ткачёв не предлагал программы устройства и функционирования будущей единой организации. Он рекомендовал лишь выработать «одну общую программу деятельности» [10, с. 4]. Теоретические расхождения, какими принципиальными бы они ни были, не могут являться причиной вражды. Ткачёв готов был протянуть руку всякому социалисту, как бы ни велики были, по его мнению, заблуждения того, «с меня достаточно уверенности в его искренности» [9, с. 12][1].

Доказательством того, что данные заявления не были декларативными, служит предложение Ткачёва провести съезд русских социалистов – как живущих за границей, так и приглашённых из России. Предварительно необходимо было провести съезд эмигрантов. Участники обоих форумов должны были определяться на выборной основе [9, с. 11]. Эта идея не была реализована, но тот факт, что инициатором её был именно Ткачёв, на наш взгляд, корректирует и расширяет представление о его месте и роли в среде русской революционной эмиграции 1870-х годов. Кроме того, в номере «Набата» за август 1876 года присутствует объявление о созыве Международного конгресса студентов, придерживавшихся социалистических взглядов [1, с. 9–10]. С большой долей уверенности можно предположить, что и в данном случае Ткачёв имел прямое отношение к этой инициативе.

Пётр Никитич не возражал против того, чтобы найти точки соприкосновения между бланкистами и другими социалистами. В особенности это касалось фракции анархистов. Ткачёв уважительно относился к М.А. Бакунину, защищая его в письме к Ф. Энгельсу от травли со стороны К. Маркса. Именно М.А. Бакунину Ткачёв нанёс визит сразу после эмиграции[2]. Он подчёркивал, что не стоит преувеличивать расхождения между двумя направлениями, так как они стремятся к одному результату. Разница сводилась к тому, что одни утверждали, будто анархическое общество может быть построено сразу после революции; по мнению же других, этому должен был предшествовать переходный подготовительный период, в течение которого власть должна находиться в руках революционного меньшинства. Поэтому, обращаясь к бакунистам, Ткачёв выражал надежду, что пропасть, разделяющая анархистов и бланкистов, со временем «сама собой уничтожится» [6, с. 5].

---

[1]Интересны в этом смысле личные наблюдения редактора эмигрантского журнала «Общее дело» А.Х. Христофорова. Он писал, что на него Ткачёв всегда производил впечатление человека, личность и мировоззрение которого гораздо шире проповедовавшейся им политической программы. См.: Христофоров, А.Х. Материалы для биографии П.Н. Ткачёва // Былое. – 1907. – № 8. – С. 171.

[2]По свидетельству очевидца, «Бакунин очень хорошо принял Ткачёва и, не встречая с его стороны возражений на высказанные им мысли, расстался с ним, как с членом будущей анархической организации…». Ковалик, С.Ф. Революционное движение семидесятых годов и процесс 193-х. – М., 1928. – С. 17–18.

Призывы Ткачева к консолидации не ограничивались только эмигрантской средой. В гораздо большей степени сплочение всех революционных сил необходимо было в России. В «Набате» существовали особые разделы «Корреспонденции» и «Нам пишут», куда стекались сведения из страны. География поступления информации свидетельствует о широкой корреспондентской сети этого журнала, которая охватывала города Центра и Юга России, Украины и Белоруссии. Это позволяло Ткачёву внимательно следить за развитием русского освободительного движения, отслеживать в нём новые тенденции. Он готов был приветствовать любые шаги по направлению к желанной цели, любые методы для её достижения. Например, Ткачёв поддержал «хождение в народ», хотя являлся убеждённым противником данной акции и предрекал её провал.

С большим воодушевлением он воспринял появление «Народной воли», видел в ней результат своей пропаганды, флагман борьбы, стремился установить контакт, планировал перенести типографию «Набата» в Россию и ради этого на свой страх и риск вернуться на родину[1]. Ткачёв небезосновательно считал, что «Народная воля» переняла основные положения его теории. Тождественно с программой «Набата» звучали основополагающие тезисы народовольцев о подготовке политической революции, которая должна предшествовать революции социальной, о необходимости устройства на переходный период революционного государства, о принципах строительства революционной партии. Одинаково с Ткачёвым народовольцы понимали сущность русского государства. Они воспринимали его как «железный колосс» на глиняных ногах, не опирающийся ни на чьи интересы в стране, живущего для себя и поэтому не имеющего поддержки. В политической революции ставка делалась прежде всего на революционное меньшинство, которое обязано использовать для захвата власти все доступные средства. Таким же было у большинства членов Исполнительного Комитета «Народной воли» понимание значения террора только лишь как одного из средств политической борьбы, ведущего к намеченной цели.

Но объединиться с народовольцами Ткачёву не удалось, равно как и добиться единства в рядах революционных эмигрантских кружков. Тем не менее, его призывы к консолидации демонстрируют масштабность, неординарность и широту взглядов, умение выйти за рамки местечковых интересов, не поступаясь при этом своими принципами. К сожалению, возведя в абсолют культ революционности, Ткачёв видел только один путь для преобразования России – путь революционного переворота, иные пути были для него немыслимы. В этом революционном монизме и заключается, на наш взгляд, главная трагедия Ткачёва. Вогнав себя в «прокрустово ложе» фанатизма, приверженности одной идее, он попытался всё жизненное многообразие подогнать под её рамки, а не приспособить идею к развитию и потребностям жизни.

Таким образом, мысль о единстве революционных сил не покидала Ткачёва на протяжении всей активной политической деятельности и неоднократно встречалась в его работах. Он проводил чёткий водораздел между частными, пусть и принципиальными, расхождениями и одним общим делом.

Литература

1. Студентам старого и нового Света [Текст] // Набат. – 1876. – № 9. – С. 9–10.
2. Ткачёв, П.Н. Задачи революционной пропаганды в России Ткачёв. Письмо к редактору журнала «Вперёд» [Текст] / П.Н. Ткачёв. – Лондон : Б.и., 1874. – 52 с.

[1]Подробнее о попытках Ткачёва сблизиться с «Народной волей». См.: Валк С.Н. Г.Г. Романенко: Из истории «Народной воли» // Каторга и ссылка. – 1928. – № 11. – С. 36–59; Твардовская, В.А. Н.А. Морозов в русском освободительном движении. – М., 1983. – С. 110, 112, 114; Рудницкая, Е.Л. Русский бланкизм: Пётр Ткачёв. – М., 1992. – С. 189–201.

3. Ткачёв, П.Н. Открытое письмо господину Фридриху Энгельсу [Текст] / П.Н. Ткачёв // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / под ред. Е.Л. Рудницкой. – М. : Археографический центр, 1997. – С. 335–344.
4. Ткачёв, П.Н. Итоги [Текст] / П.Н. Ткачёв // Набат. – 1875. – № 1. – С. 1–18.
5. Ткачёв, П.Н. Наши иллюзии [Текст] / П.Н. Ткачёв // Набат. – 1876. – № 2/3. – С. 1–5.
6. Ткачёв, П.Н. Революция и государство [Текст] / П.Н. Ткачёв // Набат. – 1876. – № 2/3. – С. 5–11.
7. Ткачёв, П.Н. Анархия мысли [Текст] / П.Н. Ткачёв // Набат. – 1876. – № 2/3. – С. 20–24.
8. Ткачёв, П.Н. Организация социально-революционной партии [Текст] / П.Н. Ткачёв // Набат. – 1876. – № 7/8. – С. 2–8.
9. Ткачёв, П.Н. Что мы должны делать? [Текст] / П.Н. Ткачёв // Набат. – 1876. – № 7/8. – С. 8–12.
10. Ткачёв, П.Н. Минута настала [Текст] / П.Н. Ткачёв // Набат. – 1876. – № 9. – С. 1–4.

ББК 63.3(2)51
УДК 94(47).082

С.А. ТЕРЕХОВА

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ «ЧИГИРИНСКОГО ЗАГОВОРА»: КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЧИГИРИНСКОМ УЕЗДЕ КИЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ 70-х ГГ. XIX В.

S.A. TEREKHOVA

TO THE QUESTION OF «CHIGIRINSKY CONSPIRACY»'S BACKGROUND: PEASANT MOVEMENT IN CHIGIRINSKY UYEZD (DISTRICT) OF KIEV'S GUBERNIYA (PROVINCE) IN THE BEGINNING OF 70TH OF THE XIX CENTURY

В статье рассматривается крестьянское движение в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1870–1875 гг., послужившее для революционеров- народников основой для организации «Чигиринского заговора» 1877 г.

Peasant movement in Chigirinsky uyezd (district) of Kiev's guberniya (province) in 1870–1875 that was the basis for «Chigirinsky conspiracy»'s organization in 1877 for the revolutionists is observed in the article.

Ключевые слова: «Чигиринский заговор», народничество, крестьянское движение, аграрный вопрос.

Key words: «Chigirinsky conspiracy», narodnik movement (populism), peasant movement, an agrarian question.

История крестьянского движения в Чигирнском уезде Киевской губернии до сих пор остаётся довольно малоизученной темой. Если об истории «Чигиринского заговора» 1877–1878 гг., подготовленного группой «южных бунтарей» Я. Стефановичем, Л. Дейчем и И. Бохановским, ещё известно в исторической литературе [См. например: 1, 2, 7, 10], то более ранних событий, происходящих в этом регионе правобережной Украины, современные историки фактически не касаются. Хотя следует признать, что для «Чигиринского заговора» уже имелась достаточно подготовленная почва.

Корни чигиринских событий уходят в реформы государственных крестьян 1866–1867 гг., последовавшей за актом 19 февраля 1861 г. Общей причиной недовольства государственных крестьян Чигирнского уезда было обстоятельство, прямо вытекающее из результатов преобразований тех лет. На основании реформы за государственными крестьянами, перешедшими теперь в разряд крестьян-собственников, были закреплены земельные наделы, хотя и несколько большие, чем у помещичьих крестьян, но всё же до конца не устранившие проблемы малоземелья.

Кроме того, при господствующей в данной местности подворно-участковой системе крестьянского землепользования основное количество удобных земель было захвачено зажиточными крестьянами. Положение крестьянской бедноты осложнялось ещё и тем, что, несмотря на сохраняющийся участковый способ надела земли, подушная подать и другие сборы с крестьян взимались по душевой раскладке, и платежи были достаточно обременительными. Поэтому крестьянская беднота была заинтересована в переходе от участкового к подушному землепользованию.

Активное крестьянское движение в Чигиринском уезде началось в связи с проведением в конце 60-х – начале 70-х годов XIX в. новых люстраций (переучёта) земель бывших государственных крестьян. Таким способом царское правительство пыталось упорядочить выкупные платежи и налоги. Именно в этот период и родилось основное требование крестьянской массы о том, чтобы переделить все земли исходя из цифры 5 десятин на душу. О причинах крестьянского движения в начале 1870-х гг. сохранились свидетельства жандармского генерала В.Д. Новицкого, служившего тогда в Киеве.

Он отмечал, что «пока крестьяне, по определению прежней люстрационной комиссии платили оброк соразмерно достоинству и пространству отведённых им участков земли, до тех пор они довольствовались своим положением, исправно платили оброк и другие государственные повинности… большая часть населения, наделённая малыми наделами пространством от 1 до 6 десятин на двор, пополняли эти платежи доходами от значительных заработков в Херсонской губернии, где при душевом наделе по 5 десятин земли, весьма плодородной, в имениях помещиков ощущается постоянный недостаток в рабочих руках… В таком положении крестьянство пребывало до 1867 г. вплоть до издания высочайшего указа о переведении крестьян государственных имуществ на выкуп, а 28 мая 1870 г. последовал указ, в силу которого было разрешено перевести крестьян означенной местности на общинное пользование землёю, но уже без всякой прирезки, а только предоставлением им права передела всей вообще земли между собою, причём требовалось ещё, чтобы в определённый срок крестьяне составили письменный договор с поименованием в нём каждого хозяина, изъявляющего согласие уступить свой участок обществу, для раздела между его членами, чтобы означенный передел был совершён ими полюбовно и без всякого содействия со стороны правительства» [6, с. 104–105].

«Такой оборот дела крестьян Киевской губернии, не сочувствующих вовсе общинному владению как совершенно для них чуждому и непонятному, – по мнению В.Д. Новицкого, – до крайности их озадачил, тем более, что, домогаясь, надела до 5 десятин на душу, даже те крестьяне, которые владели наиболее крупными участками, доходящими до 18 десятин на двор, ожидали приращения своего благосостояния» [6, с. 105].

Движение за душевой передел земли началось с выступления крестьян села Субботова, заявивших на сельском сходе начальнику люстрационной комиссии, «что царь даст крестьянам такое количество земли, а если невозможно будет за недостатком земли, то отберёт землю у помещиков и раздаст крестьянам» [11, л. 51(об.)]. Требования Чигиринских крестьян поддержали и бывшие государственные крестьяне ещё ряда близлежащих уездов – Черкасского и Васильковского.

Вскоре движение приобретает массовый характер, охватывая всё новые территории, но идеологический центр движения устойчиво сохраняется в Чигиринском уезде. К 1873 г. ситуация ещё более обострилась. Это отчётливо видно из «Записки, составленной в Канцелярии киевского, подольского и волынского генерал-губернатора о причинах возникновения движения среди бывших государственных крестьян в Чигиринском уезде против люстрационных актов» (март 1873 г.): «В некоторых селениях Чигиринского у. при предоставлении крестьянам люстрационных актов в начале минувшего февраля месяца произошли беспорядки. Начались эти беспорядки, как видно из донесений губернатора, в с. Трушевицах и выразились в том, что когда местный мировой посредник, приступая к предъявлению люстрационного акта, предварительно пригласил… тамошнего священника для совершения благодарственного молебна, то крестьяне, отказались слушать и молебен и люстрационный акт, который также был передан священнику для прочтения, заявили о своём желании получить не менее 5 десятин земли на душу. В то же время, чтобы не дать возможности засвидетельствовать в волостном правлении какие-либо документы, крестьяне с угрозами взяли у старшины печать волостного правления, а от других должностных лиц их штемпеля» [5, с. 123].

В ходе волнений из среды крестьянства выдвигаются и его идейные руководители. Особой популярностью и авторитетом среди крестьян пользовался житель с. Сагуновки Ломоватской волости Черкасского уезда Фома Денисович Прядко, ходивший по сёлам Чигиринского уезда и призывающий крестьян добиваться передела по душам.

Вскоре имя его обрастает легендами. Вплоть до фамилии Прядко (от слова Прятка, т. е. неуловимый для властей). По сведениям нелегальной газеты революционеров-народников «Начало» отставной солдат Ф. Прядко был «человеком семейным и довольно богатым… В среде крестьян Фома слыл хорошим хозяином, умным, честным и грамотным мужиком и потому пользовался уважением не только у своих сельчан, но и далеко в окрестностях» [9]. Безымянный автор статьи «Первое Чигиринское дело» писал: «Долго ждал он «передела земли» и наконец решился убедить своих сельчан, а также крестьян соседних волостей послать выборных к царю, чтобы сообщить ему о бедственном положении народа, просить о немедленном размежевании земель и устройстве крестьянского быта на общинных началах» [9].

В результате его инициатива была поддержана, и крестьяне избрали 6 ходатаев к царю, в числе коих был и Ф. Прядко. Их снабдили общественным приговором и деньгами и направили в столицу с ходатайством о наделении крестьян землёю по 5 десятин на душу. Однако в Петербурге крестьянам ничего добиться не удалось. Крестьянские ходатаи были арестованы и препровождены в Киев, а оттуда к месту жительства под надзор полиции [8, л. 30]. Вслед за этим на рубеже 1873–1874 гг. в сёлах Чигиринского уезда начинаются массовые аресты активных участников движения. Попытались власти арестовать и Ф. Прядко, но крестьяне не дали этого сделать, и он переходит фактически на нелегальное положение.

Возможно, столь сильное влияние Ф. Прядко на крестьян объяснялось ещё и тем, что он стал определённым носителем легенды о поддержке царём крестьянских требований. В той же газете «Начало» безымянный корреспондент пересказывает её следующим образом. По прибытии в столицу Ф. Прядко написал три прошения на имя царя. Одно подал через военного министра, другое прямо на Высочайшее имя и третье через принца Ольденбургского. Первые два не достигли своего адресата. Принц же лично принял от него прошение и, выдав расписку в получении, обещал доставить царю. При этом принц Ольденбургский разрезал записку пополам и одну половину дал ему (в подтверждение Фома показывал своим землякам какую-то бумагу с печатью), а другую оставил у себя, чтобы представить вместе с прошением царю.

Далее автор излагает следующую версию событий: «В назначенный день Фома захватив с собой расписку, данную ему принцем Ольденбургским отправился во дворец. Царь принял его ласково, напоил чаем, долго расспрашивал о житье-бытье крестьянском и сетовал, что не может помочь их горю, так как паны сильны и не допускают его сделать что-либо для них. В конце-концов Фома советовал крестьянам от имени государя, силой добиваться раздела земель и общинного землевладения» [9].

Естественно, вооружившись такой легендой, Ф. Прядко имел огромное влияние на селян, и аграрные волнения продолжались. Второй пик крестьянских выступлений начинается весной 1875 г., когда были получены утверждённые в высших инстанциях люстрационные акты с начисленными выкупными платежами.

В этих выступлениях Ф. Прядко играет руководящую роль. Так в Чаплищской волости крестьяне прекратили всякие платежи государству и, разогнав сельские и волостные органы власти, создали свой орган управления из 18 человек во главе с Ф. Прядко. По сообщениям газеты «Киевлянин» эти 18 человек, «захватив в свои руки всю власть, собирали совершенно произвольно волостные и сельские сходы и на них убеждали крестьян не принимать люстрационных актов, а держаться сообща одних требований; для достижения единодушного соглашения всех крестьян пропаган-

дисты действовали убеждениями, ложными уверениями, угрозами и даже насилием против тех из крестьян, которые не могли или хотели разделять их взглядов» [3].

Остроту ситуации, сложившейся весной 1875 г., характеризует рапорт на имя министра юстиции К.И. Палена от киевского губернского прокурора Д.И. Данилевского: «…Бывшие государственные крестьяне некоторых волостей Черкасского и Чигиринского уездов, не желая принимать отведённых им люстрационным актам земель, отказываются принимать люстрационные акты, вносить выкупные за землю платежи, оказывают явное сопротивление распоряжениям сельских властей и мировых посредников, против некоторых сельских урядников и волостных старшин, а равно и членов своих обществ употребили насилие, вообще производят беспорядки, требуя раздела земель поровну, по числу ревизских душ в обществе, и что волнение охватило 19 волостей с населением до 40 000 душ, для принятия мер к прекращению беспорядков на место происшествия отправился г. киевский губернатор, потребовавши военную силу» [5].

Поездка губернатора, впрочем, мало что дала, «тем более, что по прибытии на место он удостоверился в основательности претензий крестьян и недобросовестных действиях Алифина и Шушерина [мировые посредники. – *С.Т.*] [6, с. 107]. Однако власть, даже видя собственные просчёты, сделала ставку на голое насилие, к которому прибегали уже при губернаторском объезде. Я. Стефанович, характеризуя эту инспекцию, писал, что «это была поистине башибузукская расправа. Губернатор подзывал каждого и спрашивал, согласен ли он подписаться на участковый надел; после отказа приказывал валить на землю и сечь. Двоих засекли до смерти. Первые избиения были так чувствительны, что многие поколебались и уступили, но большинство устояло» [14, с. 143].

Во многих сёлах крестьяне, самовольно собираясь на сельские сходы, принимали приговоры о том, что они не признают люстрационных актов, а требуют передела земель по душам [4]. Крестьяне Чигиринского уезда не только отказывались подписывать люстрационные акты и платить выкупные платежи и налоги, но и начали делить между собой земли кулаков, о чём 12 апреля 1875 г. сообщал киевский губернатор Гессе генерал-губернатору [13, л. 13].

Итогом столь серьёзных и опасных для власти событий стало использование армейских подразделений для локализации и подавления крестьянских выступлений [9]. Лучше всего ситуацию характеризует выдержка из судебного заключения по «Чигиринскому делу»: «В семи волостях Чигиринского уезда в конце 1874 и в начале 1875 гг., при приведении в действие люстрационных актов многие из крестьян оказали такое сопротивление, которое привело администрацию к необходимости принятия чрезвычайных мер для установления законного порядка, и послужило основанием для возбуждения уголовного преследования, состоявшего из 53 отдельных производств, под названием»о волнениях среди государственных крестьян некоторых волостей Чигиринского уезда» [12, л. 22(об)].

В качестве мер воздействия активно использовались телесные наказания. Предпринимаются и попытки розыска зачинщиков. Однако Ф. Прядко был неуловим, чем ещё более усиливал его харизматическое воздействие на крестьян. В результате власти назначили за его голову денежную награду в 100 рублей [9] и, как пишет далее неизвестный автор, «долго не находился охотник, который сумел бы и решился поднять руку на столь любимого и влиятельного человека среди крестьян. Все лето гулял Фома переходя из хаты в хату и поддерживая энергию протеста… Осенью местному шинкарю из жидов, который сильно соблазнился предлагаемой наградой, удалось склонить одного из крестьян знакомого с Фомой, на преступное дело. Крестьянин этот обещался шинкарю дать знать, когда придёт к нему Фома. Случай к этому скоро представился и Фома был взят» [9].

Внешняя канва событий описана неизвестным автором не совсем верно. Ф. Прядко был арестован в ночь с 7 на 8 ноября 1875 г. в с. Сагуновке Черкасского уезда при посещении своей семьи. При аресте Ф. Прядко со своей семьёй оказали сопротивление, избив волостного старшину и писаря. 17 июня 1877 г. Киевской соединённой палатой было рассмотрено уголовное дело по обвинению 326 бывших государственных крестьян некоторых волостей Чигиринского уезда в сопротивлении правительственным распоряжениям. Примечательно, что даже представители власти отмечали, что «экономическое положение казённых крестьян и условия сложившегося их материального быта, состоящего в полной зависимости от земельного надела, – были главными причинами, вызвавшими организацию в среде крестьян тайного общества» [6, с. 103].

По приговору соединённой палаты 74 человека были осуждены на различные сроки тюремного заключения, а остальные 262 человека оправданы. Вожак движения Ф.Д. Прядко был лишён всех прав состояния и пожизненно сослан на поселение в отдалённые места Сибири.

Однако хотелось бы обратить внимание на тот факт, что при рассмотрении судебного дела о «Чигиринском заговоре», устроенном «южными бунтарями» в 1877 г., даже царское правосудие усматривало серьёзное влияние на эти события предшествующей деятельности Ф. Прядко и его сподвижников. Не будем забывать и того факта, что часть крестьян, вступивших позднее в «Тайную дружину», организованную Я. Стефановичем, Л. Дейчем и И. Бохановским, уже имела опыт противоправительственной борьбы, полученный в период с 1873 по 1875 г. Например, Лазарь Тененик, находившийся в заключении по делу о волнениях 1875 г. в Киеве. По свидетельству В.Д. Новицкого в Киеве «с ним познакомился Я. Стефанович и сделал его своим сообщником по сношению с чигиринцами» [6, с. 222].

В дальнейшем Л. Тененик стал одним из активнейших членов «Тайной дружины». Именно он, по показаниям крестьянина А. Леухина, «в начале 1877 г. ездил в Киев и привёз оттуда с собою Евангелие, крест и подписанную Государем Императором бумагу о том, что крестьяне вскоре получат землю по душевому наделу; для получения надела необходимо составить приговор от имени 250 крестьян, о согласии их исполнять все то, что изложено в привезённой Тененикою бумаге, на основании которой желающее душевого надела должны, прежде всего выполнять присягу в том, что будут хранить дело это в тайне, затем обязываются избрать собственных своих урядников и заготовлять пики и топоры» [12, л. 22(об)].

В судебном заключении по делу о «Чигиринском заговоре», которое слушалось с 8 по 10 июня 1879 г., всё в той же Киевской соединённой палате отмечалось: «Общий характер действий крестьян, принявших участие в этих последних событиях, выражает стремление принудить правительство или оставить земельное устройство в прежнем виде или исполнить требования о наделении 5 десятин на душу. Ещё до рассмотрения судом упомянутого дела, на той же почве, но в более узких географических границах, и в этот раз при содействии нового фактора – революционной пропаганды возникло новое преступление, с более опасным характером, послужившее предметом настоящего дела» [12, л. 22(об.)].

Литература

1. Дейч, Л.Г. Чигиринська справа [Текст] / Л.Г. Дейч. – Харків, 1929.
2. Документы по Чигиринскому делу [Текст] // Былое. – 1906. – № 12. – С. 257 – 261.
3. Киевлянин [Текст]. – № 45. – 1877.
4. Киевлянин [Текст]. – № 97. – 1877.
5. Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг. [Текст] : сб. документов. – М. : Наука, 1968. – 680 с.

6. Новицкий, В.Д. Из записок жандарма [Текст] / В.Д. Новицкий. – М. : Изд- во МГУ, 1991. – 254 с.
7. Памятники агитационной литературы [Текст] // Чёрный передел. – М. ; Пг. : Госиздат, 1923. – Т. 1.
8. РГИА. Ф. 1291. Оп. 53. 1870 г. Д. 116.
9. Революционная журналистика семидесятых годов [Текст] / под ред. В Базилевского (В. Богучарского). – Ростов-на-Дону : Донская речь, 1907. – 312 с.
10. Троицкий, Н.А. Крестоносцы социализма [Текст] / Н.А. Троицкий. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-т, 2002. – С. 201–203.
11. ЦГИА УССР, Ф. 442. Оп. 309. 1870 г. Д. 92.
12. Центральный державный Історичний архів УРСР у м. Киеві. Ф. 274. Оп. 1. Д. 157.
13. Центральный державный Історичний архів УРСР у м. Киеві. Ф. 442. Оп. 314. 1875 г. Д. 47.
14. Я.С. Чигиринское дело [Текст] / Я. Стефанович // Памятники агитационной литературы [Текст] // Чёрный передел. – М. ; Пг. : Госиздат, 1923. – Т. 1.

ББК 72.3
УДК 39

А.Б. ПАНЧЕНКО

ОТРАЖЕНИЕ НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ Д.А. КЛЕМЕНЦА НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»[1]

A.B. PANCHENKO

REFLEXION OF D.A. KLEMENTS`S SCIENTIFIC VIEWS ON THE PAGES OF THE NEWSPAPER «VOSTOCHNOYE OBOZRENIYE»

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ «Исследование научной и общественной деятельности Д.А. Клеменца» № 13-31-01005.

В статье рассматриваются научные взгляды Д.А. Клеменца, высказанные им во время сотрудничества в газете «Восточное обозрение» с 1884 г. по 1900 г. Выделяется несколько групп публикаций, в которых так или иначе эти воззрения нашли отражение. Отдельно рассматриваются взгляды на организацию научных исследований в Сибири. В итоге делается вывод о широте научных интересов Д.А. Клеменца в рассматриваемый период.

In the article D.A. Klements's scientific views stated by him during his cooperation with the newspaper «Vostochnoye Obozreniye» since 1884 to 1900 are considered. Some groups of publications in which these views are reflected have been allocated. D.A. Klements's views on the organisation of scientific research in Siberia are considered separately. The author makes a conclusion about the width of D.A. Klements's scientific interests during the period under consideration.

Ключевые слова: этнография, археология, народники, Сибирь, Д.А. Клеменц, «Восточное обозрение».

Key words: ethnography, archeology, populists, Siberia, D.A. Klements, «Vostochnoye Obozreniye».

Научное наследие Дмитрия Александровича Клеменца (1847–1914) достаточно обширно. Его перу принадлежат как монографические исследования, так и статьи в специализированных изданиях (в основном в сборниках Императорского Русского географического общества (ИРГО)). Но ещё более значительно число публикаций в периодических изданиях – как сибирских, так и Санкт-Петербургских, в которых также нашли отражение научные взгляды. Несмотря на то, что большинство из этих статей и заметок носят остропублицистический характер, даже в них проявилась позиция Д.А. Клеменца как учёного, не говоря о статьях, являющихся чисто научными.

По подсчётам С.И. Гольдфарба [1, с. 63], Д.А. Клеменцом была опубликована 121 статья в сибирских газетах: 92 – в «Восточном обозрении», 18 – в «Сибирской газете» и 11 – в «Сибири». Однако следует отметить, что значительная часть статей были опубликованы им под разными псевдонимами или вообще без подписи, что серьёзно затрудняет их атрибутирование. Наиболее плодотворным было сотрудничество Д.А. Клеменца с «Восточным обозрением», продолжавшееся с 1884 г. по 1900 г.

Началось оно в то время, когда Д.А. Клеменц находился в ссылке в Минусинске и только начинал сотрудничать с периодическими изданиями (его основная деятельность была направлена на работу в Минусинском музее вместе с Н.М. Мартьяновым). Редакция газеты в это время находилась в Санкт-Петербурге, откуда была в 1888 г. переведена в Иркутск. В 1886–1889 гг. Д.А. Клеменц проживал в Томске и в основном публиковался в «Сибирской газете», занимаясь и редакторской работой. После переезда в на-

чале 1890 г. в Иркутск он включается в деятельность Восточно-Сибирского отделения ИРГО (с 1891 г. занял пост правителя отдела) и одновременно начинает активно публиковаться в «Восточном обозрении». В 1892 г. он в течение 3 месяцев (с 17 мая по 16 августа) исполнял обязанности редактора этой газеты, поэтому можно предположить, что ряд статей, вышедших в это время без подписи, принадлежат именно его перу. В 1894–1896 гг. он активно участвует в многочисленных экспедициях по Восточной Сибири и Монголии, что не мешает ему продолжать публиковаться.

Даже после переезда в Санкт-Петербург Д.А. Клеменц не порвал связей с «Восточным обозрением», написав несколько заметок в защиту Восточно-Сибирского отделения ИРГО, против которого в Иркутске развернулась мощная кампания. В 1906 г. «Восточное обозрение» было навсегда закрыто, к тому моменту Д.А. Клеменц уже несколько лет не писал для него, погрузившись в научную работу сначала в Музее антропологии и этнографии, а потом в Этнографическом отделе Русского музея Александра III, а также в сотрудничество с центральными периодическими изданиями (в которых продолжил освещать нужды Сибири).

Данная статья посвящена характеристике научных взглядов Д.А. Клеменца, которые получили отражение на страницах «Восточного обозрения» в 1884–1900 гг. Всего было проанализировано 50 статей, часть из них публиковалась в нескольких номерах газеты (всего 81 публикация), которые были сгруппированы в пять тематических блоков. Первый представляет собой работы, посвящённые исключительно научным вопросам (6 статей), большая часть из которых опубликована под настоящим именем Д.А. Клеменца. Во второй блок включены литературные сочинения (6 статей), которые, как правило, подписаны псевдонимом «Нургали». К третьему блоку были отнесены различные библиографические обзоры (5 статей), также подписанные настоящим именем. Четвёртый блок составили путевые заметки и описания (8 статей), подписанные инициалами «Д.К.». Наконец, пятый, самый обширный блок (25 статей) включает в себя публицистику по злободневным вопросам и фельетоны, большая часть либо не имеет подписи, либо опубликована под псевдонимом «Неисправимый резонёр». Несмотря на то, что чисто научные статьи составляют незначительную часть, научные взгляды Д.А. Клеменца получили своё отражение и в статьях других блоков, в том числе в литературных произведениях.

Большая часть статей первого блока посвящена одному вопросу – организационному становлению научного изучения России в целом и Сибири в частности. Впервые эта тема была затронута в двойной заметке «Вниманию любителей научных наблюдений. Организация однодневной переписи г. Ачинска» [2], где автор призывал всех желающих принять участие в изучении изменений уровня Ангары, а также кратко обозначил необходимость проведения переписей населения. Но наибольшее развитие она получила в статьях «Голос из провинции» [8, 9], «На тему об обстоятельном исследовании северо-востока Сибири» [15] и «К развитию научной деятельности в Сибири» [10, 11, 12, 13, 14].

Первая из этих публикаций вышла вскоре после VIII Всероссийского съезда естествоиспытателей и врачей, на котором антропологом А.П. Богдановым было предложено создать Русскую ассоциацию для поддержки науки по аналогии с существующими в Европе, Северной Америке и Австралии ассоциациями. Согласно проекту, предполагалось создание внутри неё шести секций: математической, физико-химической, геологической, ботанической, зоологически-анатомической и научно-медицинской [8, с. 9]. Д.А. Клеменц высказал своё недоумение по поводу отсутствия в числе секций политэкономической, статистической и географической. Если первые две ещё могут быть исключены в силу того, что представители этих наук слабо участвуют в общей научной жизни страны, то географы имеют полноценное объединение – Русское географическое общество (РГО), отделения которого существуют по всей России.

И в этом моменте особо заметно расхождение во взглядах между Д.А. Клеменцом и представителями «академической» науки (что ещё ярче станет заметно через несколько лет). Бывший народник почти на 20 лет предвосхитил замыслы по созданию Комиссии по изучению естественных производительных сил России (образована в 1915 г.) и Комиссии по изучению племенного состава России (образована в 1917 г.), указав, что «познание России во всей её обширности и разнообразии не только законная дань любви к ней, но наш долг перед всем человечеством… Познать страну, где раздаётся русская речь, где живут, умирают и родятся русские люди – сама по себе задача непомерная; но нам же, а не кому другому надлежит знать и изучать наших соседей, народов полудиких, варварских, наша же задача – изучение исчезнувших, некогда живших среди России и сопредельных с ней стран» [8, с. 8].

Для А.П. Богданова и других «чистых» учёных важнее было создание просто ассоциации для проведения съездов представителей разных наук, в которую должны были войти только академические учреждения, что привело бы к развитию науки ради самой науки. Этому служила и планируемая система членских взносов, которая фактически закрывала доступ в ассоциацию местным региональным музеям и отделениям РГО, делая его свободным только для крупных учебных и научных заведений. Д.А. Клеменц же призывал к развитию науки на местах, видя в этом необходимое условие для полноценного изучения России (развития «отчизноведения» или «россиеведения» словами П.П. Семёнова-Тян-Шанского).

Эту же мысль Д.А. Клеменц развил в последующих статьях. Так, он указал на необходимость перехода к комплексным, длительным исследованиям в Якутской области и на северо-востоке Сибири в целом, отказа от кратковременных поездок, которые вместо ценных сведений могут дать только источники для ложных представлений о состоянии края [15]. В серии публикаций «К развитию научной деятельности в Сибири» Д.А. Клеменц попытался поднять целый ряд вопросов, касающихся изучения восточной окраины России, в первую очередь организационного характера. В первой из них он рассуждал о судьбе Нерчинского музея, у которого по решению городской Думы было изъято помещение, а все ценные коллекции оказались свалены в одном хранилище без должного внимания. При этом передать экспонаты в музей Читы Дума также отказалась. В связи с этим учёный поднял вопрос о гарантиях, которые должны быть предоставлены местным научным учреждениям, в частности музеям, от произвола как местных властей, так и руководителей более высокого уровня. В противном случае все труды по изучению региона окажутся напрасными, и даже если в дальнейшем учреждение будет восстановлено, то всё придётся начинать с начала – экспонаты могут быть безвозвратно испорчены, а результаты экспедиций устареть.

Во второй статье Д.А. Клеменц развивал свои идеи трёхлетней давности, рассуждая о том, что изучение России вообще и Сибири в частности невозможно усилиями только учёных обществ при университетах. Он указал на то, что за последнее время возникло множество независимых музеев и обществ, которые ждали поддержки со стороны университетской профессуры. Однако «надежды на то, что университеты придут на помощь местным учреждениям не оправдываются, и теперь приходится нам разбираться в этих вопросах, как говорят своим средствием» [11, с. 1]. Но это затрудняется отсутствием координации между различными местными обществами.

В следующей статье, посвящённой открытию Амурского отдела РГО, указанный тезис получил развитие. Инициатива организации отдела принадлежала местному генерал-губернатору, со стороны которого оказывалась не только финансовая, но и «моральная» поддержка. Этот отдел пользовался полной независимостью от Восточно-Сибирского, издавал свои труды, но по причине отсутствия специалистов его деятельность сводилась исключительно к собиранию материала. Такая участь, с точки зрения Д.А. Клеменца,

является общей для всех учёных обществ Сибири, представители которых более известны как собиратели, которые потом передают результаты своих экспедиций в Москву и Санкт-Петербург.

В четвёртой статье эта мысль была продолжена. Д.А. Клеменц писал, что главная задача региональных отделений РГО «должна состоять, помимо собирания сведений, в основании и поддержке местного музея» [13, с. 3]. Вокруг них станет возможным организовать группу людей, заинтересованных в изучении своего края, из которой впоследствии может вырасти полноценное научное общество, способное стать в один ряд с центральными научными обществами. Также в статье указывалось на необходимость расширения объекта исследования – с исключительно региона на сопредельные территории, в том числе Монголию, Китай и Корею.

Наконец, в пятой статье, подводящей итог всему циклу, Д.А. Клеменц обозначил важнейшие задачи, которые стоят перед сибирскими региональными обществами: метеорологические, сейсмические и магнитные наблюдения, причины вымирания инородцев, характер взаимных влияний между русскими и коренным населением и т. д. Но все они могут быть решены только после создания некого централизованного органа или съезда, который сможет упорядочить ход научных изысканий, оказать поддержку местным отделениям, что позволит организовать полноценное изучение Сибири, а затем и всей России.

Резюмируя статьи этого блока, можно сказать, что Д.А. Клеменц выступил как один из зачинателей научного «отчизноведения», которое получило своё институционное оформление спустя 20 лет в виде Комиссии по изучению естественных производительных сил России и Комиссии по изучению племенного состава России. Учёный призывал к созданию координационного центра, призванного объединить не только деятелей академической науки, но и всех интересующихся своей страной на местах – от сельских учителей до сотрудников РГО. Главной задачей региональных научных объединений должно было стать создание и поддержка музеев, вокруг которых могли бы формироваться полноценные научные центры, равные по значению академическим учреждениям. Не следует ограничиваться изучением лишь России – необходимо проведение экспедиций и в сопредельные страны, иначе целостной картины создать невозможно. Уже став хранителем Этнографического отдела Русского музея, Д.А. Клеменц попытался реализовать свои взгляды на организацию «отчизноведения» через финансовую и организационную поддержку исследователей из отдалённых уголков России.

В литературных сочинениях Д.А. Клеменца, опубликованных в 1890–1892 гг. в «Восточном обозрении», представлены этнографические сведения как о русском населении Сибири [21], так и об инородцах [17, 18, 19, 20]. В фельетоне «Рождество в разведке» описывался быт русских золотоискателей, готовых терпеть любые испытания ради выгоды, но одновременно очень набожных и соблюдающих обряды и традиции. В рассказе «Карьера Косушки» описывается жизнь кочевых татар Южной Сибири, их обычаи, в том числе обычай воровства лошадей, но не только ради наживы, но и для выкупа невесты. Однако в результате взаимодействия с русскими к татарам проникли азартные игры, которые оказались страшным искушением для инородцев. Это привело к распространению кражи ради отдачи долга, к стремлению к наживе, что и стало причиной смерти главного героя рассказа. Таким образом, Д.А. Клеменц выступил против привития коренным народам Сибири русского образа жизни, из которого заимствуются худшие стороны. Против перевода кочевников на оседлый образ жизни и их русификации он выступал и позже, уже переехав в Санкт-Петербург, где опубликовал «Заметки о кочевом быте».

Библиографические заметки Д.А. Клеменца также представляют богатый материал для характеристики его научных взглядов. В них он предстаёт как специалист в области буддизма и образа жизни забайкальских лам [6], методики золотодобычи, её экономического значения [16], образа

жизни рабочих на золотых приисках [7]. Каждый раз он указывал на опасность поверхностных выводов, которых не всегда удаётся избегать авторам из Европейской России, отдавая предпочтение серьёзным и вдумчивым описаниям, основанным не только на собственном опыте, но и на общении с местными жителями.

Путевые заметки Д.А. Клеменца заслуживают специального исследования. Они представляют собой не только географические и этнографические описания, но и рассуждения автора о перспективах того или иного региона или народа. В своей статье мы ограничимся только краткой характеристикой геополитических взглядов Д.А. Клеменца, изложенных в «Письмах с русской границы» [3, 4, 5], которые в отечественной науке ещё не рассматривались. В этих небольших заметках исследователь рассматривает этапы и возможности русской колонизации Урянхайского края (нынешняя Тыва, в тот момент регион, находившийся под управлением Китая).

Д.А. Клеменц выделил три этапа колонизации региона: нерегулярная торговля казаков и купцов с местным населением и начало первых золотых разработок; установление регулярных торговых отношений и появление первых русских земледельческих поселений в крае; основание Усинского округа на границе как особого местного управления [4, с. 9]. При этом дальнейшие перспективы колонизации края виделись Д.А. Клеменцу в расширении земледельческого освоения, с одной стороны, и в соблюдении государственных интересов местными властями – с другой. Так, он писал о недопустимости игнорирования суда и наказаний русских купцов местными урянхайскими чиновниками со стороны русской администрации соседнего региона. При этом вопрос о чёткой демаркации границы между Россией и Китаем признавался им, безусловно, как важный, но малозначительный для экономического освоения региона. Для этого более значимым является заключение договоров об аренде территории для земледельческого освоения края.

Публицистические статьи Д.А. Клеменца хотя и отражают его научные взгляды, поскольку посвящены актуальным вопросам экономики, образования, восприятия Сибири жителями Европейской России и т. д., но в большей степени затрагивают сиюминутные проблемы, а потому их анализ выходит за пределы данной статьи.

Д.А. Клеменц получил классическое университетское образование на математическом факультете Петербургского университета (хотя и не успев защитить диплом), однако значительно расширил сферу своих научных интересов во время пребывания в Сибири. За время сотрудничества с «Восточным обозрением» он опубликовал статьи, посвящённые организационным вопросам обобщающей науки о России – «отчизноведения», географии и этнографии Южной и Восточной Сибири, геополитике и т. д. Переехав из Иркутска в Санкт-Петербург, он получил возможность для развития своих взглядов, в том числе и на организацию науки.

Именно на организационном поприще Д.А. Клеменц достиг наивысших успехов, встав у истоков создания Этнографического отделения Русского музея Александра III (ныне Российского этнографического музея). Его взгляды на необходимость комплексного изучения России во всех сферах – от географии до экономики – стали особо актуальными уже после смерти, когда начавшаяся Первая мировая война потребовала максимально полного знания о стране.

Литература

1. Гольдфарб, С.И. Д.А. Клеменц – революционер, ученый, публицист [Текст] / С.И. Гольдфарб. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1986. – 176 с.
2. Д.К. Вниманию любителей научных наблюдений. Организация однодневной переписи г. Ачинска [Текст] / Д.А. Клеменц // Восточное обозрение. – 1888. – 20 марта.

3. Д.К. Письма с русской границы [Текст] / Д.А. Клеменц // Восточное обозрение. – 1891. – 10 ноября.
4. Д.К. Письма с русской границы [Текст] / Д.А. Клеменц // Восточное обозрение. – 1892. – 12 января.
5. Д.К. Письма с русской границы [Текст] / Д.А. Клеменц // Восточное обозрение. – 1892. – 26 января.
6. Клеменц, Д. Библиография. (Вестник Европы) [Текст] / Д.А. Клеменц // Восточное обозрение. – 1892. – 16 февраля.
7. Клеменц, Д. Библиография. Предварительные данные к вопросу о влиянии условий жизни и работы на золотых промыслах на физическое здоровье рабочих (приложение к протоколам общества врачей Ен. губ.). Доклад В.М. Крутовского 11 января 1892. Красноярск, 1892 [Текст] / Д.А. Клеменц // Восточное обозрение. – 1892. – 15 марта.
8. Клеменц, Д. Голос из провинции [Текст] / Д.А. Клеменц // Восточное обозрение. – 1891. – 9 июня.
9. Клеменц, Д. Голос из провинции [Текст] / Д.А. Клеменц // Восточное обозрение. – 1891. – 23 июня.
10. Клеменц, Д.А. К развитию научной деятельности в Сибири [Текст] / Д.А. Клеменц // Восточное обозрение. – 1894. – 9 ноября.
11. Клеменц, Д.А. К развитию научной деятельности в Сибири [Текст] / Д.А. Клеменц // Восточное обозрение. – 1894. – 4 декабря.
12. Клеменц, Д.А. К развитию научной деятельности в Сибири [Текст] / Д.А. Клеменц // Восточное обозрение. – 1894. – 7 декабря.
13. Клеменц, Д.А. К развитию научной деятельности в Сибири [Текст] / Д.А. Клеменц // Восточное обозрение. – 1895. – 6 января.
14. Клеменц, Д.А. К развитию научной деятельности в Сибири [Текст] / Д.А. Клеменц // Восточное обозрение. – 1895. – 8 января.
15. Клеменц, Д.А. На тему об обстоятельном исследовании северо-востока Сибири [Текст] / Д.А. Клеменц // Восточное обозрение. – 1893. – 5 ноября.
16. Клеменц, Д.А. Новый печатный орган Сибири [Текст] / Д.А. Клеменц // Восточное обозрение. – 1892. – 12 января.
17. Нургали Карьера Косушки [Текст] / Д.А. Клеменц // Восточное обозрение. – 1891. – 21 апреля.
18. Нургали Карьера Косушки [Текст] / Д.А. Клеменц // Восточное обозрение. – 1891. – 5 мая.
19. Нургали Карьера Косушки [Текст] / Д.А. Клеменц // Восточное обозрение. – 1891. – 12 мая.
20. Нургали Карьера Косушки [Текст] / Д.А. Клеменц // Восточное обозрение. – 1891. – 19 мая.
21. Нургали Рождество в разведке [Текст] / Д.А. Клеменц // Восточное обозрение. – 1891. – 1 января.

ББК 60.561.32
УДК 316.334.3

З.В. СТЕПАНЕНКОВА

Z.V. STEPANENKOVA

В.В. БЕРВИ-ФЛЕРОВСКИЙ О СУЩНОСТИ ГОСУДАРСТВА И РАЗВИТИИ ЕГО ФОРМ ВО ВРЕМЕНИ

V.V. BERVI-FLEROVSKY ABOUT STATE ESSENCE AND ITS FORMS' DEVELOPMENT IN DIACHRONY

В статье рассматриваются представления близкого к революционному народничеству мыслителя В.В. Берви-Флеровского о происхождении и развитии государственности. Определяются взгляды учёного на сущность государства и изменения его форм во времени.

Ideas of V.V. Bervi-Flerovsky – the thinker of revolutionary populism (narodnik movement) – of statehood's origin and development are observed in the article. The scientist's points of view on state essence and its forms' development in diachrony are determined in the article.

Ключевые слова: В.В. Берви-Флеровский, происхождение и сущность государства, формы правления и их развитие.

Key words: V.V. Bervi-Flerovsky, state origin and essence, forms of government and its development.

Василий Васильевич Берви, более известный как Берви-Флеровский (Н. Флеровский – его наиболее известный литературный псевдоним) – один из интереснейших мыслителей второй половины XIX. Получивший хорошее юридическое образование и отличавшийся энциклопедическими знаниями, В.В. Берви-Флеровский основную часть своей жизни провёл в ссылке вдали от научных и политических центров страны. Однако это не помешало ему занять достойное место среди российских публицистов того времени.

Социально-экономическим и философским представления В.В. Берви посвящена обширная литература [5, 8, и пр.]. Относительно подробно проанализированы и его взгляды на исторический процесс [6]. При этом воззрения учёного на сущность государства и развитие его форм во времени исследованы менее детально, что ставит на повестку дня вопрос об их более подробном рассмотрении.

Отметим, что анализируя развитие человеческого общества, В.В. Берви-Флеровский выступает в первую очередь не как историк-исследователь, детально рассматривающий отдельные проблемы всемирной или российской истории, а как философ, которого в большей степени интересует общее направление исторического процесса [6, с. 314]. Для него характерно стремление к широким обобщениям, позволяющим выявить основные движущие силы развития человечества, роль и место в нём человеческой личности. Определённое внимание он уделял и вопросам происхождения, сущности и развития государства.

С позиций В.В. Берви-Флеровского государство «не поглощает в себя всего человека», оно является лишь «одной из многих организаций», которые нужны обществу для нормального существования, как, например, разделение труда [4, с. 23]. При этом он отмечал, что и разделение труда, и государство существуют лишь потому, что они полезны для человека. Созданы они самими людьми в ходе развития общества: «Орудия труда, государство не создадутся, если человек их не создаст, и не прекратятся, если человек их не прекратит» [4, с. 24]. Они по сути есть создания самого человека,

которые он предназначил для своего удобства. При необходимости они могут быть заменены лучшими. При этом такие организации, как разделение труда или государство, «не могут даже служить орудиями для окончательного нравственного развития людей» [4, с. 24]. Государство не может принудить людей быть нравственными или безнравственными: они делаются нравственными или безнравственными вследствие идей и чувств, в которых они воспитываются: «Самая организация государства есть не что иное, как порождение среднего уровня нравственности жителей государства и известной степени их политической ловкости» [4, с. 24]. Об этом, по мнению В.В. Берви-Флеровского, явно свидетельствует история Азии, Африки и Америки, демонстрирующая, что деспотические, теократические и аристократические государства, сходные по своей организации, действовали различно. Таким образом, подчёркивает Берви-Флеровский, поскольку государство «есть орудие и притом орудие, которое хватает неглубоко, то единственное оправдание его существования может заключаться только в общественной пользе. «Государство как и… все, что человек создаёт для удовлетворения своих потребностей и как средство для достижения своих целей, может иметь своё оправдание только в пользе, которую они приносят» [4, с. 25].

В чём же, с точки зрения Берви, заключается польза государства как особой организации? Для решения этого вопроса он предлагает «посмотреть на людей, которые живут без государства». Тогда «можно понять, для чего создано то орудие, которое называется государственной организацией». Берви утверждает, что без государства «сильный имел перевес над слабым, нетрудящийся – над трудящимся» [4, с. 30].

Таким образом, «история образования государства может быть выражена в очень немногих словах: трудящийся земледелец хотел жить своими трудами и развивать свою способность трудиться, но кочевники не давали ему работать. Чтобы защищаться, он должен был создать все более многолюдное общество. И вот, наконец, развилось государство» [4, с. 31].

Таким образом, с точки зрения В.В. Берви-Флеровского, цель государства заключается в том, что оно «должно ограждать трудящегося и увеличивать его способность трудиться». Иначе говоря, оно «по происхождению и по существу своему есть не что иное, как протест против тунеядства и грабежа» [4, с. 31].

Отсюда вытекают все функции государства, его основные права и обязанности. Одной из основных функций государства является сбор налогов с граждан. Оно должно их взимать, чтобы «делать ту пользу, которую оно может сделать, и чтобы сделать как можно больше пользы». Следовательно, государство имеет право на средства гражданина или любую другую его вещь только в том случае, если какая-либо вещь (средства) будет более полезна в руках общества, чем в руках частного лица. Оно обязано её взять, так как в противном случае оно не выполняет своего назначения [4, с. 35].

В.В. Берви-Флеровский подчёркивает принципиальное отличие прав государства от прав частного лица. Если человек имеет право, например, приобретать собственность, но вовсе не обязан это делать, то «для государства как для орудия общества, такой принцип не существует. Для него не может быть права необязательного. Оно или обязано взять с меня подать или не имеет на это права. Оно или обязано арестовать преступника или не имеет на это права» [4, с. 30]. Более того, оно имеет право взять с гражданина подать только потому, что обязано это сделать. Указанное различие в праве государства и частного лица В.В. Берви-Флеровский связывает с тем, что «государство есть только орудие, человек же – цель, для которой существует право» [4, с. 30].

Отсюда, с позиций В.В. Берви-Флеровского, вытекает и право государства на принуждение, применение силы по отношению к частному лицу. В основу взимания налогов, по мнению учёного, не может быть положен «принцип общего согласия». С одной стороны, если гражданин доброволь-

но соглашается платить, то право государства на сбор средств несомненно. С другой – на этом принципе может быть основан лишь сбор пожертвований, а не налогов или податей. Последний нередко нуждается в применении силы для принуждения частных лиц к оплате [4, с. 20]. При этом В.В. Берви-Флеровский отмечает, что государство не должно принуждать своих граждан платить только потому, что «ему пришла такая фантазия». В этом случае действия государства основываются не на справедливости, а только на силе и ничем не отличаются от действий разбойника [4, с. 20]. Чтобы государство могло взять у частного лица его имущество или средства, его право на это имущество должно быть лучше, чем у частного лица. А это возможно только в том случае, если употребление имущества в частных руках будет бесполезным, а издержки самого государства – полезны, причём полезны для общества в целом. Иначе говоря, при столкновении интересов государства и частного лица единственным критерием значимости этих интересов будет общественная польза. Именно в этом случае, с точки зрения В.В. Берви, будет соблюдён главный принцип, «соответствующий самым глубоким из инстинктов человеческих», – принцип справедливости. «Именно он должен лежать в основе права, потому что «несправедливость и право – понятия несогласимые и прямо противоречащие друг другу, – правом может быть только то, что справедливо» [4, с. 20].

Что же в этом случае может считаться справедливостью? Отвечая на этот вопрос, Берви отталкивается от сущности государства. Если государство есть особая организация, созданная обществом, его орудие, посредством которого оно призвано защищать трудящихся от грабежа и эксплуатации для увеличения их способности трудиться, то право есть инструмент, с помощью которого государство должно выполнять своё предназначение. Деятельность в этом направлении оно может осуществлять «одним способом – распространением прав», – отмечает исследователь [4, с. 31]. Следовательно, цель, для которой существует право, – это человек, прежде всего трудящийся. Государство должно посредством права ограждать трудящихся от любых посягательств на результаты их творческой деятельности, которые могут повлечь за собой снижение производительности труда.

При этом В.В. Берви-Флеровский отмечал, что на ранних стадиях развития общества государство «было бессильно, чтобы установить какие-либо права». Напротив, именно «сильные» племена (кочевники и бродячие охотники) устанавливали над «слабыми» трудящимися своё господство, основанное на эксплуатации. Это право сильного, по сути являющееся «насилием, которое присваивает себе имя права». Такое «право сильного», по мнению В.В. Берви-Флеровского, в большей степени характерно для азиатских цивилизаций. Европейская идея права в свою очередь была создана, чтобы оградить труд и его развитие от азиатского варианта права. Однако на протяжении длительного промежутка времени государства «вынуждены были считаться с остатками тех начал, которые водворились в древности, что приводило ко всякого рода компромиссам». В.В. Берви-Флеровский подчёркивает, что эти компромиссы «были порождением идеи порядка, а не права». Идея права заключает в себе только то, что соответствует цели учреждения государства – то есть поощрению труда и развития» [4, с. 31]. Все «отступления от этой цели, которые государство должно было сделать по причине своего бессилия, могут оправдываться только потребностью в спокойствии, в мире, в порядке» [4, с. 33].

Именно на этой идее – идее порядка – обычно основывается повиновение установленному праву, даже в том случае, если оно нарушает принцип справедливости. В.В. Берви-Флеровский отмечает, что сама по себе идея порядка в государственном образовании, несомненно, имеет право на существование. «Без порядка и право не может осуществляться» – пишет он [4, с. 20]. Но если правительство поддерживает в стране только порядок, а не право, оно ведёт государство к гибели. «В этом случае в народе пропада-

ет одушевление к развитию, он утрачивает симпатию к своему государству» [4, с. 23] и т. п. В силу этого смешивать идею права и идею порядка бессмысленно и даже опасно.

Таким образом, право, по мнению В.В. Берви-Флеровского, равно как и государство, по сути своей есть орудие, которое также создаётся только для общей пользы.

Остановимся подробнее на трактовке В.В. Берви развития государства во времени. В 70-х гг. XIX в. исследователь полагал, что развитие государства или, по крайней мере, какие-либо изменения в формах правления никоим образом не зависят от социальных переворотов. Одна форма правления сменяет другую в результате распространения в пространстве политических идей и настроений, которые передаются от одного народа к другому сродни модным веяниям. В результате на определённой, иногда весьма значительной территории складывается своего рода «мода» на ту или иную политическую форму, существующая некоторый промежуток времени. «История убеждает нас, – пишет учёный, – что политические чувства и идеи постоянно распространяются «по соседству» и «влекут за собой такое же распространение политических форм, и что при тех же формах сущность политических отношений определяется гением и характером народа» [1, с. 47]. Так, в Америке, с позиций В.В. Берви «республиканская и демократическая форма – та форма, которая всего естественнее представляется мыслям народов». В Европе таким же образом «распространяется и прививается идея конституционной монархии». «Все это обусловлено привычкой к определённому образу мысли». Следуя тому же закону привычки к определённому образу мысли, в Азии распространилась деспотическая форма. В средние века таким же образом распространялись олигархические формы в управлении городов и феодальные в управлении страной [1, с. 47–48].

Исходя из этого, В.В. Берви-Флеровский приходит к мысли, что одни и те же формы правления «в различные времена и при различных условиях могут действовать чрезвычайно различно» [2, с. 9]. В силу этого неограниченная монархия не может считаться злом, а установление разделения властей, равно как и введение представительных учреждений, не означает обязательного торжества справедливости. Так, В.В. Берви подчёркивает, что «неограниченная монархия не есть какое-нибудь уродливое произведение природы. При известном состоянии общества она есть плод естественного процесса. Если она способна естественно вырасти, то она способна также к дальнейшему правильному развитию с помощью свободы слова» [1, с. 176]. В этом случае неограниченное монархическое правление может оказаться вполне прогрессивным.

В свою очередь введение конституции, представительных учреждений, установление разделения властей также вряд ли могут считаться панацеей от всех бед. Именно излишняя вера в их могущество тормозила, с точки зрения В.В. Берви-Флеровского, развитие Европы в конце XVIII – первой трети XIX вв. «Создание представительных учреждений должно было уничтожить притеснение граждан общественной властью. Но если эти представители избирались меньшинством, то теоретически прямо следовало, что меньшинство должно было притеснять большинство; если же представители избирались большинством, то большинство должно было притеснять меньшинство» [3, с. 354]. То же можно сказать и об ограничении одной ветви власти другою: «Независимый суд ограничивает администрацию, но отсюда вовсе не следует, что он будет ограждать граждан от притеснения; история показала, что судьи могут ограждать интересы рабочего народа, но, и наоборот, чаще всего они проникнуты воззрениями высших классов и тогда они способствуют притеснению» [3, с. 354].

Позднее взгляды В.В. Берви-Флеровского на развитие государственности претерпевают некоторые изменения. Так, в третьей части «Азбуки социальных наук», увидевшей свет в 1894 г., он приходит к выводу, что существуют некоторые закономерности, определяющие смену форм государства во времени.

С его точки зрения, все политические организации могут быть подразделены на инстинктивные – основанные на инстинкте повиновения и беспрекословном подчинении, и сознательные – зиждущиеся на идее солидарности, равенстве и правильной нравственности. К первым относятся «неограниченные монархии или государства, сцементированные духовной или военной аристократией, вроде карфагенской или римской» [3, с. 430]. Ко второй группе относятся демократии (республики), которые В.В. Берви-Флеровский подразделяет на бюрократические и федеративные. Инстинктивные организации всегда основаны на эксплуатации человека человеком, они развращают людей, понижают их нравственный и умственный уровень. Такие государства всегда крайне нестабильны. В них зачастую для укрепления государственности использовался «религиозный инстинкт, наиболее могущественный из всех инстинктов, способных сцементировать государство. Вера, передаваясь из поколения в поколение, вызывала неизменное повиновение теократической власти, господствовавшей над государством» [3, с. 427]. Но религия «разошлась с политикой», после чего государства «слагались и разлагались своим путём, а религии – своим» [3, с. 427].

Инстинктивные государства всегда несправедливы, хотя на определённом этапе способствуют прогрессу. Тем не менее, они «порождают неизбежное и неустанное стремление людей перейти к формам, сцементированным солидарностью» [3, с. 428]. Иначе говоря, вся «социально-политическая история человечества заключает в себе прогрессирование от инстинктивных к сознательным организациям», которое связано «с умственным пробуждением народов» и начинается в политической сфере [3, с. 429]. Проявляется оно преимущественно в ограничении власти монарха. При развитии политического самоуправления бюрократической и федеративной демократии предшествовали аристократические и буржуазные конституции. «Создавались целые ряды систем, которые не могли удержаться… потому что они в том или другом виде вводили начало эксплуатации народа привилегированными классами» [3, с. 453]. В конечном итоге к середине XIX в. народы западной цивилизации совершили «переход к конституционному управлению», которое также не было лишено недостатков. «Европейские конституции, предоставив имущему классу общественное управление совместно с государями, создали такой порядок», при котором власть превращается в средство распределения собственности и в орудие эксплуатации» [3, с. 483]. Когда капиталисты получили в руки политическую власть, они «воздвигали над обществом такой деспотизм, который мало уступал деспотизму неограниченных государей» [3, с. 437]. Сталкиваясь с недостатками конституционного управления и постепенно устраняя их, народы «шли все далее, пока не достигли федеративного демократического» [3, с. 431].

Федеративная демократия (республика) создана в Соединённых Штатах Америки. В этом плане они являются для западной цивилизации образцом политического прогресса. Западная Европа конца XIX в. не достигла их уровня, т. к. на её территории возникли преимущественно бюрократические, а не федеративные республики. Бюрократическая республика, по мнению В.В. Берви-Флеровского, по своему уровню стоит много ниже федеративной, поскольку подразумевает не самоуправление народа, объединённого в территориальные общины, а управление страной из единого центра посредством разветвлённого, иерархически организованного бюрократического аппарата [3, с. 480].

Таким образом, в целом прогресс в политической сфере жизнедеятельности общества связан с превращением инстинктивных политических организаций в сознательные. Если в «государствах застоя» власть и эксплуатация «сосредотачивалась в руках одного лица – в лице государя; то прогресс опускал её ниже и переводил её в руки духовенства и аристократии; дальнейший прогресс в Риме и т. п. перевёл её в руки плебеев; современная наука перевела её в руки третьего сословия – буржуазии». В конечном итоге власть долж-

на перейти в руки самоуправляющегося народа, организованного в общины по территориальному принципу. Политическая организация должна дойти «от самых узких сфер деспотической монархии до сознательной организации федеративной демократии» [3, с. 477].

Политическое развитие, с позиций В.В. Берви-Флеровского, должно дополняться социальным и нравственным. Вершиной социальной организации для учёного является сознательная социальная организация, представленная коммунистической общиной, которая основывается на общественной (публичной) собственности на все средства производства. Примером такой организации, хотя и во многом несовершенным, является российская крестьянская община, решающая все вопросы не большинством голосов, а по общему соглашению [3, с. 471]. Для широкого распространения таких общин, по мнению В.В. Берви-Флеровского, необходимо введение публичной собственности на землю и прочие орудия труда, передача их в собственность общин. Именно ликвидация частной собственности «составляет окончательную, но неизбежную цель социальных организаций», поскольку является единственным способом положить конец эксплуатации человека человеком. Каждое государство при любом политическом устройстве может немедленно ввести у себя институт вещей публичного права (на крепости, гавани, города, больницы, учебные заведения и т. д.), постепенно распространяя его, «пока все предметы эксплуатации не будут поглощены общественными учреждениями» [3, с. 482].

Кроме того, В.В. Берви-Флеровский проводит мысль, что для возникновения коммунистических общин необходим крайне высокий нравственный уровень объединяющихся в неё людей, достаточный как минимум для того, чтобы сообща воспитывать детей общины. Правда, само новое качество этой нравственности определяется им довольно невнятно: «Нравственный уровень вступающих в общину должен быть так высок, чтобы каждый из них не только был способен относиться к детям общины, как относятся родители к своим собственным детям, но чтобы у него была высока нравственная потребность иметь такое семейство-общину, чтобы потребность в таком излиянии сердечной нежности была основным условием его благополучия» [3, с. 440].

Из всего вышесказанного ясно следует, что идеалом общественного устройства Берви-Флеровский считал коммунистическое общество, поскольку именно коммунизм – это «высшая, наиболее нравственная форма общественного сожительства, которая не может быть установлена законом, силой» [3, с. 441].

Такое общество должно быть основано на достаточно высоком уровне производительности труда; на публичной собственности на все средства производства; на идеях равенства, солидарности и помощи сильного слабому. Не углубляясь в эту проблему, отметим, что характеристика представлений В.В. Берви об идеальном обществе и путях его построения уже довольно подробно описана в отечественной литературе [8, с. 202–225].

В целом, взгляды В.В. Берви-Флеровского на государственность развивались в традиционном для народничества русле сочетания идеи общинного социализма с идеями европейского утопизма. Проводимая В.В. Берви мысль о вторичности политических институтов для общественного прогресса в сравнении с нравственным воспитанием также во многом типична для народничества, отмечавшего служебную роль государства в обществе [9, с. 94].

Теория возникновения государства В.В. Берви-Флеровского, по мнению В.А. Малинина, представляет собой своеобразное истолкование договорной концепции происхождения государства, которая в 1870-е годы также была довольно популярна в народнических кругах (П.Л. Лавров и др.) [7, с. 260–261]. Следует отметить также, что на представления В.В. Берви о правах государства некоторое влияние оказали утилитаристские идеи И. Бентама об общественной пользе.

Литература

1. Берви-Флеровский, В.В. Свобода речи, терпимость и наши законы о печати [Текст] / В.В. Берви-Флеровский. – СПб. : Тип. Н. Неклюдова, 1869. – 197 с.
2. Берви-Флеровский, В.В. Азбука социальных наук [Текст] / В.В. Берви-Флеровский. – СПб. : Типография В. Нусвальта, 1871. – Ч. 1. – 299 с.
3. Берви-Флеровский, В.В. Азбука социальных наук [Текст] // Избранные экономические произведения : в 2 т. / В.В. Берви-Флеровский. – М. : Изд-во соц.-экономич. лит-ры, 1959. – Т. 2. – С. 349–529.
4. Берви-Флеровский, В.В. Философское основание права на взимание податей // Исследования по текущим вопросам [Текст] / В.В. Берви-Флеровский. – СПб. : Типография В. Нусвальта, 1872. – 245 с.
5. Грищенко, О.Н. В.В. Берви-Флеровский и его философские взгляды [Текст] / О.Н. Грищенко, Т.Н. Емельянова. – Красноярск : Изд-во «Экспресс-Офсет», 2008. – 136 с.
6. Дружинин, Н.М. Исторические взгляды В.В. Берви-Флеровского [Текст] / Н.М. Дружинин // Проблемы истории общественного движения и историографии. – М. : Наука, 1971. – С. 312–329.
7. Малинин, В.А. Философия революционного народничества [Текст] / В.А. Малинин. – М. : Изд-во «Наука», 1972. – С. 338.
8. Подоров, Г.М. Экономические воззрения В.В. Флеровского [Текст] / Г.М. Подоров. – М. : Госполитиздат, 1952. – 236 с.
9. Скакун, О.Ф. Политические и правовые идеи революционного народничества [Текст] / О.Ф. Скакун // Советское государство и право. – 1984. – № 5. – С. 94–99.

Актуальные вопросы всеобщей истории и истории международных отношений

ББК 63.3(4)
УДК 94(410)

В.Н. ЕРОХИН

V.N. YEROKHIN

КАТОЛИЦИЗМ В АНГЛИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

CATHOLICISM IN ENGLAND IN THE FIRST HALF OF THE 17TH CENTURY

В статье рассматриваются основные направления деятельности английской католической миссии в стране в предреволюционные десятилетия XVII века и показано, что усилия английских католиков в это время были сосредоточены главным образом на том, чтобы сохранить свои позиции в условиях оказываемого на них давления со стороны протестантских властей.

The article deals with the main directions of the activities of the English Catholic mission in the pre-revolutionary decades of the 17th century. The author shows that during this period English Catholics mainly tried to preserve their positions in England under the pressure of Protestant authorities.

Ключевые слова: католицизм, Англия, XVII век, рекузанты, английская католическая миссия.

Key words: Catholicism, England, 17th Century, recusants, the English Catholic Mission.

В современной британской историографии сохраняется интерес к изучению положения католиков в Англии в первые десятилетия XVII века. Историки обращаются к деятельности английской католической миссии, рассматривают её организационную структуру, экономическое положение и социальный статус католического духовенства, различные группы в его среде отношение протестантских властей к существовавшему в стране католическому сообществу. На основе опубликованных к настоящему времени исследований можно составить лишь общее представление об английском католицизме в XVII веке, хотя практически все вопросы в изучении английского католического сообщества, представляющиеся к настоящему времени важнейшими, не остались без внимания британских историков. Неизученной остаётся подготовка английских католических священников в семинариях и монастырских орденах в XVII веке, богословская и полемическая литература, созданная английскими католиками, и её связь с полемикой, которая шла среди католиков во Франции и на континенте, история английских монашеских орденов и английской провинции общества Иисуса, анти-иезуитское движение и братства в среде белого духовенства, деятельность епископальной организации после её создания.

Как считает Дж. Эйвлинг, в XVII веке в английском обществе произошла вторая протестантская Реформация (если иметь в виду всплеск сектантского движения в середине XVII века) и вторая католическая Контрреформация, в процессе которой английские католики глубже восприняли влияния, исходившие от континентального католицизма. Английское католическое сообщество в 1603–1642 годах, с одной стороны, сталкивалось с трудностями, с другой, пережило интенсивное религиозное возрождение и приток новообращённых, главным образом из числа интеллектуалов и аристократов.

С начала XVII века в Англии стало более ощутимым влияние континентальной Контрреформации.

Были также дополнительные причины тому, чтобы Англия стала особенно восприимчивой к культурным влияниям католической Европы. Политику Контрреформации поддерживали самые сильные в военном отношении европейские государства, и в ходе Тридцатилетней войны (1618–1648) у современников, бывало, создавалось ощущение, что европейский протестантизм обречён. Дж. Эйвлинг считает, что латинская культура Контрреформации превосходила английскую в первые десятилетия XVII века по яркости и привлекательности. Из католических стран англичан более всего привлекала Франция. Немаловажно, что католицизм исповедовали жена Якова I Стюарта (1604–1625) Анна Датская, жена Карла I Стюарта (1625–1649) француженка Генриетта Мария, что стимулировало интерес к католицизму при английском дворе. И это происходило в стране, в которой законодательно утвердился протестантизм. В среде английской знати распространилась мода на портреты, написанные французскими и фламандскими художниками-католиками, на французские романы и памфлеты во французском стиле, а пьесы в театрах строились на французских и испанских сюжетах. Верхушка английского общества пила привезённые с континента кларет, испанское белое вино или портвейн. Стиль одежды, включая военную, был французским. Французский язык использовался в дипломатии, по-французски разговаривали в присутствии слуг [1, p. 74].

В первые десятилетия XVII века в Англии численность католического сообщества увеличивалась и оно превращалось в энергичное религиозное меньшинство. Католическая миссия в Англии в то время становилась всё более организованной, хотя в ней нарастала напряжённость в отношениях между белым духовенством и монашеством, особенно из ордена иезуитов. С начала XVII века численность монашества в английской миссии возрастала, и это касалось как иезуитов, так и бенедиктинцев, доминиканцев, францисканцев. В деятельности монахов дух контрреформационного католицизма проявлялся сильнее, хотя требования белого духовенства о сохранении роли католической иерархии тоже соответствовали характерному для Контрреформации подчёркиванию пасторской роли епископов. У современников в начале XVII века было ощущение, что католицизм в Англии переживает подъём, хотя впоследствии историки, изучавшие предреволюционные десятилетия, склонились к мнению, что английский католицизм к 1603 году был уже истощённой силой, отработавшей свои исторические роли и не вернувшей себе влияния в стране [2, p. 58–59; 3]. Состояние источников таково, что возможен только оценочный, приблизительный подсчёт количества католиков в Англии в середине XVII века. Один из самых известных специалистов в изучении английского католицизма Дж. Босси определяет численность английских католиков накануне революции середины XVII века примерно в 60 тыс. человек вместе с семьями [6, p. 188].

В основных районах распространения католицизма в Англии (на севере страны) в этот период происходил рост числа рекузантов (recusants, букв. «отказники») – лиц, отказывавшихся посещать службы в католической церкви [4]. В начале XVII века была велика роль джентри и знати в упрочении положения католицизма в Англии, старавшихся поддерживать католиков из числа своих слуг и арендаторов. Относительно больше влияния католические лендлорды имели на севере Англии. В городах существование католического сообщества испытывало опосредованное влияние джентри, имевшего городские дома. Католицизм в городской среде был распространён в основном среди ремесленников [2, p. 58–59].

На рубеже XVI–XVII веков в Англии стала возрастать численность иезуитов: в 1593 году было всего 49 английских иезуитов, но только 9 человек из этого общего числа служили в Англии. В 1610 году в Англии уже находилось 53 иезуита, а всего иезуитов-англичан было 120 человек, начала форми-

роваться английская провинция ордена. К 1641 году численность иезуитов-англичан возросла почти до 400 человек, 180 из которых находились в Англии. Белое духовенство обвиняло иезуитов в намеренном соблазнении католических священников к переходу в иезуиты для того, чтобы можно было создать английскую провинцию ордена [1, p. 77].

С 1600 года римская курия дала разрешение служить в английской миссии монахам-бенедиктинцам из числа англичан. Они стали создавать английскую конгрегацию бенедиктинского ордена, против чего возражали иезуиты, но конгрегация была всё же создана в 1619 году. Характерной чертой бенедиктинцев было тяготение к уходу от всякой деятельности в миру. В 1619–1633 годах на ситуации в бенедиктинском ордене сказывалась борьба между Францией и Испанией за то, кто возглавит движение Контрреформации в Европе, и в ордене образовались профранцузская и происпанская фракции [1, p. 80–81].

После 1617 года Джон Дженнингс воссоздал в Англии ещё и францисканский орден. Среди англичан появились также монахи-доминиканцы. Этот орден с 1580-х годов конфликтовал с иезуитами по всей Европе. Доминиканцем стал английский аристократ Филипп Хауэрд, семья которого имела такие средства, что был основан английский доминиканский монастырь в Борнхеме во Фландрии, но авторитет он приобрёл только в 1670-е годы. Английские монахи, служившие ещё в двух орденах – капуцины и кармелиты, – в понимании своего служения тяготели к умозрительности, а не к активной деятельности

К 1610 году количество учебных заведений, которые готовили к возведению в духовный сан и руководство которыми осуществляли католики, достигло 11. Это были колледжи для белого духовенства в Дуэ, Риме, Вальядолиде, Севилье, Мадриде, центры белого духовенства в Сан Лукаре и Лиссабоне, иезуитский колледж в Сент-Омере, иезуитский новициат в Лувене, два небольших бенедиктинских новициата в Дуэ и Дьелуаре. Англичане возводились в сан также и в других католических учебных заведениях, в неанглийских монастырях бенедиктинцев, францисканцев, капуцинов, минимов, августинцев, доминиканцев, кармелитов, ораторианцев.

Предполагалось, что в составе английской миссии будут представители белого духовенства, иезуиты, подготовленные иезуитами «игнацианцы» (воспитанники ордена, основанного Игнатием Лойолой), остававшиеся в составе белого духовенства, допускалось и присутствие монахов других орденов, но это не привело к миру в английской миссии. Отчуждение между белым духовенством и иезуитами усиливалось, и одним из проявлений и в некотором смысле стимулятором этого раскола была агрессивная линия в отношении иезуитов, которую проводил назначенный к служению в Англии епископ Ричард Смит. К 1642 году анти-иезуитские силы имели в английской миссии значительный численный перевес. Английские францисканцы создали провинцию в 1623 году, доминиканцы – с большим трудом в 1650-е годы, а другим католическим орденам этого в Англии сделать не удалось [5, p. 125–127].

Установлено, что после 1619 года в английской миссии увеличилось количество католических священников, прошедших ускоренный курс обучения, и такие священники были не лучше или только чуть лучше подготовлены по сравнению с не имевшими университетского образования англиканскими священниками. С начала XVII века англикане и католики критиковали уровень требований друг друга, предъявлявшихся к соискателям богословских учёных степеней, но в то же время ни те, ни другие прямо не отвергали действительность этих степеней. С 1597 года римская курия добивалась, чтобы студенты обучались в течение не менее 4 лет для получения степени бакалавра и ещё 4 года для получения степени доктора богословия, и в английской семинарии в Дуэ это распоряжение соблюдалось. По мнению исследователей, если сравнивать англиканскую и католическую систему подготовки кадров, теоретически католическая система была лучше ор-

ганизована, сильнее вовлечена в международные связи при получении образования. И англиканское, и католическое духовенство активно боролось с притязаниями женщин на право голоса в религиозных делах – женщины особенно активизировались в постреформационные десятилетия. Женская религиозность воспринималась в это время как опора суеверия, и активизация женщин в религиозных делах воспринималась современниками в целом как одно из проявлений общественного зла и недостатков неспокойного времени [5, p. 129–131].

К середине XVII века на континенте было более ста различных религиозных общин, школ, интернатов, созданных английскими католиками, и более 40, созданных ирландскими католиками, примерно дюжина, созданная шотландскими католиками. Большинство из них находились в испанской Фландрии. Было выявлено, что испанский контрреформационный католицизм не принимался англичанами, вследствие чего связи с Испанией в течение XVII века слабели. Итальянский климат большинство англичан считали тяжёлым, и в этой стране жило мало английских католиков – только из соображений престижа в Риме действовали английские семинария и женский монастырь, шотландская семинария, ирландские семинария и два монастыря. На территории Англии женские монастыри тайно создавали в Лондоне и на севере в Йоркшире в 1620–1630-е годы, а также в годы гражданской войны. В женских монастырях происходили конфликты относительно по вопросу перехода под духовное руководство иезуитов [1, p. 93, 100].

Английские католики сталкивались с трудностями в управлении единоверцами. Например, было трудно отчислить из семинарии даже при низких учебных показателях сына того, кто давал средства для этой семинарии. В английской миссии разрешали даже монахам сохранять право на пользование наследством, что делало миссионеров независимыми, приводило к нарушениям дисциплины [5, p. 115].

В период с 1598 года по 1642 год примерно 5 тыс. англичан стали католиками в эмиграции, что для тех лет было заметным явлением. В это же время около 20 тыс. англичан уехали в Америку из-за распространения влияния пуританства [1, p. 98].

Английское католическое белое духовенство 1600–1642 годов Дж. Эйвлинг называет «находившимся в депрессии меньшинством»: наиболее способные его представитель шли в монахи. Белое духовенство финансово зависело от джентри. Представители белого духовенства часто служили в бедных районах страны. Лучшие места в миссии принадлежали иезуитам, монахам. Безработных католических священников можно было найти в Лондоне, что успевали заметить в 1630-е годы даже иностранные наблюдатели. Многие семейства католического джентри, даже из числа рекузантов, предпочитали не иметь постоянного священника, а пользоваться услугами периодически приезжавших – это было дешевле, а зачастую также духовно комфортнее [1, p. 112].

Из переписки в католической миссии предреволюционных десятилетий XVII века известно, что многие из числа белого духовенства с большим раздражением относились к воспитанникам иезуитов – игнацианцам. Белое духовенство, как считают исследователи, уступало по уровню подготовки выпускникам семинарий, руководство которыми осуществляли иезуиты, было часто ниже их по социальному происхождению и больше подходило для службы среди социальных низов. В начале XVII века важнейшей целью белого духовенства в Англии было установление нормальной католической иерархии епископов, которые должны были быть назначены из среды белого духовенства. В подчинение епископам, согласно этим планам, должны были перейти религиозные ордена и светские патроны-аристократы. Назначавшиеся прежде из Рима с 1598 года для руководства миссией Верховные священники не имели полномочий епископа и власти над светскими патронами и религиозными орденами [1, p. 113–117].

В начале XVII века заметным явлением был быстрый рост католицизма среди высших классов при дворе и в стране [1, p. 122]. До 1603 года рекузанты и даже лица, имевшие жён-рекузанток, не допускались ко двору для службы. Яков I придерживался идеи о том, что конфликт между католиками и протестантами может быть решён поглощением католицизма расширившим свои идейные рамки и ещё более реформированным протестантизмом, но, как считает Дж. Эйвлинг, «замысел был великолепен, а человек, выдвинувший этот план, а также исполнение этого плана, были неполноценны». Яков I привлекал католиков на важные государственные должности, настаивая, чтобы они внешне были лояльны к церкви Англии. Католик Генри Спиллер, женатый на католичке-рекузантке, был даже назначен ответственным в государственном казначействе за сбор штрафов с рекузантов. В 1603 году в Англии исследователи выявили 8–9 католических пэров, а в 1625 году их уже было 18 человек [1, p. 123].

При этом власти в правление Якова I также предпринимали меры, побуждавшие католиков к переходу в протестантизм. В частности, был принят закон, по которому становившийся конформистом наследник отца-католика освобождался от долгов отца государственному казначейству в платежах за рекузантство [6, p. 151].

После Порохового заговора 1605 года протестантские власти в Англии предприняли дополнительные меры для обеспечения политической лояльности католиков в Англии. Одной из таких мер стала клятва о верности королю 1606 года, содержавшая формулировки, неприемлемые для католиков из-за отрицания в них власти и авторитета папы [7, p. 106; 1, p. 117–118; 8, 9]. Большинство католических священников отказались от клятвы о верности королю, хотя в среде католического джентри было немало тех, кто её принял. Отказ от принятия этой клятвы, как считает Дж. Босси, опять сплотил английских католиков. Пороховой заговор привёл также к усилению финансового давления на них. Штрафы, взимавшиеся с рекузантов, резко возросли от 2 тыс. фунтов в 1605 году до 10 тыс. фунтов в 1606 году, власти стали активнее искать и выявлять приверженцев католичества [6, p. 39; 10]. Поначалу клятву о верности королю 1606 года власти требовали принести не очень настойчиво. Затем давление усилилось после убийства католиками французского короля Генриха IV в 1610 году, хотя представители английской католической знати, как известно по сохранившимся свидетельствам, откупались от принесения этой клятвы [7, p. 148; 4, p. 214–215; 8, 9; 11, p. 159–183].

В 1606 году против католиков были приняты два законодательных акта. «Акт в целях лучшего обнаружения и подавления папистов-рекузантов» предусматривал, что не подходящие к причастию католики будут за это штрафоваться на 20 фунтов в год. У тех католиков, которые уже платили за непосещение церкви 260 фунтов в год, разрешалось вдобавок к этому забирать две трети имущества и земли, даже если они вовремя платили штрафы. Было также постановлено, что ни одно лицо, уже осуждённое в качестве рекузанта, не могло появляться при дворе или заниматься медициной без специальной лицензии. Рекузанты и те лица, у которых исповедовала католицизм жена, не могли впредь занимать публичные должности, но в последующие годы всё же многие государственные служащие имели жён-католичек. К 1614 году казначейство получало от рекузантов в виде штрафов примерно 8 тыс. фунтов стерлингов в год – предположительно, это не вся сумма, реально выплачивавшаяся католиками. В дальнейшем преследования католиков в Англии зависели от привходящих факторов, связанных с внутренней и внешней политикой Англии, в том числе и с причудами самого короля. В связи с переговорами о браке принца Карла в Испании, затем во Франции преследования католиков смягчались, но финансовое давление возрастало [2, p. 45, 50–53; 12, p. 251–262].

Организация, созданная иезуитами, и режим управления во главе с Верховным священником просуществовали в единых организационных рамках до 1602 года, а затем у белого духовенства стала формироваться своя ор-

ганизация, иезуиты же стали развивать свою. С 1623 года существовала отдельная провинция ордена иезуитов в Англии во главе с Ричардом Блаунтом, подразделявшаяся на 12 дистриктов. Провинциал ордена жил в Лондоне или в его окрестностях, поддерживал связи с руководителями дистриктов. Иезуиты были обычно хорошо укрыты в домах джентри и знати [2, p. 64].

По мнению Дж. Босси, разделение миссии в 1602 году на иезуитов и белое духовенство привело к запутанности, дублированию в деятельности английских католиков, ограничило возможности расширения католического сообщества. К середине XVII века деятельность английской католической миссии в своих целях стала смещаться от решения задач по расширению миссии к её стабилизации. Это повлекло за собой всё более экономное использование средств и людей, ослабление усилий в миссионерской деятельности, особенно в территориально удалённых районах страны. Произошло уменьшение численности католиков в среде простого народа. Католическое джентри, во многом подчинившее в это время католических священников, поставив их себе на службу, обеспечило священникам приют и относительно большую безопасность, чем способствовало сохранению английского католического сообщества, хотя численный его состав и уменьшился [6, p. 280–283].

В связи с женитьбой принца Карла на французской принцессе Генриетте Марии в 1625 году в Англию был назначен епископ. Рим долгое время не реагировал на просьбы английского белого духовенства о назначении епископа в Англию, возможно, считая, что английские власти могут истолковать назначение в страну епископа из Рима как провокацию. В течение двух лет после вступления на престол Карла I католицизм имел большие возможности для открытого исповедания при дворе, что вызвало в итоге волну протестантского гнева. Католиков стали активнее облагать штрафами, но, с другой стороны, уплатившим штрафы уже не досаждали власти. В 1623–1631 годах двумя последовательно управлявшими в Англии католическими епископами Халкедонскими (наименование епархии было намеренно выбрано не совпадающим с традиционными английскими названиями), назначенными Римом, были Уильям Бишоп и Ричард Смит. Притязания Смита на расширение полномочий епископа, восстановление католической церковной юрисдикции, в том числе и церковных судов, привели к тому, что не без влияния видных английских католиков власти в начале декабря 1628 года выпустили прокламацию об аресте епископа Ричарда Смита с обвинением его в государственной измене. Обвинение распространялось также на лиц, которые его укрывали. Поэтому с начала 1629 года Смит стал жить во французском посольстве, а 24 августа 1631 года вынужден был выехать во Францию, где его устроил в церкви кардинал Ришелье [6, p. 55–59]. В результате отъезда епископа Ричарда Смита из Англии после 1631 года в XVII–XVIII веках создались условия для окончательного установления господства джентри в английском католическом сообществе. Католики в Англии стали превращаться в сообщество, которое Л. Стоун назвал «сектой, состоявшей из представителей высших классов», но без всякой иерархии в среде католического священства [13, p. 731].

Накануне гражданской войны в Англии был силён страх перед католицизмом, но никто не знал даже приблизительно, сколько там католиков. Главными виновниками всех их дурных намерений считали влияние папы и иезуитов, и в Англии не утвердилось мнение о том, что сплошь все католики – предатели [2, p. 80–82]. Но англичане считали коварство католиков и иезуитов столь многогранным, что связывали с их происками различные новые, необычные явления общественной жизни. В середине XVII века пуританин Уильям Принн даже предполагал в появлении различных политических и религиозных радикалов, в том числе левеллеров, католическую провокацию [2, p. 82–83]. Вместе с тем длительное сосуществование в Англии католического и протестантских религиозных сообществ создало предпосылки для отличающего английскую культуру терпимого отношения к адептам различных религиозных традиций.

Литература

1. Aveling, J.C.H. The Handle and the Axe. The Catholic Recusants in England from Reformation to Emancipation [Text] / J.C.H. Aveling. – London, 1976.
2. Dures, A. English Catholicism, 1558–1642 [Text] / A. Dures. – Harlow, Essex, 1983.
3. Trimble, W.J.R. The Elizabethan Catholic Laity [Text] / W.J.R. Trimble. – Harvard University Press, 1964.
4. Aveling, J.C.H. Northern Catholics: the Catholic Recusants of the North Riding of Yorkshire, 1558–1790 [Text] / J.C.H. Aveling. – London, 1966.
5. Aveling, J.C.H. The English Clergy, Catholic and Protestant, in the 16th and 17th Centuries [Text] / J.C.H. Aveling // Rome and the Anglicans: Historical and Doctrinal Aspects of Anglo-Roman-Catholic Relations. – Berlin ; New York, 1982.
6. Bossy, J. The English Catholic Community, 1570–1850 [Text] / J. Bossy. – London, 1975.
7. Questier, M. Conversion, Politics and Religion in England, 1580–1625 [Text] / M. Questier. – Cambridge, 1996.
8. Sommerville, J.P. Jacobean Political Thought and the Controversy over the Oath of Allegiance [Text] / J.P. Sommerville. – Cambridge University PhD, 1981.
9. Gifford, J.V. The Controversy over the Oath of Allegiance [Text] / J.V. Gifford. – Oxford University PhD, 1971.
10. Dietz, F.C. English Public Finance, 1558–1641 [Text] / F.C. Dietz. – New York, 1943.
11. Ryan, C.J. The Jacobean Oath of Allegiance and English Lay Catholics [Text] / C.J. Ryan // Catholic Historical Review. – 1942. – Vol. 28.
12. La Rocca, J.J. James I and his Catholic Subjects, 1606–1612: Some Financial Implications [Text] / J.J. La Rocca // Recusant History. – 1987. – Vol. 18.
13. Stone, L. The Crisis of the Aristocracy [Text] / L. Stone. – Oxford, 1965.

ББК 63.3
УДК 930.1

В.В. МИРОНОВ

АНГЛИЙСКАЯ ШКОЛА ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

V.V. MIRONOV

ENGLISH SCHOOL OF THE THEORY OF THE INTERNATIONAL RELATIONS AND STUDYING OF THE HISTORY OF RUSSIAN FOREIGN POLICY

Статья посвящена исследованию специфики английской школы теории международных отношений. Выделяются основные этапы становления школы, вклад Ч. Мэннинга, М. Уайта и Х. Булла в формирование концепции международного общества, показывается роль внешней политики России в магистральной проблематике исследований, выявляются противоречия во взглядах учёных по этому вопросу.

In the article the specificity of English school of the theory of international relations is considered. The main stages of genesis of the school as well as the contribution of C. Manning, M. Wight and H. Bull to the formation of the international society concept are described. The author shows the role of Russian foreign policy in the basic problem field of research, the contradictions in the researchers` views on this point are revealed.

Ключевые слова: Ч. Мэннинг, М. Уайт, Х. Булл, английская школа, теория международных отношений, международное общество, историография, внешняя политика.

Key words: C. Manning, M. Wight, H. Bull, English school, theory of international relations, international society, historiography, foreign policy.

Важное место при изучении теоретических аспектов исследований международных отношений имеет сравнительный анализ, представленный в различных научных традициях и школах. Частично это можно объяснить тем, что российская школа международных отношений не сложилась и всё ещё находится в процессе своего становления. Обороной стороной отсутствия идейного консенсуса среди учёных – отличительного маркера национальной школы и своего рода собственного теоретического «лица» – является ставка российских международников на сугубо эмпирические исследования. Либо, наоборот, в их работах обнаруживается повышенный интерес к заимствованию и адаптации зарубежных теоретических наработок.

Следует также отметить, что если в конце XX века российская наука оказалась по вполне понятным причинам в «парадигме освоения» зарубежного опыта, то в начале века XXI века знакомство с методологическими подходами иностранных коллег в условиях многообразия школ и направлений сместило акценты в другое направление: сегодня российских международников интересует не разработка теории, а прикладная адаптация наиболее любопытных методик, что также в отрыве от контекста может создать ряд проблем при механическом заимствовании знания.

Интерес к обозначенной тематической области подогревается ещё и тем, что собственные научные школы международников сложились далеко не в каждой стране, а наука в принципе не знает национальных границ. Так или иначе, но сегодня принято говорить об американской школе международных исследований, в основе которой лежат идеи такого влиятельного научного направления, как «политический реализм», и пристальное внимание к вопросам современной мировой политики. Французская социологическая школа сформировалась из двух основных источников – социологии Раймо-

на Арона и полемологии Гастона Бутуля. Копенгагенская школа изучения проблем международной безопасности, Стокгольмский институт изучения проблем мира и английская школа теории международных отношений также считаются вполне автономными научными школами, характеризующими национальные научные традиции.

Цель данной статьи – показать, как прикладное изучение внешней политики страны отражало некоторые концептуальные проблемы внутри английской школы. Иначе говоря, предметом работы выступает не адаптация общетеоретических концептов к изучению внешней политики России, а анализ последствий расхождения во взглядах британских исследователей как индикатор развития и этап формирования своеобразной научной традиции.

Великобритания относится к числу стран, где рано стали формироваться собственные научные центры в сфере изучения международных отношений. Предметом широкого общественного интереса внешняя политика стала в XIX веке. А в конце этого века были открыты исторические архивы с дипломатическими документами для знакомства историков. Это трансформировало изучение внешней политики из предмета общественного интереса в сторону формирования профессионального сообщества. После первой мировой войны в стране возникают собственные исследовательские центры и научные кафедры по международным отношениям. Первым стал центр имени В. Вильсона в университете Эйберствит (Уэльс) в 1919 году, а вторым – кафедра международных отношений Лондонской школы экономики и прикладных политических исследований, созданная в районе 1924 года. С последним центром связывается и формирование английской теоретической традиции. Более точно установить дату формирования кафедры не представляется возможным, да и нет в этом особой необходимости, так как процесс оформления школы был связан не с формальным решением о создании, а с преподавательской деятельностью одного из сотрудников кафедры – Чарльзом Мэннингом.

По воспоминаниям Алана Джеймса, профессором Мэннинг стал где-то в районе 1930 года и занимал этот пост вплоть до своей отставки в 1962 году [9, p. VI]. Мэннинг не был первым английским профессором по международным отношениям, но именно благодаря его деятельности Лондонский центр занял особое место на британской академической карте. На протяжении многих лет работы в школе профессор оставался скорее влиятельным преподавателем и организатором, чем учёным-новатором по международным отношениям.

Сохранившиеся его работы представляют собой краткие лекционные курсы по политике британских доминионов в Лиге Наций [6], по мирному решению проблем в международных отношениях [8] либо сборники статей, где Мэннинг выступал в качестве редактора [7]. Хотя здесь звучали некоторые отдельные идеи, характерные для английской школы в дальнейшем, но указанные труды привлекают внимание, в первую очередь, именами известных учёных, принимавших участие в обсуждении международных проблем (среди них – известный историк А. Тойнби, политолог К. Мангейм, правовед Г. Лаутерпахт), а не системой взглядов самого Ч. Мэннинга.

После второй мировой войны кафедра Мэннинга выросла до шести полных ставок преподавателей, а сам профессор большую роль уделял работе со студентами, в силу чего курс «Международные отношения» пользовался большой популярностью. Наиболее полной его работой в послевоенные годы стала вышедшая незадолго до его ухода из Лондской школы экономики книга «Природа международного общества», выросшая генетически из курса лекций, который сам Мэннинг называл «Структура международного общества» [9, p. VI]. А многие преподаватели работали в школе под безусловным влиянием его идей.

Одним из реципиентов взглядов Мэннинга был и Мартин Уайт, которого первый пригласил работать в Лондонскую школу экономики в послевоенные годы. Уайт также по праву считается одним из отцов-основателей британской интеллектуальной традиции теоретического анализа международных отношений.

Мартин Уайт (1913–1972) родился в профессорской семье в Оксфорде. Поэтому выбор места получения образования для будущего учёного проблемы не представлял. По окончании университета в 1935 году Уайт начинает научную карьеру по новой истории в Колледже Хертфорд, где его наставником становится известный британский историк сэр Герберт Баттерфильд. Возможно, благодаря участию последнего с 1936 по 1938 годы, а затем ещё раз после второй мировой войны с 1946 по 1949 годы Мартин Уайт параллельно с работой в Оксфорде сотрудничал с Королевским институтом изучения международных отношений. В послевоенные годы он даже был в совете этого института, что, учитывая не очень долгий опыт работы, можно считать признанием его научных заслуг.

В 1949 году в издательстве Королевского института по международным отношениям выходит его небольшая по объёму работа «Политика держав» – оригинальный памфлет, который стал карманным словариком для нескольких поколений английских студентов и, пожалуй, самой известной его работой [12]. В этой книге Уайт целиком и полностью уделил внимание проработке терминологии в сфере международных отношений. Считая, что разговор о них должен идти в строгом научном ключе (термин «сциентизм» он не употреблял), исследователь был вынужден и разобраться в ключевых категориях. Из их анализа и вырастает некоторое подобие теории.

Примечательно, что эта работа, будучи по существу первой теоретической, стала для международника и главной работой его жизни. Видимо, к этой книге Уайт возвращался на протяжении всей оставшейся жизни. Незадолго до смерти он писал: «Я думаю, что нужен окончательный вариант, в котором объединилось бы огромное количество моих работ, разрозненных статей и фрагментов, которые необходимо свести в одно издание. Это то, чего я жду от «Политики государств». Никсоновские решения по Китаю, вхождение Японии в число Великих держав и другие сюжеты создают необходимость для написания ещё одной главы» [13, p. 15]. К сожалению, сам Уайт эту работу закончить не успел. И в предисловии ко второму изданию этой книги Хедли Булл, осуществлявший редакторскую правку, отметил, что некоторые фрагменты были вставлены из неопубликованных рукописей М. Уайта [13, p. 15]. Таким образом, его ученики в память об учителе выпустили после его кончины вторую редакцию – более объёмную и существенно переделанную, – помимо первого издания 1949 года [14].

Хотя эссе в первоначальной редакции насчитывало всего 68 страниц, оно оказало глубокое воздействие на изучение международных отношений в университетах Великобритании. Более того, эта работа выходит почти в то же время, что и известная книга Г. Моргентау, от которой ведёт своё происхождение современная теория международных отношений. Конечно, в первоначальном виде по проработанности отдельных положений работа Уайта уступала труду Моргентау, но здесь впервые фиксируется переход от анализа отдельных исторических сюжетов к общей теоретической проблематике. К тому же, по меткому замечанию Барри Бузана, в ней содержался огромный исследовательский потенциал движения международного сообщества к мировому обществу [3, p. 44]. Это и стало основой рассуждений британской теоретической традиции о международных отношениях.

Ещё одним из «отцов-основателей» британской традиции теории международных отношений является Хейдли Булл (1932–1985). Как и Мэннинг, Булл по происхождению не был англичанином. Парадоксально, но из классиков, закладывавших основы британской школы, англичанином был лишь Уайт. Мэннинг был выходцем из Южной Африки; Булл – из Австралии.

Будучи по происхождению австралийцем, Булл поступает в университет в Сиднее, где планирует изучать историю и философию. Там же он попадает под сильное влияние профессора Джона Андерсена (1893–1962), основателя философии австралийского реализма. В последующем философский уровень рассуждений почти всегда был присущ работам Хейдли Булла.

В 1953 году он переезжает в Великобританию для изучения политологии в Оксфорде, а через два года становится ассистентом в Лондонской школе экономики, где и читал лекции Мартин Уайт. С 1965 года в течение двух лет Булл работал на Форин Офис и дослужился до начальника департамента по контролю за вооружениями и разоружением, что для иностранца было вовсе не таким уж простым делом.

С 1967 года он начинает преподавать и в университете Канберры. Там же в Австралии в Национальном университете сегодня находится и Центр исследований имени Х. Булла. С 1977 года он параллельно являлся ещё и профессором Оксфорда, где продолжал работать вплоть до своей смерти от рака в 1985 году, в Лондонской школе экономики. Центральной его работой, ставшей классикой британской теории, становится вышедшее в 1977 году исследование «Анархическое общество», где систематизируются главные теоретические положения всей концепции [1].

Если попытаться выделить основные стадии формирования английской школы теории международных отношений, то можно наметить следующие знаковые этапы:

1. От творчества преподавателей кафедры Лондонской школы экономики, начиная с 1930 годов, до создания в 1958 году Британского комитета по внешней политике.

2. Деятельность комитета в 1960–1980 годы. Здесь определёнными вехами в становлении школы были выход первой и единственной совместной теоретической работы «Дипломатические исследования» 1966 года – исследования, по праву считающегося первым манифестом английской теории. А завершающим период событием стал выход работы «Экспансия международного общества» 1984 года.

3. В 1981 году впервые появляется сам термин «английская школа», который символизировал осознание общности интеллектуальной традиции международников. Но примечательно, что одни исследователи заговорили в эти годы о распаде школы после кончины Х. Булла. Сторонники иной позиции, напротив, считают, что произошёл лишь поворот проблематики от анализа истории к социальной теории, а школа по-прежнему существует за счёт нового четвёртого поколения исследователей международных отношений.

Центральной категорией изучения международных отношений и стержнем британской теоретической традиции выступает концепция международного общества. Зарождению данной проблематики способствовали ранние работы М. Уайта, где он попытался проработать систему категорий в сфере изучения международных отношений [12]. Хотя доминирующим дискурсом этой работы был исторический, уже здесь просматривается желание Уайта создать собственный научный язык, о чём, например, свидетельствует интерес к международной, а не к английской внешней политике.

Некоторые исследователи считают подход Мартина Уайта «реалистским», что может создать некоторую иллюзию похожести его взглядов на одноимённое теоретическое направление международных исследований в науке США. Несмотря на личное знакомство с Гансом Моргентау – основателем политического реализма как направления – и годичную стажировку в Чикаго, по приглашению американского учёного, Уайт не был реалистом. Его взгляд на мир – это совокупность теоретической традиции европейской политической мысли и обобщения исторического опыта дипломатии Великобритании. Отсюда, например, пристальное внимание к балансу сил, роль которого в американском реализме отрицалась, а ставка делалась на анализ национальных интересов, отсюда и акцент на международный порядок, а не на международную систему. Поэтому в «Дипломатических исследованиях» он писал: «Ключевой вопрос международной теории – это природа международного общества и международного права» [4, p. 32].

Существенно большее значение, чем в реализме, Уайт отводил и истории. В своей статье «Почему не существует международной теории» исследо-

ватель отмечал, что в отличие от внутренней политики международные отношения – это царство повторов и репетиций», а история – это та область, которая не потеряет актуальности при изучении международных отношений [4, p. 26].

Кроме того, в отличие от внутриполитических процессов сфера международных отношений характеризуется отсутствием верховной власти. Поэтому анализ международной среды может быть осуществлён с помощью трёх разных интеллектуальных традиций, которые он обозначил как гроцианство, гоббессианство и кантианство. Спор о применении этих традиций породил целые поколения дебатов в английской школе. Булл, Бузан, Олдерсон и другие продолжили анализ влияния «западных» ценностей в международных отношениях, породив так называемые плюралистско-солидаристские споры, ставшие ещё и источником сциентистского преломления английской теоретической традиции. [1, p. 42–75; 3, p. 139–158; 5, p. 9–37].

В основе концепции международного общества лежит не анализ деятельности государства, а мир особых социальных ценностей в сфере международных отношений, формирующих специфический порядок. Лучшее определение международного общества в английской школе принадлежит Хейдли Буллу: «Общество государств или международное общество существует, когда группа государств, сознавая определённые общие интересы и общие ценности, формирует сообщество среди других разделяющих эти интересы и ценности для того, чтобы создать сеть правил в их отношениях и некоторые общие институты [1, p. 13.].

Таким образом, в основании международных отношений находится сеть правил, норм и ценностей, порождённых отсутствием верховной власти и служащих государствам в качестве механизма поддержания международного порядка. При этом под международным порядком в английской школе понимается не сложившийся тип социальных или межгосударственных отношений, а «модели деятельности, которые содержат элементы или основы целей сообщества государств» [1, p. 8].

При характеристике международного общества как ключевого концепта английской школы необходимо уделить внимание отличию этого понятия от термина «международная система». Для представителей школы, начиная с первого поколения её создателей эти понятия далеко не тождественны. И Мартин Уайт, и Хейдли Булл использовали в своих произведениях термин международная система, но в специфическом значении.

Истоки системности в международных отношениях им виделись не в популярной в научных кругах того времени работе Мортона Каплана, а в произведениях немецких историков Геттингенской школы XIX века. Для американского реализма международная система – это совокупность относительно разнообразных противоречий, в которой описываются внутренние отношения участников друг к другу [1, p. 12]. Английские авторы в системе видели не просто набор проблем и противоречий, сплачивающих государства вместе, но в первую очередь определённую степень контактов и взаимодействий. Иначе говоря, международное общество предполагает международную систему, однако сам факт существования системы не говорит о наличии международного общества. Например, Османская империя была частью европейской системы государств с Вестфальского мира 1648 года, но и к концу первой трети XX века в отношении Турции европейские страны отрицали наличие общих ценностей и интересов [1, p. 14]. Общей чертой международного общества было то, что оно основывается на общей культуре и цивилизации. Отсюда, оно представляет собой социальный, а не политический институт международной жизни.

Ещё одной альтернативой международному обществу как сообществу государств, разделяющих общие правила, нормы и ценности выступает концепт «мировое общество». Это понятие, по мнению Б. Бузана, находилось на периферии английской школы, но её развитие в конце XX века в рамках конструктивистской парадигмы современного научного знания позволи-

ло расширить предмет международных исследований за счёт проблематики перехода общества первого к обществу второго порядка: от сообщества международного к мировому обществу [3, p. 44]. Таким образом, мейнстрим развития международных отношений, по мысли английских теоретиков, находился от создания международной системы к международному обществу и от последнего к обществу мировому.

Каким образом шёл процесс формирования такого общества? Начиная с Мэннинга и Уайта, представители британской традиции считали, что в основе международного общества лежат нормы и ценности Запада [4, p. 89–130]. Сформировавшись как европейское общество с его дипломатией, уважением к международному праву, специфической этикой, анализу которой британские историки уделяли немало внимания, балансом сил, общество начинает экспансию за пределы Европы, втягивая в свою орбиту все остальные государства земного шара.

Сформулировав такую гипотезу в «Дипломатических исследованиях», английская школа должна была разрешить в дальнейшем двойственную задачу. С одной стороны, провести историческую проработку деталей, поскольку в основе идеи международного общества лежало серьёзное философское начало; с другой, – осуществить анализ норм ценностей и институтов внутри современного международного общества. Здесь был необходим не столько исторический, сколько социологический инструментарий. В конечном счёте специализация на этих направлениях привела к своеобразному расколу в школе, который почувствовали уже классики. Уайт был сторонником свободного, самостоятельного выбора тем и индивидуального проведения исследований, а Булл настаивал на сохранении формата работы Британского комитета по внешней политике и практики написания совместных монографий. В итоге после смерти Уайта в 1972 году и до своей кончины в 1985 Булл стал председателем Комитета и сумел реализовать ряд коллективных проектов.

Показателем проблем в развитии школы может выступать и российская проблематика в спектре коллективных исследований британских авторов. Тематика России в целом не относилась к числу наиболее приоритетных тем школы. Вместе с тем сформулированная концепция требовала проработки отдельных сюжетов, и Россия с её солидным внешнеполитическим опытом и дипломатическим весом в истории была темой, к которой историки английской школы часто обращались.

Интерес Уайта к России был скорее иллюстративным, нежели фундаментальным. На страницах его работ содержатся интересные замечания, зафиксированные в качестве отдельных наблюдений. Так, например, в разделе «Западные ценности в международных отношениях» Уайт замечает, что прилагательное «западные» отражает геополитические реалии холодной войны и осевое противоречие по линии СССР – США [4, p. 89]. В действительности подход Уайта был основан скорее на европейской, чем на евроатлантической (западной) интеллектуальной традиции. Поэтому рефлексивное наблюдение исследователя было показателем того, что учёный не считал себя экспертом по России. Позднее, будучи деканом университета в Суссексе, Уайт создал семинар с названием «Российские исследования». При этом прилагательное «российские» призвано было показать преемственность между внешнеполитической традицией Российской империи и Советским Союзом. Для 1960 годов это была новаторская трактовка советского фактора. Но в целом Уайт с осторожностью оценивал внешнюю политику России.

Хейдли Булл получил известность как специалист по контролю над вооружениями. С этих позиций его и интересовала внешняя политика Советского Союза. Позднее интересы учёного переместились в сторону анализа протеста стран третьего мира против воздействия международного общества, и на этом фоне проблематика СССР не получила своего развития. Поэтому, основной работой Булла относительно советского подхода к международным отношениям можно считать небольшой по объёму анализ Московского договора 1972 года [12, p. 3–24].

Больше других российская (советская) проблематика занимала Адама Уотсона, который в одной из знаковых работ школы посвятил России отдельную главу [10, p. 61–74]. Исследование было небольшим по объёму, но вполне вписывалось в формат исторической конкретизации концепции международного общества. Ограниченное объёмом главы в монографии, оно носило историософский характер, где взгляд на внешнюю политику страны был предопределён избранной методологической основой, хотя и проходил через века российской истории.

Уотсон попадает под воздействие шаблонных представлений и картиночных образов о России. Где-то оценки исследователя напоминают работу К .Маркса «Разоблачение дипломатической истории России XVIII века», где-то воспроизводят полемику между западниками и славянофилами XIX века. При этом авторский взгляд явно отражает позицию западников. Кроме того, автор явно разделяет норманнскую теорию происхождения государства на Руси [10, p. 61]. Показательны в этом отношении следующие оценки А. Уотсона: «Первые шаги по установлению государства для России сделали скандинавами и термин «рус» по происхождению относится к ним» [10, p. 61]; «Москва Ивана Грозного» – примечательно, что для обозначения прозвища историк использовал английское слово «Terrible» – была византийско-татарским государством с населением преимущественно из славян» [10, p. 64.]; «Пётр никогда не считал Запад своим врагом. Более того, он отчаянно хотел перенять европейские ценности с тем, чтобы Россия стала полным и развитым участником европейских республик» [10, p. 68]. «В петербургский период империя Романовых вестернизировалась и, даже Ленин, захватил власть для того, чтобы импортировать в Россию марксизм, рождённый на Западе» [10, p. 73].

Не будем комментировать поверхностные оценки человека, который проявил серьёзный интерес к истории России. Констатируем лишь основной вывод А. Уотсона: «Наиболее характерной чертой социальной модели экспансии Европы за свои культурные границы являлось замещение культурно монолитного общества новым типом государства, скопированным с европейской модели и контролируемым тонким слоем западноориентированной элиты. Романовская Россия даёт этому подтверждение, как и чёрная Африка» [10, p. 74]. Из всего сказанного понятно, что дипломат подгонял историю внешней политики страны под сформулированную ранее концепцию общества, а не проверял гипотезу фактами и обобщал исторические данные. Примеры качественной исторической работы были в той же монографии. Хидееми Суганами в аналогичном по объёму исследовании дал интересный исторический анализ участия Японии в международном обществе [10, p. 185–199].

Но самое интересное, что другая исследовательница английской школы на страницах той же самой книги дала прямо противоположные оценки истории внешней политики России, применяя одни и те же концептуальные рамки [10, p. 347–355]. Эли Кедури, приняв тезис о балансе сил как ведущем концепте европейских ценностей в международных отношениях, стала анализировать изменения в них под углом принципов национального самоопределения и классовой борьбы, которые проводил Советский Союз. Оба принципа исследовательница рассматривала как факторы, подрывающие международную систему и международное общество. «Гибрид марксизма с его акцентом на классовую борьбу и национальное видение мира заполнили внешнюю политику новых суверенных стран, что подрывает международное общество и становится основной формой идеологии деколонизованных государств» [10, p. 349–350].

Очевидно, что здесь английские историки явно противоречат друг другу. Если для Уотсона большевизм – продолжение политики вестернизации России международным обществом, то для Кедури – программа подрыва общества со стороны стран третьего мира во главе с СССР. Такое противоречие показательно для демонстрации причин кризиса школы, возникшего к середине 1980 годов. Возникнув как историческая, с требованием уйти

от эмпирического объяснения международных проблем, британская теоретическая традиция создаёт модель международного общества как самостоятельную теорию среднего уровня. Это позволило обогатить предметное поле изучения международных отношений, дать определённый импульс живой научной дискуссии в 1960–1970 годах. Но попытка адаптации полученной модели к конкретным кейсам давала на выходе полярные оценки даже отдельных узких внешнеполитических вопросов. Получалось, что итогом такого теоретизирования оказывалась история ещё менее научная, чем фактографическая.

Работа «Экспансия международного общества», центральное историческое произведение школы, выявила определённый раскол среди учёных. Неслучайно в 1980 году некоторые заговорили о смерти научной традиции. Думается, что причина подобной ситуации коренится в самой логике развития концепции. Английская международная теория наполовину своими источниками вырастала из европейской политической философии, наполовину из обобщения исторической практики британского подхода к международным отношениям, которые долгое время были просто суммой характеристик европейской дипломатии. В итоге сформулированная модель сложно «работала» за пределами европейских кейсов, поскольку отражала евроцентричный по ценностям взгляд на международные отношения.

Выход из подобной ситуации в школе был найден за счёт привнесения в теорию в 1990 годы новых конструктивистских подходов и прикладных методик (Б. Бузан, А. Вендт) [3, 11]. Это изменило характер английской теории. Произошёл окончательный поворот к политологии, методам социальных наук и сциентизму, но сама школа утратила свой первоначально исторический характер. Неслучайно Адам Уотсон уже в конце XX века считал, что школа прекратила своё существование.

Литература

1. Bull, H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics [Text] / H. Bull. – New York : Colombia University Press, 1977. – 335 p.
2. Bull, H. The Moscow Agreement and Strategic Arms Limitation [Text] / H. Bull. – Canberra : Canberra University Press, 1973. – 50 p.
3. Busan, B. From International to World Society. English Theory School and Social Structure of Globalization [Text] / B. Busan. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 295 p.
4. Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics. Ed. by H.Butterfield [Text] / M. Wight, H. Butterfield. – London : Oxford University Press, 1966. – 227 p.
5. Headley Bull on International Society. Ed. by K.Alderson and A. Hurrel [Text] / H. Bull. – New York : Clarendon Press, 2000. – 279 p.
6. Manning, C.A.W. The Policies of the British Dominions in the League of Nations [Text] / C.A.W. Manning. – London : Clarendon Press, 1932. – 159 p.
7. Manning, C.A.W. The University teaching of Social Science International Relations [Text] / C.A.W. Manning. – Paris : UNESCO, 1954. – 100 p.
8. Peaceful Change and International Problem. Ed. by Manning C.A.W [Text] / C.A.W. Manning. – London : Oxford University Press, 1937. – 193 p.
9. The Bases of International Order. Essays in honor of C.A.W. Manning. Ed. by A. James [Text] / A. James. – London ; New York ; Toronto : Oxford University Press, 1973. – 218 p.
10. The Expansion of International Society. Ed. by H. Bull and A. Watson [Text] / H. Bull, A. Watson. – Oxford : Oxford University Press, 1984. – 479 p.
11. Wendt, A. Social Theory of International Politics [Text] / A. Wendt. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – 429 p.
12. Wight, M. Power Politics [Text] / M. Wight. – London : Royal Institute of International Relations, 1949. – 68 p.
13. Wight, M. System of State. Ed. by H. Bull [Text] / M. Wight. – New Jersey : Leicester University Press, 1977. – 232 p.
14. Wight, M. Power Politics. Ed. by H. Bull and C. Holbroad [Text] / M. Wight. – London : Leicester University Press, 1979. – 317 p.

ББК 66.4
УДК 327.54

С.Н. МИРОШНИКОВ

«НЕЧЕСТНЫЙ БРОКЕР» ИЛИ РОЛЬ АДМИНИСТРАЦИИ Д. ЭЙЗЕНХАУЭРА В УРЕГУЛИРОВАНИИ СПОРА МЕЖДУ ИТАЛИЕЙ И ЮГОСЛАВИЕЙ О МЕЖДУНАРОДНОЙ ТЕРРИТОРИИ ТРИЕСТ

S.N. MIROSHNIKOV

«DISHONEST BROKER OR ROLE OF EISENHOWER ADMINISTRATION IN SETTLEMENT OF THE INTERNATIONAL TERRITORY OF TRIESTE DISPUTE BETWEEN ITALY AND YUGOSLAVIA»

В статье рассматривается вопрос урегулирования территориального спора между Италией и Югославией. США, в условиях разгорающегося конфликта между Югославией и СССР, предприняли огромные усилия для нормализации отношений между Италией, своим близким союзником в Западной Европе, и коммунистическим режимом И.Б. Тито. Однако администрации Эйзенхауэра не удалось привлечь режим Тито на свою сторону, спровоцировав начало активной внешней политики Югославии и образование движение неприсоединения.

This article is devoted to Eisenhower administration policy toward dispute between Italy and Yugoslavia about international territory of Trieste. Author analyses Trieste dispute in the framework of US struggle against USSR. The Italy domestic politics had effect on position of Washington in Trieste dispute. But Eisenhower administration wanted to save anti-Soviet policy of Yugoslavia government. In such situation Eisenhower administration made a stake on negotiations with Tito. Successful negotiations about Trieste dispute made it possible for US to resolve old territorial dispute between two countries and to release tensions between US friendly countries. But after these negotiations Yugoslavia began to shift to neutral position in international relations.

Ключевые слова: холодная война, Внешняя политика США, Д. Эйзенхауэр, Восточная Европа.

Key words: Cold War, Foreign Policy of the USA, D. Eisenhower Administration, Eastern Europe.

Конфликт между Югославией и Советским Союзом в 1948 году показал, что внутри монолитного, как казалось, коммунистического блока, существуют и вырываются наружу острые противоречия. В определённых исторических ситуациях они могут привести коммунистические страны к открытому разрыву отношений.

Однако развитие ситуации в странах Восточной Европы в 1949–1951 годах показало, что ставка США на возможность повторения югославского сценария в этих странах оказалась нереализуемой [1].

Республиканская администрация США получила югославский вопрос от демократической партии в состоянии, если можно так охарактеризовать, «застывшей динамики». С одной стороны, трумэновская администрация смогла наладить отношения с режимом И.Б. Тито и обеспечить снабжение Югославии самыми необходимыми товарами, в том числе и военными, что позволило Югославии преодолеть последствия полного разрыва отношений с СССР и восточноевропейскими странами и обеспечить свою обороноспособность. С другой стороны, демократическая администрация так до конца и не определилась относительно того, насколько далеко необходимо идти в таком сотрудничестве, так как не был до конца решён вопрос о глубине разрыва между СССР и Югославией. Кроме того, по-прежнему оставался нере-

шённым вопрос о международной территории Триеста, которую оспаривали Югославия и Италия, что, естественно, было серьёзной преградой для дальнейшего сотрудничества западных стран с Югославией [7, p. 118–119].

Для администрации Д. Эйзенхауэра югославский вопрос представлял определённую сложность. Принимая в целом политику демократов в отношении Югославии, новая республиканская администрация должна была не только решить оставшиеся от неё в наследство трудные вопросы, но и в русле жёсткого антикоммунистического подхода примирить собственную риторику «освобождения» с поддержкой коммунистического режима И.Б. Тито.

Уже в 1952 году в государственном департаменте понимали, что необходим пересмотр всей восточноевропейской политики, так как ставка на повторение югославского сценария не работает [8, p. 152]. Смерть И.В. Сталина внесла известную долю неопределённости в части будущей политики Кремля в отношении стран Восточной Европы и тем более Югославии. На первое место постепенно стал выходить вопрос о возможности примирения двух коммунистических держав [6, p. 1349, 1362]. Вопрос о международной территории Триест в этом контексте становился критически важным. Существующий территориальный спор мог вылиться в столкновение между Югославией и Италией и положить конец процессу сближения Белграда и США, подтолкнув режим Тито «в объятия» нового московского руководства. Кроме того, этот аспект играл важную роль во внутрипартийной борьбе в Италии, где центристские партии с большим трудом и при огромной поддержке западных союзников побеждали на парламентских выборах коммунистов и формировали правительства[1]. Приход к власти в Италии коммунистов грозил США серьёзными проблемами. Таким образом, югославский фактор для новой республиканской администрации с марта 1953 года совершенно чётко стал трансформироваться в вопрос об урегулировании в ближайшем будущем проблемы Триеста и необходимости удержать Тито от воссоединения с Москвой.

Инициативу в решении спора о Триесте взяла на себя посол США в Италии Клара Льюис, жена влиятельного издателя журналов «Тайм», «Форчун», «Лайф» Генри Льюиса. В серии телеграмм, направленных как в госдепартамент, так и лично президенту и госсекретарю США в июне–августе 1953 года, американский посол, анализируя прошедшие в Италии выборы, писала, что нерешённость проблемы Триеста представляет серьёзную угрозу для внутренней ситуации в Италии [4, p. 1618].

Телеграммы произвели должный эффект в Вашингтоне. Конечно, такое внимание к ним было отчасти следствием влияния персоны самого посла, весьма значительной фигуры в вашингтонских кругах [11].

Третьего сентября 1953 года Д. Эйзенхауэр и Дж. Даллес обстоятельно обсудили вопрос о Триесте и его влиянии на ситуацию в регионе и Европе в целом и наметили линию поведения США.

В отношении Триеста госдепартамент предложил после длительных консультаций с правительствами Великобритании и Франции передать «сектор А» под управление итальянской администрации, а югославскому руководству неофициально передать, что американская администрация не будет возражать, если югославские власти установят свою администрацию в «секторе Б». Большое влияние на принятие такого решения имела информация о встрече А. Идена с И. Тито в мае 1953 года, в результате которой, по мнению британского министра иностранных дел, у него сложилось полное

[1]Соединённые Штаты, Великобритания и Франция в преддверии первых послевоенных выборов 1948 года в Италии предприняли беспрецедентные шаги как на дипломатическом направлении, так и по линии секретных служб, направленные на недопущение прихода коммунистов к власти и победу христианских демократов. Так, союзные державы накануне выборов объявили, что их позицией по вопросу Триеста является передача территории находящейся под международным контролем под управление Италии. См. подробнее об этом: Rabel, R.G. Between East and West: Trieste, the United States, and the Cold War, 1941–1954 [Text] / R.G. Rabel. – Durham, NC, 1988. – P. 113–116.

впечатление, что югославский лидер практически согласился урегулировать вопрос по Триесту на основе разделения международной территории на сектора по сложившимся границам [7, p. 201–203]. Тем самым администрация Д. Эйзенхауэра окончательно отошла от всей послевоенной политики США по данному вопросу[1]. Но этим изменением США и их союзники давали однозначный сигнал Италии о своей поддержке в споре за Триест, фактически дезавуируя положения декларации 1948 года, так как они не могли привести к урегулированию ситуации в силу своего тактического характера.

8 октября 1953 года декларация США и Великобритании о передаче административного управления в «секторе А» Италии и выводе из неё союзнических войск была передана правительствам Италии и Югославии [6, p. 302–303]. Правительство Франции как один из подписантов декларации 1948 года было ознакомлено с ней накануне [6, p. 300–302].

Обнародование октябрьской декларации привело к серьёзнейшему кризису как в итало-югославских, так и в американо-югославских отношениях.

Госсекретарь Дж. Даллес обстоятельно обсудил сложившуюся ситуацию вокруг Триеста с министрами иностранных дел Великобритании и Франции А. Иденом и Дж. Бидо во время своего визита в Лондон 16–18 октября 1953 года [6, p. 319]. Перед поездкой Дж. Даллес имел обстоятельный разговор с президентом, на котором, вероятно, были очень подробно обсуждены все возможные действия американской администрации по вопросу относительно итало-югославского спора [5, p. 689–690]. Хотя запись беседы относительно короткая, но действия госсекретаря на конференции министров иностранных дел в Лондоне говорят о том, что Даллес знал, что делать, и имел полную поддержку президента в этом вопросе. В ходе той беседы президент Д. Эйзенхауэр, удивившись резко отрицательной и агрессивной позиции, занятой югославским руководством, принял решение как можно скорее направить часть кораблей американского флота в район Триеста [3, p. 414].

На этой конференции министров иностранных дел Великобритании, Франции и США и был, как оказалось, запущен механизм переговорного процесса, приведший в конечном итоге к урегулированию вопроса о Триесте [5, p .692–694].

Тринадцатого ноября послы Великобритании, США и Франции сделали правительствам Италии и Югославии официальное предложение о созыве пятисторонней конференции по урегулированию триестского вопроса.

Таким образом, первый шаг к урегулированию был сделан. Стороны, хотя и с большими оговорками, но согласились урегулировать спорный вопрос мирными дипломатическими средствами. Теперь следовало усадить их за стол переговоров, что представлялось отнюдь не лёгким делом. Администрация

---

[1]Соединённые Штаты в послевоенные годы придерживались в вопросе о Триесте следующей позиции. Данный спорный вопрос из-за того, что представляет серьёзную угрозу для дестабилизации положения в регионе и имеет давние исторические корни, должен быть решён окончательно на международной конференции. Гарантами прочности такого соглашения выступят страны-победительницы, что будет гарантией окончательности решения данного территориального спора. Только из-за военной необходимости в конце войны американское командование пошло на разграничение зон ответственности между англо-американскими и югославскими войсками, на чём настаивали англичане, но только в качестве временной меры. Создание международной территории Триест под эгидой ООН по мирному договору с Италией 1947 года поставило вопрос о создании администрации на международной территории и передачи ей власти англо-американо-французской администрацией в секторе «А» и югославской в секторе «В». Однако невозможность союзников договориться по кандидатуре губернатора Триеста привела к тому, что временные администрации в секторах А и Б фактически превратились в постоянные. Накануне выборов в Италии в 1948 году США, Великобритания и Франция в совместной декларации признавали право на международную территорию Триест за Римом. Но и тогда вопрос о разделении спорной территории американской администрацией не ставился. (Rabel Roberto G. Between East and West: Trieste, the United States, and the Cold War, 1941–1954.)

Д. Эйзенхауэра к этому времени фактически сделала свой выбор в пользу принятия более жёсткой позиции по отношению к Белграду. На ноябрьской встрече министров иностранных дел и госсекретаря в Лондоне, посвящённой Триесту, Дж. Даллес совершенно однозначно высказался о том, что если югославское руководство не сделает шаг навстречу и не пойдёт на переговоры, то США изменят своё отношение к Югославии в целом и займут полностью проитальянскую позицию, поскольку Италия – союзник по НАТО [5, p. 714–715]. Важным фактором такого изменения позиции явились внутриполитическая ситуация в Италии, сложившаяся после июньских выборов 1953 года, и действия американского посла в США К. Льюис, которая, начиная с июня 1953 года, «бомбардировала» высшие круги американской администрации телеграммами, призывая к решительным шагам на итальянском направлении, полагая, что иначе ситуация в Италии станет катастрофической и к власти придут коммунисты[1].

Поэтому после того как в Вашингтоне была получена информация о том , что обе стороны не возражают против переговоров, было принято решение перейти к следующему шагу по урегулированию кризиса и отправить И. Тито приглашение на конференцию государств, представляющих оккупационные власти на международной территории Триест, для решения спорных проблем [6, p. 357]. Такой шаг диктовался логикой развития событий. Администрация США, понимая, что пятисторонняя встреча будет всё время откладываться, в первую очередь итальянской стороной, и принимая во внимание шаткость положения центристских сил в этой стране, вынуждена была сконцентрировать свои усилия на югославской стороне. Тем более что югославы были в большей степени готовы к переговорам и показывали свою заинтересованность.

Югославское руководство после уточняющих вопросов приняло предложение Великобритании и США, официально направленное в Белград 11 января 1954 года, о начале тройственных переговоров относительно выработки устраивающего все вовлечённые стороны решения триестского вопроса [6, p. 363–365].

Местом проведения по настоянию Югославской стороны стал Лондон. Югославский посол в Лондоне Владимир Велебит не только прекрасно владел сутью спорного вопроса, но и хорошо говорил на английском языке, что давало возможность ускорить течение переговорного процесса. К тому же Лондон был ближе к Югославии, что позволяло более оперативно реагировать на предложения партнёров по переговорам.

Администрация Д. Эйзенхауэра после некоторых раздумий[2] назначила на пост переговорщика посла США в Австрии Л. Томсона, который имел

---

[1]За период с октября по январь 1953 года К. Льюис, посол США в Италии написала личные письма и получила на них ответ президенту США Д. Эйзенхауэру (выдержки из этого письма Д. Эйзенхауэр приводит даже в своих мемуарах (Eisenhower Dwight D. The White House Years Mandate for Change, 1953–1956. Garden City, New York : Doubleday, 1963. – P. 415), госсекретарю США Дж. Даллесу, помощнику президента по вопросам «холодной войны» Ч. Джексону, командующему войсками НАТО генералу Ал. Грюнтеру. (Foreign Relation of the United States. 1952–54. Vol. VI, Western Europe and Canada. Pt. 2. P. 1631–1637, 1639, 1642–1645). Кроме этого 5 января 1954 года К. Льюис провела в госдепартаменте совещание с высокопоставленными чиновниками администрации, посвящённое проблемам военной помощи Италии (Foreign Relation of the United States. 1952–54. Vol. VI, Western Europe and Canada. Pt. 2. P. 1648–1649)

[2]Первоначально рассматривалась кандидатура министра-посланника США в Великобритании, автора проекта по пошаговому урегулированию триестской проблемы Дж. Холмса. Однако госсекретарь отдал предпочтение Л. Томсону. Дж. Холмс с сентября 1953 года находился под следствием, которое вёл Генеральный прокурор, согласившийся приостановить по просьбе Дж. Даллеса расследование до нового 1954 года. Дж. Холмс был обвинён в обмане правительства США в деле, относящемся к распределению корабельного имущества. Данное расследование в конце концов привело к отставке Дж. Холмса. (Foreign Relation of the United States. 1952–1954. Vol. VIII, Eastern Europe; The Soviet Union; Eastern Mediterranean. – P. 366)

опыт общения с югославами: в составе американской делегации он принимал участие в разработке мирного договора с Италией и создании международной территории Триест. Великобритания назначила своим представителем помощника заместителя министра иностранных дел Джефри Харрисона [6, p. 372].

Наконец, в атмосфере секретности, что было важной составляющей успеха, переговоры открылись в Лондоне 2 февраля 1954 года. Позиция администрации США, которая была представлена в специальном письме заместителя госсекретаря Б. Смита Л. Томпсону, по мнению последнего, была жёстко проитальянской и не позволяла американской стороне быть более гибкой при ведении переговоров [12, p. 26]. Хотя изучение документа позволяет говорить о том, практически весь он представлял из себя объективное и нейтральное изложение позиции американского руководства, направленной на скорейшее урегулирование проблемы, однако основной вопрос – о территориальной границе, – действительно, трактовался в проитальянском ключе. Администрация Д. Эйзенхауэра предлагала не только закрепить за итальянцами сам Триест, но и значительную часть побережья Каподистрии, что делало невозможным для Югославии использование самого порта и закрывало выход к морю на значительном отрезке суши [6, p. 370]. Однако в ходе переговоров американскому представителю удалось смягчить и эту часть американской позиции. Л. Томсон вспоминает, что «в один момент он понял одну вещь»: если американцы и англичане будут настаивать на данной позиции относительно побережья Каподистрии, то значительная часть рыбаков, являющихся этническими словенцами, будут вынуждены либо покинуть эти районы, что создаст высокую напряжённость, либо остаться и в итоге превратятся в значительный словенский анклав на итальянской земле. Эта простая мысль позволила изменить мнение не только самого Томсона, но и американского руководства, которое заняло более благожелательную позицию в отношении Белграда в этом сложнейшем вопросе [12, p. 27].

Сам процесс переговоров, длившийся четыре месяца, представляет из себя классический образец переговоров по урегулированию вопросов, которые имеют широкий общественный резонанс в странах, вовлечённых в конфликт. Неслучайно их ход изучают в качестве примера во многих американских и европейских университетах [10, p. 159]. Во-первых, переговоры проходили в обстановке строжайшей секретности. Хотя итальянская сторона была заранее извещена о том, что процесс идёт, но сути переговоров она не знали. Л. Томсон даже утверждал, что посол Италии в Лондоне М. Брозио, который был назначен представителем итальянской стороны на второй стадии переговоров, был весьма удивлён теми результатами, к которым удалось прийти в ходе американо-английско-югославского раунда переговоров [12, p. 29]. Во-вторых, стороны использовали весь арсенал имеющихся у них на тот момент средств для достижения своих целей. В-третьих, несмотря на существующие разногласия, стороны были настроены на достижение договорённости, что вылилось в стремление понять, а иногда и принять аргументацию друг друга. В конечном итоге именно это стремление договориться и явилось главным движителем успеха.

Первого июня 1954 года выработанное соглашение о Триесте было передано в Лондоне итальянскому послу М. Брозио. Четвёртого июня в Вашингтоне получили телеграмму от американского посла в Риме К. Льюис, из которой совершенно явственно следовало, что итальянцы решили использовать вопрос о Триесте и переговоры об американских базах в Италии для получения более выгодных условий для себя. К. Льюис предлагала прервать переговоры о военных базах и в жёсткой форме предупредить итальянцев, что политика увязывания внутренних вопросов и проблемы Триеста работает против интересов Италии [6, p. 443].

Двенадцатого июня М. Брозио представил подробную позицию Италии по предложенному проекту решения триестской проблемы [6, p. 452–454]. С этого момента для американской администрации наступил «момент ис-

тины». Вашингтону нужно было решить, на кого в данной ситуации оказывать большее давление и понуждать к уступкам. Ситуация представлялась очень сложной, так как Вашингтону нужно было разыграть комбинацию, в результате которой должен быть урегулирован территориальный спор между двумя странами, которые спорят уже не одно десятилетие, и не испортить отношения ни с одной из сторон. Между посольствами США в Риме, Белграде, Лондоне и госдепартаментом начинается интенсивная переписка, в которой прорабатываются различные варианты дальнейших действий США. Один из таких вариантов обозначила К. Льюис в письме к президенту, предложив в определённый момент переговоров отбросить роль честного посредника и продиктовать условия соглашения Югославии и Италии [6, p. 490].

Попытки заставить стороны изменить свой подход продолжались весь август 1954 года. Послы США в Югославии и Италии провели переговоры с высшими должностными лицами своих стран. Л. Томсон и Дж. Харрисон со своей стороны в Лондоне на ежедневных встречах урегулировали практически все вопросы относительно Триеста, кроме территориального и связанного с ним вопроса о репарациях [12, p. 114–115]. Однако, как констатировал Роберт Хукер, руководитель бюро госдепартамента по европейским делам, «территориальный вопрос блокировал переговоры». Итальянцы настаивали на изменении территориального размежевания, достигнутого 31 мая 1954 года, а югославы требовали его соблюдения.

Именно в этот период в недрах госдепартамента возникает идея, которая, будучи затем реализована, привела к разблокированию ситуации и успешному завершению переговоров. Вновь инициативу, как и при выдвижении инициативы о совместной американо-английской декларации от 8 октября 1953 года, взяла на себя американский посол в Италии К. Льюис. Сначала 31 августа 1954 года она написала личное послание президенту США, в котором исключительно в «чёрных» тонах описала современное состояние итальянской политической жизни после провала ратификации договора об Европейском оборонительном сообществе в французском парламенте 30 августа [12, p. 509]. Следующим шагом энергичного и влиятельного посла было выдвижение инициативы визита высокопоставленного американского дипломата в Белград и Рим, для того чтобы урегулировать оставшиеся нерешёнными территориальные вопросы и связанные с ними вопросы о размере репараций. Так как визит госсекретаря был на тот момент признан невозможным, то было решено направить в Белград заместителя госсекретаря, хорошо знакомого с триестским вопросом и лично с маршалом И.Б. Тито, Роберта Мэрфи.

Р. Мэрфи получил инструкции 9 сентября вместе с персональным письмом И.Б. Тито от Д. Эйзенхауэра [6, p. 525]. По воспоминаниям Р. Мэрфи, это письмо произвело на югославского лидера сильное впечатление и во многом предопределило успех переговоров [19, p. 423]. В инструкции, в которой описываются задача и даются инструкции американскому представителю, совершенно однозначно сформулировано, что в данной ситуации необходимо и возможно с большей эффективностью воздействовать на Белград ввиду тяжёлого экономического положения, в которое попала Югославия из-за сильнейшей засухи [6, p. 527]. Кроме этого 10 сентября представители госдепартамента, министерства обороны, министерства сельского хозяйства и ещё трёх агентств специально собрались и проработали возможности обеспечения Югославии дополнительными поставками пшеницы [6, p. 527–529].

Весь ход событий подталкивал Вашингтон именно к такому выбору объекта «первого удара». Однако, по мнению автора работы, важнейшим фактором, склонившим Вашингтон к занятию проитальянской позиции, кроме всех остальных вышеперечисленных, был провал ратификации договора ЕОС французским парламентом и возможное значительное ослабление позиций христианско-демократического правительства М. Селы. Такая ситуация могла привести к падению правительства христианских демократов, проведению

досрочных парламентских выборов и укреплению, а в случае самого неблагоприятного исхода и прихода к власти коммунистического правительства в Италии.

Р. Мэрфи вместе с Р. Хуком отбыли из Вашингтона 11 сентября, имея на руках послание президента и расчёты по возможности оказания срочной помощи Югославии поставками пшеницы и согласие правительства Великобритании, которое было заранее уведомлено о целях и задачах визита и полностью с ним солидаризовалось [6, p. 522–523].

Переговоры между Р. Мэрфи и И.Б Тито начались 17 сентября 1954 года. Пятнадцатого и шестнадцатого сентября Р. Мэрфи встречался с высокопоставленными югославскими чиновниками, обсуждались возможные поставки пшеницы из США в Югославию и другая экономическая помощь. На встрече И.Б. Тито впервые открыто выразил желание Югославии урегулировать данный спор и пошёл навстречу просьбе Р. Мэрфи об уступках итальянской стороне в территориальном вопросе, потребовав территориальной компенсации в другой приграничной области [6, p. 527].

В своём отчёте о беседе Р. Мэрфи специально оговаривает, что вопрос о поставках пшеницы со стороны США не поднимался, было только упомянуто о том, что Югославии ввиду неурожая требуется значительные поставки пшеницы. Однако на переговорах, предшествующим встрече, вопросы поставки пшеницы были одним из главных вопросов на переговорах, и Р. Мэрфи в специальном письме запросил увеличения того количества пшеницы, которым он может располагать, ведя эти переговоры [6, p. 536]. После завершения переговоров с И.Б. Тито американская сторона на дополнительной встрече с югославской стороной сообщила о намерении США предоставить необходимое Югославии количество пшеницы [6, p. 545–546]. Поэтому не лишено оснований замечание Антонии Идена о том, что американцы фактически купили согласие Белграда на территориальные уступки [2, p. 208]. Однако действительное положение дел, по мнению автора, представляется значительно более сложным. Югославская сторона 6 сентября, уже зная о визите Р. Мэрфи в Белград, уведомило правительство США о начале торговых переговоров с СССР, на которых обсуждались и вопросы о поставках пшеницы, но не за доллары, как этого требовали другие страны (Канада, Франция и Турция), а в обмен на поставки других товаров, тоже необходимых Югославии (в частности, цинка), что было выгодно Белграду [6, p. 523]. Югославия, таким образом, отчаянно нуждаясь в пшенице, уже пыталась играть на противоречиях двух главных антагонистов – США и СССР. И в этой ситуации, чтобы получить значительные козыри для переговоров с СССР о нормализации отношений, ей было очень важно урегулировать остающиеся вопросы, которые отталкивают Белград от западного сообщества. По этой причине Белград был весьма заинтересован в урегулировании данного вопроса на приемлемых для себя условиях, а возможность получить за свою «уступчивость» ещё и приличную плату было проявлением значительного дипломатического искусства.

Восемнадцатого сентября Р. Мэрфи со своим спутником прибыли в Рим, где были проведены переговоры со всеми заинтересованными высокопоставленными лицами, включая премьер-министра. Р. Мэрфи, обрисована сущность переговоров, проведённых Р. Мэрфи в Белграде, представил итальянской стороне новое предложение Белграда [6, p. 549–550]. После недолгих раздумий предложение было принято.

В результате 5 октября 1954 года в Лондоне был подписан Меморандум о взаимопонимании между США, Великобританией, Италией и Югославией относительно Свободной территории Триест [6, p. 571–572]. К меморандуму были приложены специальные меморандумы правительств Великобритании и США, в которых правительства брали на себя обязательства не предъявлять к Италии и Югославии никаких территориальных претензий [6, p. 570].

Таким образом, администрация США смогла урегулировать территориальный спор, который мог привести к серьёзному конфликту между союзником Вашингтона по НАТО и Югославией, которая бросила вызов советскому влиянию среди коммунистических стран, значительно ослабив его. Результатом успешного разрешения триестской проблемы, по нашему мнению, явились несколько далеко идущих последствий. Во-первых, США определись с местом Югославии в своей внешней политике и возможностью использовать Белград в борьбе с СССР. В итоге событий, приведших к заключению соглашения по Триесту, Вашингтон занял позицию сохранения такого положения, когда Белград, не являясь союзником Запада, противостоит Москве по многим позициям в международной жизни. Для этого Вашингтону необходимо было поддерживать существование нынешнего режима в Белграде, как бы «ужасно» он ни выглядело с точки зрения демократических ценностей. С другой стороны, весь ход переговоров по Триесту, вероятно, окончательно убедил Белград в том, что интересы Югославии для США будут второстепенны в сравнении с союзниками по НАТО и с этим нужно считаться. К тому же Белград именно в это время, возможно (необходимо уточнить по источникам в Белграде), начал примериваться к позиции «третьей силы», играя на противоречиях двух главных противников – США и СССР, – что И.Б. Тито с успехом воплотил в жизнь позднее, став одним из влиятельнейших лидеров мира, возглавив Движение неприсоединения. Помимо этого, Вашингтону удалось решить территориальный вопрос и тем самым снять сильный раздражитель во внутренней политике Италии, придав определённую прочность христианско-демократическим правительствам этой страны.

В целом для Вашингтона решение спорного вопроса о Триесте означало существенное усиление своих позиций в противостоянии с СССР на Юге Европы. Оно позволило снять существенную преграду для консолидации всех антикоммунистических сил в Европе.

Литература

1. Волокитина, Т.В. Сталин и смена стратегического курса Кремля в конце 40-х годов: от компромиссов к конфронтации [Текст] / Т.В. Волокитина // Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы. – М. : Наука, 1999.
2. Мурашко, Г.П.Советский фактор в послевоенной Восточной Европе (1945–1948) [Текст] / Г.П. Мурашко, А.Ф. Носкова // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985): новое прочтение. – М., 1995.
3. Eden Anthony. Full Circle [Text] / Anthony Eden. – Cambridge, Massachusetts, 1960.
4. Eisenhower Dwight D. The White House Years Mandate for Change, 1953–1956 [Text] / Eisenhower Dwight D. – Garden City, New York : Doubleday, 1963.
5. Foreign Relation of the United States. 1952–1954. Vol. VI, Western Europe and Canada. Pt. 2. Wash. Government Print office, 1987.
6. Foreign Relation of the United States. 1952–1954. Vol. VII, Germany and Austria. Pt. 1. Wash. Government Print office, 1986.
7. Foreign Relations of the United States, 1952–1954. Vol. VIII, Eastern Europe; The Soviet Union; Eastern Mediterranean. Wash.: Government Print office, 1988.
8. Lees, L.M. Keeping Tito Afloat: the United States, Yugoslavia, and the Cold War [Text] / L.M. Lees. – University Park, Pennsylvania : The Pennsylvania States University, 1997.
9. Mitrovich, G. Undermining the Kremlin. America’s Strategy to Subvert the Soviet Block, 1947–1956 [Text] / G. Mitrovich. – Ithaca and London, 2000.
10. Murphy, R. Diplomat Among Warriors [Text] / R. Murphy. – New York : Doubleday & Company, Inc., Garden City, 1964.
11. Rabel, R.G. Between East and West: Trieste, the United States, and the Cold War, 1941–1954 [Text] / R.G. Rabel. – Durham, NC, 1988.
12. См. работу: Shadegg, S. Clare Boothe Luce: A Biography [Text] / S. Shadegg. – New York : Simon, 1970.
13. Successful Negotiations: Trieste 1954. An Appraisal by the Five Participants [Text]. – Campbel John C. ed. Princeton, 1976.

ББК 63.3(4)
УДК 94

С.М. ЮН

ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ОТНОШЕНИИ СОСЕДНИХ ГОСУДАРСТВ В 1990-е ГГ.: РАЗВИТИЕ НОВЫХ ПОДХОДОВ

S.M. YUN

EU NEIGHBOURHOOD POLICY IN THE 1990s: DEVELOPING NEW APPROACHES

В статье рассматривается эволюция подходов Европейского Союза к развитию связей с четырьмя группами соседних государств после «холодной войны». Автор фокусируется на анализе Европейского экономического пространства и секторальных соглашений со Швейцарией как моделей отношений ЕС с западноевропейскими странами, интеграции стран Центральной и Восточной Европы в Евросоюз на основе принципа политической обусловленности, процесса «стабилизации и ассоциации» в отношении Балканских стран и развития ассоциации со странами Средиземноморья.

The paper is devoted to the evolution of the European Union's approaches to the development of relationships with four groups of neighboring states after the Cold War. The author focuses on the analysis of the European Economic Area and sectoral agreements with Switzerland as two models of EU relations with Western European states, the integration of Central and Eastern Europe into the European Union on the basis of the principle of political conditionality, the stabilization and association process in relation to the Balkan and the promotion of the association with Mediterranean states.

Ключевые слова: Европейский Союз, Центральная и Восточная Европа, Балканы, Средиземноморье, интеграция, ассоциация, стабилизация, Европейское экономическое пространство.

Key words: European Union, Central and Eastern Europe, Balkans, Mediterranean, integration, association, stabilization, European Economic Area.

Для Европейского Союза (далее – ЕС) как регионального блока всегда были определяющими ситуация и связи с соседними странами и регионами, что является не спецификой европейского объединения, а неким геополитическим императивом в международных отношениях. Слабое развитие механизма внешнеполитического взаимодействия в годы «холодной войны» ограничивало рамки международно-политического влияния Европейского экономического сообщества (далее – ЕЭС), заставляло последний фокусироваться на ближайшем окружении. Тогда безусловным приоритетом были отношения с западноевропейскими государствами. Они развивались, во-первых, в рамках такого подхода, как *интеграция в ЕЭС* (начиная с вступления в Сообщество Великобритании, Ирландии и Дании в 1973 г.), на условиях принятия странами-кандидатами политических целей европейской интеграции, её основополагающих договоров и законодательства, одобренного уже в период функционирования Европейских сообществ (то, что сейчас принято называть «acquis communautaire»). Эти условия стали нормой для всех последующих волн расширения ЕС. Во-вторых, со странами Европейской ассоциации свободной торговли (далее – ЕАСТ), не желавшими вступать в ЕС, в 1972–1973 гг. на основе статьи 113 Договора о ЕЭС, определяющей порядок заключения торговых соглашений с третьими странами, были подписаны *соглашения о свободной торговле* промышленными товарами**,** которые не ориентировали участников на взаимную гармонизацию законодательства и предусматривали лишь отдельные дополнительные меры по сближению [1, с. 182–183].

Факторами сближения со странами Средиземноморского региона были не только географическая близость и колониальное наследство, но и взаим-

ная экономическая заинтересованность и стратегическое значение «озера двух супердержав» [11, p. 78]. В основу скоординированной средиземноморской политики ЕЭС был положен принцип *ассоциации* – привилегированные отношения между ЕЭС и странами региона, предусматривающие льготный доступ к рынку стран ЕЭС и оказание разнообразной помощи. В рамках «Глобальной средиземноморской политики» ЕЭС, утверждённой в 1972 г. в Париже, были заключены соответствующие соглашения со странами южного и восточного Средиземноморья, причём практически все – на основании статьи 238 Договора о ЕЭС о возможности «заключать с третьим государством, союзом государств или международной организацией соглашения об учреждении ассоциации, которая предусматривает взаимные права и обязательства, совместные действия и особые процедуры» [3, с. 248]. Однако актуальным для ЕЭС оставался вопрос о масштабах предоставляемых льгот, объёме выделяемых ресурсов и последовательности совместных действий стран-членов [1, с. 249–251].

В условиях «холодной войны» взаимоотношения ЕЭС с соседними социалистическими странами Центральной и Восточной Европы (далее – ЦВЕ) оставались слабо развитыми. Советский Союз, по выражению известного российского специалиста Ю.А. Борко, рассматривал Сообщество как «экономическую подпорку военно-политического блока НАТО» [2, с. 9]. В противовес ЕЭС действовал Совет экономической взаимопомощи (далее – СЭВ). Позиция ЕЭС также была категоричной: «Признание СЭВ означало бы имплицитное признание разделения Европы, что встретило жёсткое сопротивление, особенно Германии» [14, p. 99]. Попытка «навести мосты» в период международной разрядки оказалась безрезультатной. Стратегические императивы и правовой вакуум предопределили отсутствие какого-либо общего долгосрочного, конструктивного курса стран ЕЭС в отношении восточных соседей. Его заменял узкий подход – попытка проводить *дифференцированную торговую политику* в отношении «стран с государственной торговлей».

Окончание советско-американской конфронтации создало ситуацию новых возможностей и вызовов для стран ЕЭС в их отношениях с соседями, определивших региональную концентрацию ресурсов влияния. Важным этапом достижения согласия явилось одобрение Европейским советом в Лиссабоне в июне 1992 г. доклада министров иностранных дел ЕЭС о направлениях развития нового механизма – Общей внешней политики и политики безопасности (далее – ОВПБ) – после ратификации Маастрихтского договора: среди факторов, определяющих наличие «общих важных интересов» и необходимость совместного действия, была перечислена «географическая близость региона или страны» [9]. Выделение на саммите в Эссене в декабре 1994 г. в качестве одной из четырёх приоритетных областей всей деятельности ЕС «обеспечения мира и стабильности на европейском континенте и в прилегающих регионах» свидетельствовало об окончательно сложившемся в ЕС консенсусе [10].

Стратегия приоритетного развития отношений с соседями означала углубление взаимодействия со странами ЕАСТ – как по пути их интеграции в ЕС (нейтральные страны Европы), так и углубления взаимодействия на основе новых моделей[1]. С 1994 г. действует соглашение о *Европейском экономическом пространстве* (далее – ЕЭП)[2] между ЕЭС и тремя странами ЕАСТ (Норвегией, Исландией, Лихтенштейном), подписанное на основе статьи 238 об ассоциации Римского договора 1957 г. и обеспечивающее доступ последних на внутренний рынок Евросоюза в обмен на внедрение

[1]Следует отметить, что вопрос о полной интеграции стран ЕАСТ в ЕС остаётся открытым и зависит от позиции национальных правительств стран ЕАСТ. В июле 2009 г. власти Исландии подали официальную заявку на вступление в ЕС.

[2]В российской литературе также можно встретить другой перевод – «Европейская экономическая зона», и, соответственно, другую аббревиатуру – ЕЭЗ.

законодательства ЕС в национальное законодательство стран ЕАСТ. Данный подход, называемый «горизонтальным», предусматривает широкую интеграцию на основе концепции четырёх свобод внутреннего рынка ЕС (свобода движения товаров, услуг, лиц и капиталов) и связанных с обеспечением данных свобод правил ЕС в области конкуренции, государственной поддержки бизнеса, социальной политики, защиты прав потребителя и т. д. Соглашение о ЕЭП определяло в многочисленных протоколах и приложениях список действующих норм ЕС в отношении внутреннего рынка, которые страны ЕАСТ должны были внедрить, а также обязывало стороны своевременно инкорпорировать новое законодательство ЕС в правовое поле ЕЭП в соответствии с определённым доказавшим свою эффективность порядком.

Участие Швейцарии в ЕЭП было отвергнуто на референдуме в 1992 г. В дальнейшем ЕС согласился с предложением Швейцарии осуществлять избирательную интеграцию на основе *секторальных соглашений* (так называемый «вертикальный подход»). Первый пакет соглашений, среди которых – соглашения о свободном передвижении людей, торговле сельскохозяйственной продукцией, воздушном транспорте, государственных закупках, был подписан в 1999 г. на основе статьи Римского договора об ассоциации. Секторальные соглашения со Швейцарией, как и соглашение об ЕЭП, предусматривают инкорпорирование указанных в них и действующих на момент подписания норм ЕС. В то же время в отличие от ЕЭП большинство секторальных соглашений носят «статичный» характер в том смысле, что содержат указание на возможность, но не обязательство внедрять новые нормы ЕС [19].

На фоне ясного понимания целей и средств обновлённой политики в отношении стран ЕАСТ внутри ЕЭС развивалась дискуссия о выработке стратегии для государств, расположенных по периметру восточных и южных границ блока. С обеих сторон на ЕЭС начало оказываться давление в сторону углубления связей. В восточной части европейского континента освободившиеся от «железной» опеки СССР страны ЦВЕ в результате «бархатных» революций 1989–1990 гг. встали на путь либеральных экономических и политических реформ, успех которых неразрывно связывался со скорейшим «возвращением в Европу» через вступление в ЕЭС. На южном фланге средиземноморские страны, учитывая возможность «ухода» двух супердержав из региона и переориентации помощи ЕЭС в направлении государств ЦВЕ, настойчиво апеллировали к Сообществу. К этому их подталкивала и возросшая за последнее десятилетие экономическая зависимость от ЕЭС [11, p. 74].

С 1989 г. имел место подмеченный английскими исследователями Ш. Бретертон и Дж. Воглером параллелизм действий ЕЭС/ЕС в своём «ближнем зарубежье» как компромисс между интересами северных и южных стран ЕС [7, p. 138–139]. Однако за короткое время обозначились иерархия приоритетов и различия в подходах, обусловившие использование разных инструментов политики и объёмов помощи. Отношения со странами ЦВЕ были нормализованы в 1988–1990 гг. В июне 1988 г. принята совместная декларация ЕЭС и СЭВ о взаимном признании, заключены соглашения о торговом и экономическом сотрудничестве, запущена программа технической помощи ФАРЕ. На Европейскую комиссию в июле 1989 г. была возложена функция общей координации западной помощи странам ЦВЕ в рамках образованной «Группы 24». С декабря 1991 г. началось подписание соглашений об ассоциации (так называемых «европейских соглашений»), включавших такие элементы, как политический диалог, введение режима свободной торговли промышленными товарами, ослабление ограничений на передвижение людей, услуг и капиталов. Эти соглашения не содержали формулировок относительно сроков вступления стран ЦВЕ в ЕС, лишь в ограниченном объёме ссылались на конкретные элементы «acquis communautaire» и преимущественно предполагали имплементацию странами ЦВЕ других международных норм (ООН, ВТО и т. д.) [5, с. 121–135].

В июне 1993 г. в Копенгагене страны ЕС утвердили уже иной подход в отношении стран бывшего социалистического блока – курс на их *интеграцию в ЕС на основе принципа политической «обусловленности»* («conditionality»), который предполагает развитие экономических и политических отношений с партнёром в зависимости от соблюдения последним базовых принципов и ценностей ЕС и подразумевает возможность введения санкций со стороны ЕС за их нарушение [6, с. 27]. Так называемые «копенгагенские критерии» членства в ЕС включают наличие в стране устойчивой демократии, верховенства права, обеспечение прав человека, включая права меньшинств, конкурентоспособной в рамках ЕС рыночной экономики, а также способность кандидата нести обязательства, вытекающие из его членства в политическом, экономическом и валютном измерениях Евросоюза. По мнению группы сотрудников Центра западноевропейских исследований ИМЭМО РАН, распространение интеграционных процессов на эти страны было выбрано как «единственный эффективный путь противодействия дестабилизирующим тенденциям в Европе и укрепления европейской безопасности» [4, с. 69]. Стратегия подготовки к вступлению была утверждена Европейским советом в Эссене в 1994 г., а определение окончательных сроков присоединения основной группы стран-кандидатов состоялось только в октябре 2002 г. на саммите ЕС в Брюсселе.

По мнению известного специалиста А. Мисироли из парижского Института изучения проблем безопасности, в отношении стран ЦВЕ Евросоюз также использовал подход, «нацеленный в первую очередь на *стабилизацию*, главным образом через содействие региональному сотрудничеству и формированию широких коалиций» [13, p. 12]. Конкретным механизмом стабилизации, то есть обеспечения решения проблемных вопросов политическими, несиловыми средствами, в отношении стран ЦВЕ была одобренная французская инициатива разработки и подписания Пакта стабильности в Европе («Пакт Балладюра»), призванного обеспечить неприкосновенность границ и урегулировать проблему прав национальных меньшинств в странах ЦВЕ. Необходимость стабилизации была ещё более актуальной для ареала государств, образовавшихся в результате распада бывшей Югославии, и логически предшествовала принятию любого иного подхода с целью углубления связей. Из бывших республик статус страны-кандидата на вступление в ЕС получила только Словения. Остальные страны вместе с Албанией оказались связанными в тугой узел противоречий длительным военным конфликтом в Боснии и Герцеговине и кризисом в Косово. Стабилизация региона, достигнутая посредством вмешательства США и использования военного потенциала НАТО, была увенчана подписанием в 1999 г. всеми странами предложенного Германией многостороннего Пакта стабильности для Юго-Восточной Европы.

Наряду с демократизацией политических режимов в Хорватии и Сербии это позволило Евросоюзу перейти с конца 2000 г. к реализации в отношении стран «Западных Балкан» политики *«стабилизации и ассоциации»*, подкреплённой решением Европейского совета признать данные страны *«потенциальными кандидатами»* на вступление в ЕС [16]. Совмещение нескольких подходов в новом этапе политики ЕС на Балканах объяснялось и нерешённостью задач стабилизации, и готовностью Евросоюза увеличить ресурсную базу своей общей политики (торговые преференции и экономическая помощь странам региона), и желанием использовать свой главный козырь – пусть и в такой более расплывчатой формулировке «потенциального» членства. Одним из инструментов новой политики стали «соглашения о стабилизации и ассоциации», предусматривавшие создание зоны свободной торговли, подписание между балканскими странами двусторонних соглашений о сотрудничестве, более широкий по сравнению с «европейскими соглашениями» объём обязательств по внедрению норм ЕС.

К процессу расширения Евросоюза были подключены два средиземноморских государства – Кипр и Мальта. По мнению британской исследовательницы К. Смит, одобрение заявок этих государств на вступление в ЕС отража-

ло трудности поиска баланса внутри ЕС и было «ответом на опасения южных стран-членов, что «южное измерение» игнорируется в пользу восточного расширения» [17, p. 278]. Перспективы Турции, несмотря на учреждение таможенного союза с января 1996 г., предоставление статуса кандидата на вступление в 1999 г. и начало официальных переговоров в 2005 г., остаются до конца не прояснёнными. В 1987 г. заявку на вступление в ЕЭС подали власти Марокко, но она была отвергнута на основании прописанного в договоре 1957 г. географического критерия членства – Марокко не является европейской страной. Это решение фактически означало отрицание перспективы членства и для остальных неевропейских стран Средиземноморья.

Вместо этого в основу политики влияния ЕС на процессы в южных и восточных средиземноморских странах легла стратегия *углубления ассоциации*, оформленная Еврокомиссией в виде концепции «евро-средиземноморского партнёрства» как системы привилегированных отношений в областях, охваченных всеми тремя опорами ЕС [8, p. 1–13]. Совместная декларация и рабочая программа «трёх партнёрств» (более интенсивное сотрудничество по всем политическим аспектам и проблемам безопасности; создание к 2010 г. зоны свободной торговли, укрепление экономического сотрудничества и существенное увеличение помощи; партнёрство в социальной, культурной и гуманитарной сферах) были приняты на Евро-средиземноморской конференции представителей 27 государств в Барселоне в ноябре 1995 г. [12].

Реализация стратегии шла в рамках многосторонних форматов под эгидой «Барселонского процесса», а также подписания новых двусторонних соглашений об ассоциации между ЕС и странами Средиземноморья. В отличие от соглашений со странами ЦВЕ и Балкан новые соглашения не налагают на средиземноморские государства каких-либо «жёстких» обязательств по приведению их законодательства в соответствие с законодательством ЕС, однако поощряют добровольную гармонизацию [5, с. 166]. В реальности готовность к добровольной гармонизации оказалась декларативной, создание зоны свободной торговли не касалось важной для экспорта средиземноморских стран сельхозпродукции, а объёмы выделяемой помощи были достаточны для продолжения текущей деятельности, нежели для запуска новых крупных проектов. Неудачей закончилась и попытка ЕС стабилизировать регион: была отвергнута идея принять Хартию мира и стабильности в Средиземноморье как аналог европейских пактов стабильности [18, p. 137–142].

Таким образом, к моменту своего масштабного расширения на восток и появления нового приграничья Евросоюз имел целый набор подходов в отношении соседних стран и регионов. Метод интеграции в Евросоюз использовался в отношении заинтересованных в этом европейских стран. При этом, помимо базового географического критерия и принятия комплекса действующих норм ЕС, для новых стран-кандидатов были утверждены дополнительные требования: ставшие обязательными для всех «копенгагенские критерии» и специфические – для балканских стран. Как показывает практика, в этом случае эффективно работает инструмент политической обусловленности, применение которого стало более гибким с введением дополнительного статуса «потенциального кандидата». В отношении же тех европейских стран, которые не стремились в ЕС, или тех, которые стремились, не будучи европейским государством, был апробирован метод создания или развития ассоциации на основе соответствующей статьи договора о ЕЭС. Содержание ассоциации варьируется в зависимости от «качества» партнёра: глубокая интеграция и унификация законодательства, реализованная со странами ЕАСТ на основе двух разных моделей; значительно менее амбициозная повестка со странами Средиземноморья, в которой также важное место занимает оказание помощи со стороны ЕС. В случае со странами ЦВЕ, Балкан и Средиземноморья дополнительным инструментом политики ЕС стал метод стабилизации, нацеленный на создание благоприятных политических условий для интеграции или ассоциации с ЕС.

Литература

1. Барановский, В.Г. Европейское сообщество в системе международных отношений [Текст] / В.Г. Барановский. – М. : Наука, 1986. – 320 с.
2. Борко, Ю.А. Отношения России с Европейским Союзом и их перспективы [Текст] / Ю.А. Борко. – М. : Экслибрис-пресс, 2001. – 101 с.
3. Договоры, учреждающие Европейские сообщества [Текст] / отв. ред. Ю.А. Борко. – М. : Международная издательская группа «Право», 1994. – 390 с.
4. Маастрихтский процесс: реакция на новые вызовы [Текст] / Н.К. Арбатова [и др.] // Мировая экономика и международные отношения. – 1993. – № 9. – С. 64–77.
5. Петров, Р.А. Транспозиция «acquis» Европейского Союза в правовые системы третьих стран [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ekmair.ukma.kiev.ua/bitstream/123456789/1715/1/Petrov_Transpozitsiya%20%c2%abacquis%c2%bb%20Evropeyskogo%20Soyuza_rus.pdf.
6. Потёмкина, О.Ю. Россия и Европейский Союз: «холодное лето» 2007 года [Текст] / О.Ю. Потемкина, Н.Ю. Кавешников // Современная Европа. – 2007. – № 3. – С. 24–29.
7. Bretherton, Ch. The European Union as a Global Actor [Text] / Ch. Bretherton, J. Vogler. – L. ; New York : Routledge, 1999. – 316 p.
8. Communication from the Commission to the Council and the European Parliament: Strengthening the Mediterranean policy of the European Union: Establishing a Euro- Mediterranean Partnership**.** COM (94) 427 final**.** Brussels, 10 October 1994 [Electronic resource]. – URL : http://aei.pitt.edu/2950/1/2950.pdf.
9. European Council in Lisbon 26/27 June 1992: Conclusions of the Presidency [Electronic resource] // Official web-site of the European Council [Electronic resource]. – URL : http://www.european-council.europa.eu/media/848521/1992_june_-_lisbon__eng_.pdf.
10. European Council Meeting on 9 and 10 December 1994 in Essen: Presidency Conclusions [Electronic resource]. – URL : http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/ec/00300-1.EN4.htm.
11. Lister, M. The European Union and the South [Text] / M. Lister. – L. ; New York : Routledge, 1997. – 200 p.
12. Madrid European Council 15–16 December 1995: Presidency Conclusions. Annex 11: Barcelona Declaration [Electronic resource]. – URL : http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/ec/00400-C.EN5.htm.
13. Missiroli, A. The EU and its changing neighbourhood: stabilization, integration and partnership [Text] / A. Missiroli // European Union Foreign and Security Policy: Towards a Neighbourhood Strategy. – L. ; New York : Routledge, 2004. – P. 12–26.
14. Nørgaard, O. The post-Soviet Newly Independent States and the European Community: Prospects for Trade, Investment and Aid [Text] / O. Nørgaard // The European Community in World Politics. – L. : Pinter Publishers Ltd, 1993. – P. 98–117.
15. Report from the Commission: The Stabilisation and Association Process for South East Europe, First Annual Report. COM (2002) 163. 4 April 2002 [Electronic resource]. – URL : http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2002:0163:FIN:EN:PDF.
16. Santa Maria da Feira European Council 19 and 20 June 2000: Presidency Conclusions. [Electronic resource]. – URL : http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/ec/00200-r1.en0.htm.
17. Smith, K. Enlargement and European Order [Text] / K. Smith // International Relations and the European Union. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – P. 270–291.
18. Tanner, F. North Africa: partnership, exceptionalism and neglect [Text] / F. Tanner // European Union Foreign and Security Policy: Towards a Neighbourhood Strategy. – L. ; New York : Routledge, 2004. – P. 135–150.
19. Tobler, Ch. Internal Market beyond the EU: EEA and Switzerland [Electronic resource]. – URL : http://www.europarl.europa.eu/document/activities/cont/201003/20100315ATT70636/20100315ATT70636EN.pdf.

ББК 63.3(2)614
УДК 94(47).084.6

С.В. ЕРЁМИН

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ В 1930-е ГГ.

S.V. YERYOMIN

ORGANIZATIONAL STRUCTURE OF THE SOVIET FOREIGN POLICY PROPAGANDA IN THE 1930TH

К концу 1930-х гг. советская внешнеполитическая пропаганда стала эффективным инструментом советской дипломатии. Процессы формирования и функционирования всех органов, на которые возлагались пропагандистские задачи, находились под постоянным контролем Политбюро и ЦК ВКП(б). Значительное влияние на функционирование органов внешнеполитической пропаганды оказывали события, происходившие внутри страны: реорганизации партийно-государственного аппарата, усиление цензурного контроля, политические репрессии. В предлагаемой статье мы попытались в обобщённом виде представить структуру основных партийно-государственных органов советской внешнеполитической пропаганды в 1930-е гг.

By the end of the 1930s, the Soviet foreign policy propaganda became an effective tool of Soviet diplomacy. The processes of formation and functioning of all the organs, which were associated with propaganda tasks were under the constant control of the Political Bureau and the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). A significant impact on the functioning of the organs of the foreign policy propaganda had the events taking place inside the country: the reorganization of the party-state apparatus, the strengthening of the censorship of control, political repression. In this article the author makes an attempt to represent in a generalized form the organizational structure of the basic party and state organs of the Soviet foreign-policy propaganda in the 1930s.

Ключевые слова: Бюро международной информации (БМИ), Управление агитации и пропаганды (УПА), Народный комиссариат иностранных дел (НКИД), Отдел печати НКИД, Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС), пресса, цензура.

Key words: the Bureau of International Information (BMI), the Department of Agitation and Propaganda (UPA), the People's Commissariat for Foreign Affairs (NKID), the NKID`s Department of Printing, The All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries (VOKS), the Telegraph Agency of the Soviet Union (TASS), the press, censorship.

Внешнеполитическая пропаганда является инструментом для достижения государством тех или иных целей во взаимоотношениях с другими странами или международными организациями. Она призвана решать задачу пересылки информационных сообщений из конкретной страны за границу, а также распространять материалы о жизни за рубежом в средствах массовой информации этой страны [4, с. 7, 10; 6, с. 6].

Для решения этой двуединой задачи создаётся соответствующая организационная структура. Подобная структура формировалась в СССР в 1930-е гг. в условиях обострения международной напряжённости и нарастания военной угрозы, что накладывало свой отпечаток на процесс её формирования. Кроме того, решающим было влияние на развитие данного процесса сталинского режима с его политико-идеологическим диктатом в пропагандистской сфере.

Характеристика партийных и государственных органов, которые осуществляли в СССР в предвоенный период задачи ведения внешнеполитической пропаганды, формы и методы получения и распространения международной информации в советских СМИ затрагивается в ряде исследований

[4, 6, 12]. Однако обобщённая картина на сегодняшний день отсутствует, тем более, что основное внимание в историографии акцентируется на периоде 1939–1941 гг. [6, 12, 13].

В предлагаемой статье предпринята попытка восполнить данный пробел и представить в обобщённом виде структуру основных партийно-государственных органов советской внешнеполитической пропаганды в 1930-е гг.

Оформление системы советской внешнеполитической пропаганды было связано с международными событиями рубежа 1920–1930-х гг., когда СССР после длительного периода непризнания его западными державами стал постепенно входить в систему международного сообщества. Важным фактором на пути её становления стало вступление Советского Союза в Лигу Наций (1934 г.), что значительно повысило авторитет СССР на международной арене [15, с. 6].

Складывавшаяся в эти годы организационная структура внешнеполитической пропаганды сложна для рассмотрения, прежде всего потому, что трудно разделить в мощном пропагандистском комплексе СССР того периода органы внутренней и внешней пропаганды: между ними существовала тесная взаимосвязь. Публикации в советской печати были рассчитаны не только на «своего», но и на зарубежного читателя, а проводившиеся пропагандистские мероприятия и акции на международной арене подавались под «идеологическим соусом» [15, с. 48–49].

В 1930-е гг., на этапе становления и укрепления сталинского режима, предпринимались беспрецедентные меры по усилению контроля над сферой внешнеполитической пропаганды. Это происходило в процессе периодической реорганизации партаппарата.

На XVII съезде ВКП(б) (январь 1934 г.) было объявлено о реорганизации структуры партийного аппарата всех уровней и о переходе в ней от функционального к производственно-отраслевому принципу. Существовавшие ранее функциональные отделы – культуры и пропаганды (Культпроп); агитации и массовых кампаний (Агитпроп) – ликвидировались. Вместо них были образованы отраслевые отделы, среди них – преобразованный Отдел культуры и пропаганды (Культпроп) [11, с. 49–50].

13 мая 1935 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) о реорганизации ранее существовавшего Отдела культуры и пропаганды (Культпроп), который был разделён на пять самостоятельных структурных подразделений – отделов: партийной пропаганды и агитации; печати и издательств; школ; культурно-просветительной работы; науки, научно-технических изобретений и открытий.

В составе отдела печати и издательств функционировало Бюро международной информации (БМИ) [2, с. 281]. БМИ, засекреченная аналитическая структура ЦК ВКП(б), первоначально подчинялось Особому сектору ЦК ВКП(б)и было связано с внешнеполитической и военной разведкой. 16 мая 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о задачах Бюро международной информации. Задачи БМИ были сложными и многоаспектными:

1) проверка, сводка информации по международным делам, проходившим в ЦК ВКП(б) по всем каналам советских учреждений;

2) извлечение информации из иностранной прессы и литературы;

3) получение сведений из иностранных источников;

4) проверка результатов всей предыдущей работы через высылаемых собственных корреспондентов [2, с. 282].

Полученные информационные материалы должны были служить для ежедневной информации ЦК, накапливаться для разработки в случае необходимости новых крупных вопросов, не решаемых в данный момент, по указанию Секретариат ЦК быть информационным источником для советской прессы.

БМИ не выступало официально, а должно было вести свою работу секретно [2, с. 283].

19 мая 1934 г. Политбюро ЦК ВКП(б) под грифом «Особая папка» приняло постановление «Об Информационном Бюро» [11, с. 62]. Именно с этого времени БМИ стало действовать в составе ЦК ВКП(б).

Выделенный из Отдела культуры и пропаганды Отдел печати и издательств согласно постановлению от 13 мая 1935 г. был призван выполнять три основные функции. Во-первых, это был орган для трансляции руководящих партийных указаний в советской печати; во-вторых, он осуществлял контроль над печатью; в-третьих, являлся своеобразной исследовательской лабораторией для выработки новых форм, методов и приёмов текущей печати. Вся работа Отдела печати и издательств ЦК ВКП(б) сосредоточивалась в 11-ти секторах и в том числе – в секторах партийной печати, советской печати, печати зарубежных «братских партий», иностранной печати [11, с. 130].

Четырнадцатого ноября 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило решение «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)». В этом постановлении особое внимание уделялось необходимости изменения структуры партийного аппарата всех уровней. Отделы партийной пропаганды и агитации, печати и издательств ЦК были объединены, и в результате возник новый Отдел пропаганды и агитации, под контроль которого попали печатные издания, в том числе – произведения литературы и искусства [11, с. 131].

Многочисленные преобразования в пропагандистской структуре ЦК ВКП(б) логично завершились в 1939 г. По решению XVIII съезда ВКП(б) 3 августа 1939 г. было создано Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) (УПА). Оно объединило все отрасли и направления идеологической работы большевистской партии. УПА стремилось контролировать, насколько чётко и своевременно выполнялись партийными и государственными органами, издательствами, средствами массовой информации и творческими союзами официальные идеологические установки [11, с. 133].

Специфика УПА ЦК ВКП(б) состояла в том, что в своей внешнеполитической пропагандистской деятельности оно уделяло основное внимание идеологической, а не информационной составляющей [14, с. 13].

Ведущими советскими партийно-политическими изданиями в рассматриваемый период являлись журналы «Большевик», «Спутник агитатора», «Партийное строительство», «В помощь марксистско-ленинскому образованию», «Большевистская печать». Последний журнал «боролся за повышение качества советских газет и журналов с учётом опыта зарубежной печати» [6, с. 51].

Пропагандистские функции за рубежом кроме УПА ЦК ВКП(б) выполнял ряд народных комиссариатов СССР (иностранных дел, внешней торговли и т. д.). Если в отношении Народного комиссариата иностранных дел (НКИД) вопросов в связи с его пропагандистскими функциями не возникает (он координировал действия структур государственной власти в области внешней политики, и это априори входило в число задач внешнеполитического ведомства), то в отношении других наркоматов ситуация была несколько иная. Например, в составе наркомата внешней торговли, на первый взгляд, отраслевого, специализированного ведомства, весьма далёкого от вопросов пропаганды, входило объединение «Международная книга», которое активно использовалось при решении за границей пропагандистских задач в рамках сотрудничества в области книгообмена [6, с. 52].

Важно отметить, что в 1930-е гг. при НКИД действовал Отдел печати. В СССР в тот период не существовало какого-либо правительственного органа, специально ведавшего международной информацией, призванного разрабатывать и координировать информационную политику. На Отдел печати НКИДа в данной связи ложилась лишь часть этих функций, поскольку он не мог сравниться с аналогичными иностранными ведомствами, располагавшими аппаратом в составе нескольких тысяч человек [9, с. 229].

Поначалу функции Отдела печати НКИДа были не вполне определёнными. Так, он занимался издательской деятельностью: публиковал брошюры и книги, которые разъясняли советскую дипломатическую линию широкой публике. Такого рода издания имели объём не менее 100 страниц и выходили большими тиражами [9, с. 76].

Ситуация изменилась после того, как 2 октября 1939 г. было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об освещении в советской печати вопросов международной политики». На Отдел печати НКИД отныне возлагался контроль над иностранными отделами ТАСС, центральными газетами (кроме главного печатного органа ЦК ВКП(б) газеты «Правда»), журналом «Коммунистический Интернационал» и Инорадиовещанием. Отдел печати наркомата иностранных дел с этого времени по существу стал руководить печатью в области внешней политики [13, с. 41].

Именно Отдел печати НКИД с октября 1939 г. стал координирующим органом в области информационно-пропагандистской политики, направленной на заграницу. Вместе с тем ни одно значимое решение в сфере стратегии и тактики информационного воздействия на заграницу не обходилось без утверждения УПА ЦК ВКП(б) и высшего советского руководства [6, с. 53].

По постановлению Совнаркома СССР (СНК) от 10 июля 1925 г. было создано Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС). Согласно решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 9 ноября 1934 г., ТАСС стало исполнять роль центрального информационного органа страны. Именно оно обладало исключительным правом распространения за границей информации о СССР, а в его пределах – иностранной и общесоюзной информации [6, с. 61]. ТАСС входило в состав Отдела печати и издательств ЦК ВКП(б) на правах самостоятельного структурного подразделения.

ТАСС являлся исполнительным звеном внешнеполитической информационно-пропагандистской системы. С первых дней своего существования ТАСС занималось не только передачей, но и сбором информации за рубежом. По сути это учреждение участвовало в разведывательной деятельности. Таким образом, ТАСС совмещало информационные, разведывательные и контрпропагандистские функции [14, с. 65]. В составе ТАСС существовала с момента его основания редакция информации для заграницы (РИДЗ).

Правом распространения информации за рубежом, помимо Телеграфного Агентства Советского Союза, обладали также Всесоюзное общество культурной связи с заграницей и Литературное агентство, входившее в состав объединения «Международная книга».

Восьмого августа 1925 г. по постановлению Центрального Исполнительного Комитета СССР (ЦИК) и СНК СССР было создано Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС). В Уставе ВОКСа его главная задача определялась следующим образом: содействие «установлению и развитию научной и культурной связи между учреждениями, общественными организациями и отдельными научными и культурными работниками Союза ССР и заграницы» [6, с. 67]. Для этого ВОКС устанавливал контакты с различными организациями с целью обмена информацией, содействовал образованию Обществ дружбы с СССР в зарубежных странах, а также научному обмену, организации выставок и гастролей, публиковал материалы о культуре, науке, быте в СССР и передавал их за границу. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей наделялось правом непосредственного сношения с зарубежными организациями и частными лицами по вопросам культурных связей, имело своих представителей за рубежом. ВОКС финансировался из государственного бюджета [5, с. 313].

На первых порах структура Всесоюзного общества культурной связи с заграницей была крайне простой: правление, бюро, секретариат и референтура.

С 1930-х гг. начал издаваться журнал «ВОКС». Для активизации внешнеполитической пропагандистской деятельности в 1933 г. было создано Информационное бюро ВОКС [5, с. 314].

В 1934 г. была утверждена новая структура Общества. В её основу были положены принципы, заимствованные у Наркомата иностранных дел (сочетание территориальных и функциональных отделов). Возникло 5 территориальных отделов, 3 из которых занимались решением задач советской культурной дипломатии в континентальной Европе: 1-й, 2-й, 3-й Западные. Наряду с этим начали работу функциональные отделы: печати, выставок, книгообмена, – а также секретариат правления, учёный секретариат и управление делами. В октябре 1935 г. был создан протокольный отдел, ведавший приёмом и обслуживанием иностранцев [5, с. 315].

Кроме того, были образованы секции, существовавшие в составе отдела культуры ВОКС. В секциях (изобразительной, литературной, театральной, кино и др.) работали на общественных началах видные советские писатели, художники, учёные, актёры.

В 1930-е гг. в СССР фактически была провозглашена монополия внешних культурных связей, схожая с монополией внешней торговли. ВОКС являлся едва ли не главным и единственным монополистом, выполняющим ответственную задачу проведения внешнеполитической пропаганды за границей, поскольку примат политических задач стал превалировать в его деятельности над чисто культурническими акциями [6, с. 71].

Следует отметить и радиовещание, которое наряду с издательской деятельностью играло важную роль в советской внешнеполитической пропаганде. Существовала целая система центральных, республиканских и местных программ с общим объёмом вещания 383 часа в сутки.

В СССР непрерывно росло число радиоточек. Если в 1928 г. их насчитывалось 32 тыс., то в 1941 г. – уже 5,8 млн. В пользовании граждан имелось 1 млн. радиоприёмников [4, с. 30].

Центральное радиовещание, включая передачи на 14 языках за границу, ежедневно передавало в эфир свыше 30 печатных листов текста. Преимущественно этим занимался Иностранный отдел (отдел Инорадио), функционировавший в рамках созданного 31 января 1933 г. Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР (ВРК) [4, с. 28].

Регулярные радиопередачи на зарубежные страны начали вестись в СССР с 1929 г. В 1940 г. радиовещание из Москвы осуществлялось уже на 13-ти языках, 31 час ежедневно. Первого мая 1933 г. вступила в строй радиостанция им. Коминтерна, которая работала на длинных волнах. Первого августа 1933 г. вышла в эфир коротковолновая радиостанция РВ-96. Всего накануне Великой Отечественной войны вещание на иностранных языках осуществлялось через 9 длинноволновых, 16 средневолновых и 16 коротковолновых радиостанций. К началу 1940-х гг. СССР имел 19 радиотелеграфных и 2 радиотелефонные международные линии, соединявшие его с 15-ю иностранными государствами.

Структура аппарата Иновещания в основном строилась по языковому принципу. Главную роль здесь играли вещательные редакции. С 1940 г. к ним стали добавляться и программные редакции («Русская редакция», «Международная группа», «Литературно-художественная группа»). В качестве дикторов, переводчиков, редакторов работали иностранные граждане (как правило, либо члены зарубежных компартий, либо политэмигранты, владевшие иностранными языками) [4, с. 30].

В 1936 г. взамен Международного Объединения Революционных Писателей (МОРП) возникла Иностранная Комиссия Союза Советских Писателей (ССП). Десятого декабря 1939 г. президиум ССП утвердил Положение о ней [1, л. 64]. В задачи этой Комиссии, в частности, входило осуществление связи ССП с международными органами иностранных писателей и других деятелей культуры, а также – с отдельными зарубежными писателями. Она же была признана организовывать «в порядке гостеприимства Союза Советских писателей» приезды в СССР иностранных писателей, равно как и содействовать советским писателям в их поездках за границу» [1, л. 66].

Другие задачи, изложенные в «Положении…», сводились к следующему: сотрудники Иностранной комиссия ССП осуществляли переписку, изучали состояние писательского движения в капиталистических странах, реферировали по этим вопросам прессу, составляли тематические досье и общие обзоры движения по странам, готовили материалы и предложения для правления ССП СССР по вопросам международного писательского движения и литературы. Они готовили и отсылали по запросам иностранных писательских организаций, периодических изданий или отдельных писателей материалы о советской литературе и о печатающихся в СССР произведениях иностранных писателей.

Иностранная комиссия ССП содействовала в необходимых случаях привлечению иностранных писателей к участию в советской прессе, а также к составлению киносценариев и драматургии, т. е. к работе советского театра. Она должна была организовывать вечера, посвящённые творчеству иностранных писателей, литературе отдельных стран, а также литературные выставки [1, л. 67].

Отметим, что важнейшим условием и определяющим звеном в системе внешнеполитической пропаганды являлась политическая цензура, которая осуществлялась через государственные органы (в первую очередь, через Главлит). Советская цензура отличалась развитостью как предварительного, так и последующего контроля, причём её карательные функции имели буквальное значение. Непосредственное участие в аппарате Главлита принимали представители ГПУ/НКВД. Возникшая в Советской стране первоначально как военная, в дальнейшем цензура стала развиваться как предварительная, традиционная.

Цензорские функции были почти целиком возложены на образованное в июне 1922 г. (согласно декрету СНК РСФСР) Главное управление по делам литературы и издательств Наркомпроса РСФСР (Главлит). Главлит осуществлял предварительный и текущий контроль над издательской деятельностью, а также ввоз литературы из-за границы. [7, с. 197].

В 1930 г. структура Главлита включала Русский, Военно-экономический, Иностранный и Организационно-плановый отделы. Русский отдел осуществлял предварительный политико-идеологический контроль над выходящей русской литературой и вещанием, её последующий контроль, предварительный и последующий политико-идеологический контроль над выставками произведений искусства, составление литературных обзоров и др. [7, с. 198].

К концу 1930-х гг. концентрация усилий в области политико-идеологического контроля над всеми произведениями печати, радио и литературой, ввозимой из-за границы и ввозимой в СССР, достигла своего апогея. Советское государство практически не скрывало, что готовится к неизбежной военной схватке с фашистской Германией, воздвигая непреодолимую стену между двумя режимами [7, с. 208].

Таким образом, к началу 1940-х гг. в СССР сложилась разветвлённая система внешнеполитической пропаганды. Она функционировала под непосредственным руководством Политбюро ЦК ВКП(б) через соответствующие идеологические структуры (отделы ЦК).

Помимо собственно партийных пропагандистских органов, к внешнеполитической пропаганде были причастны государственные учреждения, общественные организации, органы периодической печати. Они находились под строгим идеологическим контролем ЦК ВКП(б).

Органы советской внешнеполитической пропаганды в своей деятельности основное внимание уделяли идеологической, а не информационной составляющей. Высокий уровень политизации средств массовой информации, с одной стороны, обеспечивал возможность советским читателям, радиослушателям и зрителям узнавать о реалиях политической жизни в своей стране и за рубежом. С другой стороны, схематичность оценок и выводов, распространяемых пропагандистскими средствами, консервировали политическое сознание большинства советских граждан на уровне упрощённых, стереотипных представлений.

Литература

1. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 76.
2. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа Решения «особой папки». 1923–1939. – М. : РОССПЭН, 2001. – 400 с.
3. Пальгунов, Н.Г. Тридцать лет (Воспоминания журналиста и дипломата) [Текст] / Н.Г. Пальгунов. – М. : Политиздат, 1964. – 351 с.
4. Борков, А.В. Создание и деятельность основных советских органов внешнеполитической пропаганды и информации [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.В. Борков. – Нижний Новгород, 1997. – 31 с.
5. ВОКС в 1930–1940-е годы [Текст] / А.В. Голубев, В.А. Невежин // Минувшее. Исторический альманах. – М. ; СПб. : Atheneum ; Феникс, 1993. – Т. 14. – С. 313–364.
6. Гасюк, А.Г. Внешнеполитическая пропаганда СССР накануне Великой Отечественной войны (1939–1941 гг.) [Текст] : дис. ... канд. ист. наук / А.Г. Гасюк. – М., 2008.– 199 с.
7. Горяева, Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. [Текст] / Т.М. Горяева. – М. : РОССПЭН, 2002. – 408 с.
8. Гречухин, П.Б. Власть и формирование исторического сознания советского общества в 1934–1941 гг. [Текст] : дис. ... канд. ист. наук / П.Б. Гречухин. – Саратов, 1997. – 202 с.
9. Дюллен, С. Сталин и его дипломаты. Советский Союз и Европа. 1930–1939 гг. [Текст] / С. Дюллен. – М. : РОССПЭН, 2009. – 320 с.
10. Ерёмин, С.В. Советская пресса и цензура в 20–30-е годы (источниковедческий аспект) [Текст] / С.В. Ерёмин // Научные труды Нижневартовского государственного педагогического университета. Сер. История. – Нижневартовск, 1999. – Вып. 1. – С. 125–135.
11. Жуков, Ю.Н. Иной Сталин: Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. [Текст] / Ю.Н. Жуков. – М. : Вагриус, 2003. – 511 с.
12. Маркелов, С.Ю. Общественное сознание в СССР как отражение внешнеполитической пропаганды ВКП(б), 1939–1941 гг. [Текст] : дис. ... канд. ист. наук / С.Ю. Маркелов. – Омск, 2004. – 17 с.
13. Невежин, В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боёв», 1939–1941 гг. [Текст] / В.А. Невежин. – М. : АИРО-XX, 1997. – 283 с.
14. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы [Текст] / авт.-сост. : А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. – М. : РОССПЭН, 2007. – 806 с.
15. Хормач, И.А. Возвращение в мировое сообщество: борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой наций в 1919–1934 гг. [Текст] / И.А Хормач. – М. : Кучково поле, 2011. – 608 с.

ББК 66.4
УДК 327.58:(479.243)

К.В. ЮМАТОВ

K.V. YUMATOV

РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В НАГОРНО-КАРАБАХСКОМ КОНФЛИКТЕ

ROLE OF MASS MEDIA IN THE NAGORNY KARABAKH CONFLICT

В статье рассматривается роль средств массовой информации СССР, Азербайджана, Армении и Нагорно-Карабахской автономной области в формировании армяно-азербайджанского конфликта на начальном его этапе (1987–1988 гг.). Автор приходит к выводу об отсутствии эффективной информационной стратегии советского и азербайджанского руководства и её наличии в СМИ НКАО и Армянской ССР.

The paper considers the role that the mass media of the USSR, Azerbaidjan, Armenia and Nagorny Karabakh autonomous region played in the formation of the Armenian-Azerbaijani conflict at its initial stage (1987–88). The author concludes that the Soviet and the Azerbaijani authorities had no effective informational strategy, unlike Nagorny Karabakh and the Armenian Soviet Socialist Republic, whose mass media reflect it.

Ключевые слова: СМИ, нагорно-карабахский конфликт, роль журналистов в конфликте.

Key words: mass media, Nagorny Karabakh conflict, role of journalists in conflict.

Актуальность изучения механизмов возникновения и развития этноконфессиональных конфликтов в настоящее время как никогда высока. Столь же актуален вопрос о роли средств массовой информации в условиях межэтнического противостояния. Перед исследователями постоянно возникает проблема границ информационной свободы и пределах журналистской этики в освещении событий, связанных с этническими столкновениями.

Особенно злободневны эти вопросы для современной России. С одной стороны, российские СМИ (особенно официальные) часто осуждаются за отсутствие реальной свободы слова, с другой стороны, опыт кавказских конфликтов показал, что неконтролируемый информационный поток может быть инструментом, которым активно пользуются националисты и религиозные фундаменталисты для достижения своих целей.

Нагорно-карабахский конфликт стал первым в череде военных конфликтов на территории СССР. Анализ опыта, накопленного в ходе армяно-азербайджанского противостояния, несомненно, имеет огромное значение для выработки механизмов предотвращения эскалации межэтнической напряжённости. Особенно актуально изучение ситуации с информационным освещением конфликта в 1987–1988 гг. – в период его становления и развития.

Вопрос о позиции и роли советских СМИ в нагорно-карабахском конфликте уже не раз поднимался. Так, в работе А. Мелик-Шахназарова, опубликованной в Москве под названием «Нагорный Карабах: факты против лжи. Информационно-идеологические аспекты нагорно-карабахского конфликта» [14], а в Минске как «Нагорный Карабах: хроники ненависти» [15], рассмотрены материалы прессы различного уровня. С точки зрения автора «кривое зеркало советской прессы» отражало ситуацию лживо и необъективно: «Характерным в ситуации на информационном поле «событий в Нагорном Карабахе и вокруг него» было сознательное искажение фактов и нагнетание напряжённости» [14, с. 340]. Статьи и репортажи центральных СМИ будто бы нарочито были направлены на возбуждение недовольства жителей НКАО… И часто причинами выступлений протеста становились именно подстрекатель-

ские выступления центральных средств массовой информации и, прежде всего, главной советской газеты «Правда» и Центрального телевидения, публикации и репортажи которых подогревали страсти искажённой информацией.

Вполне понятно, что информационно-пропагандистские байки об армянских «национал-экстремистах» и азербайджанских «советских интернационалистах» были следствием объективного совпадения интересов Баку и Кремля в игре в «послушных и непослушных парней» [14, с. 344; 15, с. 240].

Гораздо более правдивыми считает А. Мелик-Шахназаров СМИ Армении и НКАО. «Некогда рутинное провинциальное издание газета «Советакан Карабах» – Советский Карабах», чьё ежедневное содержание в 1987 г. мало чем отличалось от номеров 1970-х годов стало рупором реальной гласности в вопросе освещения карабахских событий. Провинциальная газета стала выходить на совершенно новый уровень, и это потребовало качественно иной работы.

В отличие от республиканских газет Азербайджана, постоянно искажающих правду и поливающих карабахцев грязью, наша газета стала настоящим, правдивым летописцем карабахского движения и объективно, в сдержанных тонах, без каких-либо нападок и оскорблений другой стороны рассказывает читателям о событиях, которые происходят в области.

По мере развития событий рос и тираж областной газеты. В 1990 г. её тираж вырос уже до 88 тысяч экземпляров, из которых на долю русского издания приходилось где-то 12 тысяч экземпляров» [14, с. 346–347; 15, с. 241–242].

Такую же оценку деятельности центральных и СМИ Армении и НКАО дают и другие армянские авторы (за исключением Р. Аракелова [2], о точке зрения которого будет сказано ниже). Г. Багдасарян говорил о «Советском Карабахе» 1988 г. следующее: «Это был короткий период действительно демократической прессы без цензуры в любом её проявлении. Газета освещала все события, тогда как ереванская пресса молчала, а центральная продолжала заниматься дезинформацией» [4]. Председатель Национального Собрания Нагорно-Карабахской Республики Ашот Гулян отмечал: «Неоценима роль газеты в национально-освободительной борьбе армянства Арцаха в конце XX века, когда, преодолев препоны официальной цензуры и прорвав информационную блокаду края, ей удалось представить реальную картину карабахского движения не только армянской общественности, но и многотысячным читателям бывшего Советского Союза и других стран мира» [8]. Начальник отдела информации и мониторинга Управления информации при правительстве Республики Армения, лауреат премии Министерства обороны и Союза журналистов Армении «Я солдат Отчизны» (1997 г.) Алвард Балхударян писала, что «в 1988 году самой независимой армянской газетой стала издаваемая в Степанакерте (Ханкенди) газета «Советский Карабах» [5, с. 26].

Интересно, что столь же критически деятельность центральной прессы оценивали и оценивают сами азербайджанцы. «Советская общественность получала искажённую информацию о событиях в Ереване и Степанакерте, точнее дезинформацию. Тактика замалчивания, с последующей откровенной дезинформацией общественности с помощью мощного правительственного рупора – ТАСС – являлась обычным приёмом партийных органов при кризисных ситуациях во времена железного занавеса. В случае же с НКАО в 1988 г. информационное освещение событий явилось одним из самых дестабилизирующих факторов» [1, с. 71].

Противники отделения НКАО от Азербайджана также подчёркивают огромную роль в армянском движении газеты «Советский Карабах», но оценки их, конечно, носят резко отрицательный характер. Вот, например, мнение Р. Аракелова: «В ту пору большего провокатора, большего злодея по части разжигания националистических страстей, чем эта газета, и прежде всего её главный редактор Максим Осипян [вероятно, имеется в виду М. Ованесян. – *К.Ю.*], трудно себе представить. Как у единственного печатного органа, возможности газеты в плане охвата населения области – от её главного города до глухих деревень, в плане формирования умонастроения людей, – были огромны» [2, с. 95].

Таким образом, мы можем констатировать, что сторонами роль центральных СМИ и СМИ враждебной республики в конфликте оценивается достаточно однозначно: информацию фальсифицируют в угоду общим интересам.

Оценка собственных информационных ресурсов не столь категорична. В целом отражение ситуации СМИ считалось более правдивым, но часто звучали обвинения в том, что информация замалчивается в угоду Москве.

Дискуссионность данных выводов не подлежит сомнению. В связи с этим представляется необходимым вернуться к этому вопросу.

Итак, 1987 год. По утверждению азербайджанских источников, в этом году начинается постепенное вытеснение азербайджанцев из Армении [26]. В Ереване и Степанакерте начинает формироваться армянское национальное движение. Осенью 1987 г. в Ереване под эгидой экологических митингов впервые звучат лозунги о воссоединении НКАО и Армении [26]. 16 ноября 1987 г. в Париже советник М.С. Горбачёва по экономике, академик Абел Аганбегян заявляет: «Я был бы рад, если бы Нагорный Карабах вернули Армении» [9]. Советская пресса хранит молчание.

Первая публикация, которая отражает начало противостояния, появляется 24 декабря 1987 г. в газете «Сельская жизнь». Это была статья бывшего корреспондента «Известий» А.С. Беккера «У прошлого в плену»[6].Материал был посвящён конфликту между жителями села Чардахлы во главе с директором совхоза Суреном Егияном и первым секретарём Шамхорского райкома партии Аждаром Асадовым. Характерно, что этот текст не прошёл редакторскую цензуру в «Известиях» и поэтому был опубликован в куда менее влиятельном и известном издании. Надо заметить, что основной мотив статьи не в конфликте армянского населения села и азербайджанского руководства района. Основная мысль заключается в противостоянии прогрессивного и самостоятельного директора и реакционера-бюрократа из райкома. О национальном контексте противостояния можно сделать вывод только из анализа фамилий участников. Дополнительные подробности о событиях августа – декабря 1987 г. в Чардахлы широкой публике станут известны гораздо позже, после публикации писем жителей села Чардахлы Генеральному Прокурору СССР А.М. Рекункову и Министру внутренних дел СССР А.В. Власову из Фонда против правового произвола [19].

21 февраля 1988 г. на первой странице «Советского Карабаха»появилось сообщение о внеочередной сессии Совета Народных депутатов НКАО [7] и её решении ходатайствовать о передаче НКАО в состав Армянской ССР [22]. Это был откровенный вызов армянского национального движения. В данной ситуации была важна реакция центральной власти и властей Азербайджана. Во многом от неё зависело дальнейшее развитие событий. От советского руководства требовался целый комплекс различных мер, в том числе и информационных. Но, не желая идти на традиционный для Советского Союза силовой вариант подавления сепаратистских выступлений, в информационной компании советское руководство повело себя исключительно в духе консервативных традиций. В«Правде» появилось сообщение «К событиям в Нагорном Карабахе». В нём коротко говорилось о «выступлении части армянского населения с требованиями о включении Нагорного Карабаха в состав Армянской ССР. В результате безответственных призывов отдельных экстремистски настроенных лиц были спровоцированы нарушения общественного порядка» [12, с. 1]. Во всех последующих публикациях в «Правде», а вслед за ней и в официальной азербайджанской прессе выделяется три категории виновников в начале конфликта:

- экстремистски, националистически настроенные лица и уголовно-криминальные элементы. Именно они считаются ответственными за разжигание страстей и жертвы в Сумгаите и Степанакерте;
- «идеологический противник», «заокеанские» покровители националистов традиционное для холодной войны обозначение внешнего врага – США и их союзников;

• местная партийная и советская бюрократия, виновная «в серьёзных политических ошибках, приведших к обострению межнациональных отношений», имеющая «крупные недостатки в организаторской и политической работе» [13, с. 1; 18, с. 1].

В результате такой «информационной компании» армянское население было оскорблено идеологическими ярлыками, которыми обозначили движение за объединение НКАО и Армении. Азербайджанцы и жители других республик СССР не смогли оценить реальных масштабов армянского национального движения.

Сообщения о столкновениях между азербайджанцами Агдама и армянами Аскерана, произошедших 22 февраля 1988 г., также оказались непродуманными и негативно отразились на развитии ситуации.

27 февраля 1987 г. на Центральном телевидении выступает заместитель Генерального прокурора СССР В. Катусев и сообщает о событиях под Аскераном, подчеркнув факт гибели двух азербайджанцев. «Многие исследователи небезосновательно утверждают, что именно это выступление послужило катализатором для дальнейших погромов» [10] в Сумгаите.

24 февраля по армянскому телевидению выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС В.И. Долгих и заявил прямо противоположное тому, что утверждал А.Ф. Катусев: «В Нагорном Карабахе дело дошло до столкновений между группами армян и азербайджанцев, имеются жертвы». Секретарь ЦК, как видно, располагал оперативной информацией и при желании мог быть более точным. В.И. Долгих, хотя бы ради того, чтобы не нагнетать в Ереване и без того накалившиеся страсти, должен был уточнить, что жертвами столкновений стали только азербайджанцы. Он, однако, допустил непозволительную для его ранга неточность, став вместе с А.Ф. Катусевым, возможно невольным пособником взрыва национального недовольства [1, с. 72–73].

27 февраля в республиканских газетах было опубликовано «Обращение Генерального Секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачёва к трудящимся, к народам Азербайджана и Армении» [20, с. 1]. После него в республиканской прессе Армении, Азербайджана и НКАО были организованы «отклики трудящихся, ветеранов войны и труда». В синтактике текста откликов в армянской и азербайджанской печати чётко прослеживается одно отличие. В армянских комментариях звучит рефреном надежда на то, что «Пленум ЦК КПСС, посвящённый вопросам национальной политики, со всей полнотой и объективностью вскроет ошибки, чем и ответит на волнующие нас вопросы» [3, с. 1], делается акцент на том, что «суть ленинской национальной политики заключается в том, чтобы каждый человек, **каждая нация могли развиваться свободно, чтобы каждый народ мог удовлетворить на родном языке свои потребности** во всех сферах общественно-политической жизни» [11, с. 1] и, соответственно, предполагается, что «о наших запросах, о событиях в нашей области знают также в ЦК КПСС. И можно быть уверенным, что насущные вопросы будут решены по-ленински» [11, с. 1].

В азербайджанских же газетах главный смысл «откликов на Обращение М.С. Горбачёва» сводится к тому, что «у нас единая судьба, одна дорога и цель, **одна неделимая Родина. Древняя земля Карбаха – отчий дом и для азербайджанца, и для армянина.** Мы – братья навек, и этим все сказано» [17, с. 1, 3]. Т. е. тексты откликов, которые, казалось бы, явно носят заказной характер (успокоить страсти и остановить насилие), идентичны по плану выражения (полная поддержка «уважаемыми людьми» сказанного Генеральным секретарём ЦК КПСС), тем не менее, содержат абсолютно разные словесные формулы и преследуют разные цели. Армянские требования делают упор на необходимость изменений, азербайджанские – на сохранение единства. Обтекаемая речь Генсека позволила использовать цитаты из неё в качестве доказательства поддержки именно своей стороны.

По сообщению Ю. Помпеева, в ЦК КПСС редакторов газет наставляли: «Ни одно ваше выступление о событиях в НКАО не должно вызывать отрицательных чувств: а) у жителей; б) у азербайджанского населения; в) у населения Армении; г) у армян, проживающих в Азербайджане» [21, с. 92]. В результате такой политики отрицательные чувства складывались у всех, а информация воспринималась как фальсифицированная и недостоверная.

Только 10 марта «Правда» оповестила Союз о Сумгаите и признала, что в Сумгаите имело место насилие. Но его опять приписали экстремистам и криминальным элементам. На следующий день после событий в АзССР хлынул поток беженцев из Армении [1, с. 82].

Уже в феврале–марте 1988 г. выявились две важные проблемы, связанные с ролью СМИ в конфликте. С одной стороны, ограниченность информации способствует рождению слухов и захвату инициативы радикальными элементами общества. С другой стороны, бесконтрольная и непродуманная политика СМИ может привести к резкому обострению ситуации, радикализировать общество. Материалы таких изданий, как «Советский Карабах» (НКАО), «Коммунист» (Армения), «Бакинский рабочий», «Молодёжь Азербайджана» (Азербайджан) часто играли своеобразную роль искры, приводящей к взрыву (дискуссия о Топхане [16, с. 6–7; 23, с. 4], «дело об отравленной курице» [24, с. 12–13] и т. д.

В материалах прессы 1988 г. хорошо видны проблемы, связанные с экономическим детерминизмом мышления советской бюрократии и журналистов. Сведение всех проблем к экономическому положению НКАО привело к большим ошибкам в попытках его урегулирования. Вот, например, характерная цитата из мартовской программной статьи «Правды»:«Впрочем, сегодня уже известно, что все выступления в Армении и НКАО организованы людьми, не один год настаивающими на присоединении автономной области к Армянской ССР. А недавно они объединились в так называемый комитет «Карабах» и добиваются его официального признания. Нам довелось побывать на заседании этого комитета, где утверждалась его программа действий. Думаем, если бы все, что говорилось в тот день в Доме писателей, зал которого любезно предоставлен был в полное распоряжение комитетчиков, было сказано на Театральной площади, оваций ораторы бы не сорвали. Например, прозвучало требование: увольнять, переизбирать руководителей предприятий, партийных организаций, отзывать народных депутатов, исключать их всех из партии, если они будут препятствовать созданию первичных комитетов «Карабах». Но для чего они? На этот вопрос чёткого ответа мы не получили. Ссылка на то, что комитеты, дескать, должны бороться за социально-экономическое развитие НКАО, повышение благосостояния населения, была опровергнута на самом заседании. Например, когда стали зачитывать пункты программы социально-экономического развития Нагорного Карабаха, выступающего решительно прервали:

– Если эти требования руководство Азербайджана выполнит, Армении не видать Нагорного Карабаха» [25, с. 1].

Таким образом, мы можем констатировать, что на страницах печати 1988 г. Нагорно-Карабахский конфликт подавался фрагментарно с точки зрения полноты изображения. Характер конфликта определялся не как этнополитический и сецессионный, а как конфликт между советскими интернационалистами и прозападными криминальными и националистическими элементами. Центральные СМИ СССР и партбюрократия были не готовы к адекватному пониманию и освещению событий и этнополитической проблематики вообще. Воспитанные на классовых критериях и экономическом детерминизме, они не могли найти объяснения социально-политических процессов происходивших в Закавказье. Плохо знающие особенности национальных республик журналисты центральной прессы не могли разобраться в том, что происходит. Но в то же время нельзя не отметить, что в статьях и репортажах этих людей заметно искреннее стремление к урегулированию конфликта, попытка стоять над «неразумной» схваткой.

В целом, можно констатировать, что на первом этапе конфликта армянские СМИ имели более чёткую и продуманную стратегию. Несмотря на все препоны цензуры и давление «по партийной линии» журналисты Армении быстрее ориентируются в новых условиях, лучше пользуются политикой гласности как инструментом в политической борьбе. Азербайджанская пресса на первом этапе придерживается такой же информационной стратегии, как и центральная, замалчивая реальные факты и делая упор на вине «застойной»бюрократии, экстремистов и происках заокеанских врагов. Результатом такой стратегии становится недоверие общественности к СМИ Москвы и Баку. Первый этап информационной войны остался за армянским движением за объединение НКАО с Арменией.

Литература

1. Агаев, Р. Азербайджан. Конец второй республики. (1988–1993) [Текст] / Р. Агаев, З. Али-Заде. – М. : Граница, 2006. – 616 с.
2. Аракелов, Р. Исповедь армянского интеллигента. Воспоминания и документы. [Текст] / Р. Аракелов. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. – 368 с.
3. Асриян, А. позиций здравого смысла [Текст] / А. Асриян, Г.С. Капланян // Советский Карабах. – 1988. – 28 февраля. – № 49. – С. 1.
4. Багдасарян, Г. Ситуация со свободой слова в Нагорном Карабахе (декабрь 2001) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.cjes.ru/bulletins/?lang=rus&bid=18.
5. Балхударян Алвард [Текст] / А. Балхударян // Журналисты на войне в Карабахе. – М. : Права человека, 2002. – С. 24–36.
6. Беккер, А. У прошлого в плену [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://sumgait.info/press/sgazeta/sgazeta-871224.htm.
7. Внеочередная сессия Совета народных депутатов НКАО XX созыва // Советский Карабах. – 1988. – 21 февраля. – № 43. – С. 1.
8. Гулян, А. Поздравления в связи с 85-летним юбилеем газеты «АзатАрцах» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://old.artsakhtert.com/rus/index.php?lang=eng&t=archive&d=04&m=07&y=2008&id=4289.
9. Де Ваал, Т. Чёрный Сад. Армения и Азербайджан между миром и войной [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.library.cjes.ru/online/?a=con&b_id=743&c_id=10119.
10. Жирохов, М.А. Карабах: земля раздора [Текст] / М.А. Жирохов. – Киев : Изд. дом «Румб», 2009. – 264 с.
11. Каграманян, Г. Быть трезвым [Текст] / Г. Каграманян // Советский Карабах. – 1988. – 1 марта. – № 50. – С. 1.
12. К событиям в Нагорном Карабахе // Правда. – 1988. – 22 февраля. – С. 1.
13. К событиям в Нагорном Карабахе // Бакинский рабочий. – 1988. – 24 февраля. – № 46. – С. 1.
14. Мелик-Шахназаров, А.А. Нагорный Карабах: факты против лжи. Информационно-идеологические аспекты нагорно-карабахского конфликта [Текст] / А.А. Мелик-Шахназаров. – М. : Волшебный фонарь, 2009. – 768 с.
15. Мелик-Шахназаров, А.А. Нагорный Карабах: хроники ненависти [Текст] / А.А. Мелик-Шахназаров. – Минск : Современная школа, 2011. – 528 с.
16. Михайлов, К. Тревожные дни Апшерона [Текст] / К. Михайлов // Собеседник. – 1989. – № 3. – С. 6–7.
17. Ни одна мать не согласится с тем, чтобы её детям угрожали национальные распри взамен прочных уз дружбы // Бакинский рабочий. – 1988. – 1 марта. – № 51. – С. 1, 3.
18. Партийный актив НКАО // Бакинский рабочий. – 1988. – 23 февраля. – № 45. – С. 1.
19. Письма жителей села Чардахлу Генеральному Прокурору СССР и Министру Внутренних дел СССР по поводу произвола, творимого первым секретарём Шамхорского райкома партии Асадовым [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://sumgait.info/caucasus-conflicts/chardakhlu-letters.htm.

20. Обращение Генерального Секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачёва к трудящимся, к народам Азербайджана и Армении // Бакинский рабочий. – 1988. – 27 февраля. – С. 1.
21. Помпеев, Ю.А. Карабахский дневник [Текст] / Ю.А. Помпеев. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. – 416 с.
22. Решение внеочередной сессии Совета народных депутатов НКАО XX созыва «О ходатайстве перед Верховными Советами Азербайджанской ССР и Армянской ССР о передаче НКАО из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР» // Советский Карабах. – 1988. – 21 февраля. – № 43. – С. 1.
23. Романов, А. Меньше эмоций, больше мудрости [Текст] / А. Романов, А. Теплюк, Г. Иванов-Смоленский, В. Умнов // Комсомольская правда. – 1988. – 1 декабря. – № 276. – С. 4.
24. Сабов, Д. 7 дней в Ереване [Текст] / Д. Сабов // Собеседник. – 1988. – № 32. – С. 12–13.
25. Эмоции и разум. О событиях в Нагорном Карабахе и вокруг него // Правда. – 1988. – 21 марта. – С. 1.
26. Юнусов, А. Армяно-азербайджанский конфликт: демографический и миграционные аспекты [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.cac.org/journal/16-1998/st_10_junusov.shtml.

ББК 63.2
УДК 930.2

Е.Е. ДУТЧАК

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ КНИЖНОСТЬ КАК ПАМЯТЬ КУЛЬТУРЫ: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ СКИТСКИХ СОБРАНИЙ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XXI ВВ.

E.E. DUTCHAK

CONFESSIONAL BOOKISH-WRITTEN CULTURE AS A CULTURAL MONUMENT: THE EXPERIENCE IN OLD BELIEVERS' SKIT LIBRARIES INVESTIGATION OF THE LATE XIX CENTURY – THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 10.04.00087а («Рукописи на бересте в XX в.: сакральные и социальные аспекты крестьянской литературы»)

В статье на основе сопоставления скитских собраний западносибирского региона предложена модель функционирования «культурной памяти» в среде русских староверов-колонистов. Понятие «культурная память», восходящее к разработкам структурализма и семиотики, в данном случае интерпретируется как особый механизм, обеспечивающий воспроизводство традиции крестьянского пустынножительства. Реконструкция этих процессов сделана на основе анализа сложившейся в скитских сообществах иерархии конфессиональных текстов, технологий работы с авторитетными (сакральными) текстами и жизненных стратегий, выработанных с их помощью.

The article offers the model of «culture memory» functioning among the Old Believers' colonists on the basis of comparing skit libraries of West Siberian region. The concept «culture memory», dated back to structuralism and semiology, is understood here as a special mechanism supplying the production of the peasant hermit life tradition. The reconstruction of these processes was made with the help of the analysis of Old Believers' skit libraries hierarchy of confessional texts, work technologies with sacral texts and adaptive life strategies being worked out with their help.

Ключевые слова: Старообрядческий скит, скитские книжные собрания, культурная память, адаптация.

Key words: Old Believers' skit (monastic-type community), skit libraries, culture memory, adaptation.

Исследователям, работающим с действующими старообрядческими общинами, хорошо известна ситуация, когда находящиеся в схожих условиях коллективы обнаруживают разную степень устойчивости к внешним обстоятельствам. Это ставит вопрос, почему далеко не все религиозные и повседневные практики, сформированные, казалось бы, одинаковым путём – апелляцией к «древлему благочестию» и авторитетному кириллическому тексту, – способны противостоять подвижному и изменчивому «никонианскому миру». Тесная связь между интеллектуальным освоением христианского наследия и адаптивными по характеру социальными процессами позволяет размышлять о причинах и следствиях в её разрывах применительно к этноконфессиональным культурам, ориентирующимся на традиционный уклад и ценности.

Именно в таком контексте может быть понята запись нарымской скитницы, сделанная ею между 1941–1950 гг. в тетрадке из бересты: «Переплетала книгу послании Тимофеевы, что топерь делать, писать нечево, читать не знаю ково. Однако заклювать петушка от нечево делать. Писать больше не знаю ково, не буду» [1, л. 3].

Сообщество, к которому она принадлежала, сложилось на рубеже XIX–XX вв. в бассейне р. Кеть и как раз к 1940-м гг. ощутило серьёзные трудности [2, с. 86–95]. Естественное сокращение общей численности и уход из жизни грамотных наставников не только поставили под угрозу хозяйственную автономию таёжных земледельцев, но и создали «управленческий вакуум». Без тех же, кто разбирался в тонкостях православной эсхатологии, знал литературу «монашеского цикла» и умел использовать это знание для объяснения происходящего, нелегальная община была обречена. Скитской образ жизни терял привлекательность в глазах потенциальных неофитов, а пустынножителям не оставалось ничего иного, кроме принятия изоляционистской стратегии поведения – крайне непродуктивной в обстановке промышленного освоения края.

Вместе с тем заслуживает внимания параллельность процессов, идущих в среде нарымских скитников, – особо отметим представителей разных старообрядческих течений, не имевших в силу этого объединяющей их доктрины. На социальном уровне это постепенный «переход власти» к людям, чьё решение покинуть «большой мир» в своё время диктовалось скорее политическими и экономическими, чем религиозными мотивами. На уровне культуры – стремление справиться с идеологическими и демографическими проблемами с помощью переписки евангельских текстов и сочинений христианских авторов (Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Иосифа Волоцкого). И хотя попытка завершилась провалом – в 1980-е гг. скитское поселение исчезло, его книжное собрание распылено мирскими родственниками пустынножителей – сам опыт восстановления религиозной жизни через письмо на любом доступном материале, но с обязательным сохранением кирилличе-ской графики[1] указывает на него как на специфический способ противостояния растущему давлению извне.

Наблюдение обращает к проблематике «культурной (генетической) памяти» [3, 4], в которой исследователи видят некий семиотический механизм, обеспечивающий воспроизводство базовой идентификационной модели независимо от изменяющихся условий среды. Историческое разнообразие этих процессов зависит от типа передаваемой информации и качества социальной системы. В частности, культурная память староверия обладает общим свойством всех «религий откровения», поэтому может существовать и функционировать лишь в качестве «свода канонизированных записей». Теоретик научного направления «история памяти» Я. Ассман объясняет это объективными трудностями усвоения вероучений такого типа: они «противоречат очевидности и не находят себе опоры и подтверждения в существующем мире» и нуждаются в освящении не только акта написания сакрального текста, но и процесса его последующего восприятия/прочтения [5, с. 136–137, 140–141].

Для скитского нелегального коллектива, ощущающего себя оплотом истинной веры, «хранителем» культурной памяти является вся совокупность текстов, находящихся в его распоряжении и создаваемых им: 1) древние манускрипты и старопечатные издания, которые в силу своего «происхождения» становятся конфессиональными символами и конституируют сферу ритуала, ценностный и нормативно-уставной ряд; 2) компилятивные и авторские историко-полемические, вероучительные сочинения, транслирующие и интерпретирующие их содержание применительно к актуальным жизненным ситуациям; 3) записи личного, хозяйственного, бытового характера, предназначенные для фиксации событий, планирования и упорядочивания повседневности.

---

[1]Это могла быть береста или уже имеющиеся тексты на бумаге, «поверх» и на полях которых переписывались другие сочинения. Выявленная на сегодняшний день часть «библиотеки» нарымской общины (157 ед.хр.) находится в фондах Томского областного краеведческого музея, Научной библиотеки Томского государственного университета и Института истории СО РАН.

Иерархическое строение такого книжного собрания, выраженное в чётком понимании «степени сакральности» каждой из составных частей, даёт основание, во-первых, говорить о двух уровнях содержащейся в нём информации – прямой/текстовой и структурной/мега-текстовой; во-вторых, рассматривать его социально-коммуникативные роли в нескольких проекциях – как материальную форму трансляции христианской традиции и одновременно источник рефлексий о способах реализации конфессиональных идеалов [6, с. 84–85]. На этой эвристической основе становится возможным определение функций, которые выполняет в обыденной жизни таёжной общины хранение, переписка и прочтение авторитетного текста и, значит, оценка эффективности её адаптивных технологий.

Во-первых, уже сам факт обладания древней книгой становится для староверия приметой собственной исключительности. Показательно, что фундаментальная роль кириллической книжности в сохранении дистанции между «никонианской» и старообрядческой церковью осознавалась не только староверами, но и властями: наличие у арестованных древних книг в глазах следствия и суда всегда являлось отягощающим вину обстоятельством [7, с. 25]. Восприятие кириллической книги в качестве особого культурного барьера с иноверным обществом сделало экспертизу текста непреложным законом существования конфессии. Речь здесь идёт не только о выговских книжниках, доказавших в начале XVIII в. подложность соборного осуждения «еретика Мартина армянина» и «Требника Феогноста» и положивших тем самым начало профессиональной отечественной палеографии. С вопросом об «истинности» тех или иных текстов сталкивались все староверческие течения. Например, в таёжных монастырях староверов-странников он встал особенно остро на рубеже XIX–XX вв. в связи с полемикой об изданиях старообрядческих и единоверческих типографий («переводных книгах»). Особо отметим, что для части сибирских общин отказ от их использования в скитах стал в этот период также знаком отказа от любых форм приспособления к «антихристову миру».

Во-вторых, книга является символической основой внутригрупповой консолидации. Закрепление за старинной книгой задачи сбережения «знания о спасении избранных» не позволяло считать её собственностью одного человека: истиной должен обладать каждый из «остальцев». Сообразная с этой логикой практика коллективного владения книжным собранием служила дополнительным фактором поддержания statusquo в межличностных взаимодействиях. Так, в начале 1860-х гг. одна из старообрядческой общин Олонецкой губернии смогла избавиться от неугодного ей наставника следующим способом. В вину ему вменялось единоличное распоряжение Кирилловой книгой, приобретённой ранее всем собором. Этот поступок стал поводом для обвинения наставника в грехе гордыни и лишении его власти [8, л. 64–64об.]. Подтверждением тому, что подобная практика являлась нормой, являются и читательские маргиналии, отмеченные И.В. Поздеевой: «Сия книга куплена за церковные деньги за 50 рублей. Не твоя и не моя», «Книга всеопщая» [9, с. 134].

В-третьих, книга, наделяемая «богодухновенной» природой, могла выполнять аналогичные иконе функции – быть зримым воплощением божественного образа [10]. Поэтому главной задачей для старовера становится спасение её от рук «никонианина», нередко принимающее формы, недоступные пониманию человека иной культуры. «Я лучше их в землю закопаю, если не найду, кому передать. Боюсь, что они в никонианскую церковь попадут» – в суждении, которое приходится слышать от скитников старшего поколения, заключено базовое отличие восприятия книги как памятника культуры (культурного достояния) и книги как сакрального объекта. В одном случае пиетет по отношению к предмету исторического прошлого предполагает обязательную заботу о физическом состоянии, в другом – духовная сущность конфессионального сочинения неистребима и не подвержена влиянию времени.

Отмеченные способности кириллической книги выполнять идентификационные, интегративные функции, удовлетворять эмоциональные потребности, в свою очередь, объясняют, почему именно ей в староверии отдано право быть хранителем законов христианского мироустроения и прежде всего тех из них, которые не вытекают из повседневного опыта людей, а призваны такой опыт формировать. Поэтому в рамках теории саморегуляции культурных систем активное собирательство древней христианской книги есть не что иное, как целенаправленное «наращивание» адаптивного потенциала «древлего благочестия». Но для того чтобы потенциал мог стать ресурсом, конкретной скитской общине недостаточно одного владения набором текстов. К нему должны «прилагаться» навыки решения с их помощью насущных задач.

Соответственно, вопрос о методах работы старовера-скитника с конфессиональной книгой, предполагающих возвращение к определённым текстам, необходимо поместить в контекст более широкой темы – *причин, порядка (текстов и технологий) и результатов* новых интерпретаций. Только в указанном ключе можно говорить о собрании кириллических книг как о некоем инструменте воспроизводства «культурной памяти», с помощью которого таёжная община, во-первых, адекватно и своевременно реагирует на происходящее в окружающем её мире структурные изменения, во-вторых, сохраняет важные для неё мировоззренческие и поведенческие нормы.

Причины. С конца XIX в. по начало XXI в. таёжные монастыри Западной Сибири трижды испытали на себе воздействие внешнего мира – экономическое, политическое и идеологическое (мировоззренческое).

Первым поворотным событием для нелегальных поселений, своеобразной проверкой на прочность оказалось втягивание сибирского крестьянского хозяйства в товарные отношения. Для замкнутых локальных миров это означало появление хозяйственной конкуренции, сокращение земельного фонда и в конечном счёте необходимость в коррекции *привычной* системы жизнеобеспечения. «Политическим вызовом» стали социалистические преобразования 20–40-х гг.: сопровождавшие их репрессии поставили скиты перед угрозой физического истребления или как минимум лишения *привычных* взаимодействий с сельской округой. Со второй половины XX века таёжные монастыри вынуждены отвечать уже на «идеологический вызов» макросистемы. В советский период *привычная* идентификация себя со спасителями веры должна была противостоять общественным обвинениям в тунеядстве, культурной отсталости и религиозном изуверстве, а в постперестроечный – изыскивать средства для «защиты» от ценностных установок и привычек неофитов, получивших ранее светское (атеистическое) образование и воспитание.

Эти три «вызова» не сопоставимы друг с другом по уровню агрессивности и глубине последовавших за ними изменений. В то же время каждый из них представляет собой самостоятельный этап включения конфессий-изолятов в макросоциальное движение, начинающийся с осознания, что новая проблема не решается прежними средствами и завершающийся реализацией конкретных моделей поведения. Располагающаяся между ними стадия мобилизации адаптационных ресурсов (поиск/конструирование жизненных стратегий, их проверка на адекватность основным положениям вероучения) в староверии связана в равной мере как с наличием религиозного текста – служебного, уставного или четьего, так и с умением лидеров общины превратить его в системное знание о происходящем.

Тексты и технологии. Переход от традиционализма к модерну с точки зрения истории литературы ознаменован сменой концепции текста: субстанциональную, где слово обозначало божественную субстанцию, сначала дополняет, а потом вытесняет рационалистическая концепция, для которой содержание текста уже становится объектом критики и отстранённой оценки [11, с. 273].

Вероятно, эта тенденция может считаться справедливой лишь в отношении таёжных сообществ, возникших в рамках определённых старообрядческих вероучений – странников, белокриницких, часовенных. Именно в эти собрания с начала XX столетия постепенно войдут труды историков церкви, энциклопедии, историческая проза и публицистика. И хотя их появление сопровождалось точным определением времени чтения и места хранения книги, всё же оно недвусмысленно свидетельствует о том, что для «удержания» своих мирских ктиторов скитские сообщества должны были осваивать и учиться комментировать и этот пласт литературы, теперь уже доступной таёжной и притаёжной деревне [12]. Крайне показательным в этом смысле является «превращение» труда Н.Ф. Каптеревапо истории взаимоотношений России с православным Востоком в XVI–XVII вв., в котором реформа патриарха Никона объяснена политическим расчётом, недальновидностью и даже невежеством русских иерархов, в книгу «Каптирь» [13, 14, с. 22].

Вместе с тем применительно к скитским коллективам, возникшим из представителей разных старообрядческих согласий и толков и удалённым от относительно крупных населённых пунктов, ситуация была не столь однозначной и, безусловно, требующей специального рассмотрения. Так, в сохранившейся части книжного собрания уже упомянутой общины в Прикетье нет сочинений светского характера. Вряд ли это объясняется тем, что после исчезновения общины в середине 1980-х гг. оно приобреталось государственными хранилищами выборочно. Вполне определённым и самостоятельным признаком является отсутствие упоминания о них в текстах на бересте и бумаге, созданных в ходе хозяйственного и культурного освоения места.

Сопоставление сразу разделяет скитские сообщества таёжной Сибири по их возможности участвовать в «борьбе за мирскую аудиторию». В то время как нарымская община на протяжении первой половины XX в. будет только переписывать апостольские послания и жизнеописания, сочинения Ефрема Сирина, Иоанна Златоуста, томско-чулымские странники начнут расширять свои собрания и самостоятельно осваивать синтетические (рационально-иррациональные) методики анализа светских по характеру текстов [15, с. 234–304]. Излишне упоминать, что получаемая в результате прикладная, эсхатологически ориентированная информация увеличивала их авторитет в глазах крестьянской округи, жившей в условиях послереволюционной разрухи, коллективизации и Великой Отечественной войны.

Однако следует учитывать, что само по себе привлечение новых интеллектуальных приёмов для нахождения внутренних связей между конфессиональной доктриной, ориентированной на «старину», и современностью не показывает степень готовности/неготовности скитской общины к диалогу с «никонианским миром». Скорее оно высвечивает те области вероучения и повседневности, которые испытывают наибольшее воздействие и потому требуют особой защиты. Судя по составу, например, томско-чулымской «скитской библиотеки» в привлечении светских источников информации и новых методов анализа нуждалась главным образом сфера историописания, подчинённая в странничестве доказательству правомочности отдельных узко конфессиональных институтов и практик (самокрещение, обоснование объёмов и характера «мирской помощи» и т. д.). При этом разработка эсхатологической проблематики вполне удовлетворялась традиционным кругом литературы (Апокалипсис, средневековая эсхатологическая классика) и традиционными логическими процедурами.

Пример не означает, что сибирских странников 20–80-х гг. XX в. вопросы генезиса и сущности советской власти не интересовали вообще. Отличия в методах доказательств – достаточность/недостаточность традиционных интерпретаций – прежде всего свидетельствуют о том, что конфессия, осознающая и отстаивающая своё маргинальное положение с помощью канонически оформленного знания, «работает» с двумя группами культурнозначимой информации.

Первая – социально наследованное и социально одобренное знание. Оно уже зарекомендовало себя как способное обеспечивать создание и выживание нелегальных сообществ, потому нуждается в повторении, а не в расширении. С точки зрения теории адаптации именно положение о наступлении «последних времен» и необходимости «ухода от мира» по сей день имеет для староверов-странников пороговое значение – минимальной границей «накопления» необходимых для простого воспроизводства свойств.

Вторая группа информации оперирует не императивами, а символами-смыслами. Они являются производными от основных положений вероучения, поэтому для членов конфессии не относятся к категории объективно данных. В то же время их многозначность и способность проблематизироваться в любой момент создают условия для начала рефлексии. Тем самым «учение о побеге», предложенное основателем согласия иноком Евфимием [16, 17], для странника-историка, полемиста, теолога становилась отправной точкой для обсуждения самых разных тем: типологии исторических эпох, соотношения божественной воли с человеческой, контактов жителей скитов и их мирских помощников. В итоге не только повседневные практики получали догматическое обоснование, но и эсхатологическая доктрина, нацеленная на решение практических задач, развивалась и приобретала необходимый ей в ситуации «модернизационного вызова» запас прочности.

Исходя из этого понятно, что наличие в скитских книжных собраниях текстов, которые выполняют функции как трансляции правил, так и репродукции смыслов, является одним из обязательных условий самосохранения общины-изолята. Сложность и разнообразие состава «библиотеки» томско-чулымских странников, в которую входили рукописи XV–XX вв. вероучительного и историко-полемического содержания, служебные и уставные издания Московского Печатного двора, труда историков «раскола», газетная периодика, облегчало освоение разных культурно-языковым систем и делало процесс выработки адаптивных стратегий продуманным и планируемым.

Нарымская община оказывалась в более сложной ситуации. Она не знала, можно ли без «повреждения веры» наладить регулярные связи с русскоязычной сельской округой, и была вынуждена, видимо, контактировать с представителями местных сибирских народов. Косвенно об этом свидетельствуют, во-первых, данные переписи населения, живущего по притокам Кети – в районах р. Пайдугиной, Дунаевой и Жегаловой [18, л. 3об.; 19, л. 69об.], во-вторых, присутствие в её собрании переписанного на бересте «Жития Авраамия Ростовского», в котором рассматривается тема обращения язычников [20].

История постепенного исчезновения нарымской общины – физического, потому что её аскетический нонконформистский идеал оказывался неинтересным случайным визитёрам скитов – охотникам-промысловикам, эвенкам-оленеводам или селькупам-рыболовам – и мировоззренческого, отражённогов фразах «не знаю кого писать» и «читать нечево», обращает к вопрос: каким условиям должно удовлетворять письменное воспроизведение и прочтение текста, чтобы стать самостоятельным инструментом воспроизводства «культурной памяти» небольшого коллектива скитников? Причём текста не только религиозного содержания, но любого, который используется для обоснования и/или реализации собственной конфессиональной позиции.

Исследователями древнерусской литературы отмечено, что одно лишь «книго-чтение» по определению является неполным процессом; оно предполагает параллельное «книго-составление», благодаря которому прочитанное запоминается и осваивается [21, с. 591–592]. Добавим: и используется для решения практических задач, а это уже требует, сошлёмся на рассуждения Я. Ассмана, «интертекстуального продолжения» – комментария, подражания и критики [4, с. 108]. А без них, если воспользоваться классификацией Т.Дж. Ганна, предложившего различать три формы религиозности – религию как веру, как идентичность и как образ жизни [22], индивидуальные

размышления о вере остаются самодостаточными, но не становятся строительным материалом для коллективных идентификационных и поведенческих стратегий, направленных на отдалённую или как минимум ближайшую перспективу.

Таким образом, *результативной* конфессиональной стратегией по воспроизводству «культурной памяти» следует считать поучение надёжного набора решений для актуальной в определённых условиях проблемы. В случае если адаптантом является скитской коллектив, то обязательно должна быть учтена степень целостности возникающего социокультурного образования. Лишь способность не просто осваивать новые поведенческие стратегии, но и находить им обоснование в принятой концепции спасения обеспечивает гармоничное течение центростремительных и центробежных процессов. Для религиозной общины это означает, что своевременное реагирование на «вызовы» среды стало видом её нормального функционирования. Именно в таком контексте, на наш взгляд, следует анализировать социальные и интеллектуальные процессы в таёжных скитах – и, значит, результаты включения в современную действительность древней христианской книжности.

Литература

1. Томский областной краеведческий музей (ТОКМ). Собр. рукописей, № 12676/38.
2. Бахтина, О.Н. Рукописи на бересте в XX в.: сакральные и социальные аспекты крестьянской литературы [Текст] / О.Н. Бахтина, Е.Е. Дутчак, В.А. Есипова // Вестн. Рос. гум. науч. фонда. – 2011. – № 3.
3. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера [Текст] / Ю.М. Лотман. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 447 с.
4. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности [Текст] / Я. Ассман. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 363 с.
5. Ассман, Я. Монотеизм и память. Моисей Фрейда и библейская традиция [Текст] / Я. Ассман // Анналы на рубеже веков – антология. – М., 2002. – С. 130–146.
6. Дутчак, Е.Е. Кириллические книжные собрания и их владельцы: сравнительный анализ конфессиональных стратегий староверия [Текст] / Е.Е. Дутчак // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. История России. – 2011. – № 4. – С. 75–88.
7. Покровский, Н.Н. О роли древних рукописных старопечатных книг в складывании системы авторитетов старообрядчества [Текст] / Н.Н. Покровский // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1973. – Вып. 14. – С. 19–40.
8. Старообрядческие письма // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1431. Оп. 1. Д. 1979.
9. Поздеева, И.В. Книжность старообрядческого Верхокамья: истоки, читатели, судьбы (по записям на экземплярах книг Верхокамского собрания НБ МГУ) [Текст] / И.В. Поздеева // Традиционная культура Пермской земли: к 180-летию полевой археографии в Московском университете, 30-летию комплексных исследований Верхокамья. – Ярославль, 2005. – С. 120–140.
10. Бойко, Е.С. Книга как святыня у староверов на Енисее [Текст] / Е.С. Бойко // Седьмые Макушинские чтения : материалы науч. конф. – Новосибирск, 2006. – С. 19–21.
11. Матхаузерова, С. Две теории текста в русской литературе XVII в. [Текст] / С. Матхаузерова // Тр. Отдела древнерусской литературы. – Л., 1976. – Т. 31. – С. 271–284.
12. Тимофеева, Ю.В. Книжная культура сельского населения Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.) [Текст] : дис. … канд. ист. наук / Ю.В. Тимофеева. – Омск, 2012. – 237 с.
13. Каптерев, Н.Ф. Характер отношения России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях [Текст] / Н.Ф. Каптерев. – Сергиев Посад, 1914. – IV, 567, IX с.

14. Новиков, И. Раскол и сектантство в Томской епархии в 1896–97 гг. [Текст] / И. Новиков // Томские епархиальные ведомости. – 1898. – № 10. – 15 мая. – С. 15–22.
15. Дутчак, Е.Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таёжных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начала XXI в.) [Текст] / Е.Е. Дутчак. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. – 414 с.
16. Мальцев, А.И. Староверы-странники в XVIII – первой половине XIX в. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. – 266 с.
17. Мальцев, А.И. Сочинения инока Евфимия (тексты и комментарии) [Текст] / сост., подгот. текстов, предисл., коммент., прилож. А.И. Мальцева. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2003. – 400 с.
18. Списки населённых мест Нарымского края по переписи 1897 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. р-3977. Оп. 1. Д. 153.
19. Докладная записка в Сибирский Комитет Севера от 15.12.1927 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. р-3977. Оп. 1. Д. 326.
20. ТОКМ. Собр. рукописей, № 7335.
21. Бирнбаум, Х. Кем был загадочный Даниил Заточник? (к вопросу о культуре чтения в Древней Руси) [Текст] / Х. Бирнбаум, Р. Романчук // Тр. отдела древнерусской литературы. – СПб., 1997. – Т. 50. – С. 576–602.
22. Gunn, T.J. The Complexity of Religion and the Definition of « Religion» in the International Law [Text] / T.J. Gunn // Harvard Human Rights Journal. – 2003. – Vol. 16. – P. 189–215.

ББК 63.3(2)51
УДК 93/99

Я.Г. СОЛОДКИН

КОГДА НАЧАЛ ЦАРСТВОВАТЬ БОРИС ГОДУНОВ? (К ИСТОРИИ ПОСЛЕДНЕГО ЗЕМСКОГО СОБОРА XVI ВЕКА)

Y.G. SOLODKIN

WHEN DID BORIS GODUNOV'S REIGN BEGIN? (A LOOK INTO THE LAST ASSEMBLY OF THE LAND OF THE 16TH CENTURY)

Некоторые историки считают, что и после избрания Земским собором и даже наречения на царство Борис Фёдорович Годунов, как и в течение предыдущего десятилетия, оставался правителем Московского государства. Анализ разнообразных источников, однако, приводит к выводу, что шурин «святопочившего» государя сделался его реальным преемником, согласившись принять скипетр 21 февраля 1598 г., ещё будучи в Новодевичьем монастыре, а следом перебравшись в Кремль (накануне Серпуховского похода), т. е. за несколько месяцев до коронации.

Some historians share the view that Boris Fyodorovich Godunov remained the Muscovy's ruler, as well as he did in the previous decade, after the election and his enthronement by the Assembly of the Land (Zemsky Sobor). However, a closer analysis of the various sources leads to the conclusion that the recently deceased «Saint» czar's brother-in-law became his true successor, having accepted the scepter on the 21 February 1598, although in practice he had acquired such status whilst residing in the Novodevichy monastery and after that he transferred in the Kremlin (on the eve of the Serpukhov campaign), that is, a couple of months before the coronation.

Ключевые слова: правитель Б.Ф. Годунов, царь Борис Фёдорович, царица Ирина Фёдоровна (инокиня Александра), Земский собор 1598 г., наречение на царство, Серпуховский поход, коронация, публицистика Смутного времени.

Key words: the ruler Boris Fyodorovich Godunov, the tzar Boris Fyodorovich, the tzarina Irina Fyodorovna (nun Aleksandra), the 1598 Assembly of the Land (Zemsky Sobor), enthronement, the Serpukhov campaign, coronation, social and political essays of the Time of Troubles.

17 февраля 1598 г., через 40 дней после смерти «освятованного» Фёдора Ивановича, Земский собор избрал на московский престол являвшегося ранее (по крайней мере с 1587 г.) правителем страны Б.Ф. Годунова. Четыре дня спустя, оставаясь в Новодевичьем монастыре, где накануне приняла постриг вдова «преблаженного» самодержца, доводившаяся «Большому» Годунову (как определил слугу и конюшего боярина один из летописцев [19, с. 140]) родной сестрой, Борис дал согласие занять трон и был наречён государем, что означало завершение междуцарствия [14, с. 57 и др.]. Коронация Бориса Фёдоровича, когда он «совершено одеся преславнаго царствия пресветлаго благолепия порфирою» [3, с. 80], состоялась 3 сентября 1598 или 7107 г., который считался первым годом «державства» нового «скипетроносца» [19, с. 140; 27, с. 77], как только истёк предыдущий, из-за кончины наследника Грозного признававшийся скорбным и печальным [24, с. 137–138].

Раскрывая перипетии «избирательной кампании» 1598 г. со времени наречения Бориса до его венчания на царство, Р.Г. Скрынников называл шурина Фёдора Ивановича правителем [22, с. 117, 120–124; 23, с. 137–143]. А.С. Мельникова также полагает, что в течение почти 8 месяцев, разделяющих момент смерти государя, прослывшего земным ангелом, и коронацию Годунова, последний, как и прежде, фактически правил страной [10, с. 145;

11, с. 64]. Кстати ещё в Соловецком летописце одной из старших редакций утверждается, что, умирая, Фёдор Иванович «Московское царство и все государства Росийскаго царствиа приказал правити» Борису [8, с. 242]. Эта версия, однако, явно расходится с показаниями других источников.

В записях из разрядной книги князей Барятинских за интересующий нас период Борис Фёдорович постоянно называется государем [20, с. 138–141, 143–160, 162]. Тут читаем, что во вторник Масленой [или Сырной. – *Я.С.*] недели, т. е. масленицы, 16 февраля (точнее, 21 февраля [1, с. 29–30; 7, с. 220–221 и др.; ср.: 2, с. 180; 7, с. 162]) шурин «святого и праведного» Фёдора Ивановича был наречён государем, и от его имени (а не от имени овдовевшей царицы, как с 9 января 1598 г.) со следующего дня «грамоты по городом о всяких делех почали писать», а бояре князь Ф.И. Мстиславский «с товарыщи» «и всяких чинов люди крест [Борису. – *Я.С.*] целовали, причём повсеместно. В 106 (1597/98) г. новый самодержец назначал воевод, разбирал местнические споры, 19 марта с патриархом и боярами «приговорил» «то лето быти по службам… без мест, покаместа государство утвердитца» и выступил против крымского хана в Серпухов, где затем принимал посланников Казы-Гирея [20, с. 134, 138–141, 143–145, 147–148, 152–153, 159–160, 162].

В Поволжском летописце начала XVII в. сказано, что вслед за пострижением сестры «ту же зиму (тое ж зимы) сел (на государство) Борис Годунов по прошению у государыни царицы Ирина (Ирины) Фёдоровны и всей земли» и, став царём, совершил поход в Серпухов [9, с. 216]. Там, согласно Новому летописцу редакции 1629/30 г. (далее – НЛ) Борис Фёдорович принял крымских послов и вместе с ними «отпустил» к хану своих представителей [17, с. 51 (первой пагинации)]. Анонимный создатель Хронографа, возникшего в официальных кругах в 1617 г., убеждал читателей в том, что Борис «приемлетъ скифетродержство великия Руси» сразу после смерти Фёдора Ивановича, который, однако, «благословилъ же и приказалъ быти по себе на престоле… братаничу своему по матери» Ф.Н. Романову [16, с. 322, 324]. В Летописной книге о Смутном времени, выделяющейся художественными достоинствами, сообщается, что с кончиной «благоюродливаго» Фёдора его вдова Ирина «нача скифетръ Росийского государства держати под правительством» брата Бориса, которого «народи ж купно и единомысленно» захотели видеть государем, и «нареченный [после многодневного упрашивания. – *Я.С.*]… царь Борис Фёдоровичь седъ на царствующем граде Москве», затем выступил в Серпухов, где «утверди перемирие», а вернувшись в столицу, «возложи на себя царский венець и помаза его миром» [16, с. 362, 364]. Согласно Пискаревскому летописцу (далее – ПЛ), «инока Александра», которой ранее присягнула «вся земля Расийского государьства», 21 февраля 1598 г. в Новодевичьем монастыре (о чём говорится и в «Утвержденной грамоте» (далее – УГ) Земского собора того времени) Бориса «благословила и повелела приятии скипетр Руские державы, и нар[е]кла его царём и великим князем»; вскоре недавний правитель «переехал жити совсем на царьской двор… И почали звати [Бориса. – *Я.С.*], – подчёркивает «списатель», принадлежавший, вероятно, к московскому приказному люду и являвшийся «непосредственным очевидцем» тех событий [26, с. 65], – царём и великим князем до венчания его царьского» и повсюду «целовать крест», а потом и написали «излюбленную запись», т. е. УГ, к которой «руки приклали и печати привесили» (оказывается, ещё до Серпуховского похода) [18, с. 201]. Компиляция второй четверти XVII в., принятая публикаторами за Московский летописец (далее – МЛ), сохранила рассказ очевидца [7, с. 72] о том, что после того, как Ирина Фёдоровна оставила «земное царство», все, видя, что её брат «мимо себя изобрати на государство не даст, начаша молити его [Бориса. – *Я.С.*], дабы воцарился», а когда он стал отказываться, с молением обратились к «иноке» Александре, и та, «много отрицаяся, едва благослови» Бориса Фёдоровича, и его со вторника Сырной недели «начаша во многолетии пети и писати» царём и великим князем. Борис, который в «цветную неделю»

«прииде совсем на царьской двор» (о чём, напомним, сказано и в ПЛ, да и «разрядной» повести [1, с. 180]), «на светлое воскресение [16 апреля, на пасху [5, с. 224; 15, с. 215]. – *Я.С.*] совлечеся жалосных одежд, и облечеся в златокованныя одежды»; из Серпухова, «утвердив перемирье», новый царь, пожаловав их, «отпустил» ханских дипломатов в Крым, куда выехал и московский посланник Л. Лодыженский «с любовию и з братством, и с поминками» [18, с. 236, 237, ср.: с. 221]. МЛ наводит на мысль, что Борис Фёдорович, «на верх всея земныя чести превзниде» [3, с. 56], не спешил принимать «скифетродержавство», соблюдая траур по «святожительному» Фёдору, видимо, подражая последнему, который «до году», если не больше, таким образом выражал скорбь по дочери Феодосии [5, с. 283, примеч. 16].

В Бельском летописце говорится о том, что «приимником Росийскому царству» после смерти Фёдора Ивановича «тое же зимы в великий пост, на Фёдорове неделе во вторник» «по избранью всего Московского государства» был наречён «прежебывый… мудрый и милостивый правитель всем сирым и вдовицам беспомощным» Борис «рекомый Годунов»; вплоть до коронации он, происходивший из рода «московских бояр», являлся наречённым царём [18, с. 238].

Наконец, Иван Тимофеев, непосредственно участвовавший в царском «обирании» 1598 г. [3, с. 383–384; 7, с. 54, 182–183, 219; 23, с. 131, 133, 136 и др.], вспоминал, что со вторника Сырной недели стали «новогосподе [Бориса. – *Я.С.*] молити повсюде», очевидно, на церковных службах, и он, ещё от Фёдора Ивановича получивший «весь о людех правления жезл», «много не отлагая, от лавры [Новодевичьей обители. – *Я.С.*] паки вниде во град [Москву. – *Я.С.*]», однако не торопился с венчанием, а «седает, яко лето цело препустив»: два месяца «новоизбранный наш хотяй быти царь» провёл в Серпухове, одержав «тщетную победу» над татарами, и столько же по возвращении в столицу. Повествуя о том, как «восходя он [Борис. – *Я.С.*] на верх царския всеа высоты», Тимофеев отводит целую главу обстоятельствам «крестоцелования» «рабоименному» «мирообладателю», но основное внимание уделяет «прошению» Годунова во вторник «Сырней седмицы» «быти деспод», «не оставит [соотечественников. – *Я.С.*] сиры, яко до будет Росийскому всему жребию царь», и «дастся ею [инокиней Александрой. – *Я.С.*] поставитися царски брат ея во главу всем людем». Недаром во «Временнике», как и в «соборном уложении» Земского собора 1598 г., подчёркивается, что «лаврскаго же ради иже прошения… уставиша церковнии святонастольницы… святоисхождения сотворяти неизменно на лета в Сырныя седмицы третий день», и Борис «исхождение собою сотворяя купно с народы» в этот праздник, «на кий день временную си славу получи» [1, с. 38; 3, с. 53, 55, 57–60, 74, 151]. В ПЛ и НЛ тоже сказано, что «уставися въ той день [наречения шурина «достославного и святого» Фёдора Ивановича на царство. – *Я.С.*] празновати пречистыя Богородицы Одигитрия», «и образы и со кресты ходити в Новой манастырь ежегод», «и празноваху той день… до приходу Ростригина» [17, с. 50 (первой пагинации); 18, с. 201].

Являвшиеся современниками Бориса Федоровича (зачастую младшими) публицисты первой трети XVII в., за исключением разве что остающегося анонимным соловецкого летописца, стало быть, начало «державства» «поставленного» Земским собором государя приурочивали не к его коронации, а, предвосхищая мнение Н.М. Карамзина, к наречению на трон (тотчас после согласия принять скипетр с благословения прежней царицы, если косвенно и не её «крестоносного» мужа), считая действия нового «деспода» в канун и пору Серпуховского похода, безусловно, легитимными. (Кстати в глазах многих современников и «царьство» Михаила Фёдоровича открывалось днём его наречения, а отнюдь не венчания «на Московское государство» [16, с. 354, 356; 18, с. 219, 220, 262; 19, с. 145, 155, 193, примеч. 73–74 и др.]).

Хотя, как установила А.С. Мельникова, в России 1598 г. (вплоть до венчания Бориса на царство) монеты чеканили с именем «миропреподобного» Фёдора, дабы продемонстрировать преемственность «Дома» Рюриковичей

и династии, которую, казалось, суждено было основать Годунову [10, с. 148–149; 11, с. 65; 12, с. 341, 344 и др.], разнообразные документальные материалы свидетельствуют о том, что с 21 февраля, в частности в марте, мае–августе этого года, брат «мнихоцарицы» Александры управлял страной как законный и легитимный государь [14, с. 53, 59; 15, с. 211, примеч.; см. также: 4, с. 236–237; 5, с. 289, примеч. 26; 6, с. 202–205; 23, с. 138, 142, 147; 25, с. 76, 79]. Известно, что «тот час» по наречении «послал государь… в Крым гонца своего Левонтья Лодыженского к крымскому государю объявить своё государство». Уже 14 июня 1598 г. регент Швеции герцог Карл отправил из Стокгольма поздравительную грамоту в связи с избранием Бориса Фёдоровича на трон [13, с. 134; 21, с. 29; см. также: 18, с. 238; 23, с. 142]. По заключению А.А. Зимина очевидно, что Бориса начали считать царём после 17 февраля. С точки зрения А.П. Павлова избрание Годунова «завершилось фактически и формально уже 22–26 февраля [5, с. 288, примеч. 10; 15, с. 218–219]. В представлении Б.Н. Флори шурина «святым сопричаснаго» [3, с. 164, ср. с. 26, 27, 35] Фёдора Ивановича нарекли на трон 26 февраля [28, с. 302]. Но в тот день патриарх Иов благословил царя, приехавшего в Москву из Новодевичьего монастыря, наречение же нового государя состоялось пятью днями раньше в Смоленском соборе этой обители [1, с. 3, 35–36; 5, с. 221–223; 18, с. 236; 23, с. 136–137]. 30 апреля Борис Фёдорович уже окончательно перебрался оттуда в столицу, по мысли А.А. Зимина, для подготовки Серпуховского похода, начавшегося неделю спустя [5, с. 224, 226] (согласно посвящённой событиям 1598 г. повести, уцелевшей в некоторых разрядных книгах, решение об этом походе было принято 3 мая [2, с. 181]).

Несмотря на то, что вполне легитимным считался коронованный государь [27, с. 49, 337, 339, 390; ср. 3, с. 85, 113] (Фёдор Иванович венчался спустя менее чем два с половиной месяца после занятия престола, Лжедмитрий I – через месяц после вступления в Москву (с точки зрения В.И. Ульяновского, под давлением обстоятельств [27, с. 176]), наречённый самодержцем Василий Шуйский, тоже в условиях Смуты, – через две недели, Михаил Фёдорович – спустя четыре месяца вслед за тем, как согласился царствовать), «многославный» Борис медлил со «святопомазанием» до 3 сентября 1598 г. – в течение почти шести с половиной месяцев. Думается, это лишнее свидетельство (помимо доводов, приведённых в исследованиях А.П. Павлова) прочности положения бывшего правителя, отсутствия серьёзной оппозиции ему (вопреки убеждению Р.Г. Скрынникова).

Таким образом, начало фактического царствования Бориса Фёдоровича, что согласно УГ означало прекращение «вдовства» и «сиротства» отечества [1, с. 20], следует отнести ко времени наречения государем «ближнего приятеля» двух прежних самодержцев (21 февраля 1598 г.) в соответствии с постановлением Земского собора, а не к моменту, когда, по словам Ивана Тимофеева, недавний «пестун» «самодержавного вправду» Фёдора Ивановича «совершене помазася елеом от рога, в сущих на земли превосходною венчан славою» [3, с. 58], т. е. коронации в один из первых дней уже следующего по тогдашнему летосчислению года.

Литература

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою Экспедициею имп. Академии наук [Текст]. – СПб., 1836. – Т. 2. – 392 + 3 + 14 с.
2. Буганов, В.И. Сказание о смерти царя Фёдора Ивановича и воцарении Бориса Годунова (Записи в разрядной книге) [Текст] / В.И. Буганов // Зап. отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В.И. Ленина. – 1957. – Вып. 19. – С. 167–184.
3. Временник Ивана Тимофеева [Текст]. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. – 512 с.

4. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею имп. Академии наук [Текст]. – СПб., 1846. – Т. 1. – III + 400 + 18 + 14 с.
5. Зимин, А.А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России [Текст] / А.А. Зимин. – М. : Мысль, 1986. – 333 с.
6. Кистерев, С.Н. Таможенные правила в Белозёрском крае в середине XVI – начале XVII в. [Текст] / С.Н. Кистерев // Государство и общество в России XV – начала XX века : сб. ст. памяти Николая Евгеньевича Носова. – СПб. : Наука, 2007. – С. 195–205.
7. Корецкий, В.И. История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. [Текст] / В.И. Корецкий. – М. : Наука, 1986. – 271 с.
8. Корецкий, В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. [Текст] / В.И. Корецкий // Летописи и хроники (далее – ЛХ): 1980 г. (разве может быть такое название источника?). – М. : Наука, 1981. – С. 223–243.
9. Корецкий, В.И. Летописец с новыми известиями XVI – начала XVII в. [Текст] / В.И. Корецкий, Б.Н. Морозов // ЛХ. 1984. – М. : Наука, 1984. – С. 187–218.
10. Мельникова, А.С. Монеты Бориса Фёдоровича Годунова [Текст] / А.С. Мельникова // Нумизматика и эпиграфика. – М. : Искусство, 1989. – Т. 15. – С. 144–167.
11. Мельникова, А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого: История русской денежной системы с 1533 по 1682 год [Текст] / А.С. Мельникова. – М. : Финансы и статистика, 1989. – 318 с.
12. Мельникова, А.С. События 1598 года и монеты Бориса Годунова [Текст] / А.С. Мельникова // Исторические записки. – М. : Наука, 1983. – Т. 109. – С. 339–348.
13. Мордовина, С.П. К истории утверждённой грамоты 1598 г. [Текст] / С.П. Мордовина // Археографический ежегодник за 1968 год. – М. : Наука, 1970. – С. 127–141.
14. Павлов, А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.) [Текст] / А.П. Павлов. – СПб. : Наука, 1992. – 279 с.
15. Павлов, А.П. Соборная утверждённая грамота об избрании Бориса Годунова на престол [Текст] / А.П. Павлов // Вспомогательные исторические дисциплины. – Л. : Наука, 1978. – Т. 10. – С. 206–225.
16. Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII веков [Текст]. – М. : Художественная литература, 1987. – 616 с.
17. Полное собрание русских летописей [Текст]. – М. : Наука, 1965. – Т. 14. – I + 154 + I + 287 с.
18. Полное собрание русских летописей [Текст]. – М. : Наука, 1978. – Т. 34. – 304 с.
19. Полное собрание русских летописей [Текст]. – М. : Наука, 1987. – Т. 36. – 382 с.
20. Разрядная книга 1550–1636 гг. [Текст]. – М., 1976. – Т. 2. – Вып. 1. – 242 с.
21. Рябошапко, Ю.Б. Русско-шведские отношения на рубеже XVI–XVII веков [Текст] / Ю.Б. Рябошапко // Вопросы истории. – 1977. – № 3. – С. 26–39.
22. Скрынников, Р.Г. Борис Годунов [Текст] / Р.Г. Скрынников. – М. : Наука, 1983. – 191 с.
23. Скрынников, Р.Г. Россия на пороге «смутного времени» [Текст] / Р.Г. Скрынников. – М. : Мысль, 1981. – 206 с.
24. Солодкин, Я.Г. Земские соборы Московской Руси конца XVI века: Спорные проблемы истории и историографии [Текст] / Я.Г. Солодкин. – Нижневартовск : Изд-во Нижневартовского государственного гуманитарного университета, 2010. – 162 с.
25. Станиславский, А.Л. Новые документы о восстании Болотникова [Текст] / А.Л. Станиславский // Вопросы истории. – 1981. – № 7. – С. 74–83.
26. Тихомиров, М.Н. Российское государство XV–XVII веков [Текст] / М.Н. Тихомиров. – М. : Наука, 1973. – 423 с.
27. Ульяновский, В. Смутное время [Текст] / В. Ульяновский. – М. : Европа, 2006. – 428 с.
28. Флоря, Б.Н. Из следственного дела Богдана Бельского [Текст] / Б.Н. Флоря // Археографический ежегодник за 1985 год. – М. : Наука, 1986. – С. 302–306.

ББК 63.3(2)51
УДК 947.066.22:304.3

В.Я. МАУЛЬ

ПУГАЧЁВ/«ПЁТР III» И ЕГО ПЕРВЫЕ СТОРОННИКИ (ДИСКУССИОННЫЙ ВОПРОС ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКИХ САМОЗВАНЦЕВ)

V.Y. MAUL

PUGACHYOV/«PETER III» AND HIS FIRST SUPPORTERS (A DEBATABLE QUESTION FROM HISTORY OF RUSSIAN IMPOSTORS)

В статье рассматриваются малоизученные аспекты истории Пугачёвского бунта 1773–1775 годов. Анализ следственных материалов ставит под сомнение точку зрения об осведомлённости казаков в самозванстве Пугачёва.

The article deals with the little-studied aspects of Pugachev's revolt history in 1773–1775. The analysis of evidences arouse the doubt in the opinion that Cossacks knew about imposture of Pugachev.

Ключевые слова: самозванец, самозванство, царь, Пугачёвский бунт, казаки, историография.

Key words: a pretenders, imposture, tsar, Pugachev's revolt, Cossacks, historiography.

Российские самозванцы заслуженно считаются одним из наиболее ярких и малоизученных феноменов отечественной истории на протяжении прежде всего XVII–XVIII вв. Из 147 ложных претендентов монархического типа, которых скрупулёзно насчитал О.Г. Усенко, только единицам повезло быть упомянутыми на страницах специальных исследований. В основном мы знаем о тех из них, которые были связаны с движениями социального протеста, причём больше всего известны первые два Лжедмитрия и Е. Пугачёв. Историки как правило «предпочитают не замечать лжемонархов, остававшихся в стороне от волнений, бунтов и восстаний» [31, с. 17–18].

По этим причинам эвристические достижения в названной области надо признать достаточно скромными. Отсутствуют и комплексные монографические исследования. Реализуя накопленный в последние десятилетия методологический ресурс, обратимся к одному из спорных вопросов истории самозванцев. В литературе он формулируется примерно в таком виде: «Неужели те казаки пребывали в таком невежестве, что так вот, сразу, не сомневаясь, поверили в неожиданно явившегося «ампиратора», не разгадали в нем своего брата-мужика и готовы были идти за ним в огонь и воду, даже на смерть?» [6, с. 141].

Обычно подразумевается, что сторонники всегда были в курсе реальной ипостаси объявлявшихся «государей» или кого-либо из их «родни». Ещё в XIX веке историк А.Г. Брикнер утверждал: «Не должно думать, чтобы приверженцы мнимых царевичей, царей и императоров верили в подлинность претендентов» [3, с. 204]. Аналогичного мнения о самозванцах придерживалась советская историография, известный представитель которой М.Н. Тихомиров совершенно определённо заявлял: «Наглый обман поддерживался такими же наглыми людьми» [28, с. 116]. Современный историк Д. Свак определяет самозванчество как «продукт грубого, склоняющегося к цинизму прагматизма», «будучи первоначально неприкрытым мошенничеством, – пишет он – самозванчество и позже неизменно пользовалось средствами сознательного обмана» [26, с. 52–53]. Так же считают и многие другие исследователи, изучающие историю тех или иных самозванцев.

Особняком стоит обоснованная в последние годы позиция, согласно которой «наивный монархизм» трудящихся был не базой, а препятствием для поддержки заведомых самозванцев; даже ближайшее окружение самозваного претендента на царский трон должно было пребывать в уверенности, что служит «подлинному» государю» [32, с. 86]. Как видим, это эксклюзивное и перспективное мнение, хотя и с противоположной оценочной маркировкой, выдержано в столь же бескомпромиссной и обобщающей тональности.

Однако и та, и другая категоричность представляются неуместными в освещении исторических событий вообще, в том числе такого загадочного явления, как российские самозванцы. Среди них были личности разного масштаба, а потому единый аксиологический шаблон здесь едва ли применим. Полагаю, что к названной проблематике надо подходить более взвешенно и дифференцированно.

Конечно, когда речь идёт об откровенных авантюристах типа Н. Кретова, то здоровый скепсис учёных будет вполне понятным и оправданным. Известно, что этому пропившемуся офицеру одного из батальонов Оренбургского гарнизона в поисках необходимых денег пришла в голову заманчивая мысль, о которой он и сообщил своему денщику Лаврентьеву: «Я, брат, вот что вздумал, мне кажется, оно лутче всево будет: я хочу сказываться государем Петром Фёдоровичем, так все служить будут». На возражения и сомнения Лаврентьева он отвечал: «А, может иной дурак и поверит! Ведь де простые люди многие прежде о ево сумневались и говорили, что будто бы он не умер» [27, с. 119].

Иначе говоря, с Н. Кретовым и иже с ним всё достаточно очевидно, но когда рассуждения историков абсолютизируются в качестве истины в последней инстанции и экстраполируются на всех самозванцев без исключения, то согласиться с ними становится сложнее.

В качестве примера обратимся к истории одного из самых известных российских лжемонархов Пугачёва/«Петра III». Надо признать, что сегодня Пугачёвский бунт находится на периферии учёного интереса, но не так давно он считался одной из наиболее ангажированных тем, хотя мнения на его счёт и по поводу его предводителя претерпевали заметную эволюцию. Так, первый русский историк-марксист М.Н. Покровский, недалеко уйдя от оценок своих дореволюционных коллег, давал ещё вполне уничижительную характеристику Пугачёва и всей его затеи [13, с. 132–133]. Постепенно отношение к вождю бунтовщиков менялось на более комплиментарное, его уже считали не «атаманом разбойников», а выдающимся предводителем восставшего народа. Однако, по мнению советских историков, серьёзного идеологического упрёка лидеры так называемой «крестьянской войны» заслуживали за то, что намеренно эксплуатировали неразвитое политическое сознание трудящихся, их «царистские иллюзии», хотя и делали это ради благих целей. В унисон звучат разделённые во времени типовые высказывания С.М. Троицкого и Р.В. Овчинникова. Первый из них полагал, что «ближайшие сподвижники прекрасно знали, что Пугачёв не «Пётр III», а донской казак, и вместе с ним совершенно сознательно использовали идею самозванства, чтобы поднять народ на борьбу с крепостным гнетом» [30, с. 143]. Второй также безапелляционно подтверждал: «Казаки-заговорщики после некоторых колебаний согласились признать Пугачёва «императором Петром III». Они усматривали в самозванстве Пугачёва несомненные выгоды для дела восстания» [8, с. 23].

Уверенность, будто «уже в период подготовки восстания [Пугачёв] открыл некоторым наиболее доверенным казакам своё подлинное имя» [1, с. 30], основывается на показаниях нескольких человек, непосредственно стоявших у истоков самозванческой интриги. «Расспросные речи» многочисленных других повстанцев за редким исключением (М. Горшков, И. Ульянов) к сути разбираемого нами вопроса прямого отношения не имеют.

Назовём имена главных «фигурантов»: отставной солдат С. Оболяев, яицкие казаки Д. Пьянов, Г. Закладнов, С. Кунишников, И. Чика-Зарубин, Т. Мясников, Д. Караваев, М. Шигаев, беглый крестьянин А. Чучков и некоторые иные персонажи. Чаще всего историки обращаются к протоколам допросов И. Зарубина и секретаря повстанческой Военной коллегии илецкого казака М. Горшкова, в которых подтверждается мнение о будто бы вполне осведомлённых застрельщиках самозванства. Выяснение его обоснованности требует внимательного компаративного анализа комплекса следственных материалов по делам инициаторов Пугачёвского бунта.

Например, из слов И. Чики-Зарубина можно понять, что у него изначально возникли определённые подозрения («по лицу и образу счёл, что ему государем быть нельзя»), которые он решил проверить, беседуя с другим свидетелем появления долгожданного «императора» на Яике: «Приехав он, Зарубин, пришёл к Короваеву и стал ему говорить, чтоб он сказал правду, что, дескать, это за человек, котораго они за государя почитают». На что после некоторых раздумий и отговорок последовал ответ: «Ето де не государь, а донской казак, и вместо государя за нас заступит, нам де все равно, лишь быть в добре» [19, с. 130].

Далее И. Зарубин сообщил о приватном разговоре с самим самозванцем: «Как де, батюшка, скажи де сущую правду про себя, точно ли де ты государь». Самозванец отвечал: «Точьной я де вам государь». А Зарубин на то говорил: «Вить де нас, батюшка, не сколько теперь, только двоечька; мне де вить Короваев росказал о тебе все точьно, какой ты человек». На то Пугачёв и спросил: «Что же де тебе Короваев-ат о мне сказал?» Зарубин и начал говорить: «От людей де утаишь, а от Бога вить не утаишь, – ты де донской казак!» На это Пугачёв сказал: «Врёшь де, дурак». То Зарубин говорил: «Я де в том Караваеву дал клятву, чтоб никому о том не сказывать, так теперь и тебе де, батюшка, даю, – вит де мне в том нужды нет: хоша де ты и донской козак, только де мы уже за государя тебя принели, так тому де и быть». Выслушав сие, злодей ответствовал: «Ну, кали так, то смотри же, держи вътайне: я де подлинно донской козак Емельян Иванов. Не потаил де я о себе и сказывал Короваеву и Шыгаеву, такъже Пьянову» [19, с. 131].

Получается, что трое вышеназванных казаков к этому времени уже знали настоящее имя Е. Пугачёва и теперь открыли его И. Зарубину. Однако имеющиеся источники не дают ответа на вопрос, когда и от кого они успели получить столь важную информацию. Таких сведений нет ни в их показаниях, ни в пугачёвских, ни у других очевидцев происходящего.

Вполне буднично, как будто это совершенно заурядное дело, объяснил И. Чика-Зарубин мотивы своего решения поддержать самозванца: «И он, … положил о том, что так тому и быть, ибо всему войсковому народу то было надобно»; «Имея намерение уже признать его за государя, стараться утвердить его на царство, а потому, хотя и получили они публикованные манифесты, то, зная и бес того о самозванце, не помышляли отстать от него, лстяся тем, что завладеет он, злодей, царством» [19, с. 131–132].

Казалось бы, в распоряжении историков вполне убедительные аргументы, прозвучавшие из уст человека, не понаслышке знакомого с ситуацией. Тем не менее их достоверность можно поставить под сомнение. Как правило, не уделяется должного внимания обстоятельствам, при которых даны эти признательные показания. О них сообщается в первых же строках протокола: «Сей допрос показателю яицкому козаку Зарубину … был в присудствии читан, в чем он по двенатцетикратном увещевании утвердился, но под наказанием» [19, с. 128].

По похожему поводу (речь шла о самозваном «сыне» английского короля и императрицы Елизаветы корнете И. Опочинине) историк А.П. Барсуков писал: «Нужно ли пояснять читателю, что означало в те крутыя времена кроткое с виду выражение: увещевания следователя… После этих увещеваний даже самые крепкие люди бледнели, тряслись как в лихорадке и падали в обморок… при настоящих дознаниях были в ходу пытки» [2, с. 210].

Надо полагать, как одного из самых выдающихся бунтовщиков И. Чику-Зарубина «увещевали» с особым пристрастием. Не лишено смысла предположение, что заплечных дел мастера были настроены добиться от него именно и только того, что хотели услышать следователи, направляемые «чуткими» указаниями императрицы, внимательно следившей за ходом дознания. Убеждая в необходимости подтвердить официальную трактовку самозванческой интриги, его соблазняли обещаниями, «что чрез это я себе зделаю легкость, но мне де не верилось» [19, с. 136]. Когда же уговоры не помогли, в ход пошли двенадцатикратные «увещевания».

И тем не менее в ситуации с И. Зарубиным не всё согласуется с привычными историографическими оценками. Во-первых, он отнюдь не сразу дал необходимые показания, поначалу «не признался, что ведал прямо о злодее Емельке Пугачёве» [19, с. 136]. Во-вторых, руководивший дознанием генерал-майор П.С. Потёмкин в итоге вынужден был сообщить императрице о своей неудаче: несмотря на все «увещевания», И. Зарубин так и не раскаялся, а «дерзновенно» заявлял, что все его помыслы и деяния «есть истинное служение Отечеству», направленное на защиту «нещастного государя». Выходит, для него вопреки настойчивости следствия Е. Пугачёв от начала до конца оставался «несчастным государем», а не «известным злодеем-самозванцем».

Насквозь надуманная версия была выдвинута в часто цитируемом протоколе допроса М. Горшкова. Он не присутствовал среди тех, кто первыми обнаружили объявившегося «императора», однако на масленицу 1774 г. якобы узнал все подробности из откровений изрядно подвыпившего Т. Мясникова – командира пугачёвской гвардии. Вот как развивались события в изложении М. Горшкова: яицкие казаки (Мясников, Зарубин, Шигаев и Караваев) поехали «на охоту на речку Таловую», увидели там, «стоящую на берегу раскинутую полатку и подле неё лошадь с телегою», поинтересовались, «что тут за люди стоят». В ответ «не ведомо какой то человек в посконной рубахе и в крестьянском платье» сразу же признался им, «что он донской казак Емельян Пугачёв», находящийся в бегах. И вдруг без каких-либо веских оснований («приметили в нем проворство и способность») казаки «вздумали взять ево под своё защищенье, и… назвать сего Пугачёва покойным государем Петром Фёдоровичем, дабы он нам возстановил все наши прежния обряды, какия до сего были, а бояр, которыя больше всего в сем деле умничают и нас разоряют всех истребить» [12, л. 1об.–2об.].

Вполне допустимо, что обойдённый пугачёвскими «милостями» Т. Мясников в процессе трапезы «гораздо зделался пьян» [12, л. 1] и в самом деле мог завести с собеседником разговор о самозванстве. Его обиды на невнимание со стороны «государя» были хорошо известны. Но к этому обстоятельству вернёмся чуть позже, к тому же оно не делает предложенную М. Горшковым интерпретацию более реалистичной. В ней важно обратить внимание на перестановку ролевых коллизий первой встречи. Оказывается, не Е. Пугачёв неудачно попытался выдать себя за Петра III, надеясь обманным путём заручиться поддержкой казаков, а наоборот, они сами, случайно встретившись и узнав, что перед ними беглый донской казак Е. Пугачёв, внезапно решили назвать его высочайшим именем, «зделать над собою атаманом и возстановителем своих притесненных и почти упадших обрядов и обычаев» [12, л. 2].

Кроме того, согласно словам М. Горшкова получается, что группа яицких казаков поехала в степь с целью просто поохотиться, а там уж и произошла эта нежданная встреча, затем вылившаяся в грандиозную самозванческую затею. Однако из расспросов всех других очевидцев явствует, что «охотники» заранее знали о пребывании «государя» на постоялом дворе Оболяева и под видом «стреляния сайгаков» целенаправленно отправились к нему: «Мы де слышали, что здесь обретается царь Пётр Фёдорович, так приехали сюда его посмотреть» [22, л. 120об.] и предложить свои услуги. Добавим ещё, что никто из них никогда не утверждал, будто Пугачёв сразу назвался настоящим именем, такой явный вымысел встречается только в допросе М. Горшкова.

Кстати о том, что, находясь «под шафе», первые заговорщики не прочь были раскрыть окружающим генеалогическую тайну «надежи-государя», свидетельствовал ещё один видный бунтовщик И. Ульянов. Он слышал «от Зарубина, от Шигаева и от протчих яицких казаков неоднократно между разговорами, бывши пьяные, что самозванец есть донской казак и был, ещё прежде содержания под караулом, у них на Яике, у Пьянова – казака в доме, и прославить себя государем совет имел, а потом поиман и содержался в Казане, из Казани ж ушёл и по прежним советам принял на себя имя государя. Почему он, Ульянов, уже знал, что он, самозванец» [18, с. 127].

Не исключено, что автор этого разоблачения припомнил действительно услышанные от загулявших сотоварищей слова, насколько они сохранились в его памяти, в момент разговора одурманенной алкогольными парами. Удивляться принципиальной возможности подобных речей не приходится. Под влиянием многих факторов – разоблачительной агитации правительства, всеобщего уныния от частых поражений и, главное, допущенных пугачёвских промашек – даже у ближайшего окружения могли возникнуть подозрения в отношении «царя-батюшки». Такую реакцию вызвала, например, его свадьба с казачкой Устиньей Кузнецовой, состоявшаяся за две недели до масленицы: «Навела на некоторых сия его женидьба сумнение такое, что государи на простых никогда не женятся, а всегда берут за себя из иных государств царскую или королевскую дочь» [21, с. 101].

В связи с подобными обстоятельствами Е. Пугачёв на допросе высказал предположение, что яицкие казаки, «хотя сперва и были несколько уверены, что он государь, но после, уповает, приметили ево невежество» [24, с. 131]. Нет ничего невероятного, что теперь, задним числом, они пытались виртуально править ситуацию, пересматривая своё мнение о самозванце. Само собой, что легче всего это было сделать «под пьяную лавочку», когда крик отчаяния и разочарования от несбывшихся и обманутых надежд сам рвался наружу. Однако от сомнений до уверенности в самозванстве большая дистанция.

Обратим внимание, что в двух последних случаях (у М. Горшкова и И. Ульянова) мы узнаём о мыслях и словах главных заговорщиков, пересказанных из вторых уст. Рассмотрим, насколько они аутентичны, например, показаниям самого Т. Мясникова.

Известно, что его допрашивали трижды, но каждый раз он заявлял об искренней убеждённости в том, что имел дело с подлинным государем. 9 мая 1774 г., когда Т. Мясников впервые предстал перед следователем, на вопрос «каким он теперь Пугачёва почитает: государем или самозванцем, на то он отвечал: «Бог ста ево знает, я и сам не знаю, за какого его почесть. Вить вот вы де называете ево Пугачёвым, а он так называет себя государем, и мы за такого ево и почитали» [21, с. 100].

Примерно через месяц, будучи расспрошен вторично, он привёл новые обоснования высочайшей вере: «Самозванец, остановясь у Сластиных зимовей, повесил тут пойманнаго с послушной стороны казака Алексея Скворкина… Чем и навёл он на всех приставших к нему казаков страх, да и уверились после учиненной им казни, что он истинной царь» [22, л. 135].

И даже оказавшись в Московской экспедиции Сената, Т. Мясников не изменил показаний, лишь скорректировал мотивировку: «О злодее, видя его на умете, и на хуторах, и на Усихе, не донёс и верно ему служил по простоте своей, не зная, что оной злодей донской казак, а считал его, смотря на других старших казаков, подлинно государем» [23, л. 257].

Получается, что М. Горшков просто-напросто оговорил Т. Мясникова, сам или по чьей-то подсказке приписал ему точку зрения и слова, которые тот скорее всего не произносил и не разделял. Примеры казанского архиепископа Вениамина, солдата И. Мамаева и других подтверждают, что ложные изветы в ходе следствия не раз имели место [9, с. 22; 14, с. 53–65]. В литературе было отмечено, что относительно достоверности «материалов допро-

сов» «на представителей администрации полностью положиться нельзя – их интерпретация фактов зависела от разных обстоятельств; и излишнее служебное рвение, и возможность получения взятки играли здесь немаловажную роль» [7, с. 258].

Ещё одним доводом на чаше весов сторонников версии сознательного обмана является утверждение Е. Пугачёва, будто яицкие казаки «точно знали, что он не государь, а донской казак, но они желали сим ево злодеянием получить себе помочь, ибо он сам от Шигаева настоящего своего имяни не таил» [17, с. 233].

Красноречивая на первый взгляд реплика измученного многократными продолжительными «увещеваниями» пленника также требует осторожного к себе отношения. Известно, что она была озвучена практически на последнем следственном мероприятии 5 декабря 1774 г. во время очной ставки с ближайшими сообщниками. Ни в одном из четырнадцати протоколов предыдущих его допросов подобных сведений нет, более того, регулярно приводимые им ранее свидетельства носят прямо противоположный характер.

Сравним с тем, что сообщал Е. Пугачёв следователям прежде: «А как сели, то Караваев говорил ему, Емельке: «Ты-де называешь себя государем, а у государей-де бывают на теле царские знаки», то Емелька, встав з земли и разодрав у рубашки ворот, сказал: «На вот, кали вы не верите, што я – государь, так смотрите – вот вам царской знак». И показал сперва под грудями, как выше сего он говорил, от бывших после болезней ран знаки, а потом такое ж пятно и на левом виске. Оные казаки, Шигаев, Караваев, Зарубин, Мясников, посмотря те знаки, сказали: «Ну, мы теперь верим и за государя тебя признаем» [16, с. 161–162].

До злополучной очной ставки Е. Пугачёв неизменно рассказывал с небольшими вариациями именно эту историю, которая, кстати, полностью согласуется со свидетельствами многих «фигурантов» дела. Отставной солдат С. Оболяев подчёркивал, как на просьбу Е. Пугачева: «Ну, детушки, не покиньте вы меня, соколы ясныя. Теперь-де я у вас пешей сизой орёл, подправьте-де мне сизому орлу крылья» казаки Д. Караваев и С. Кунишников отвечали ему со слезами: «Только-де не оставь нас, надежа-государь, а за то мы все с Яицким войском, – что ни прикажете и не потребуете, – зделаем» [20, л. 44об.]. Аналогичным образом вспоминал судьбоносную первую встречу Т. Мясников, отметивший, как после предъявления «царских знаков» его «великой страх обуял, так что руки и ноги затряслись» [21, с. 98]. Крестьянин А. Чучков, также присутствовавший при этой беседе, уточнил, что на просьбу Д. Караваева показать «царские знаки» Е. Пугачёв сначала праведно вознегодовал: «Раб ты мой, а повелеваешь мной», но потом, разрезав рубаху, всё-таки предъявил им визуальные «доказательства» своей избранности [15, л. 148об.]. Одним словом, всё «происходило таким образом, как помянутый мужик [Чучков. – *В.М.*] и казак Караваев в допросах своих показывают». Точно также «и свидетельство знаков самозванцовых происходило… как в допросе Караваева показано» [22, л. 121, 121об.].

Почему же теперь, когда расследование приближалось к окончанию, Е. Пугачёв внезапно решил изменить показания, переложить ответственность на яицких казаков, заявив об их изначальной осведомлённости в его самозванстве? Стоит ли доверять ему или же правда содержится в окончательных словах М. Шигаева, который «в очной ставке с злодеем говорил, что он о Пугачёве, что он – донской казак, не знал и злодею о сем не говорил» [17, с. 234]?

Возможно, дознавателям удалось «освежить» воспоминания Е. Пугачёва не без настоятельных требований со стороны императрицы, высказывавшей явное неудовольствие ходом разбирательства вопроса, «кто выдумал самозванство Пугачёва, …когда в него мысль сия поселилась, и от которого времяни он имя сие на себя принял, и с кем, во-первых, о сем у него речь была» [4, с. 102]. Потому-то для ускорения следствия к нему был подключён

известный в стране «кнутобоец», обер-секретарь С.И. Шешковский, одно имя которого наводило страх на любого арестанта, т. к. он «особливой дар имеет с простыми людьми, и всегда весьма удачно разбирал» [25, с. 93].

Источниковеды полагают, что протоколам допросов «присуща враждебная тенденциозность по отношению к Пугачёву, его соратникам и возглавленному ими восстанию»: «Они создавались в ходе следствия, в обстановке неравной психологической борьбы между следователем и подследственным». Представитель власти, «используя весь арсенал устрашения, вплоть до истязания и пыток, стремился, часто в ущерб истине, добиться показаний, усугубляющих вину и участь подследственного» [10, с. 98].

Возможно, так произошло и в нашем случае. Тщательно изучивший пугачёвские документы В.Г. Короленко считал несчастьем «для последующей истории», что «первоначальное следствие» попало в руки екатерининской креатуры – П.С. Потёмкина, «ничтожного и совершенно бездарного человека… А так как в его распоряжении находились милостиво предоставленные ему… застенки и пытки, то понятно, что весь материал следствия сложился в этом предвзятом направлении: лубочный, одноцветный образ закреплялся вынужденными показаниями, а действительный образ живого человека утопал под суздальской мазней застеночных протоколов» [5, с. 20–21].

В этой связи Р.В. Овчинников имел все основания негативно оценить итоги следственного процесса: «Как ни старался Потёмкин, но не имел он успеха в исполнении важнейшего поручения Екатерины II – расследовании первопричин восстания Пугачёва и происхождения его самозванства» [9, с. 22].

Проведённый в статье ретроспективный анализ свидетельствует о неудаче и всего масштабного дознания в целом. Его вдохновителям и исполнителям так и не удалось привести к общему знаменателю показания даже главных обвиняемых, не все фрагменты складываются в единую картину, противоречия оказываются слишком заметными. В результате получилась не одна, а несколько различных версий встречи казаков и «третьего императора», но предпочтение было отдано той, которая изображала Е. Пугачёва и стоявших у истоков бунта яицких казаков людьми, осведомлёнными о самозванстве и прибегнувшими к мистификации от имени царя для достижения своих целей.

Оценивая познавательный потенциал следственных материалов по делам о государственных преступлениях, О.Г. Усенко предостерегает против излишне упрощённого подхода «к выявлению и осмыслению содержащейся в них информации», «многие историки страдают излишней «доверчивостью» к нередко встречающимся ложным показаниям». Учёным не следует забывать, «что большинство источников являются продуктами взаимодействия двух сознаний – следователей и подследственных. Если последние – выходцы из низших слоёв общества, то речь уже идёт о взаимодействии двух культур – «письменной» и «устной», «элитарной» и «народной» [33, с. 366–367, 369].

Имея в виду самозванство Е. Пугачёва, полностью солидарен с мнением, оспаривающим устоявшийся стереотип, «будто народ поддерживал самозванцев главным образом потому, что те обещали ему освобождение от крепостного гнёта, сытую жизнь и повышение социального статуса. При этом допускается возможность того, что трудящиеся (по крайней мере, их часть) могли идти за самозванцами, не веря в их царское происхождение, а просто используя их в своих целях. Подразумевается, что «толпе» все равно, кто взойдёт с её помощью на престол, – главное, чтобы новый царь был «мужицким», «хорошим», чтобы он защищал интересы народа» [34, с. 54].

Такой меркантильный взгляд на высокую особу («служил ему верно, надеясь, что завладеет он государством, и он, Ульянов, будет великим человеком» [18, с. 127]), вполне присущий нашим современникам, не подойдёт, однако, для понимания мотивации яицких казаков последней трети XVIII века. Картина мира «как самого Е. Пугачёва, так и участников восстания

тяготела к традиционным ценностям. Легенда о спасшемся царе-избавителе и вера в неё убедительно свидетельствует о господстве средневековых представлений о мире среди простонародья» [29, с. 530].

В той же прагматичной версии, которую предложило официальное следствие и подхватила последующая историография, пугачёвцы ведут себя неестественным для людей своего времени образом. Казалось бы, простые казаки православного вероисповедания, убедившись, что перед ними лжемонарх, должны были бежать от него, как от чумы. В религиозном мировосприятии самозванец – ставленник дьявола, служба ему – это прямая погибель для нетленной души. Но, почему-то игнорируя культурное вето традиции, первые сторонники Е. Пугачёва намеренно пытаются ввести в заблуждение своих товарищей по войсковому братству, выдавая исчадие ада, т. е. самозванца, за третьего императора: «Но он, Зарубин, и другие, которые знали, что он – козак, как уже положили в сердце своём произвесть злодейство, то оному и следовали, говоря для прославления наиболея Пугачёва государем: «Как де козаку принятца за такое великое дело?» [19, с. 133]. Подобное кощунство и святотатство кажутся, мягко говоря, нетипичными для рядовых простолюдинов прошлого, глубоко убеждённых в высокой сакральной значимости фигуры и власти царя. И даже для социальных маргиналов, к числу которых с оговорками можно отнести казачье сообщество [11].

Несомненно, для адекватной расшифровки кодовой символики традиционализма, воплощённой в изучаемых нами текстах культуры (любой источник – это фрагмент культуры, его создавшей), нужен другой контекстуальный ключ, иной эпистемологический ракурс. Под влиянием разного рода историографических поворотов сегодня акцентируется не событийный, а эмотивный дискурс прошлого. Иначе говоря, значимым для исследователей теперь оказывается не столько то, что было «на самом деле», а как происходившее воспринималось современниками, каким оно «разыгрывалось» в их умах. В такой постановке вопроса объективная реальность прошлого выступает перед историками как совокупность множества субъективных смыслов участников и просто свидетелей переживаемых событий. Потребность в их понимании адресует учёных к особенностям социально-психологического облика изучаемых персонажей.

Проникновение в сферу традиционной ментальности, в специфические механизмы её функционирования показывает, что поддержка Е. Пугачёва в образе Петра III была немыслимой без глубокой убеждённости в подлинности объявившегося на Яике «государя», слухи о скором пришествии которого задолго до этого уже будоражили душевный покой казаков: «Мы же де, козаки войсковой стороны, все уже о том думали и дожидались весны; где ни сойдёмся, говорили войсковые все: «Вот будет государь!» И, как приедет, готовились ево принять» [19, с. 129]. Да, самозванцу поверили, потому что хотели верить, но всё-таки поверили, а уже затем беззаветно «служили и хотели служить ему» [21, с. 100], пытаясь помочь вернуть прародительский престол. И логика такого выбора уходит корнями в культурную архаику прошлого, воплощая в поведенческих реакциях архетипические установки народного монархизма: истинный царь – это помазанник божий на земле, олицетворение вселенского добра, гарант социальной справедливости, а, следовательно, вступив на трон, он сумеет защитить поруганную правду и восстановит нарушенные «изменниками» порядки и обычаи. Поэтому поддержка его – это богоугодное дело.

Не учитывать ключевую роль данного обстоятельства как катализатора развития обстановки на Яике осенью 1773 года никак нельзя, ибо в противном случае историки вслед за екатерининскими следователями будут получать искажённую собственными домыслами картину возникновения Пугачёвского бунта и отношений самозваного «императора» с верными его сподвижниками, первыми узнавшими благую весть.

Литература

1. Андрущенко, А.И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири [Текст] / А.И. Андрущенко. – М., 1969. – 360 с.
2. Барсуков, А.П. Рассказы из русской истории XVIII века по архивным документам [Текст] / А.П. Барсуков. – СПб., 1885. – 284 с.
3. Брикнер, А.Г. История Екатерины Второй [Текст] / А.Г. Брикнер. – СПб., 1885. – 853 с.
4. Записка Екатерины II главнокомандующему в Москве генерал-аншефу князю М.Н. Волконскому о необходимости установить происхождение самозванства Е.И. Пугачёва от 24 ноября 1774 г. [Текст] // Вопр. ист. – 1966. – № 3. – С. 102.
5. Короленко, В.Г. Пугачёвская легенда на Урале [Текст] / В.Г. Короленко // Голос минувшего. – 1922. – № 2. – С. 15–26.
6. Лесин, В.И. Мятежная Россия [Текст] / В.И. Лесин. – М., 2000. – 416 с.
7. Майорова, А.С. Материалы допросов участников Пугачёвского восстания как биографический источник [Текст] / А.С. Майорова // Россия в IX–XX веках. Проблемы истории, историографии и источниковедения. – М., 1999. – С. 256–258.
8. Овчинников, Р.В. Манифесты и указы Е.И. Пугачёва (Источниковедческое исследование) [Текст] / Р.В. Овчинников. – М., 1980. – 281 с.
9. Овчинников, Р.В. Следствие и суд над Е.И. Пугачёвым и его сподвижниками (Источниковедческое исследование) [Текст] / Р.В. Овчинников. – М., 1995. – 272 с.
10. Овчинников, Р.В. Сподвижники Пугачёва свидетельствуют... [Текст] / Р.В. Овчинников // Вопр. ист. – 1973. – № 8. – С. 97–101.
11. Побережников, И.В. Народная монархическая концепция на Урале (XVIII – первая половина XIX в.) [Текст] / И.В. Побережников // Уральский исторический вестник. – 1994. – № 1. – С. 31–40.
12. Показание о Пугачёве секретаря пугачёвской военной коллегии Максима Горшкова и переписка его и других лиц с пугачёвским атаманом Васильем Торновым [Текст] // РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 421. Л. 1–14.
13. Покровский, М.Н. Русская история с древнейших времен [Текст] / М.Н. Покровский // Избр. произв. – М., 1965. – Кн. 2. – 664 с.
14. Пособники и сторонники Пугачёва [Текст] // Русская старина. – 1876. – Т. XVII. – С. 53–74.
15. Протокол показаний А.С. Чучкова на допросе в Оренбургской секретной комиссии 6 июня 1774 г. [Текст] // РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 506. Л. 137–155.
16. Протокол показаний Е.И. Пугачёва на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената 4–14 ноября 1774 г. [Текст] // Емельян Пугачёв на следствии. – М., 1997. – С. 127–215.
17. Протокол показаний Е.И. Пугачёва на очной ставке с И.Н. Зарубиным, М.Г. Шигаевым и Д.К. Караваевым в Московском отделении Тайной экспедиции Сената 5 декабря 1774 г. [Текст] // Емельян Пугачёв на следствии. – М., 1997. – С. 233–234.
18. Протокол показания И.И. Ульянова в Казанской секретной комиссии в августе 1774 г. [Текст] // Пугачёвщина. – Т. 2 : Из следственных материалов и официальной переписки. – М. ; Л., 1929. – С. 126–127.
19. Протокол показаний И.Н. Зарубина-Чики на допросе в Казанской секретной комиссии в сентябре 1774 г. [Текст] // Пугачёвщина. – М. ; Л., 1929. – Т. 2 : Из следственных материалов и официальной переписки. – С. 128–136.
20. Протокол показаний С.М. Оболяева на допросе в Оренбургской секретной комиссии 11 июня 1774 г. [Текст] // РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 506. Л. 38–60.
21. Протокол показаний сотника яицких казаков-повстанцев Т.Г. Мясникова на допросе в Оренбургской секретной комиссии 9 мая 1774 года [Текст] // Вопр. ист. – 1980. – № 4. – С. 97–103.
22. Протокол показаний Т.Г. Мясникова на допросе в Оренбургской секретной комиссии 16 июня 1774 г. [Текст] // РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 506. Л. 117–136.
23. Протокол показаний Т.Г. Мясникова в следственной комиссии в Москве 17 ноября 1774 г. [Текст] // РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 512. Ч. 1. Л. 256–257.

24. Рапорт капитан-поручика С.И. Маврина генерал-майору П.С. Потёмкину о доставлении пленного Е.И. Пугачёва в Яицкий городок и о его предварительном словесном допросе от 15 сентября 1774 г. [Текст] // Вопр. ист. – 1966. – № 3. – С. 131–132.
25. Рескрипт Екатерины II генерал-майору П.С. Потёмкину о назначении его в состав комиссии, учреждаемой в Москве под председательством князя М.Н. Волконского, для производства следствия над Е.И. Пугачёвым от 27 сентября 1774 г. [Текст] // Вопр. ист. – 1966. – № 3. – С. 93–94.
26. Свак, Д. Несколько методологических и историографических замечаний о «самозванчестве» [Текст] / Д. Свак // Самозванцы и самозванчество в Московии. – Будапешт, 2010. – С. 38–65.
27. Сивков, К.В. Самозванчество в России в последней трети XVIII в. [Текст] / К.В. Сивков // Ист. записки. – 1950. – Т. 31. – С. 88–135.
28. Тихомиров, М.Н. Самозванщина [Текст] / М.Н. Тихомиров // Наука и жизнь. – 1969. – № 1. – С. 116–121.
29. Трефилов, Е.Н. Элементы традиционного и нового в мышлении простолюдина XVIII в. (по материалам Пугачёвского бунта) [Текст] / Е.Н. Трефилов // Человек в культуре русского барокко. – М., 2007. – С. 519–530.
30. Троицкий, С.М. Самозванцы в России в XVII–XVIII вв. [Текст] / С.М. Троицкий // Вопр. ист. – 1969. – № 3. – С. 134–146.
31. Усенко, О.Г. Изучение российского монархического самозванчества: «ловушки», проблемы, перспективы [Текст] / О.Г. Усенко // Самозванцы и самозванчество в Московии. – Будапешт, 2010. – С. 9–37.
32. Усенко, О.Г. Об отношении народных масс к царю Алексею Михайловичу [Текст] / О.Г. Усенко // Царь и царство в русском общественном сознании. – М., 1999. – С. 70–93.
33. Усенко, О.Г. Примерная стратегия интерпретации следственных материалов по делам о государственных преступлениях в России XVII–XVIII вв. [Текст] / О.Г. Усенко // Народ и власть: исторические источники и методы исследования. – М., 2004. – С. 366–369.
34. Усенко, О.Г. Самозванчество на Руси: норма или патология [Текст] / О.Г. Усенко // Родина. – 1995. – № 1. – С. 53–57.

ББК 63.2
УДК 930.2

Ю.А. ОБУХОВА

ТИПОЛОГИЯ РОССИЙСКИХ САМОЗВАНЦЕВ КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА (ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ)

Y.A. OBUKHOVA

TYPOLOGY OF RUSSIAN IMPOSTORS AS THE HISTORIOGRAPHIC PROBLEM (ADVANTAGES AND DISADVANTAGES)

В статье рассматривается проблема типологии российских самозванцев на основе сравнения взглядов различных отечественных и зарубежных исследователей, определяются достоинства и недостатки предложенных типологий. Показано, что не все типологические модели достаточно разработаны и обоснованы. Намечены перспективы развития данной темы.

The article deals with the problem of Russian imposture typology based on the comparison of different domestic and foreign scientists' views. Advantages and disadvantages of suggested typological classifications are determined. It is shown that not all typological models are worked out and justified sufficiently. Development prospects of this theme are planned.

Ключевые слова: самозванчество, самозванцы, типология, лжемонархи, историография.

Key words: imposture, pretenders, a typology, false tsars, historiography.

В массовом сознании далёкого прошлого времена смут и общественных потрясений оценивались, как правило, негативно, воспринимались в качестве божьего наказания. Одной из наиболее распространённых реакций на подобные бедствия «был архетип «перевёрнутого мира», когда властная традиция рассматривалась как враждебная… и могла интерпретироваться в качестве источника греха, ответственность за который приходится нести всему обществу. Следствием такой реакции было стремление выйти из-под контроля государства, обособиться от насаждаемой им неправды, учредить свой островок Правды в море общего зла или в стороне от него» [7, с. 410–411].

Поскольку сознание человека традиционной эпохи было дуалистичным, мир представал в нём как борьба противоположных начал, которые, взаимодействуя, дополняли друг друга в рамках амбивалентной системы взглядов. Они всякий раз неизбежно принимали форму культурных антиномий, когда тезис рождал антитезис, духовный гимн – пародию, бог – антихриста [5, с. 188], а идея царской власти – самозванца. И все они органично соединялись в «картине мира» рядовых простолюдинов. Их убеждение в том, что «в России правды не стало», облекалось в архетипические формы монархической утопии и создавало благодатную почву для появления «истинных» царей. Однако отнюдь не каждый из них получал массовую поддержку: «Наряду с такими самозванцами, как Лжедмитрий I и Е. Пугачёв, увлекавшими за собой тысячи людей, в России были и другие, которые в лучшем случае могли похвастаться несколькими десятками сторонников» [18, с. 54]. Поэтому возникает потребность систематизировать многочисленных ложных претендентов, среди которых «были не более чем марионетки, этакая «очеловеченная» идея «доброго царя», который идёт «выводить» бояр-изменников, однако были вожди истинные, верховодившие по уму и по своей воле» [2, с. 48].

Нельзя сказать, что у этой темы имеется обширная историография, авторы оригинальных типологий самозванцев буквально наперечёт. Можно, например, обратить внимание на мнение историка И.Л. Андреева: «Пёстрое проявление индивидуальностей, – пишет он, – привело к возникновению самозванческих типов. Самозванец-бунтарь; самозванец-авантюрист, искатель личных выгод; самозванец-марионетка, орудие политического заговора. Но был ещё один тип – самозванец-пропагандист, принужденный за отсутствием иных средств полагаться на бойкость ума и остроту своего пера. Таковым был московский приказной Тимошка Акундинов, бежавший в середине 40-х годов XVII века за пределы Московского государства. Выдавая себя то за сына, то за внука Василия Шуйского, он поочерёдно предлагал свои услуги турецкому султану, папе римскому, европейским правителям и слал-слал свои грамотки на родину в надежде смутить умы и поднять свои акции» [1, с. 111]. К сожалению, обосновывать свою потенциально интересную позицию учёный не стал. Среди предложенных им типов без каких-либо комментариев остаётся только один – самозванец-бунтарь, но и три других намечаются лишь короткими штрихами. Можно согласиться с историком В.Я. Маулем, отметившим, что, «поскольку данная типология не получает дальнейшего развития» в работах исследователя, «остаются не совсем понятными сущностные признаки каждого из типов, вызывает сомнение строгость их разграничительного толкования», а главное – применимость данной типологической модели к живой истории самозванческих интриг в России XVII–XVIII вв.» [12, с. 26].

В чём-то близкую к предыдущей классификацию предлагает М.С. Арканникова, считая целесообразным выделять также три типа:

1) самозванец-защитник – это «заступник народа от произвола чиновников, изменивших «законному государю»; он руководствуется «деятельностью для другого». Мотив его самозванства – различные мирские «несправедливости»: его действие направлено на установление традиционного социального порядка; его целью является привлечение внимания властей к решению конкретных социальных проблем и попытка вмешательства в процесс принятия политических решений. Как правило, этот тип самозванцев имел массовую социальную поддержку»;

2) самозванец-мошенник – «тот, кто преследует личную, в том числе материальную, выгоду; это «деятельность для себя». Примеры подобного типа самозванства в основном редко получали поддержку (а тем более – массовую) и далее реализации индивидуальных замыслов не заходили и, таким образом, в движение самозванчества не перерастали»;

3) самозванец-марионетка – «это самозванец, выступающий в данной роли по чужой воле заинтересованных политических сил. Такой тип самозванства был менее всего распространён и соотносится едва ли не с единственным Лжедмитрием I».

«На практике, – пишет автор, – эти типы могли сочетаться и взаимно дополнять друг друга, реализуясь в одном человеке. В период монархии более «востребованным» и распространённым в народной среде являлся тип самозванца-защитника, именно он получал наибольшую социальную поддержку в XVII–XVIII вв.», что было обусловлено надеждами, возлагаемыми на него народными массами [3, с. 18]. К сожалению, авторские рассуждения оказываются излишне лапидарными и не дают полноценного представления о степени оригинальности и плодотворности взглядов исследователя. Но, несмотря на некоторые фактические неточности [например, почему к «марионеткам» не отнесён Лжедмитрий II? – *Ю.О.*], определённую упорядоченность в изучение феномена самозванцев они, конечно же, вносят.

Широко известной, но мало реализованной в науке является типология, предложенная академиком А.М. Панченко. Он выделил две разновидности самозванцев: нарушителя канонов (например, Лжедмитрий I и Тимофей Акундинов) и народного, точнее крестьянского «царя-батюшки» (Е.И. Пугачёв). Так, о первом самозванце учёный писал, что тот «вел себя как рефор-

матор, а со старозаветной московской точки зрения как вероотступник, еретик, чернокнижник и колдун». Впрочем, за исключением двух предложенных самим исследователем фигур, едва ли среди российских самозванцев можно найти других кандидатов на роль самозванца-«нарушителя». Да и сами монархические каноны на протяжении XVII–XVIII вв. претерпевали заметные изменения. Сценарий же поведения «царя-батюшки», с точки зрения А.М. Панченко, определялся наряду с легендой о «возвращающемся избавителе», исконно русской концепцией «истинного царя». Этот тип самозванцев исследователь считал самым распространённым в России, хотя никаких доказательств в пользу такого мнения не привёл [13, с. 22–25].

Достаточно плодотворна позиция историка Н.Я. Эйдельмана, который, имея в виду происхождение и способы действий самозванцев, подразделял их на «верхних» и «нижних». По его мнению, «основной тип российского самозванца – это человек из народа, выступающий в интересах «низов» от их имени… Иногда самозванец сотрясает всю империю, весь господствующий уклад: таков «главный Пётр III» – Емельян Пугачёв; порою за лжецарём идут крестьяне всего нескольких уездов, чаще же смельчака хватают и нещадно карают, прежде чем он успевает привлечь заметное число сторонников. Однако, независимо от успеха или провала удалого молодца, он, как правило, представляет, так сказать, «нижнее» самозванчество, народное» [19, с. 112–113]. Иной тип – это «верхние» самозванцы. Они считаются таковыми, потому что не обращены к народу, который для них – «подлое сословие». Однако о подобных самозванцах чаще всего никто не знал, т. к. появлялись они «не в крестьянской среде, а наверху, в дворянской, правительственной сфере. Самовластие, резко усилившееся после Петра I, откровенно порабощавшее, но притом употреблявшее просвещённые термины о духе времени, народном благе, настоящих законах, – эта ситуация порождала своих самозванцев. Несоответствие названия реальности, игра в «фантомы» – вот основа для верхнего самозванчества». Таков, например, был «князь Нарышкин в Забайкалье в 1770-х годах», который «действуя «по-царски», без всякого права раздаёт чины, объявляет рекрутские наборы и самозванствует, покуда его не заманят в Иркутск и не свяжут. Ещё выше – самозваная царевна (не из народа – из просвещённых), «дочь Елисаветы», княжна Тараканова. Впрочем, кто объяснит, чем она хуже своей противницы Екатерины II? Ведь в XVIII столетии самозванчество на троне едва ли не формула» [19, с. 113–114].

Внешне привлекательная типология Н.Я. Эйдельмана на поверку оказывается недостаточно конструктивной, выделенные им типы – расплывчатыми и общими. Неслучайно к «верхним» самозванцам у него относятся столь различные типажи, как, например, «князь Нарышкин» (вельможный самозванец) и «княжна Тараканова» (монархический тип самозванца). Если же говорить о «верхних» самозванцах монархического характера, тогда, помимо «княжны», сюда с оговорками можно отнести «сына английского короля» Ипполита Опочинина [4, с. 195–242] и, пожалуй, не более того. Заманчивой, правда, выглядит подсказанная возможность зачислить в эти ряды «самозванцев на троне», тогда их реестр окажется немного более представительным. Кстати сказать, в этом смысле можно было бы выделить ещё два типа: единицы удачливых самозванцев, тех, кто сумел победить в борьбе за власть и признание окружающих, и оставшееся абсолютное большинство неудачливых, т. е. проигравших свою отчаянную борьбу. Но в любом случае понятно, что при обозначенных автором условиях только «нижнее» самозванство могло быть массовым, а «верхнее» – единичным.

Невысокая сословная принадлежность основной части самозванцев подтверждается и статистическими данными. Из 147 известных претендентов, действовавших «в Российском государстве в период с 1601 г. по 1800 г. включительно», к «верхам» общества принадлежали, вероятно, двадцать два человека (15%), тринадцать лжемонархов можно причислить к «средним слоям» общества, а сто одиннадцать человек (76%) вышли из «низов» [17, с. 59].

Считать подобные результаты неожиданными не приходится, им было дано вполне аргументированное объяснение: выходцы из социальных низов лучше других чувствовали психологию масс и потому более чётко выстраивали своё поведение в соответствии с ожиданиями простонародья. Они не просто могли внушить, но ещё определённо знали, как внушить и что внушать [1, с. 114].

Исследовательница М. Перри на примере российских самозванцев XVII в. предлагает иначе взглянуть на проблему их типологии. Она выделяет междудинастический и внутридинастический типы лжемонархов. Легитимность правящих царей XVII в., по мнению Перри, оспаривали только междудинастические самозванцы (лжецари и лжецаревичи из другого рода), которые сами стремились к престолу. С другой стороны, внутридинастические самозванцы Смутного времени – царевич Пётр Фёдорович и другие мелкие самозванцы – поддерживали своего родственника, царя Дмитрия, а сами не стремились к престолу. Новые внутридинастические самозванцы (на этот раз внутри династии Романовых, уже ставшей легитимной с момента вступления на престол Алексея Михайловича) не стремились свергнуть с престола своего отца, царя Алексея Михайловича, но намеревались помочь ему против злых изменников-бояр. Поэтому для обоих типов самозванцев XVII в. вопрос о легитимности правящего царя решался сравнительно просто. (1) Для междудинастических самозванцев истинный государь – свергнутый царь или отстранённый царевич – являлся прирождённым; неистинные же правящие цари – изменники и узурпаторы, покушавшиеся на жизнь настоящего наследника (Борис Годунов, Василий Шуйский, Михаил Романов). (2) Для внутридинастических самозванцев, однако, правящий царь являлся легитимным как прирождённый государь (царь Дмитрий, Алексей Михайлович), и самозванцы стремились оказать ему помощь против изменников-бояр. В обоих случаях царское происхождение (прирождённость) являлось главным критерием монархической легитимности. Для простого народа прирождённость являлась более ясным и конкретным понятием, чем богоизбранность, и именно поэтому, может быть, самозванчество стало таким значительным явлением во время династических кризисов в России в начале XVII века [14, с. 78–79].

Позиция английского историка выглядит достаточно нетривиальной и внешне конструктивной, но при этом не учитывающей многочисленные разновидности самозванцев, появлявшихся в XVIII столетии. Поэтому принять эту классификационную схему в качестве универсальной также не представляется возможным.

Нет сомнений, что наиболее обоснованную типологию разработал историк О.Г. Усенко, различавший светских и религиозных самозванцев. Однако лжепророки, лжехристы, мессии и т. п., хотя и представляют несомненный интерес, требуют специальных исследовательских рефлексий, а потому не являются предметом рассмотрения в данной статье.

Светские же претенденты подразделяются историком на «вельможных (сановных)» и «монархических (царственных, царистских)» самозванцев. Причём, как отметил учёный, «самозванство может быть «именным» и «статусным». Под последним разумеется не санкционированное официальной властью занятие индивидом новой для него социальной позиции, которое, однако, не сопровождается его отказом от своей истинной биографии и привычного для всех прозвания. «Именное» же самозванство такой отказ подразумевает. Оно несколько смахивает на принятие человеком псевдонима, поскольку и там и здесь происходит перемена имени. Однако разница в том, что обозначение себя псевдонимом само по себе не связано с переходом на новый и заранее определённый уровень притязаний, на новую социальную позицию. Между тем подобный переход обязательно имеет место тогда, когда человек берет имя реального лица (здравствующего или покойного)» [15, с. 48].

Отметим, что под данное историком определение «статусного» самозванства вполне подпадают действия бывшей Ангальт-Цербстской принцессы Софьи-Августы-Фредерики, в июне 1762 г. объявившей о своих претензиях на власть. В результате появления у неё сторонников они переросли в самозванчество и привели к возведению великой княгини на престол под именем Екатерины II.

Кроме того, история восстания 1773–1775 гг. показывает ещё один неучтённый в науке типаж. Известно, что сподвижник Пугачёва/Петра III яицкий казак И.Н. Зарубин с подачи своего «государя» именовался «графом Чернышевым», реальный прототип которого возглавлял Государственную Военную коллегию. При этом имя и отчество он сохранил свои собственные. Характерно, что в первых указах он именовал себя «Графом Иваном Никифоровым» или просто «графом Иваном» и лишь с начала января стал регулярно титуловаться «его высокографским сиятельством Иваном Никифоровичем Чернышевым». Следовательно, в буквальном смысле слова здесь имело место не «именное», а «фамильное» самозванство [6, с. 125–139].

Обращаясь к классификации лжемонархов, Усенко предложил следующие их типы: «авантюристы», «реформаторы», «блаженные». Под «авантюристами» ученый подразумевает «индивидов, которые приняли на себя новое имя и/или новый статус только ради личной выгоды, которые даже не прикрывали свою корысть обещаниями популярных мер и привлекательными для народа лозунгами, а также добивались своих целей путём дополнительных (по отношению к факту самозванства) нарушений правовых и моральных норм, принятых в той среде, где они вращались». «Реформатор», по его мнению, – это человек, который пытается сочетать личные интересы с интересами своих соратников и сторонников (неважно, искренне или только для виду). К этой же группе историк относит и лиц, которые хотя и не обещали провести социальные преобразования, но оказались замешанными в движениях социального протеста «светского» характера. Остальную часть лжемонархов, по мнению Усенко, составляют «блаженные», которые полагали, что после «проявления» их ждёт «законное» место на троне или рядом с ним. Следовательно, если для «авантюриста» и «реформатора» самозванство – лишь средство, способ достижения поставленных целей, то для «блаженного» оно и есть цель, оно самодостаточно. Такой самозванец желает лишь одного – «объявить» о себе. При этом создается впечатление, что в отличие от «реформаторов» и «авантюристов» среди них преобладают люди с расстроенной психикой. Дополняя свою классификацию лжемонархов, исследователь считает возможным выделить среди них так называемых «народолюбцев», которые, впервые «разглашая» о себе, обращались к «народу», т. е. стремились найти сторонников среди непривилегированного и полупривилегированного населения [16, с. 306, 308].

Анализируя типологию О.Г. Усенко, необходимо отметить её познавательную значимость, хотя определённые допущения в его рассуждениях имеются. Так, не вполне точно определён тип «самозванца-авантюриста». В результате, в трактовке историка, «авантюрист» получился обычным беспринципным и корыстным проходимцем, сильно напоминающим тип «самозванца-мошенника» по версии Арканниковой. Нам же ближе иное понимание «авантюриста»: это «человек, который ставит перед собой цели, превышающие те средства, которыми он располагает для их достижения. Без доли авантюризма нельзя достичь успеха в политике. Просто того авантюриста, который добился успеха, мы обычно называем выдающимся политиком» [10, с. 175]. Иными словами, авантюрист – это неутомимый искатель приключений, пробивающий себе дорогу к славе и богатству путём собственной предприимчивости и риска, а не только тёмными делами и сомнительными средствами. В таком смысле авантюристами были вообще все те самозванцы, которые, объявляя о себе, рассчитывали на признание со стороны окружающих, но у О.Г. Усенко оказались причисленными к «реформаторам» или к «блаженным». В любом случае можно лишь сожалеть, что его классификационная модель не получила адекватной историографической реакции.

Интересно, что в западной историографии обращалось внимание на типологию не только российских, но и своих самозванцев. При компаративном подходе можно обнаружить уже знакомые нам типажи. Так, историк Р.К. Швингес на средневековых материалах выделил «три разных типа самозванцев: во Фландрии действовал проходимец и ловкий мошенник; лже-Фридрих на Нижнем Рейне был фанатиком, презревшим смерть на костре; в Бранденбурге же мы видим, вероятно, просто пешку в игре политических сил». Но симптоматично и важно, пишет историк, «что все трое провоцировали своими действиями единообразное коллективное поведение окружающих. Хронисты… могли только удивляться тому массовому помешательству, которое возникало при появлении самозванцев» [8, с. 88]. Известно, что с подобной же позитивной реакцией простолюдинов мы часто сталкиваемся и в случаях с российскими самозванцами.

Анализ рассмотренных типологических моделей показывает, что изучаемый феномен «явил миру» многоцветную палитру «верхних» и «нижних» самозванцев, «авантюристов», «пропагандистов», «бунтарей», «марионеток», «реформаторов», «блаженных» и многих других. Эти различия имеют значение с точки зрения психологии конкретных самозванцев. Однако во всех случаях объявления лжецарей доверие или недоверие к ним обусловливались культурными доминантами традиционного общества. Как справедливо пишет историк В.Я. Мауль, являясь «наиболее яркой проекцией народной монархической утопии, самозванчество аккумулировало в себе целый комплекс архаических стереотипов, ориентаций и установок, характерных для доиндустриальных цивилизаций» [11, с. 20].

Кроме того, для возникновения самозванства и тем более самозванчества необходим был импульс извне, в качестве которого в России XVII в., а особенно XVIII в. можно указать на переходный характер развития культуры, сопровождавшийся разрывом традиционных связей. Как отмечалось в литературе, со времени петровских реформ «русское общество составляло единство лишь номинально, поскольку было населением одного государства. Но две части этого общества, разделённые все расширяющейся культурной пропастью, существовали как бы в разном историческом времени, в разных временных измерениях. Для одной – время остановилось, замерло, и средневековье продолжилось ещё на многие десятилетия…, для другой – началось Новое время, отсчёт которого вёлся по европейским часам. Живя в разных измерениях, исповедуя разные ценности, представители этих двух частей русского общества говорили на разных языках и все хуже понимали друг друга, отдаляясь друг от друга все дальше» [9, с. 302]. В этих условиях наиболее восприимчивыми к распаду старого порядка оказывались именно социальные низы, так или иначе реагировавшие на феномен самозванцев. Принадлежность же самозванцев к разным типам помогает выявить причины их успехов или неудач, понять социокультурные обстоятельства, сопутствовавшие народной «глухоте» или «отзывчивости» на призывы самозваных «монархических особ».

Литература

1. Андреев, И.Л. Анатомия самозванства [Текст] / И.Л. Андреев // Наука и жизнь. – 1999. – № 10. – С. 110–117.
2. Андреев, И.Л. Самозванство и самозванцы на Руси [Текст] / И.Л. Андреев // Знание – сила. – 1995. – № 8. – С. 46–56.
3. Арканникова, М.С. Самозванчество как проявление кризиса легитимности власти в России [Текст] : автореф. дис. … канд. полит. наук / М.С. Арканникова. – СПб., 2005. – 24 с.
4. Барсуков, А.П. Рассказы из русской истории XVIII века по архивным документам [Текст] / А.П. Барсуков. – СПб., 1885. – 284 с.
5. Даркевич, В.П. Народная культура средневековья: светская праздничная жизнь в искусстве IX–XVI вв. [Текст] / В.П. Даркевич. – М., 1988. – 344 с.

6. Документы Ставки Е.И. Пугачёва, повстанческих властей и учреждений. 1773–1774 гг. [Текст]. – М., 1975. – 523 с.
7. Домников, С.Д. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество [Текст] / С.А. Домников. – М., 2002. – 672 с.
8. История ментальностей, историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах [Текст]. – М., 1996. – 255 с.
9. Каменский, А.Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация [Текст] / А.Б. Каменский. – М., 1999. – 328 с.
10. Кобрин, В.Б. Смутное время – утраченные возможности [Текст] / В.Б. Кобрин // История Отечества: люди, идеи, решения (Очерки истории России IX – начала XX в.). – М., 1991. – С. 163–185.
11. Мауль, В.Я. Лжедмитрий I: телесный код как культурный маркер самозванца [Текст] / В.Я. Мауль // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2011. – С. 19–40.
12. Мауль, В.Я. Русский бунт в социокультурном измерении [Текст] / В.Я. Мауль. – Саарбрюккен, 2012. – 442 с.
13. Панченко, А.М. Русская культура в канун Петровских реформ [Текст] / А.М. Панченко // Русская история и культура: Работы разных лет. – СПб., 1999. – С. 6–260.
14. Перри, М. Самозванцы XVII века и вопрос о легитимности правящего царя [Текст] / М. Перри // Самозванцы и самозванчество в Московии. – Будапешт, 2010. – С. 66–88.
15. Усенко, О.Г. Кто такой «самозванец»? [Текст] / О.Г. Усенко // Вестник славянских культур. – 2002. – № 5–6. – С. 39–51.
16. Усенко, О.Г. Монархическое самозванчество в России в 1762–1800 гг. (Опыт системно-статистического анализа) [Текст] / О.Г. Усенко // Россия в XVIII столетии. – М., 2004. – Вып. 2. – С. 290–353.
17. Усенко, О.Г. Монархическое самозванчество в России XVII–XVIII веков как социокультурное пограничье [Текст] / О.Г. Усенко // Уваровские чтения – VI: Граница и пограничье в истории и культуре. – Муром, 2006. – С. 59–65.
18. Усенко, О.Г. Самозванчество на Руси: норма или патология? [Текст] / О.Г. Усенко // Родина. – 1995. – № 1. – С. 53–57.
19. Эйдельман, Н.Я. Лже... [Текст] / Н.Я. Эйдельман // Наука и жизнь. – 1980. – № 7. – С. 112–118.

ББК 63.1(0)5
УДК 930.2(075.8)

Е.Ю. ДЕВЯТОВА

БРИТАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: О СЕКУЛЯРИЗАЦИИ В АНГЛИИ В ПРАВЛЕНИЕ ГЕНРИХА VIII

E.U. DEVYATOVA

THE BRITISH HISTORIOGRAPHY OF THE SECOND HALF OF THE 20TH: CENTURY ABOUT THE SECULARISATION IN ENGLAND UNDER HENRY VIII

История секуляризации в Англии периода правления Генриха VIII является весьма актуальной темой в британской историографии второй половины XX века. В данной статье рассматриваются работы таких видных исследователей секуляризации? как Дж. Юингс, Х. Хабаккук, А. Диккенс, К. Хейг, Дж. Скэрисбрик, Р. Смит, К. Китчинг, Ф. Хил и др. Автор сопоставляет их выводы и прослеживает особенности эволюции взглядов историков на проблему диссолюции 30–40-х гг. XVI века.

The history of secularization in England under Henry VIII is commonly regarded as a burning point in the British historiography of the second half of the 20th century. This paper takes into consideration the works of such outstanding historians of the English secularization as J. Youings, H. Habakkuk, A. Dickens, C. Haigh, J. Scarisbrick, R. Smith, C. Kitching, F. Heal and a number of others. The author undertakes a comparative analysis of their conclusions to track the evolution of the historians' views on the problem of dissolution in the 1530–1540s.

Ключевые слова: Реформация в Англии, секуляризация, диссолюция монастырей, Суд приращений, Томас Кромвель.

Key words: The Reformation in England, secularization, dissolution of the monasteries, Court of Augmentations, Thomas Cromwell.

Проблемы королевской секуляризации на начальном этапе Реформации в Англии стали объектом пристального внимания историков XX века. Историография данной темы весьма обширна, так как секуляризация является одной из самых спорных реформ Генриха VIII. Именно этим объясняется то, что происходит усложнение понимания последствий ликвидации монастырей. Наиболее интенсивно эту тему изучали Дж. Юингс, Х. Хабаккук, К. Хейг, Дж. Скэрисбрик, Р. Смит, К. Китчинг, Ф. Хил и др. [5, 6, 8, 13, 17, 18, 21].

По мнению К. Китчинга, об актуальности темы свидетельствует привлечение новых источников, переосмысление материалов ранее использовавшихся источников, проведение количественных статистических подсчётов [13, p. 69].

Если до начала XX века в оценке секуляризации монастырских земель преобладали эмоциональные эпитеты, например, «грабёж», «святотатство», то уже на рубеже веков стали появляться более рациональные суждения. При этом ещё в начале XX века, как отмечал А. Диккенс, оценки диссолюции зависели от религиозных пристрастий писавших о ней авторов и было распространено мнение о катастрофических последствиях данного процесса, то позднее, как утверждал исследователь, ни один компетентный историк не разделял такую точку зрения [3, p. 211–213].

Работа британского историка XIX века У. Арчибольда, посвящённая истории графства Сомерсетшир, стала одним из первых научно обоснованных исследований секуляризации при Генрихе VIII. Его выводы основывались на убеждении в экономической заинтересованности короны в монастырских землях и имуществе [1].

Исследователи секуляризации разделяют этот процесс на несколько этапов. Первым из них является проведённая в 1536 г. по инициативе Т. Кромвеля диссолюция малых монастырей [3, p. 173].

По замыслу Т. Кромвеля, земли монастырей, полученные в результате диссолюции, должны были стать для короля источником дохода, не зависимым от парламентских субсидий, но эти земли были распроданы. Если бы эти земли остались у короны, считал А. Диккенс, становление английской свободы было бы более медленным и болезненным. Особую роль, по мнению историка, в процессе секуляризации играл Т. Кромвель. Именно он создал в апреле 1536 г. Суд приращений, чтобы заниматься бывшими монастырскими землями и их доходами [3, p. 211–213].

Изучая причины диссолюции 1536 г., историки приходят к весьма противоречивым выводам. Так, одни считают, что она была вызвана острой финансовой заинтересованностью короля в дополнительных доходах и не имела своей целью дальнейшую секуляризацию церковного имущества. Другие говорят о том, что это было лишь началом полной диссолюции монастырей. Наиболее аргументированной является первая точка зрения.

В начале 1970-х гг. Дж. Юингс приходит к выводу о том, что, объявляя о роспуске малых монастырей в марте 1536 г., король не стремился к религиозной реформе, а лишь решал экономические проблемы короны, вызванные затратами на подавление ирландского восстания 1534 г. [21, p. 33–46]. Аргументируя эту точку зрения, автор указывает на тот факт, что некоторые монастыри тогда откупились от роспуска. Более того, король учредил новые монастыри, объединив существование ранее и собрав монахов [21, p. 49–71].

Дж. Скэрисбрик приходит к выводу о том, что реформа Генриха VIII 1536 г., направленная на закрытие монастырей, воспринималась современниками как чрезвычайная мера, вызванная внешними факторами. В подтверждение историк упоминает о том, что даже после диссолюции монастырей многие вполне информированные о происходившем люди завещали деньги монахам на проведение заупокойных месс [17, p. 8–9].

По мнению А. Диккенса, в 1536 г. действительно планировалось закрытие исключительно мелких монастырей, и правительство не предполагало, что вскоре будут закрыты и крупные монастыри [3, p. 201].

Подробнее диссолюция 1536 г. как начальный этапа секуляризации Генриха VIII впоследствии была описана в статье И. Хэлама [7].

Наиболее спорным вопросом в британской историографии секуляризации является оценка причин и характера восстаний 1536–1537 гг. Уже в середине 10-х гг. XX века М. Додс и Р. Додс в совместной работе рассматривали восстания 1536–1537 гг., последовавшие вслед за началом диссолюции монастырей, как крупнейшее стихийное массовое движение за реставрацию католицизма [4]. Опровергая эту точку зрения, А. Диккенс говорил о том, что монастырские земли раскупались преимущественно католиками [3, p. 203].

Примерно через пять лет Р. Рейд положил начало традиции рассмотрения этих восстаний только с социально-экономической точки зрения [15]. На рубеже 60–70-х гг. XX века британские историки вновь возвращаются к дискуссии о причинах и характере восстаний 1536–1537 гг. Идеи М. Додса и Р. Додса о религиозном содержании восстаний нашли дополнительную аргументацию в работах историков-ревизионистов К. Хейга и Дж. Скэрисбрика [6, 16]. Представленное же Р. Рейдом истолкование восстаний с социально-экономической точки зрения поддержали Р. Смит и М. Джеймс [10, 18].

Отдельно в историографии данной проблемы рассматривается вопрос о доходах, полученных короной в результате секуляризации Генриха VIII, и о судьбе земель, отчуждённых у монастырей. Исследования британских историков указывали на то, что необходимо составить более полную картину доходов от продажи монастырского имущества. Так, Дж. Юингс в первой половине 50-х гг. прошлого столетия выявила, что местные должностные лица,

служившие в Суде приращений, могли по поручению из центра тратить вырученные деньги на государственные нужды на месте и эти средства не попадали в центральные отчёты [21, p. 17].

В 50–60 годы прошлого столетия Х. Дж. Хабаккук [5] и Дж. Юингс [21] активно изучали последовавшие за королевскими указами документы, касающиеся оценки земли местным должностным лицом-служителем короны. Учёные выявили, что покупатели земли были лишь лондонскими агентами заказчиков этих покупок, происходившими из разных графств.

Многолетние наблюдения за диссолюцией, инициированной Генрихом VIII, позволили К. Китчинг распространить наблюдения Дж. Юингс о применении средств, вырученных в результате изъятия церковной собственности, на деньги, вырученные от монастырской утвари. В целях аргументации вывода о том, что доходы от продажи монастырской утвари тоже принесли пользу короне, историк прибегает к анализу действий местных должностных лиц. Британский исследователь обратился к отложившимся по этому поводу бумагам: переписке чиновников, квитанциям и распискам, которые в архивах проходят под категориями «разное» и «вспомогательные материалы». Это позволило ему сделать вывод о том, что ко времени смерти Генриха VIII в руках короны было от одной трети до половины бывших монастырских земель [13, p. 63–78].

В конце 1970-х гг. К. Китчинг задаётся вопросом: как обнаружить настоящего покупателя секуляризированной монастырской земли в условиях, когда посредники – земельные спекулянты – в переписке с оценщиком не разглашали детали сделок и не упоминали о полученном вознаграждении? Решение этой проблемы К. Китчинг находит в корпусе частных региональных источников. Интерес к покупке земель учёный соотносит не только с материальными посылками, но и возможностью повышения социального статуса: земля «давала возможность превратиться в лорда манора, претендовать на то, чтобы стать мировым судьёй» [2, p. 119–120]. Исследователь объясняет вспыхнувший интерес к секуляризированным землям ещё и тем, что «монастыри уже до диссолюции сдавали значительные площади земли в аренду светским лицам, которые знали достоинства этих земель, и могли выбирать лучшие» [2, p. 119–120]. На основании этого К. Китчинг делает вывод о том, что диссолюция не произвела резких социальных изменений в распределении обрабатываемой земли. При этом учёный скрупулёзно отмечает случаи, когда «люди невысокого происхождения покупали те монастырские земли, на которых они ранее были арендаторами, но такие ситуации не были нормой» [2, p. 123].

Однако современник К. Китчинга, специально занимающийся проблемами землевладения, – Дж. Кью – отметил, что в графстве Девоншир на частном земельном рынке обычные текущие сделки шли более интенсивно, чем с бывшей монастырской землёй [12].

В рамках изучения движения доходов от диссолюции К. Китчинг рассматривал и секуляризацию в последние годы правления Генриха VIII земель часовен, которые, по его мнению, тоже покупались через посредников в виде выдачи патента, затем эта земля могла перепродаваться. Специальных исследований по использованию земель часовен до К. Китчинга не предпринималось. Только У.К. Джордан, абстрагируясь от самого процесса секуляризации в последние годы правления Генриха VIII, отстаивал мнение, что социальная роль ликвидированных часовен была в последующем компенсирована частной и общественной благотворительностью [11, p. 191].

Признавая, что полное исследование процессов, связанных с ликвидацией часовен, он не проводил, К. Китчинг высказывает предположение: «Это повлияло на каждый приход в стране, и к тому же с прекращением заупокойных молитв стал меняться характер религиозности» [2, p. 130–131].

К. Китчинг как бы предлагает исследователям обратить внимание на то, что «в государственной казне продажа земель той части часовен, которая

фигурирует в источниках, хорошо документирована, идёт отдельной статьёй, и можно подсчитывать и прибыли, и то, куда шли средства». Британский учёный сделал обоснованные заключения о том, что «многие города впоследствии боролись за сохранение имущества часовен в их распоряжении, достигая при этом успеха». По его мнению, «средства от ликвидации часовен направлялись на военные нужды, в том числе на подавление внутренних восстаний в стране» [8, p. 130].

Дж. Дж. Скэрисбрик, говоря о секуляризации, писал, что «в результате сделок 1540-х годов по обмену землёй между короной и церковью епископы при Генрихе VIII потеряли земель на 3 700 фунтов, а компенсировали им земли на 2 850 фунтов, и часто компенсацию давали через несколько лет. Многие епархии во время этих обменов потеряли самые доходные маноры» [16, p. 413–417].

Крупного историка Реформации К. Хейга больше интересовали механизмы проведения реформы, а не расходование полученных средств. Как отмечает К. Хейг, все детали прохождения через парламент билля о подавлении монастырей неизвестны, но Тайный совет предчувствовал возражения на этот билль даже в палате общин, и предположительно в этой палате билль представлял лично Генрих VIII, чтобы обеспечить его прохождение. К. Хейг считает, что у Генриха VIII в то время не было намерения полностью ликвидировать монастыри. По мнению учёного, уже на начальной стадии диссолюции «к Томасу Кромвелю стали обращаться знать и джентри с просьбами предоставления монастырской земли, но были также и просьбы о сохранении любимых монастырей» [14, p. 227].

Дж. Ходжет, наоборот, стремится показать бескомпромиссность английского короля уже на начальном этапе, апеллируя к тому, что «из-за отказа подчиниться королевской политике были казнены аббаты монастырей в Колчестере, Гластонбери и Ридинге, часть бывших монахов оставили без пенсий» [9, p. 195–202].

Британская исследовательница Ф. Хил в 1980-е гг. продолжила традицию изучения секуляризации, предложенную К. Хейгом, но уже на уровне епархий. По мнению Ф. Хил, ликвидация монастырей сочеталась вначале с сохранением землевладения епископов, что в середине 1530-х годов было своего рода применением общеполитического принципа «разделяй и властвуй». Возможность забрать у епископов доходные земли королевская власть якобы осознала в 1534 году в принудительных обменах земель епархий с королевскими землями. Ф. Хил особо указывает на то, что «большое влияние на формирование этой идеи оказал Томас Кромвель». По мнению историка, Т. Кромвель сыграл на том, что «королевскую власть в имуществе епископов обычно интересовали большие маноры с охотничьими угодьями». Исследователь вслед за К. Хейгом обращает внимание на материальную заинтересованность светских феодалов в диссолюции, но акцент делает на здания, принадлежащие епископам: «У епископов стали также отнимать их дома и дворцы в Лондоне. Влиятельные светские лица требовали ещё больших обменов своего имущества с церковью с выгодой для себя» [8, p. 180]. При этом она объясняет отмеченное К. Хейгом отсутствие радикализма в намерениях английского монарха на начальном этапе секуляризации тем, что «Генрих VIII сдерживал эти требования, а также не поощрял браки духовных лиц, опасаясь, что церковное имущество начнёт уходить по наследству» [8, p. 181]. Ф. Хил охарактеризовала также экономическое положение отдельных епархий в 1530 – начале 1550-х годов, проследила динамику объёмов ежегодных доходов епископов, выявила, что в наибольшей степени от экономического давления со стороны королевской власти пострадали епархии Норидж, Кентербери, Винчестер, Солсбери, Вустер. Комплексное исследование экономики епископств позволило Ф. Хил выяснить, что «в структуре доходов епископов стала возрастать доля средств, получаемых не от епархиального имущества, а от исполнения духовных полномочий [8, p. 182–183].

Воспользовавшись наблюдениями Дж. Скэрисбрика, Ф. Хил приходит к заключению, что «в 1535–1558 годах по епархиям было сдано много земли в невыгодные для церкви аренды» [8, p. 184–185].

Таким образом, вторая половина XX века в британской историографии секуляризационной политики Генриха VIII имеет специфические черты, проистекающие из так называемого «рационалистического» подхода к теме с использованием статистических методов. Корни такого подхода появляются уже на рубеже XIX–XX веков.

Объединяет историков второй половины XX века также утверждение о том, что церковь как собственник земли обращалась с арендаторами ничуть не мягче, чем последующие собственники бывших церковных земель [6, 19, 21]. «Рационалистический» подход привёл к тому, что центральными в трудах историков секуляризации становятся изучение практики применения средств, вырученных в результате изъятия церковной собственности, механизмы перехода церковной собственности в светскую. Это и предопределило место изучаемого периода в историографии темы, которое проявилось в регионализации исследований английской секуляризации при Генрихе VIII. Наиболее оживлённые дискуссии развернулись по двум направлениям: в чем причины неполной диссолюции в первые годы Реформации; являлись ли восстания 1536–1537 гг. реакцией на диссолюцию. В динамике историографии темы отчётливо намечается два рубежа: вторая половина 50-х гг. и конец 70-х гг. XX вв. На первом рубеже определены характерные особенности изучения темы, а второй рубеж не только рисует общую картину, основанную во многом на статистических методах, но и разворачивает исследования в сторону решения появившихся проблем посредством регионализации последующих исследований. Таким образом, британская историография второй половины XX века о секуляризации при Генрихе VIII – целостное явление со специфическими чертами, требующее дальнейшего исследования.

Литература

1. Archibold, W.A.J. The Somerset Religious Houses [Text] / W.A.J. Archibold. – Cambridge, 1892. – 407 p.
2. Church and Society in England: Henry VIII to James I [Text] / Ed. by F. Heal and R. O’ Day. – London, 1977. – 206 p.
3. Dickens, A.G. The English Reformation [Text] / A.G. Dickens. – London, 1973. – 511 p.
4. Dodds, M.H. The Pilgrimage of Grace, 1536–1537 and the Exeter Conspiracy, 1538 [Text] / M.H. Dodds, R. Dodds. – London, 1915. – 349 p.
5. Habakkuk, H.J. The Market for Monastic Property 1539–1603 [Text] / H.J. Habakkuk // Economic History Review 2nd Ser. – 1958. – P. 362–380.
6. Haigh, C. Last Days of the Lancashire Monasteries and the Pilgrimage of Grace [Text] / C. Haigh. – Manchester, 1969. – 172 p.
7. Hallam, E.M. Henry VIII’ s Monastic Refoundations of 1536–1537 and the Course of the Dissolution // BIHR. – 1978. – Vol. 51. – P. 130–131.
8. Heal, F. Of Prelates and Princes: A Study of the Economic and Social Position of the Tudor Episcopate [Text] / F. Heal. – Cambridge, 1980. – 363 p.
9. Hodgett, G.A.J. The Unpensioned Ex-Religious in Tudor England [Text] / G.A.J. Hodgett // JEH. – 1962. – P. 195.
10. James, M. Obedience and Dissent in Henrician England: The Lincolnshire Rebellion 1536 [Text] / M. James // Past & Present. – 1970. – P. 3–78.
11. Jordan, W.K. Edward VI: The Threshold of Power [Text] / W.K. Jordan. – London, 1970. – 568 p.
12. Kew, J.E. The Disposal of Crown Lands and the Devon Land Market 1536–1558 [Text] / J.E. Kew // Agricultural History Review. – 1970. – P. 93–105.
13. Kitching, C.J. The Quest for Concealed Lands in the Reign of Elizabeth I [Text] / C.J. Kitching // TRHS 5th Ser. – 1974. – XXIV. – P. 63–78.
14. Lehmberg, S. The Reformation Parliament, 1529–1536 [Text] / S. Lehmberg. – Cambridge, 1970. – 282 p.

15. Reid, R.R. The King’s Council in the North [Text] / R.R. Reid. – London, 1921. – 532 p.
16. Scarisbrick, J.J. Henry VIII [Text] / J.J. Scarisbrick. – London, 1968. – 561 p.
17. Scarisbrick, J.J. The Reformation and the English People [Text] / J.J. Scarisbrick. – Oxford, 1984. – 203 p.
18. Smith, R.B. Land and Politics in the England of Henry VIII [Text] / R.B. Smith. – Oxford, 1970. – 318 p.
19. Woodward, G.W.O. The Dissolution of the Monasteries [Text] / G.W.O. Woodward. – London, 1966. – 326 p.
20. Youings, J.A. Landlords in England: the Church [Text] / J.A. Youings // The Agrarian History of England and Wales. 1500–1640 / Ed.Joan Thirsk. – London, 1967. – 919 p.
21. Youings, J.A. The Dissolution of the Monasteries [Text] / J.A. Youings. – London, 1971. – 232 p.

ББК 84(4Пол)-49
УДК 82.09

Т.П. САВЧЕНКОВА

МЕМУАРЫ КОНСТАНТИНА ВОЛИЦКОГО КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О КУЛЬТУРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ 1830-х ГГ. И БИОГРАФИИ П.П. ЕРШОВА

T.P. SAVCHENKOVA

MEMOIRS OF KONSTANTIN VOLITSKY AS A SOURCE OF INFORMATION ABOUT CULTURE OF WESTERN SIBERIA IN 1830s AND ABOUT BIOGRAPHY OF PYOTR ERSHOV

В научный оборот вводятся не опубликованные прежде на русском языке воспоминания польского композитора, руководителя тобольского казачьего оркестра К. Волицкого. Это новый источник сведений о культурной жизни Западной Сибири 1830-х гг. и о биографии писателя П.П. Ершова, создавшего театр при мужской гимназии.

We introduce in the scientific use the memoirs of the Polish composer and conductor of Tobolsk Cossack orchestra Konstantin Volitsky (they haven't been published before in Russian). It is a new source of information about cultural life of Western Siberia in 1830s and about biography of the writer and creator of the boys' gymnasium's theatre Pyotr Ershov.

Ключевые слова: Волицкий, Ершов, Западная Сибирь, мемуары, культура, музыка.

Key words: Volitsky, Ershov, Western Siberia, memoirs, culture, music.

Мемуарная литература XIX века, этот значимый источник фактов о деятелях Тобольской губернии и их вкладе в развитие культуры данного региона, ещё недостаточно изучена.

Одним из таких примечательных документов являются воспоминания поляка Константина (Констанция) Волицкого, изданные через 13 лет после его смерти во Львове в 1876 году [14]. Долгое время эта книга оставалась почти неизвестной русским читателям, и только в середине XX века она привлекла внимание историка русской литературы Б.Я. Бухштаба, обратившегося к исследованию сибирских страниц жизни автора сказки «Конёк-Горбунок» П.П. Ершова [1]. Рассматривая письма П.П. Ершова за 1836 год, отправленные из Тобольска в Петербург университетскому товарищу Владимиру Треборну и опубликованные в книге другого приятеля поэта по Петербургу – Андрея Ярославцова, литературовед встретил в них криптограмму фамилии «В-лицкий». Писатель называл Волицкого «воспитанником Парижской консерватории» и «дирижёром здешнего оркестра, состоящего из шестидесяти человек, учеников Алябьева». По тону писем было ясно, что В-лицкий входил в число немногих душевно близких поэту людей, помогавших преодолевать чувство одиночества и тоски, возникшее у П.П. Ершова по возвращении из столицы в Сибирь [9, с. 45, 47–48, 50].

Под этой криптограммой, как установил Б.Я. Бухштаб, подразумевался поляк Константин Волицкий [1, с. 161], имя которого упоминалось в русской печати XIX столетия. Так, в книге «Сибирь и каторга» рассказывается о казачьем оркестре, сформированном в Тобольске и переведённом впоследствии в Омск: «Известный русский композитор, сосланный в Сибирь из Москвы, Алекс[андр] Алекс[андрович] Алябьев, автор пьес, ушедших в народ («Соловей», «Вечерком румяну зорю» и «Вечерний звон») довёл омский оркестр до замечательной степени совершенства. Поляк Волицкий, бывший офицер польской армии, образовавший себя в парижской академии музыки в превос-

ходного учителя и дирижёра, в значительной степени поддержал в омском оркестре алябьевскую славу, так что до сих пор дух этих талантливых людей не перестаёт жить в омском казачьем оркестре» [6, с. 34].

Другое упоминание – в «исторической записке» о Тобольской губернской гимназии, в части, посвящённой театральным представлениям пансионеров этого учебного заведения: «Нередко пансионеры в стенах гимназии устраивали спектакли, большею частью под руководством Ершова. <…> Сцена обыкновенно устраивалась на деревянных подмостках в актовом зале. Декорации для неё приготовлялись неким Циммерманом, бывшим декоратором Тобольской оперы, закрывшейся в конце двадцатых годов. Пьесы выбирались Ершовым с одобрения директора гимназии; заготовлением же костюмов, а также и гримировкой действующих лиц занимался сосланный в Сибирь по польскому восстанию 1830 г. граф Валицкий. На спектакль приглашаем был оркестр казачьей музыки» [2, с. 165].

Обратившись к польским источникам, Бухштаб нашёл в «Иллюстрированной энциклопедии» Тшаски, Эверта и Михальского (Варшава, 1928), ссылку на мемуары Волицкого «Wspomnienia Konstantego Wolickiego z czasow pobytu w cytadeli Warszawskiej i na Syberji» [14]. Обнаружив это издание, ставшее библиографической редкостью, в ленинградской Публичной библиотеке, исследователь включил в свою статью небольшие фрагменты воспоминаний Волицкого, свидетельствующие о его приятельских отношениях с П.П. Ершовым и поэтом-декабристом Н. Чижовым.

С тех пор минуло 65 лет, но мемуары Волицкого не переведены на русский язык и не освоены в полном объёме ни историками сибирской культуры, ни ершововедами, хотя эта книга – основной источник биографии польского приятеля писателя, она позволяет представить особенности культурного развития Тобольской губернии первой трети XIX века. Все цитаты из этой книги далее приводятся нами в собственном переводе.

Константин Волицкий родился в 1805 году в Королевстве Польском, был музыкантом и композитором, принимал участие в Ноябрьском восстании 1830 года. В 1833 году оказывал помощь и способствовал бегству через прусскую границу участнику партизанского движения Й. Заливского Каликсте Божевскому, за что был арестован, заключён в Варшавскую цитадель и приговорён к сибирской ссылке с лишением всех прав дворянства. Отправленный в кандалах по этапу, он достиг Тобольска в августе 1834 года. Здесь генерал-губернатор Западной Сибири И.А. Вельяминов, знавший отца Волицкого, постарался смягчить ему наказание. По словам Волицкого, «после освобождения Алябьева стало свободным место капельмейстера, а заброшенный оркестр приходил в упадок. Вельяминов предложил мне занять место капельмейстера под названием «вольнонаёмного учителя» с тем, чтобы у меня было право остаться в Тобольске. В то время это было очень трудно сделать, так как было постановление расселять польских ссыльных в отдалённые сибирские места и не более пяти человек в одном месте» [14, с. 79].

Волицкий быстро приобрёл уважение местной интеллигенции, тосковавшей по хорошему исполнению музыки. Не без самоиронии он отмечал в своих воспоминаниях: «Я удачно завоевал себе репутацию и стал знаменитостью как азиатский Бетховен, и с таким авторитетом я продержался все семь лет моей капельмейстерской карьеры [14, с. 84].

Значительное место в мемуарах Волицкого занимает описание военного оркестра из казаков, поляков и поселенцев, которым он руководил почти шесть лет. Характеризуя этот музыкальный коллектив, состоящий из 48 человек, автор особо выделяет «первую скрипку» Цветкова, «поселенца, бывшего скрипача какого-то московского вельможи», и Хойнацкого, оказавшегося в Сибири после польского восстания 1831 г., а также контрабасиста Куприянова, флейтиста Бачурина, кларнетиста Кудальского, гобоиста Злобицкого, валторниста Добровольского. Называет он и казацкого офицера Леденёва, осуществлявшего «военное» управление этим оркестром.

Капельмейстерскую деятельность Волицкий сочетает с преподавательской. Он учит музыке детей тобольской знати, бывая в семьях начальника штаба генерала Голофеева, председателя уголовного суда Кукуронова, генерала-коменданта де Герве. В мае 1839 года в связи с переводом оркестра в Омск Волицкий оставил древнюю сибирскую столицу, а летом 1840 года, получив разрешение вернуться на родину, он навсегда простился со своими музыкантами.

18 июля 1840 года Волицкий, выехав из Омска, сделал короткую остановку в Ишиме, чтобы увидеться с находившимися там на поселении соотечественниками: Густавом Зелинским, Адольфом Янушкевичем, Павлом Чеплинским, Михалом Морачевским. Завершаются мемуары описанием этой встречи и пересказом популярного в XIX веке исторического анекдота о городничем, принявшем за пушку астрономическую трубу немецкого учёного Александра Гумбольдта, якобы заезжавшего в Ишим в июле 1829 года [14, с. 282–286]. Эта сочинённая Волицким история ввела в заблуждение краеведов, которые более ста лет воспринимали её как подлинную [8, 12].

Пётр Ершов в книге Волицкого упоминается дважды. Первый раз – в рассказе о подготовке жителей Тобольска к приезду наследника-цесаревича Александра Николаевича в 1837 году: «Был также проект представить на любительском театре оперу, приноровленную к случаю, под названием «Сибирский день», для которой текст написал учитель русской литературы в Тобольской гимназии Пётр Павлович Ершов, известный поэт, создатель народной песни «Конёк-Горбунок», а к этой опере, естественно, я приделал музыку; но, увы, наследник не захотел восхищаться нашими талантами, и опера моя осталась в портфеле, партитуру её, однако, вместе с прошением об освобождении, я отдал в руки действительному статскому советнику Жуковскому, бывшему в свите наследника. За это подношение получил 500 руб. ассигнациями (около 150 руб. серебром)» [14, с. 185–186].

Второй раз П.П. Ершов появляется в мемуарах К. Волицкого в описании путешествия из Тобольска к горе Сузгун самого автора и нескольких его друзей. Ершов, судя по всему, являлся инициатором этой поездки и своеобразным «гидом». Известно, что именно в это время он писал поэму «Сузге» и бывал в местах, связанных с походами Ермака и его дружины. Так, письмо к В.А. Треборну от 3 сентября 1837 года писатель заканчивает словами о своих прогулках «в разные стороны от Тобольска и о посещении Сузгуна, где жила одна из жён Кучума, по преданию красавица». В письме к тому же адресату от 26 ноября 1837 года Ершов пишет: «С нетерпением жду весны, с которою снова намерен начать мои прогулки по всем четырём сторонам, и особенно посетить холм Сузге, о котором ты, может быть, узнаешь из «Библиотеки для чтения», куда я отправил уже с месяц, небольшую повесть, под названием «Сузге» [9, с. 53–54]. И свидетельство Волицкого об одной из таких «экскурсий» даёт представление об окрестностях, вдохновлявших Ершова на создание ландшафтных образов этой романтической поэмы с её достаточно явственной топографической основой.

Из рассказа Волицкого становится известным, что на саму гору Сузгун путешественники подняться не смогли (помешали топи и болотистые луга) и остановились в большой татарской деревне с тем же названием. До этой деревни, расположенной в живописном месте, – на прииртышской равнине, «окружённой как будто венцом горами и ярами» – они добирались на тарантасе по главному тракту, проложенному в сторону Берёзова. Тракт этот «длиной только 20 вёрст до деревеньки Брониковой, а далее уже нужно плыть на лодке по Иртышу и Оби» [14, с. 250]. Миновав Завальную деревню и проехав яром 12 вёрст, путешественники достигли татарского поселения Сузгун. Как пишет Волицкий, в эти края их привели две интересные вещи: в первую очередь прекрасные окрестности и желание осмотреть место, где окончательно пресеклось царствование Кучума, а во-вторых – желание увидеть проживавшую здесь красивую девушку-татарку.

Волицкому интересен быт мало известного ему народа, потому он подробно живописует и дом, и двор Гелена, отца «Венеры татарской», и саму красавицу: «...Когда мы, вооружившись стаканами с чаем, сели единым кругом, появилась его красивая дочь. Её звали Сальма (Саломея), среднего роста, с необыкновенно стройным и тонким станом, точёными руками и ногами, волосами цвета воронова крыла и очень чёрными глазами, взглядом смелым и проницательным, с розовыми губами, между которыми виднелись два ряда прекрасных жемчужин, и с такой светлой кожей, которая могла поспорить своей белизной с мелом. При сравнении же её с отцом и матерью, лица которых напоминали торуньский пряник, в голове начинали блуждать странные мысли о европейском влиянии. Сальме могло быть лет семнадцать, её чёрные косы, украшенные монетками, спадали на спину и грудь, голова была покрыта муслиновой накидкой, расшитой золотом. Сквозь прозрачные рукава виднелись руки, а корсаж с пришитыми к нему разнообразными монетками закрывал грудь, на которую с шеи спускалось несколько коралловых нитей; жёлтая шёлковая юбочка подчёркивала талию и бедра, она была окаймлена несколькими чёрными полосками и не закрывала прелестных ножек в белых чулочках с клиньями, расшитыми с боков золотом. На ножках были красные черевички с голубой тесьмой...» [14, с. 253–254]. Эта зарисовка Волицкого перекликается с описанием внешности Сузге у Ершова и показывает, что наряду с романтическими истоками, каковыми являлись образы «гаремных» красавиц европейской и русской «восточной» поэмы, образ Сузге формировался и на этнографической почве, на основе конкретных наблюдений писателя над жизнью и бытом татарского народа.

Из последующих воспоминаний Волицкого выясняется, что Ершов, «дитя здешних стран», рассказывает приятелям, издали рассматривающим гору Сузгун, легенду о «сражениях и несчастьях последнего царя татарского». Легенда эта входит в мемуары на правах вставной истории с заглавием «Рассказ Ершова о царе Кучуме»:

«Царь Кучум царствовал, миллионы татар заселяли эту землю; под благотворным правлением возрастали благосостояние и свобода. Но подобно громоносной туче вторглась с запада стая всадников. Ермак, пресыщенный убийствами и грабежами, собрал шайку негодяев и явился с ними на эту землю. Аллах наложил свою тяжёлую длань на Кучума, воины его разбежались, имущество уничтожили пожары, он сам стал бездомным, без приюта скитался по степям; в это время всадники добрались до места, где соединяется Тобол с Иртышом. Быстро скачут ужасные разбойники вдоль Иртыша. Там, на горе, возвышающейся над Иртышом, стоял замок, в нём уже нет Кучума, но есть Сузге, его дочь, а с ней сто воинов, они с радостью отдадут свои жизни за княжну, спасут и сохранят её. Ермак пришёл в эти места и штурм замыслил; уже рушились валы и трещали ворота, вот-вот разбойник станет хозяином этой твердыни. Под вечер Сузге собирает воинов своих, приказывает посреди замка сложить костёр, а тёмной ночью отправляет воинов на другой берег Иртыша. После этого посылает она гонца к Ермаку, чтобы на рассвете отдать ему замок и себя. Едва заблистали первые лучи, нетерпеливый Ермак с дружиной устремляется к замку. Тихо и безлюдно в нём (...) входит во внутренний двор и видит зажжённый костёр, а на нём девушку со стрелой в руке. «Получай, Ермак, меня и мой замок». Сказав это, девушка вонзила стрелу в своё сердце. Пламя охватило её всю, и огненная ладонь вознесла её душу к небу. От дымящегося пепелища Ермак уходил в страхе и ужасе. Вскоре, желая соединиться с одним из своих наместников, ожидавших его с частью войска и лодками, он, перепрыгивая с берега на корабль, упал в воду и погиб жалкой смертью в волнах Иртыша. Сибирский народ в предании своём увековечил память о княжне, а её именем освятил место, где стоял её замок» [14, с. 254–255].

Несоответствие этой легенды основным моментам сюжета и самой концепции «Сузге» бросается в глаза и заставляет усомниться в том, что именно

в такой интерпретации она была услышана Волицким от П.П. Ершова, который, как известно, в своём «сибирском предании» рассматривал завоевание и присоединение Сибири к России как значимое явление всей русской истории. Изображая Сузге с большим сочувствием и восхищаясь её подвигом, писатель в то же время проводил идею о неизбежности гибели царства Кучума и завоевания сибирских земель Ермаком. Ермак и его атаманы – это не только очень храбрые, но и благородные воины, способные сочувствовать побеждённым. Один из примеров – эпизод вступления атамана Грозы с казаками в Сузгун. Увидев Сузге, Гроза говорит: «Будь спокойна ты, царица! / Мы казаки, а не звери, / Бог нам дал теперь победу, / Так грешно бы нам и стыдно, / Благость Бога презирая, / Обижать тебя, царица!» [4, с. 209].

Можно лишь догадываться о том, почему Волицкий в своих воспоминаниях так сильно изменил смысл рассказа П.П. Ершова. Не зная самой ершовской поэмы, он по возвращении на родину передал услышанную им некогда легенду о Сузге через призму своей неизжитой обиды на Россию, лишившую Польшу независимости и отправившую многих её сыновей в далёкий холодный край. С точки зрения Волицкого, узнавшего тюрьму и кандалы, история освоения Сибири Россией рассматривалась как несправедливый захват земель у исконных народов этих мест.

Столь различное отношение к прошлому Сибири, по всей видимости, не мешало дружбе двух творческих людей, которых объединяли любовь к музыке и живой интерес к природе этого края. Другими притягательными для Ершова и Волицкого местами живописных тобольских окрестностей были деревенька Жуковка (Жукова) и село Ивановское. В письме от 27 июня 1841 года жена Ершова Серафима Александровна, обращаясь к родственникам, проживавшим в Петербурге, сообщала о его прогулках с детьми, в частности с пасынком Александром Лещёвым, вокруг Тобольска: «В праздничные дни П.П. в 6 часов отправляется с ним за город пешком. Были в Сузгуне, в Жуковке, у заутрени в Ивановском» [7].

О посещении этих прииртышских селений в 1835 году, когда Ершов ещё находился в Петербурге, рассказывает в своих мемуарах и Волицкий: «Идя против течения Иртыша яром версты четыре, мы оказывались в Жукове, маленьком селении из нескольких домишек, в которых проживали изгнанные чухонцы. У них единственных можно было достать свежего масла по два рубля ассигнациями за фунт. Чудесное то было место…» [14, с. 236]. Далее он указывает на другие пункты маршрута: деревеньку Серебрянка, разместившуюся на пологом склоне горы, и Ивановск – «место, лежащее в 12 вёрстах от города, расположенное на главном тракте Иркутском в котловине между горами и яром. Село это, основанное самими москалями, выглядит богатым и опрятным, главной его достопримечательностью является женский монастырь с превосходной церковью…» [14, с. 239].

К сожалению, Волицкий в мемуарах почти не упоминает о собственной композиторской и дирижёрской деятельности в Сибири, музыкальных пристрастиях, характере сочинений. Но его воспоминания могут быть дополнены статьёй из газеты «Северная пчела», в которой анонимный корреспондент рассказывает о концерте классической музыки, состоявшемся в Тобольске в зале Благородного собрания 2 января 1838 года [5]. По нашему предположению, автор этой статьи, представленной в газете как «выписка из частного письма» петербургскому другу, – П.П. Ершов, который хорошо разбирался в музыке, брал в Петербурге уроки игры на флейте у композитора Осипа Карловича Гунке и, как указывалось выше, писал своим столичным приятелям о Волицком. Ершов и ранее проявлял себя как журналист в газетах Санкт-Петербурга [9, с. 77–78].

Статья в «Северной пчеле» свидетельствует о многосторонней деятельности Волицкого на музыкальном поприще в Сибири: «…Выбор пиес и особенно прекрасное исполнение их – вот что делало концерт этот замечательным. 50 человек казачьего оркестра и хор военных кантонистов знали своё

дело как нельзя лучше. Этим публика обязана была искусству капельмейстера Г. Волицкого <…>. Назову пиесы концерта. За увертюрою из оперы «Мельница в скалах», сочинение Рейзигера, следовал концерт для двух валторн: «Охота» Линдпайтнера, и был выполнен превосходно. Балет 2-го действия «Роберта» и увертюра из «Гугенотов» исполнены были тоже очень отчётливо. Между ними было концертино на трубе: «Сцена в лагере», сочинение Волицкого <…>. Я прежде писал тебе о других пиесах Волицкого: и в этой он не изменил себе, ни в целом плане, ни в частных подробностях инструментовки» [5, с. 101].

Далее автор письма воссоздаёт картины, которые рождает в его воображении музыка Волицкого: «Слушая эти тихие меланхолические мотивы, кажется, переносишься в лагерь, в то время, когда потухает вечерняя заря, и шум военной жизни замирает в безмолвном сумраке вечера. Это интродукция. Вдруг среди этого, так сказать, перелива движения в тишину, раздаётся призывный звук трубы. Лагерь постепенно оживает, голоса инструментов сближаются, перерывают друг друга и наконец сливаются в смутном шуме тревоги. Но это обман! Труба сзывает лагерь не для военной бури, а для милого, пленительного ноктюрна. Трудно, или лучше сказать, невозможно словами описывать музыку. Одно впечатление, произведённое ею на душу – вот всё, что можно выразить в подобном случае. Замечу только две вещи, особенно меня поразившие. Первое, – в середине концертино, когда оркестр повторяет живое аллегро трубы, вдруг следует перерыв, и труба из тона *Dur* переходит в *Moli,* а через несколько тактов снова продолжает в прежнем тоне. Второе – небольшое кларнетное соло, сопровождаемое *piccicato* квартета: это перл концертино! Я постараюсь прислать тебе полную партицию этой пиесы» [5, с. 102].

Это подробное словесное описание музыки Волицкого особенно ценно ввиду утраты партитуры данного сочинения (как, впрочем, нотных записей и многих других произведений композитора).

В самом конце письма рассказывается о приглашении супругой генерал-губернатора П.Д. Горчакова княгиней Натальей Дмитриевной Горчаковой в свой дом накануне Нового года воспитанников гимназии, о весёлых развлечениях и радости детей на этом празднике. Это служит ещё одним подтверждением нашего предположения о принадлежности письма П.П. Ершову, в то время молодому преподавателю гимназии.

В число произведений Волицкого, созданных в Сибири, входили также одноактный водевиль «Удачный выстрел, или Гусар-учитель», поставленный на тобольской сцене в 1836 году (либретто к нему написали декабрист Николай Чижов и Яков Чернявский, родственник генеральши Голофеевой) и музыка к стихотворению «Здесь и там», автором которого был сосланный вместе с Волицким поэт Густав Зелинский; это была мазурка, написанная, по мнению польской исследовательницы Барбары Ендрыковской, в 1835 году» [3, с. 209]. Значим для нас факт постановки в Тобольске в 1837 году одноактного водевиля «Сибирский день» (либретто П.П. Ершова). Его сценическое воплощение было приурочено к моменту приезда в Тобольск 1–3 июня 1837 года цесаревича Александра Николаевича, но из-за недостатка времени у высокого гостя и его свиты премьера так и не состоялась. Но эта опера, как установил польский музыковед Корнель Михаловский, всё же была поставлена для тобольской публики в том же 1837 году [11, с. 181].

О музыкальной деятельности в Омске Волицкий в мемуарах не пишет, но после его отъезда в 1840 году на родину оркестр продолжал исполнять в этом городе мелодии из опер «Гугеноты», «Роберт-Дьявол» Мейербера, вальсы Иоганна Штрауса (отца), сочинения австрийского композитора Фердинанда Кауэра, то есть весь репертуар тобольского времени. Во главе оркестра, как сообщал из Омска в Ишим бывший ссыльнопоселенец Адольф Янушкевич в своём письме другу Густаву Зелинскому, был теперь Хойнацкий, некогда первый скрипач оркестра Волицкого [10, с. 226].

Жизнь Волицкого после Сибири фактически неизвестна. В издании «Словарь польских музыкантов» указано, что Волицкий занимался творчеством в Варшаве, а умер в городе Коваль в 1863 году [13, с. 291].

Обращение к мемуарам К. Волицкого, сопоставленным с рядом других документов первой трети XIX века, даёт отчётливое представление об эстетических пристрастиях и творческих контактах польского композитора и русского поэта, их активном участии в культурном воспитании сибиряков.

Литература

1. Бухштаб, Б.Я. Констанция Волицкого [Текст] / Б.Я. Бухштаб, П.П. Ершов, Н.А. Чижов // Омский альманах. – 1947. – Кн. 6. – С. 159–163.
2. Замахаев, С.Н. Тобольская губернская гимназия. Историческая записка о состоянии Тобольской гимназии за 100 лет её существования. 1789–1889 [Текст] / С.Н. Замахаев, Г.А. Цветаев. – Тобольск, 1889. – 321 с.
3. Ендрыковская, Б. Музыкальная жизнь польских ссыльных в Сибири в XIX веке [Текст] / Б. Ендрыковская // Сибирь в истории и культуре польского народа. – М. : Ладомир, 2002. – С. 200–225.
4. Ершов, П.П. Конёк-Горбунок. Стихотворения [Текст] / П.П. Ершов. – Л. : Советский писатель, 1976. – 334 с.
5. Концерт в Тобольске (Выписка из частного письма). Тобольск, 3 января 1838 г. [Текст // Северная пчела. – 1838. – 1 февраля. – С. 101–102.
6. Максимов, С.В. Сибирь и каторга [Текст] / С.В. Максимов. – СПб., 1871. – 362 с.
7. Музей-архив Д.И. Менделеева в Санкт-Петербурге (НАМ СПГУ).
8. Савченкова, Т.П. Истоки легенды об Александре фон Гумбольдте в Ишиме [Текст] / Т.П. Савченкова // «Aus Sibirien – 2006». – Тюмень : ИПЦ «Экспресс», 2006. – С. 111–115.
9. Ярославцов, А.К. П.П. Ершов, автор сказки «Конёк-Горбунок» [Текст] / А.К. Ярославцов. – СПб., 1872. – 208 с.
10. Januszkiewicz, A. Listy z Syberii [Text] / A. Januszkiewicz. – Warszawa : Czytelnik, 2003. – 440 p.
11. Michalowski, K. Opery polskie [Text] / K. Michalowski. – Krakow, 1954. – 572 p.
12. Sawtshenkowa, T. Александр фон Гумбольдт в Ишиме [Текст] / T. Sawtshenkowa // Lomonossow. Damu – Hefte. – Berlin, 2007. – Nr. 1. – S. 21–32.
13. Slownik muzykow polskich. – Krakow, 1967. – 634 p.
14. Wspomnienia Konstantego Wolickiego z czasow pobytu w cytadeli Warszawskiej i na Syberji [Text] / K. Wolicki. – Lwów, 1876. – 288 c.

Сибирь во второй половине XX – начале XXI вв.: основные тенденции социально-экономического и социально-политического развития

ББК 63.3(2)
УДК /622.276+622.279/(091)

Е.В. БОДРОВА,
В.В. КАЛИНОВ

E.V. BODROVA,
V.V. KALINOV

РАЗВИТИЕ НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА СТРАНЫ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

OIL AND GAS COMPLEX DEVELOPMENT OF THE COUNTRY IN POST-WAR

В статье проанализированы процессы развития экономики страны в послевоенный период. Основное внимание авторы уделили роли и месту нефтяной промышленности. Рассмотрены вопросы управления нефтегазовой отраслью в указанный период. Основное внимание уделено таким вопросам, как разведочное и промышленное бурение, скорейший ввод в промышленную эксплуатацию новых месторождений углеводородов во «Втором Баку», началу освоения Западной Сибири, которая уже в 70-е гг. получила название «Третье Баку», техническое состояние нефтегазовой промышленности СССР в сравнении с американской.

The processes of the economy development of the country in the post-war period were analyzed in the article. The authors paid much attention to the importance of the oil industry. The questions of the oil and gas industry management were studied. Much attention was directed to exploration and production drilling, putting deposits of hydrocarbons into operation in «the Second Baku», the development of Western Siberia called «the Third Baku» since the '70s, the technical condition of the oil and gas industry of the USSR in comparison with the American one.

Ключевые слова: пятилетка, план, нефтяная, Волго-Уральская провинция, Второе Баку, промышленность, новые технологии, Туймазы, Ромашкинское месторождение, нефтеотдача пласта.

Key words: the five-year-plan, the oil, the Volga-Ural province, the Second Baku, industry, new technologies, Tuimazy, Romashkinskoye field, the total recovery of the reservoir.

Одним из наиболее значимых в послевоенный период отечественной истории проектов явился проект по созданию нефтегазового комплекса страны, осуществление которого во многом компенсировало в позднесоветский период недостаточную эффективность советской экономики, усилило геополитические позиции страны. В феврале 1946 г. И.В. Сталиным были обозначены основные ориентиры развития советской промышленности: «…Наша промышленность должна производить ежегодно до 50 млн тонн чугуна, до 500 млн тонн угля, до 60 млн тонн нефти… На это уйдёт, пожалуй, три новых пятилетки, если не больше… И мы должны это сделать» [11]. Предусматривалось первоочередное восстановление и развитие тяжёлой промышленности, железнодорожного транспорта, за период с 1946 по 1950 гг. добыча нефти должна была достигнуть 35,4 млн тонн. Между тем в 1945 г. нефтедобыча в целом по стране составляла лишь 62% от довоенного уровня, проходка скважин с бурением – 48% [9, с. 54]. Таким образом, определялся прежний вектор экономического развития страны: концентрация ресурсов на приоритетных направлениях, форсированные темпы и мобилизационные методы управления. Темпы и объёмы добычи нефти должны были ещё

более возрасти в связи с увеличившимися потребностями транспорта, промышленности, сельского хозяйства, ВПК и необходимостью поддержки стран-союзников.

С целью реализации поставленных целей были резко увеличены объёмы разведочных работ, возросли капиталовложения в нефтяную промышленность, значительно расширилась география размещения разведочного бурения: кроме Азербайджана и Северного Кавказа разведка велась в Урало-Поволжье, Средней Азии, Казахстане, Белоруссии и Украине. В годы послевоенной пятилетки были открыты и введены в эксплуатацию такие крупные нефтяные месторождения, как Ромашкино, Яблоневское, Муханово, Бавлы, Карташовское и др. [30, с. 116–120]. В Башкирской АССР было открыто Серафимовское месторождение, продолжалось освоение девонских продуктивных отложений в Туймазах. Проводился огромный объём работ по выявлению на нефтеносность каменноугольных и девонских отложений на площадях Копей-Кутакс, Кинзебулатово, Карлы, Шахан [11, л. 72об]. С 1948 г. велись сейсморазведочные работы в Западной Сибири, на территории Иркутского амфитеатра, на Сахалине, в Северном Предкавказье. В 1949 г. началась разработка морских месторождений нефти в Каспийском море. В 1950 г. почти четверть объёма бурения в Азербайджане приходилась на морские промыслы. В районе Апшеронского архипелага были открыты морские месторождения нефти: Нефтяные Камни, Гюргяны, Банка Дарвина.

Добыча нефти в СССР в 1950 г. по отношению к 1945 г. почти удвоилась и составила 37,9 млн тонн [7, с. 57], причём удельный вес нефтедобывающих районов Поволжья и Урала в общесоюзной добыче составил 29,4%. Ставка на введение в эксплуатацию новых высокоэффективных месторождений, не требующих значительных средств, внедрения высоких технологий, обусловило ориентацию руководства страны на преимущественное развитие «Второго Баку» [1, с. 58–59]. Нефтегазоностность региона была доказана ещё 1929 г. открытием 17-ти месторождений, но нефтедобыча была небольшой, а нефть не отличалась высоким качеством [29, с. 141]. Однако в конце 30-х гг., прежде всего, благодаря И.М. Губкину, отношение к этому со стратегической точки зрения наиболее значимому региону, меняется. В послевоенный период с «эпохального», как писал Н.К. Байбаков [2, с. 189], открытия нефти в 1944 г. в более древних, девонских отложениях «Второе Баку» приобретает особый статус во всех разрабатываемых планах. Суточный дебит фонтана месторождения Яблоневый Овраг в Куйбышевской области, введённого в эксплуатацию 29 июня 1948 г. [12, л. 70об], составлял около 500 тонн [2, с. 231]. Одним из мощных месторождений в девонских отложениях стало Туймузинское месторождение в Башкирии, в 1948 г. в Татарии было открыто знаменитое Ромашкинское месторождение. Девонская нефть отличалась высокой рентабельностью, химическим составом, низкой вязкостью, обуславливающей большие объёмы добычи [3, с. 23]. Уже в планах на 1946–1950 гг. Волго-Уральская нефтегазоносная провинция занимала первое место среди других регионов [5, с. 260], но на период её освоения решающими оставались прежние южные районы. Выбор приоритетов оказался верным: почти половина (44%) всего поискового и разведочного бурения по СССР в 1955 г. была сосредоточена во «Втором Баку» [6, с. 29], регион обеспечивал основные приросты количества добываемой нефти, давая в начале 60-х гг. 70% общесоюзной добычи [13, л. 144]. Разрабатывалась провинция с большой эффективностью, себестоимость тонны нефти там была много ниже, её разработка и транспортировка в географическом смысле – удобнее.

Добыча значительных объёмов была в немалой степени обусловлена тем, что активно внедрялся турбинный способ бурения, способствующий ускорению сооружения нефтяных скважин. Было начато крупноблочное строительство, серийное производство высокопроизводительных турбобуров, гидравлических сепараторов для буровых растворов. На Туймазинском месторождении в декабре 1948 г. впервые в мировой практике использовалась

новая технология разработки нефтяных месторождений, основанная на закачке воды с целью искусственного поддержания пластового давления. Учёный Н.С. Пискунов предложил делить крупные месторождения на участки и разрабатывать их отдельно. В 50-е гг. для ускоренной разведки месторождений скважинами малого диаметра широко использовалась буровая установка «Уфимец», разработанная конструкторами под руководством С.Н. Кувыкина.

В Башкирии в эти годы активно использовались такие новейшие достижения, как бурение скважин электробуром, поддержание пластового давления путём законтурного заводнения, использование многопроводных систем телемеханизации и радиодиспетчеризации процессов добычи нефти, отечественных центробежных погружных электронасосов. Начала осуществляться кислотная обработка призабойных зон скважин, осуществлялось тепловое воздействие на пласт с помощью газовой горелки. В 1952 г. в Туймазинском районе была впервые построена нефтестабилизационная установка для обезвоживания нефти, для ремонта скважин с 1956 г. стала использоваться передвижная мачта ПМ-40, а позднее – мачта ПТМТ-40 [9, с. 77].

По мнению действительного члена РАЕН, профессора Г.Г. Вахитова, использование отдельных передовых технологий, уже апробированных ведущими зарубежными нефтяными компаниями в различных регионах мира, стало одним из важнейших факторов наращивания нефтедобычи в СССР [4, с. 495]. Именно в Урало-Поволжье впервые были апробированы новейшие технико-технологические методики, позднее использованные и в других регионах страны. В этот период впервые при разработке Ромашкинского месторождения в Татарской АССР был использован способ, предложенный учёными и инженерами Ф.А. Бегишевым, А.Н. Бучиным, Ю.П. Борисовым, П.С. Васильевым, О.И. Дороховым, М.М. Ивановой, А.П. Крыловым, В.А. Каламкаровым, Р.Ш. Мингареевым, М.И. Максимовым, А.П. Чопоровым, А.Т. Шмаревым и основанный на применении внутриконтурного заводнения при редких начальных сетках расстановки эксплуатационных скважин по пластам, что позволяло обеспечивать разработку больших объёмов добычи нефти малым фондом действующих скважин. По мнению профессора В.Н. Щелкачёва, первенство в разработке этого метода принадлежало Н.С. Пискунову. Именно такая схема была применена на Ромашкинском нефтяном месторождении [31, с. 59–62]. Разработка этого месторождения с помощью законтурного заводнения потребовала бы весьма значительного времени при сравнительно низких темпах нарастания объёмов добычи нефти. Ромашкинское нефтяное месторождение стимулировало и активизацию геологоразведочных работ в этом регионе, и явилось достойным примером комплексной организации работ – большое внимание уделялось первоначальному становлению инфраструктуры.

В 50-е гг. Татарская АССР занимала первое место в стране по добыче нефти. Здесь же, в Бавлинской конторе бурения зародился и форсированный, скоростной способ бурения скважин, который, в том числе, предполагал использование в качестве промывочной жидкости воду вместо глинистого раствора. Кроме того, стал использоваться иной, нежели это было ранее, способ крупноблочного строительства буровых установок, их демонтажа и доставки на место строительства новой буровой с помощью хребтовых лафетов системы инженера Б.А. Рагинского [9, с. 82]. Впервые в мировой практике новый способ монтажа вышек был разработан специалистами Татарской АССР и института «Гипронефтемаш». При разработке планов по механизации и автоматизации нефтедобывающей промышленности в годы шестой пятилетки ставилась задача максимально «…механизировать вышечно-монтажные работы и внедрить при строительстве скважин индустриальные методы сборки и транспортировки вышек и привышечных сооружений» [20, л. 67]. Внедрялись буровые передвижные самоходные установки новых конструкций грузоподъёмностью 40 и 75 тонн, а так же тяжёлых буровых в 130 и 200 тонн на дизельном и электрическом приводе повышенной мощности в комплекте

с крупноблочным основанием. С 1960 г. все работы по сооружению буровых в объединении «Татнефть» стали выполняться только индустриальными методами. Этот метод распространился и других регионах. Если в 50-е гг. в большинстве своём использовался фонтанный способ эксплуатации скважин, то с 1955 г. началось использование погружных электроустановок по добыче нефти.

В годы шестой пятилетки намечалось увеличить число скважин, использующих погружные электронасосы до 3 000 (6% от общего числа) [26, л. 66]. Все шире стал внедряться метод гидроразрывов пласта, использования автоматических устройств для депарафинизации скважин. К 1960 г. при разработке и эксплуатации нефтяных месторождений предполагалось произвести 14 600 гидроразрывов [26, л. 66]. Получил развитие новый способ вскрытия нефтяного пласта кумулятивной перфорацией.

К 1960 г. ставилась задача довести количество скважино-операций до 4 000 (8% скважин) [26, л. 66]. В Куйбышевской области для ускорения спускоподъёмных операций впервые в стране применили облегченные алюминиевые бурильные трубы, на буровых станках были применены автоматы, пневмозахваты для бурильных труб, электробуры и т. д. В эти годы на месторождениях области было начато двуствольное бурение скважин, причём бурились самые глубокие скважины в Волго-Уральском регионе. Одним из самых крупных научно-технических достижений этого периода стал способ внутриконтурного разрезания нефтяной залежи на блоки оптимальных размеров. Это обусловило повышение нефтеотдачи пластов, извлечение 95% нефти дешёвым фонтанным способом. Применение этого метода увеличило добычу нефти в 1,5–2 раза. В этот период началось также внедрение напорной герметизированной системы сбора нефти и газа [9, с. 86].

Б.А. Рагинским, Н.С. Тимофеевым, А.О. Асан-Нури, Е.Н. Крыловым и Н.В. Озеровым была разработана оригинальная конструкция металлических эстакад и метод их сооружения для морских нефтяных промыслов в Азербайджане. На этих месторождениях широко использовался способ форсированного отбора жидкости из сильно обводнённых скважин, который был предложен профессором В.Н. Щелкачёвым. Большой эффект был получен при применении совместно-раздельной эксплуатации двух и более пластов одной скважиной. Широко использовалась зарезка вторых стволов в бездействующих скважинах. Методы двуствольного и многоствольного бурения, способ наклонно-направленного бурения, послужившего основой кустового сооружения скважин, сверхглубокое бурение и другие научно-технические достижения активно тиражировались на всех нефтяных и газовых месторождениях страны. В результате перехода на турбинный и комбинированный турбинно-роторный способы бурения скважин, использования долот уменьшенных диаметров, совершенствования технологических процессов сооружения скважин коммерческие скорости возросли более чем в 1,5 раза. Все это способствовало значительному повышению технико-экономических показателей деятельности нефтедобывающей промышленности страны. Так, в 1960 г. по сравнению с 1953 г. производительность труда по добычи 1 т нефти выросла в 2,5 раза, себестоимость снизилась в 1,8 раза, более чем в 2 раза снизилась капиталоёмкость добычи нефти [14, л. 19а]. Большая часть месторождений разрабатывалась с помощью методов поддержания пластовых давлений – закачки в законтурную часть залежи воды или газа, иногда – того и другого вместе [9, с. 93].

Важное значение в бурении скважин играло качество бурового оборудования и инструментов. К сожалению, в этой области Советский Союз значительно отставал от ведущих стран мира, и в первую очередь, от США. Руководитель «Башнефти» С.Н. Кувыкин в феврале 1957 г. обращал внимание Председателя Госплана СССР К.Н. Байбакова не нехватку современного оборудования [15, л. 19]. Плохое качество долот для бурения нефтяных и газовых скважин потребовал серьёзного рассмотрения этого вопроса на Коллегии

Госэкономкомиссии (ГЭК) СССР 29 марта 1957 [16, л. 230] В рамках разработки задач по техническому перевооружению нефтедобывающей промышленности СССР в рамках 6 пятилетки ставились задачи «…внедрить трёхшарошечные долота, изготовленные из высоколегированных никельмолибденовых марок сталей с ужесточёнными допусками: в 1958 г. – 190 тыс. шт., в 1959 г. – 190 тыс. шт., в 1960 г. – 200 тыс. шт.» [21, л. 65].

Анализ архивных документов позволяет утверждать, что, несмотря на значительные успехи нефтедобывающей промышленности СССР, к началу 60-х гг. наблюдалось отставание (примерно в 3 раза) от США по техническому уровню производства и средним технико-экономическим показателям [22, л. 63]. Более того, аналитические документы, подготовленные Гостехникой СССР в этот период, свидетельствуют об отсутствии оптимизма в этом отношении и планирующих органах. Эксперты утверждали, что даже при оптимальном плане внедрения всех новшеств и достижений «…современные показатели нефтедобывающей промышленности США достигнуты не будут» [23, л. 64]. Исключение составляли объединения «Башнефть» и «Татнефть», показатели которых приближались к аналогичным в США [22, л. 63]. В Урало-Поволжье удалось добиться самой низкой в СССР себестоимости 1 тонны нефти – 15–18 руб. В целом по СССР она составляла 41,37 руб. [17, л. 19].

Важным направлением государственной политики в сфере формирования НГК страны явилось создание новых нефтеперерабатывающих заводов и внедрение новых технологий на действующих. В первое послевоенное десятилетие были построены НПЗ в Кстово Нижегородской области, Волгограде, Сызрани, Саратове, Краснодаре, Перми, Омске, Баку, Рязани, Ангарске [3, с. 221, 227]. При их строительстве использовался как зарубежный опыт, так и мощности, полученные по ленд-лизу в годы войны (в Гурьеве, Орске, Красноводске, Самаре) [8, с. 449]. В 1957 г. руководитель «Башнефти» С.Н. Кувыкин выступил с предложением рассмотреть вопрос о строительство НПЗ в районе г. Бирск [15, л. 20]. Развитие автомобильного, тракторного, морского речного транспорта СССР требовало все большее количество автобензина, дизельного топлива, масел. Поэтому все большее внимание уделялось нефтепереработке. Но именно в этом секторе СССР сильно отставал от ведущих стран. Так, в документе, подготовленном в отделе сводного плана Гостехники СССР в апреле 1957 г., констатировалось отставание нефтеперерабатывающей промышленности СССР от США особенно по производству «…высокооктанового автобензина, бессернистого и низкозастывающего дизельного топлива, высококачественных моторных масел и продуктов нефтехимической промышленности» [24, л. 53]. Эта проблема рассматривалась в 1957 г. на Коллегии ГЭК СССР [19, л. 198–199], об этом же говорилось и докладе, носившего гриф «совершенно секретно», «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1966–1970 гг.», подготовленном Госпланом СССР и представленном 28.08.1964 г. в ЦК КПСС и СМ СССР [26, л. 35]. В качестве главной причины было определено значительное отставание в осуществлении процессов каталитического крекинга и риформинга. Так, если на 1960 г. в СССР мощности установок этих процессов составляли 11,8% и 2,6%, то в США (на начало 1955 г.) – 37,6% и 9,5% соответственно [24, л. 53]. В этой связи ставились задачи по углублению переработки нефти, повышению качества автобензина, различных видов топлива и моторных масел [19, л. 199–200; 24, л. 53; 27, л. 56].

Таким образом, благодаря точно выбранным приоритетам, эффективному освоению Волго-Уральской провинции, научно-техническим достижениям, мобилизационным методам партийно-государственного управления удалось обеспечить не только формирование НГК страны, но и досрочно выполнить за 10 лет план нефтедобычи – 60 млн тонн, планомерно наращивать долю в общемировой добыче нефти, добиться лидерства в Европе – доля СССР выросла с 5,5% 1945 г. от общих объёмов до 16% в 1965 г. [32, с. 13–16].

Нефтяная отрасль играла роль локомотива в развитии промышленности в послевоенные десятилетия. Однако все ещё наблюдалось серьёзное отставание в сфере нефтепереработки, внедрения новых технологий. Мы согласны с исследователями, которые полагают, что «дотационная» политика руководства уже в те годы «закладывала зерна тех отрицательных явлений, которые наиболее полно проявились к концу XX в. Низкие цены на нефть и нефтепродукты сдерживали разработку и применение энергосберегающих технологий, экономичных силовых установок, не способствовали рачительному расходованию сырья и продуктов его переработки» [28, с. 137].

Литература

1. Байбаков, Н.К. Сорок лет в правительстве [Текст] / Н.К. Байбаков. – М., 1993. – 317 с.
2. Байбаков, Н.К. Дело жизни. Записки нефтяника [Текст] / Н.К. Байбаков. – М. : Сов. Россия, 1984. – 352 с.
3. Вчера, сегодня завтра нефтяной и газовой промышленности России [Текст]. – М. : Изд. ИГиРГИ, 1995. – 448 с.
4. Вахитов, Г.Г. Полвека отечественной нефтедобычи: от взлёта к падению [Текст] / Г.Г. Вахитов // Нефть страны Советов. Проблемы истории нефтяной промышленности СССР (1917–1991) / под общ. ред. В.Ю. Алекперова. – М. : Древнехранилище, 2005. – 618 с.
5. Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. [Текст] // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1968. – Т. 3. – 752 с.
6. Курятников, В.Н. Становление нефтегазового комплекса в Уральском и Поволжском регионах (30–50-е гг. XX в.) [Текст] : автореф. дис. … д-ра ист. наук / В.Н. Курятников. – Саратов, 2009. – 43 с.
7. Мальцев, Н.А Нефтяная промышленность России в послевоенный период. [Текст] / Н.А. Мальцев, В.И. Игревский, Ю.В. Вадецкий. – М., 1996. – 208 с.
8. Матвейчук, А.А. Нефтяная составляющая ленд-лиза [Текст] / А.А. Матвейчук // Нефть страны Советов. Проблемы истории нефтяной промышленности СССР (1917–1991) / под общ. ред. В.Ю. Алекперова. – М. : Древнехранилище, 2005. – 618 с.
9. Нефть СССР (1917–1987 гг.) [Текст] / Ю.Г. Апанович [и др.] ; под ред. В.А. Динкова. – М. : Недра, 1987. – 384 с.
10. Речь товарища И.В. Сталина на предвыборном собрании Сталинского избирательного округа г. Москвы [Текст] // Правда. – 1946. – № 35.
11. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7695. Оп. 1. Д. 81. Л. 72об.
12. РГАЭ Ф. 7695. Оп. 1. Д. 81. Л. 70об.
13. РГАЭ Ф. 399. Оп. 1. Д. 1015. Л. 144.
14. РГАЭ Ф. 399. Оп. 1. Д. 1015. Л. 19а.
15. РГАЭ Ф. 355. Оп. 1. Д. 390. Л. 19.
16. РГАЭ Ф. 9573. Оп. 1. Д. 1392. Л. 230.
17. РГАЭ Ф. 399. Оп. 1. Д. 1015. Л. 19.
18. РГАЭ Ф. 355. Оп. 1. Д. 390. Л. 20.
19. РГАЭ Ф. 9573. Оп. 1. Д. 1392. Л. 199–200; РГАНИ Ф. 5. Оп. 40. Д. 61. Лл. 53, 56.
20. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ) Ф. 5. Оп. 40. Д. 61. Л. 67.
21. РГАНИ Ф. 5. Оп. 40. Д. 61. Л. 65.
22. РГАНИ Ф. 5. Оп. 40. Д. 61. Л. 63.
23. РГАНИ Ф. 5. Оп. 40. Д. 61. Л. 64.
24. РГАНИ Ф. 5. Оп. 40. Д. 61. Л. 53.
25. РГАНИ Ф. 5. Оп. 40. Д. 61. Л. 66.
26. РГАНИ Ф. 5. Оп. 40. Д. 207. Л. 35.
27. РГАНИ Ф. 5. Оп. 40. Д. 61. Л. 56.
28. Славкина, М.С. Великие победы и упущенные возможности: влияние нефтегазового комплекса на социально-экономическое развитие СССР в 1945–1991 : монография [Текст] / М.С. Славкина. – М., 2007. – 384 с.

29. Трофимук, А.А. Урало-Поволжье – новая нефтяная база СССР (История открытия, состояние, перспективы) [Текст] / А.А. Трофимук. – М., 1957.
30. Федоренко, А.Н. Геофизические работы на нефть и газ в послевоенную (четвёртую) пятилетку (1946–1951 гг.) [Текст] // Ветераны: из истории развития нефтяной и газовой промышленности / А.Н. Федоренко, В.В. Федынский. – Вып. 24. – М. : ЗАО «Издательство «Нефтяное хозяйство», 2011. – 239 с.
31. Щелкачёв, В.Н. История управления разработкой и история разработки нефтяных месторождений СССР и России : монография [Текст] / В.Н. Щелкачёв. – М. : Нефть и газ, 1998. – 172 с.
32. Щелкачёв, В.Н. Отечественная и мировая нефтедобыча. История развития, современное состояние и прогнозы [Текст] / В.Н. Щелкачёв. – М., 2001. – 137 с.

ББК 63.3(2Рос)-8
УДК 908-05(571.12)+332.13(092)

Г.Ю. КОЛЕВА

G.YU. KOLEVA

А.К. ПРОТОЗАНОВ И СОЗДАНИЕ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО НЕФТЕГАЗОДОБЫВАЮЩЕГО РАЙОНА

ALEXANDER K. PROTOZANOV AND HIS CREATION OF THE WEST SIBERIAN OIL AND GAS REGION

Статья посвящена начальному периоду становления Западно-Сибирского нефтегазодобывающего района, роли в этом процессе Александра Константиновича Протозанова, его участию в решении основополагающих задач по созданию нового добывающего района страны, таких как расширение масштабов геологоразведочных работ, начало промышленной добычи нефти.

The article is devoted to the initial period of the oil and gas region formation in the West Siberia. The author dwells upon Alexander K. Protozanov's participation in the fundamental task of building a new extracting district, such as the expansion of exploration, the beginning of commercial oil production.

Ключевые слова: Тюменская область, нефть, газ, геология, месторождения, промышленность, освоение, личность.

Key words: Tyumen region, oil, gas, geology, field, industry, development, personality.

В развитии Тюменской области, длительное время не включённой в процессы активного индустриального развития, в 1960–1970-е гг. произошёл невероятный экономический рывок, обусловленный созданием добывающих отраслей промышленности, которые заняли ведущее место в экономике не только региона, но и страны. События, развернувшиеся в Тюменской области, получили достаточно обширное научное освещение [4, с. 150–154], при этом определились и ключевые персоны процесса нефтегазового освоения [1]. Наиболее ярко в формировании нового уровня развития Тюменской области, согласно сложившимся подходам, выступает личность Б.Е. Щербины. Значительная часть публикаций именно его представляет основоположником создания нефтегазодобывающего района в Тюменской области [9, с. 49, 51].

Б.Е. Щербина до приезда в Тюмень, с 1955 г. по 1961 г., работал вторым секретарём обкома партии в Иркутской области, где в эти годы были построены Иркутская гидроэлектростанция, велось сооружение Братской ГЭС. Направление в Тюмень партийного руководителя с опытом работы в регионе активного гидроэнергетического строительства следует объяснять тем, что руководство страны склонялось к положительному решению вопроса о строительстве Нижне-Обской ГЭС, сооружение которой в качестве варианта подъёма экономического уровня Тюменской области было предложено региональными лидерами в докладной записке в ЦК КПСС и Совет Министров СССР 28 февраля 1956 г. [2, д. 3836. л. 4]. Идея прорабатывалась в ряде проектных институтов, и, судя по всему, было решено приблизиться к её воплощению, в том числе и посредством переброски опытных в этом деле партийных кадров.

Однако к началу 1960-х гг. в Тюменской области всё более зримым становилось новое явление: расширялись геологоразведочные работы на нефть и газ, были открыты небольшие пока по запасам месторождения газа и нефти в западной части области, выявлены перспективные структуры в Среднем Приобье. Сторонники именно этого нового явления и повели борьбу против строительства ГЭС, активно возражал против её возведения А.К. Протозанов.

В Тюменском архиве социально-политической истории имеется много документов, отражающих позицию Протозанова по поводу Нижне-Обской ГЭС, его послания в разные инстанции о недопустимости её сооружения. Однако нет документов исходящих от Щербины по этому вопросу, – ни за, не против. Складывается странное впечатление: глава обкома партии (1961–1962 гг.) после снятия В.В. Косова, глава сельскохозяйственного обкома (1963–1964 гг.), затем глава области с 1965 по 1972 гг. ничего не говорит о строительстве Нижне-Обской ГЭС, хотя мощные дискуссии охватывали разные и очень высокие ведомства.

И кто же такой А.К. Протозанов, который стал активным противником строительства Нижне-Обской ГЭС и только ли этим ограничивается его роль в развитии Тюменской области? Если обратиться к публикациям, посвящённым персонам Тюменской области, то А.К. Протозанова в истории области вообще-то и нет, несмотря на то, что он приехал в Тюмень в январе 1958 г. и его работа в области на очень значимых постах продолжалась до 1969 г. Есть только единичные оговорки: «Секретарь Тюменского обкома партии А.К. Протозанов был по образованию горный инженер, и его профессиональная подготовка обусловила понимание тех проблем, с которыми обращался в обком партии начальник Тюменского территориального геологического управления Ю.Г. Эрвье» [10, с. 13]. Или: «Велика роль в становлении и развитии Западно-Сибирского нефтегазового комплекса А.К. Протозанова, Б.Е. Щербины, Г.П. Богомякова», – писал Ю.П. Баталин [10, с. 135]. Невнимание к Протозанову касается не только текстов, но и, например, даже фотографий. На оригинале фотографии А.К. Протозанов есть, а при её публикации на фото Протозанова нет [7, с. 60].

Изучение биографии и деятельности А.К. Протозанова позволило прийти к следующим выводам и разделить его работу в Тюменской области на ряд периодов. Первый период – с 1958 по 1959 гг. – А.К. Протозанов – секретарь Тюменского обкома партии. Его деятельность в эти годы только разворачивается, но именно в этот период он добивается принятия важных стратегических решений, как, передачи геологоразведочных работ в Среднем Приобье от Новосибирского геологического управления в состав Тюменского. Второй период – январь 1960 г. – январь 1963 г. – Протозанов – председатель Тюменского облисполкома, им осуществляется решение вопросов экономического и социального развития области, города Тюмени, среди которых – жилищное строительство, развитие здравоохранения, образования, а также развитие промышленности, энергетики, становление строительной индустрии. Третий период – январь 1963 г. – декабрь 1964 г. – Александр Константинович – первый секретарь Тюменского промышленного обкома партии. В этот период деятельность А.К. Протозанова направлена на начало промышленной добычи нефти в Тюменской области, на формирование основ нефтяной промышленности, и в целом, стратегии нового уровня развития региона, которая включала: строительство трубопроводных систем, железной дороги Тюмень–Сургут, автомобильных дорог, нового крупного источника энергии в районе Сургутского промышленного узла, развитие системы профессионального образования, через создание профтехучилищ, техникумов, высших учебных заведений. Было запланировано строительство городов Урай, Сургут, Нижневартовск. И все это увязано с активной деятельностью против строительства Нижне-Обской ГЭС, которая должна была привести к затоплению огромной территории от Салехарда до Средней Оби. Четвёртый период – декабрь 1964 г. – сентябрь 1969 г. В эти годы А.К. Протозанов – второй секретарь Тюменского обкома партии, но при этом он курировал промышленность, а значит – сооружение заводов, обустройство месторождений, строительство железной дороги Тюмень–Тобольск–Сургут, нефте- и газопроводов, и пробивал решение очень важного для него вопроса – создания нефтехимического комплекса, и такое решение к 1969 г. на уровне Госплана СССР было принято. Он добился включения в титульный список 1968 г. строительства Сургут-

ской ГРЭС. В эти годы он пишет проект постановления о начале промышленной добычи газа в Тюменской области, и таким образом закладывает основы нового витка в развитии газовой отрасли страны.

Обращение к первому периоду деятельности Протозанова и процессам, разворачивающимся в эти годы, показывает, что А.К. Протозанов как секретарь обкома партии, работает под крылом первого секретаря Тюменского обкома партии В.В. Косова, вникая в деятельность тюменских геологов, становится их самым верным сторонником. В мае 1959 г. в Тюменском обкоме партии было проведено совещание работников геологической отрасли, смеем предположить, что по инициативе А.К. Протозанова. В совещании участвовали: начальник ТТГУ Ю.Г. Эрвье, главный геолог Л.И. Ровнин, начальники Берёзовской и Ханты-Мансийской экспедиций М.П. Барабанов, И.М. Жук, главный геофизик Берёзовской экспедиции Л.Г. Цибулин, главный геолог Ханты-Мансийской экспедиции М.М. Биншток, а также член Президиума ЦК КПСС, Секретарь ЦК КПСС, Председатель Бюро ЦК КПСС по РСФСР А.Б. Аристов [5, с. 90–91]. А.Б. Аристов и А.К. Протозанов были знакомы достаточно давно, Протозанов работал под началом Аристова в отделе партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б). На совещании Аристов выступил с большим докладом, центральным вопросом был вопрос об использовании Берёзовского газа. Тюменцы, к совещанию подготовились, передав А.Б. Аристову специальную записку для ЦК партии о вводе в эксплуатацию Берёзовского месторождения [5, с. 92–93]. И результат не заставил долго ждать, в июне 1960 г. было принято правительственное постановление «Об использовании природного газа Берёзовского газоносного района Тюменской области», к концу 1963 г. намечалось подать газ на Северный Урал.

На совещании было и ещё одно важное событие. Последним на совещании выступил начальник Сургутской нефтеразведки Ф.К. Салманов, который специально был вызван радиограммой, принят в обкоме партии и проинструктирован Протозановым: «Вам будет предоставлено слово. Готовьтесь к выступлению» [8, с. 71]. Ф.К. Салманов акцент в выступлении сделал «на нелепость подчинения его нефтеразведки», проводившей работы в Сургутском районе Тюменской области, «Новосибирскому геологическому управлению» [8, с. 71]. Отметим, что такое деление геологоразведочных работ в Тюменской области было установлено ещё в 1955 г. [5, с. 94]. По словам Ф.К. Салманова, Аристов, выслушав просьбу, отдал распоряжение о передаче партии в Тюменское геологическое управление [8, с. 72]. Есть и ещё одно интересное свидетельство Ф.К. Салманова о том, что при создании Сургутской нефтеразведки, он был вызван к Ю.Г. Эрвье, получил информацию, что его назначают начальником этой экспедиции, и то, что рекомендовал его на это место «Сам Протозанов» [8, с. 74]. Нами найдено и ещё одно упоминание о кадровом решении А.К. Протозанова «…Протозанов уговорил министра (имеется ввиду МинГео) назначить директором (СНИИГГИМСа) Ростовцева…» [10, с. 19]. Ни для кого не секрет, что именно Н.Н. Ростовцев сыграл в последующем выдающуюся роль в становлении геологии Тюменской области, как и последовавшей цепи открытий месторождений нефти и газа.

Таким образом, в данных сюжетах, касающихся совещания 1959 г., Протозанов выступает в качестве некого режиссёра событий, которые ещё находились в зачаточном состоянии. При чем, документального оформления этих событий нет, и есть только воспоминания участников событий. Архивных документов об этом совещании почему-то не сохранилось, хотя прибыл на совещание руководитель очень высокого уровня.

Успехи геологов не заставили себя ждать, в начале 1960 г. в Тюменской области были открыты не только газовые месторождения, но и первое нефтяное – Шаимское, с открытием которого геологи Западной Сибири значительно активизировались. Директор Новосибирского института геологии и геофизики А.А. Трофимук 22 июня 1960 г. обратился в Тюменский обком партии, указав, что «это открытие кладёт конец сомнениям» в наличии сибирской

нефти, и создаёт «необходимость немедленно развернуть … широкий фронт работ» [2, д. 3996. л. 69], предложил поставить вопрос о начале промышленной добычи нефти [2, д. 3996. л. 70], рекомендовал обратиться к «замечательному шефу Аристову», и «настаивать на расширении геологоразведочных работ» [2, д. 3996. л. 71].

3 июля 1960 г. у секретаря обкома партии Ф.П. Щурова состоялось совещание, в котором приняли участие: руководитель Тюменского совнархоза А.Л. Козлов, начальник Главнефтегеологии С.В. Горюнов, начальник ТТГУ Ю.Г. Эрвье. Принимал участие в нем и председатель облисполкома А.К. Протозанов. Совещание напоминает по своей терминологии заговор единомышленников, в центре – вопрос, как убедить правительство страны в том, что в Тюменской области запасы нефти и газа очень велики и заставить пойти на начало промышленной добычи. Сложность представляла позиция Госплана СССР, считавшего, что эксплуатировать такие «разбросанные месторождения невыгодно» [2, д. 3996. л. 77]. Начальник Главнефтегеологии С.В. Горюнов рекомендовал, «довести запасы, которые бы никто не мог опровергнуть» [2, д. 3996. л. 72], и советовал «написать записку с указанием на большие запасы нефти» [2, д. 3996. л. 77], считал, что «Шаимское месторождение» уже «в 1962 г. можно пустить в дело». Ю.Г. Эрвье согласился с Горюновым в том, что нужно подготовиться к промышленной эксплуатации и расширить запасы [2, д. 3996. л. 72]. В.Ф. Щуров предложил всем высказаться, «что будем просить у правительства». При этом, все исходили из того, что «по Игриму решение состоялось», это же подчеркнул в своём выступлении А.К. Протозанов, и сказал, что «по этому вопросу все написано правильно в правительственном постановлении» [2, д. 3996. л. 76], а далее Протозанов перенёс акцент на Шаимское месторождение, утверждая, «что… нужно создавать производство, для этого подключить союзное правительство и добиться решения ЦК партии» [2, д. 3996. л. 76–77]. В ходе обсуждения было решено подготовить до пленума ЦК партии к 11 июля 1960 г. записку «по нефти и газу», поручение дано Е.А. Огороднову, А.Л. Козлову, Ю.Г. Эрвье, А.К. Протозанову [2, д. 3996. л. 80].

Одновременно для Бюро ЦК КПСС по РСФСР был подготовлен проект постановления «О мерах по ускорению подготовки к использованию промышленных запасов нефти Шаимского месторождения Тюменской области» [2, д. 3996. л. 94], пункт III которого предусматривал представление в Совет Министров РСФСР предложений по освоению Шаимского месторождения нефти, строительству нефтепровода от него, развитию железнодорожного, автомобильного, речного транспорта [2, д. 3996. л. 92]. Проект постановления сопровождался запиской от 9 июля 1960 г. № 7/244 в Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совет Министров РСФСР, в ней говорилось, что «близость к промышленным центрам Урала делают экономически выгодным освоение нового нефтеносного района в Сибири, как и выгодным промышленное освоение Шаимского нефтяного месторождения». Подписали записку: В.В. Косов, А.Л. Козлов, С.В. Горюнов. 16 сентября 1960 г. письмо с ходатайством по дальнейшему расширению геологоразведочных работ в Тюменской области от В.В. Косова было направлено на имя заместителя Председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР А.Б. Аристова, такие же обращения были сделаны и на имя Председателя Совета Министров РСФСР Д.С. Полянского [2, д. 3996. л. 97], в них содержалась просьба рассмотреть проект постановления по ускорению разведки Шаимского месторождения и его промышленного освоению.

Информация о результатах поисковых работ наваливалась на Тюменский обком партии: в 1959 г. выявлено Медведевское поднятие, с возможностью обнаружения на нем газонефтяной залежи, определена перспективность Обско-Тазовской впадины [2, д. 3996. л. 30], на Похромской площади скважина № 75 фактически показала наличие природного газа [2, д. 3996. л. 28]. В этих условиях, 26 января 1960 г. постановлением бюро Тюменского обкома партии и Тюменского облисполкома было намечено организовать в Тюмени филиал Сибирского научно-исследовательского института геоло-

гии, геофизики и минерального сырья Министерства геологии и охраны недр СССР, передать институту первый этаж дома на ул. Ленина, 67, …выделить квартиры для сотрудников [2, д. 3427. л. 19]. По просьбе начальника ТТГУ Ю.Г. Эрвье, А.К. Протозанов, как председатель облисполкома, начал интенсивную работу по установлению коэффициента к заработной плате членам экспедиций на территории ХМНО в 1,5, против существующих 1,3. Обращения последовали в ВЦСПС, Совет Министров РСФСР, Госкомитет по труду и заработной плате Совета Министров СССР. Несмотря на то, что вопрос не получал в тот момент положительного решения [2, д. 3425. л. 1, 3, 5], Протозанов продолжал упорно над ним работать.

17 августа 1961 г. тюменским геологам удалось добиться постановки на коллегии Министерства геологии и охраны недр СССР вопроса «О мероприятиях по усилению геологоразведочных работ на нефть и газ в Западно-Сибирской низменности», с докладом на коллегии выступил доктор геолого-минералогических наук Н.Н. Ростовцев. Присутствовали также: А.А. Трофимук – от Новосибирского института СНИИГГИМС, Ю.Г. Эрвье – от ТТГУ, были также представители от Новосибирского и Красноярского геологических управлений, институтов – ВНИГНИ, ВНИГРИ, ВСЕГЕИ. Значимость обсуждения отражало присутствие на заседании представителей ЦК КПСС, Совета Министров СССР, Госплана СССР.

Н.Н. Ростовцев в докладе указал на наличие открытых 12 газовых и 3 нефтяных месторождений, подчеркнул, что доказано наличие больших прогнозных запасов нефти и газа, которые могут явиться основой для создания нефтегазодобывающей базы страны, говорил о необходимости расширения поисков в приполярной и заполярной части области [2, д. 4286. л. 3–4]. В обсуждении выступили: А.А. Трофимук, Ф.Г. Гурари, Ю.Г. Эрвье, главный геолог Новосибирского геологического управления Ю.К. Миронов [2, д. 4286. л. 52]. Обсуждение было бурным. Эксперт А.А. Шмелёв, посчитал, что «материалы представленные Ростовцевым, не могут являться предметом серьёзного обсуждения», что «нет никаких фактических данных, обосновывающих огромные запасы» [3, с. 64]. В авантюризме и некомпетентности Ростовцева обвинили представители Главгеологии и Мингео. Ф.Г. Гурари пишет, что «Ростовцев сидел красный как рак, остальные авторы не смели и пикнуть» [3, с. 64].

Коллегия министерства, принимая постановление по рассмотренному вопросу, всё-таки вынуждена была признать, что «созданы реальные предпосылки для открытия уникальной нефтегазоносной провинции не только СССР, но и мира» [2, д. 4286. л. 53]. Коллегия учла, что прогнозные запасы представлены 3-мя вариантами: 13 млрд тонн – 36 млрд тонн – 120 млрд тонн. Была отмечена и цифра из доклада Н.Н. Ростовцева – 200 млрд тонн, коллегия согласилась, что «могут быть и 200 млрд тонн». Был сделан вывод, что «все это позволяет в недалёком будущем создать на этой территории крупнейший центр нефтегазодобывающей промышленности». Коллегия приняла предложение, что следует проводить подготовительные работы к эксплуатации месторождений [2, д. 4286. л. 57]. Было дано поручение «заместителю министра Б.Н. Ерофееву, члену коллегии Н.А. Калинину совместно с Главгеологией РСФСР подготовить для внесения в правительство предложения по созданию в Западно-Сибирской низменности новой нефтегазодобывающей промышленности», подпункт 10д говорил о проведении подготовительных работ к эксплуатации месторождений. Постановление предусмотрело рассылку информации в ЦК КПСС, СМ СССР, Госплан СССР, обкомам партии соответствующих областей [2, д. 4286. л. 58]. Учитывая присутствие на коллегии МинГео представителей ЦК партии, данное постановление становилось для областных комитетов руководством к действию.

Бюро Тюменского обкома партии 3 октября 1961 г. поставило на рассмотрение вопрос «Об усилении геологоразведочных работ на нефть и газ в Тюменской области», с докладом выступил Н.Н. Ростовцев. К тому време-

ни во главе области уже встал Б.Е. Щербина, а В.В. Косов, с 1955 г. возглавлявший партийную организацию Тюменской области, был освобождён от занимаемой должности за «незаконное строительство Дворца спорта и неправильное поведение» [5, с. 83]. По итогам обсуждения Щербина просто не мог не направить (декабрь 1961 г.) записку в ЦК партии об усилении нефтепоисковых работ [9, с. 49]. 19 мая 1962 г. было принято правительственное постановление «О мерах по усилению геологоразведочных работ на нефть и газ в районах Западной Сибири». Отдавая должное этому постановлению, скажем, что по многим пунктам оно не было выполнено. Работы развивались по его реализации вяло. Все пленумы обкома партии в 1962 г. были посвящены только вопросам сельского хозяйства. В перечне вопросов бюро Тюменского обкома партии есть только один пункт, в котором отражена постановка проблем геологии, она звучит так «Об организации массового геологического похода в области за полезными ископаемыми» [2, д. 4437. л. 17].

Ещё до принятия вышеназванного постановления в январе 1961 г., в подчинении отдела нефтяной и газовой промышленности Средне-Уральского совнархоза был создан Берёзовский укрупнённый газонефтедобывающий промысел, с задачами ведения работ по обустройству Берёзовского месторождения, строительства Сухоборского парка [6, ч. 1, с. 61). Но не смогли строительство обеспечить людьми, работы по строительству парка не были развёрнуты.

С образованием Тюменского промышленного обкома партии, А.К. Протозанов был избран на должность первого секретаря промышленного обкома партии, и для него открылась возможность воплотить свои идеи по преобразованию Тюменской области, с которой он впервые познакомился ещё в 1948 г. во время инспекторской поездки от ЦК партии. Его деятельность на этом двухлетнем промежутке времени (1963–1964 гг.) необъятна по масштабности, но её главное содержание – это подготовка и пробивание постановления, направленного на создание нефтяной промышленности. Это постановление, подписанное Н.С. Хрущёвым, датируется 4 декабря 1963 г., оно охватило огромный комплекс проблем по освоению региона, и его вполне можно считать основополагающим в создании нового добывающего района страны. «Огромное значение для судьбы области сыграло знаменитое Постановление № 1208 от 4 декабря 1963 г.», – пишет Г.П. Богомяков. – Александр Константинович Протозанов, который его готовил, заложил в этот документ все свои идеи развития Тюменского промышленного комплекса…» [7, с. 83].

Постановление определило дату проведения пробной и промышленной эксплуатации месторождений, поставило задачи транспортного, энергетического освоения территории, наметило создание научно-исследовательских, проектных, образовательных учреждений, и как пишет Г.П. Богомяков: «этот документ разрешил одну из острых проблем… намерение построить Нижне-Обскую ГЭС» [7, с. 83], а «сопротивление [имеется ввиду сопротивление строительству Нижне-Обской ГЭС. – *Г.К.*] возглавил … Протозанов». Г.П. Богомяков подробно излагает, как на заседаниях Государственной экспертной комиссии Госплана СССР по схеме использования реки Оби, «тюменцы» доказывали недопустимость строительства ГЭС, приводили свои расчёты, в т. ч. величину потерь в 8–9 млрд руб. при стоимости строительства в 1,4 млрд руб. О некотором авантюризме при составлении подсчётов свидетельствует такая оговорка Г.П. Богомякова: «Расчёты эти были сделаны в гостинице «Москва» за один вечер» [7, с. 84]. Такая смелость действий могла обусловливаться только тем, что был человек в руководстве области, который полностью разделял необходимость решения этой проблемы, думать, что это был энтузиазм отдельных персон, без одобрения властного лица, очень наивно. А режиссёром событий и был А.К. Протозанов, не очень то заботившийся о документальном оформлении своей деятельности, носившей поистине исторический характер.

Промышленный обком партии инициировал массу новых событий: началась пробная эксплуатация нефтяных месторождений, развернулось строительство нефтепровода Шаим-Тюмень, велись подготовительные работы по газовому освоению региона, разворачивалось строительство железной дороги Тюмень–Сургут. Одновременно решались вопросы реконструкции Тюменского аэропорта, строительства аэродромов с твёрдым покрытием в Тюмени, Ханты-Мансийске, взлётно-посадочной полосы в Салехарде, отведение участка под строительства аэропорта в пос. Сургут, создание самостоятельного управления Гражданской авиации в г. Тюмени, обеспечение Тюменской авиагруппы новыми моделями самолётов и вертолётов.

Огромное внимание было уделено системе здравоохранения, борьбе с туберкулёзом, инфекционными заболеваниями, вводу учреждений здравоохранения, которые до сих пор являются основой лечебной базы города Тюмени и области. Для подготовки кадров для здравоохранения в 1963 г. А.К. Протозанов «пробил» открытие в Тюмени медицинского института. Для привлечения специалистов во вновь создаваемые отрасли промышленности, именно А.К. Протозанов добился для автономных, в тот период, национальных округов, введение коэффициентов к заработной плате 1.5 и 1.7. Решение об этом подписал А.Н. Косыгин. В его деятельности, связанной с созданием основ Западно-Сибирского нефтегазодобывающего района, большое внимание уже на начальном этапе уделялось вопросам социально-бытового обслуживания территорий развёртывающейся нефтегазодобычи. В документах Тюменского промышленного обкома партии начала в 1964 г., когда ещё только началась пробная эксплуатация нефтяных месторождений, отражены проблемы строительства городов на Тюменском севере. Существенное внимание уделялось системе образования: велось интенсивное строительство школ, создавалась разветвлённая сеть профессионально-технических училищ, с открытием в г. Тюмени индустриального института закладывались основы высшего инженерного образования.

С началом добычи нефти и газа он, все более отстраняемый от принятия стратегических решений, курировал строительство всех важнейших объектов, определявших обеспечение объёмов добычи нефти и газа, в том числе, первых нефтепроводов, газопроводов. Огромная энергия, затрачиваемая А.К. Протозановым, все более наталкивалась на противодействие первого секретаря Тюменского обкома партии Б.Е. Щербины. Спасением в этой ситуации стало направление А.К. Протозанова первым секретарём обкома партии в Восточно-Казахстанскую область, где он проработал с 1969 по 1984 гг. Область имела важное стратегическое значение в союзной экономике: на её территории добывалась основная доля нерудных полезных ископаемых и получали сырье для атомной промышленности; в непосредственной близости находился Семипалатинский полигон.

После выхода в 1983 г. на пенсию, А.К. Протозанов получил статус персонального значения союзного значения, поселился в Москве, но ещё ряд лет работал в качестве советника в республиканском правительстве. И до конца жизни, которая завершилась в 2006 г., когда ему шёл 92-ой год, он хранил ряд наиболее значимых документов, касающихся его деятельности в Тюменской области. Но они при его жизни так и остались невостребованными.

Литература

1. Великопольский, С.Д. Маршал, не желающий власти [Текст] / С.Д. Великопольский // Журнал «tmn». – 2012. – № 6. – С. 38–42; Белов, С. Герой Тюменского времени [Текст] / С. Белов // Журнал «tmn». – 2012. – № 6. – С. 116–117; Это наша с тобой биография [Текст] / сост. А.Л. Вычугжанин. – Тюмень: ИД «Слово», 2010. – 400 с.; Андрианов, В.И. Борис Щербина [Текст] / В.И. Андрианов, В.Г. Чирсков. – М. : Молодая гвардия, 2009. – 392 с.

2. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 124. Оп. 1.
3. Гурари, Ф.Г. Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция – открытие века [Текст] / Ф.Г. Гурари. – Новосибирск : Изд-во СНИИГГИМС, 1990. – 160 с.
4. Колева, Г.Ю. К проблемам источниковой базы и историографии ЗСНГК [Текст] / Г.Ю. Колева // Человек и мир. Социально-гуманитарные исследования: наука в современном обществе : материалы всерос. науч.-практ. конф. – Тюмень : ИПЦ «Экспресс», 2006. – С. 150–154.
5. Колева, Г.Ю. Большой человек из Великой эпохи (к 100-летию А.К. Протозанова) [Текст] : монография / Г.Ю. Колева, М.В. Комгорт, В.С. Майданов ; отв. ред. Г.Ю. Колева. – Тюмень : Изд-во «Вектор Бук», 2012. – 368 с.
6. Колева, Г.Ю. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс: история становления [Текст] : монография : в 2 ч. – Тюмень : Изд-во ТюмГНГУ, 2005. – Ч. 1. – 152 с.
7. Богомяков, Г.П. Моя земля. У истоков освоения [Текст] / Г.П. Богомяков // «National Business». – 2010. – № 7. – С. 83–84.
8. Салманов, Ф.К. Я-политик. Раздумья одного из создателей топливно-энергетической мощи страны [Текст] / Ф.К. Салманов. – М. : Произв.-изд. комбинат «ВИНИТИ», 2006. – 718 с.
9. Чирсков, В.Г. Уроки Щербины [Текст] / В.Г. Чирсков. – М. : Московское военно-историческое издательство, 1999. – 240 с.
10. Это наша с тобой биография [Текст] / сост. А.Л. Вычугжанин. – Тюмень : ИД «Слово», 2010. – 400 с.

Сокращения

ВЦСПС – Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов

ВНИГНИ – Всесоюзный научно-исследовательский институт геологии нефти

ВНИГРИ – Всесоюзный нефтяной научно-исследовательский геологоразведочный институт

ВСЕГЕИ – Всесоюзный научно-исследовательский геологический институт им. А.П. Карпинского

ГЭС – гидроэлектростанция

ГРЭС – государственная районная электростанция

ЗСНГК – Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс

СМ СССР – Совет Министров СССР

СНИИГГИМС – Сибирский научно-исследовательский институт геофизики, геологии и минерального сырья

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая республика

ЦК ВКП(б) – Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)

ТТГУ – Тюменское территориальное геологическое управление

ЦК КПСС – Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза

ББК 20.18 (2 Рос. Яку)
УДК 574 (571.56)

М.А. АКИНИН,
Т.С. ЕРМОЛАЕВ

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ ЮГА ЯКУТИИ

M.A. AKININ,
T.S. ERMOLAEV

ECOLOGICAL CONSEQUENCES OF SOUTHERN YAKUTIA INDUSTRIAL DEVELOPMENT

В статье рассматриваются последствия влияния на экологию промышленного освоения Юга Якутии. Даются дальнейшие перспективы индустриального развития региона.

This article concerns the consequences of the industrial development influence over Southern Yakutia ecology and proposes further prospects concerning the industrial development of the region.

Ключевые слова: Нерюнгринский район, Южная Якутия, индустриальное развитие, экологические проблемы.

Key words: Nerungry region (district), Southern Yakutia, industrial development, environmental problems.

Угроза ухудшения экологической ситуации в стране и истощение её природных ресурсов находится в прямой зависимости от состояния экономики и готовности общества осознать глобальность и важность этих проблем. Для России такая угроза особенно велика из-за преимущественного развития топливно-энергетических отраслей, неразвитости законодательной основы природоохранной деятельности, отсутствия или ограниченного использования природосберегающих технологий, низкой экологической защищённости.

В настоящее время в России экологическая политика только складывается. Необходимы разработка методов и принципов формирования экологической политики; создание методологии учёта экологического фактора при разработке и реализации отраслевой политики. На уровне корпораций, министерств и ведомств в той или иной степени уже ведутся некоторые разработки по экологической политике, но этого явно недостаточно.

В условиях ожесточённой борьбы за природные ресурсы на мировой арене Якутия становится, пожалуй, самым «лакомым» кусочком среди нетронутых природных резервов. Сегодня происходит своеобразная реинкарнация советской модели промышленного освоения или, точнее, «покорения Севера». Правда, изменился формат данного процесса: в былое время страна обладала гораздо большей территорией, природными и людскими ресурсами, сейчас ситуация противоположная: государство понесло существенные геополитические и демографические потери, а полезные ископаемые имеют свойство иссякать и глубже «прятаться» в земную кору. Не изменилось лишь одно – практически полное игнорирование экологических аспектов и местной специфики при освоении энергоресурсов и минерального сырья.

С конца XIX века территория Южной Якутии становится зоной промышленного освоения, всё возрастающего техногенного давления на природную среду и население региона. Присоединение Приамурья, открытие месторождений золота в районе бассейна реки Зеи вызвали неподдельный интерес у геологов и старателей к северным отрогам Станового хребта. В 90-е годы XIX века здесь производятся интенсивные изыскательские работы, что приводит к открытию богатейших месторождений золота и началу промышленного освоения Южной Якутии. Только за период с 1897 по 1914 годы в районе произведено 112 отводов, из которых 88 приисков и 24 рудника. Почти

все отводы принадлежали Верхне-Амурской золотопромышленной компании [8, с. 69, 75]. Естественно, на первоначальной стадии освоения золотоносных месторождений вообще не стояло вопроса о необходимости обеспечения природоохранных мероприятий и рекультивации отработанной породы.

Южная Якутия представляет собой территорию со сложным рельефом, состоящую из горных хребтов, плоскогорий и горных впадин. Климат определяется её географическим расположением и горным рельефом местности. Одной из характерных особенностей природного ландшафта является заболоченность и многолетняя мерзлота. Почвы района практически не пригодны для выращивания сельскохозяйственных культур в открытом грунте [2, с. 14–21]. Жизнь и деятельность населения проходит в условиях сурового климата с низкими годовыми и зимними температурами, большими сезонными и суточными колебаниями, ультрафиолетового голодания, нарушения смены светового режима.

Практически все месторождения полезных ископаемых в Южной Якутии залегают в участковой или сплошной многолетней мерзлоте. Их добыча, особенно из глубоких карьеров, существенно влияет на изменение климата окружающей территории. Об этом можно судить на примере Нерюнгринского угольного разреза, когда «срытие» сопок привело к изменению «розы ветров» в городе Нерюнгри и непредсказуемости погоды.

Из-за воздействия резкого перепада температур, вечной мерзлоты и суровой продолжительной зимы восстановление природного баланса протекает крайне медленно. Ещё в конце 70-х годов XX века учёные предупреждали об изменении геокриологической обстановки. На осваиваемых северных территориях происходит техногенное нарушение природных комплексов и связанное с этим увеличение глубины сезонного протаивания и повышение температуры [14, с. 112–121]. По интегральной оценке состояния окружающей среды, выполненной по комплексу показателей (Е.И. Бурцова), в Южной Якутии наблюдается напряжённая экологическая ситуация [1, с. 4].

Формированию высокого уровня загрязнённости воздушного бассейна способствуют специфические метеоусловия. Образование приземных и приподнятых инверсий задерживает рассеяние выбросов, тем самым увеличивая концентрацию вредных примесей в нижних приземных слоях. Южную Якутию по природно-климатическим факторам можно отнести к зоне с весьма слабыми условиями естественного очищения атмосферы. Интенсивные туманы зимой в сочетании с инверсией увеличивают вероятность образования смога, который вкупе с кислородной недостаточностью создаёт исключительно неблагоприятную экологическую ситуацию [11, с. 83]. Основными источниками загрязнения воздуха являются объекты угольной промышленности, теплоэнергетики, старательские артели, железнодорожный и автомобильный транспорт.

С применением взрывов в Нерюнгринском угольном разрезе ведётся 100% вскрышных и 20–25% добычных работ Любопытные данные на протяжении нескольких лет предоставляла Нерюнгринская инспекция охраны труда: выбросы вредных веществ с 1998 года по 2004 год оставались на одном уровне [6, с. 31] Отметим, что данные брались из отчётов самих предприятий. Этот факт свидетельствует об отсутствии независимого контроля за окружающей средой.

В течение нескольких лет (в середине 2000-х годов) Институтом прикладной экологии Севера АН РС (Я) проводились комплексные исследования территории, подвергающейся воздействию выбросов объектов Нерюнгринского промышленного узла. Исследование микроэлементов углей выявило относительно высокое содержание титана – около 1,5 г/кг, марганца – около 0,3 г/кг, фосфора – 135 мг/кг, цинка – 58 мг/кг, свинца – около 20 мг/кг. Эти же элементы преобладают и в твёрдой фазе проб снежного покрова. Исследования почвенного покрова показали, что значительные концентрации микроэлементов отмечаются в моховом покрове, лесной подстилке (содержа-

ние меди – 53,5 мг/кг, цинка – 152,0 мг/кг, свинца – 63 мг/кг). В гумусовом горизонте отмечается аномальная концентрация титана, повышено содержание марганца, молибдена [6, с. 33].

Следует отметить, что Нерюнгринский район находится и в высокосейсмичной зоне. Угольный разрез и город Нерюнгри, расположенные в 30–35 км от плоскости Южно-Якутского надвига, с конца 70-х годов XX века по 2004 год более 20 раз подвергались воздействию сильных землетрясений. Предварительные прогнозы просчитывают возможность проявления землетрясений до 7–8 баллов. Похожая ситуация наблюдается и для вновь разрабатываемого Эльгинского угольного месторождения, где возможны землетрясения до 9 баллов из-за расположения в непосредственной близости (10–15 км) от Южно-Токинского надвига [7, с. 9]. Вскрышные и часть добычных работ на открытых угольных разрезах производятся с применением взрывов, что ведёт не только к выбросу в атмосферу вредных веществ и загрязнению окружающей территории, но и к техногенной сейсмичности. Это является самостоятельным фактором сейсмического риска, вызывая в геологической среде медленные, но необратимые процессы, которые могут привести к оживлению древних и формированию новых активных разломов [4, с. 71].

Серьёзной проблемой является ликвидация «лунных» ландшафтов, оставшихся после работы «золотарей» и угольщиков. Рекультивация земель, являющихся источником отрицательного воздействия на окружающую среду, в связи с нарушением почвенного слоя, гидрогеологического режима и образования техногенного рельефа в результате производственной деятельности человека в Нерюнгринском районе практически не проводится. Лишь с 2005 года стали проводиться первые опыты по рекультивации отвалов Нерюнгринского угольного разреза [10, с. 39].

Новый этап индустриального освоения региона нанесёт непоправимый урон экологии северного края. Достаточно назвать такой уникальный объект природы, как ледниковое озеро Большое Токо в Южной Якутии, которое по способу образования, составу воды учёные сравнивают с Байкалом. По насыщенности флоры редкими видами растений эта зона превосходит все известные охраняемые территории в республике. Освоение Эльгинского месторождения каменного угля нанесёт непоправимый вред уникальному памятнику природы. Строительство Канкунской ГЭС погубит бассейн реки Тимптон, являющийся крупнейшим хранилищем родниковой воды на юге Якутии, и пагубно отразится на среде обитания и традиционном природопользовании аборигенного населения. Предстоящее освоение Эльконского месторождения и строительство предприятия по выпуску 5 тыс. тонн химического концентрата природного урана в год негативно повлияет на здоровье местного населения Алданского района.

Общепризнанно, что река Лена является уникальной водной артерией мирового значения и масштаба. В настоящее время нависла реальная угроза её загрязнения в связи с прокладкой по дну реки нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан траншейным способом взамен раннее утверждённого в ТЭО тоннельного варианта. Экономя на способе перехода водной преграды, корпорация «Транснефть» закладывает «нефтяную бомбу» под одну из величайших рек мира, подвергая опасности жизни десятка тысяч людей. Переход находится чуть ниже стыка впадения в Лену крупнейшего притока – реки Олекмы, что в условиях непредсказуемости последних ледоходов делает траншейный способ прокладки нефтепровода крайне уязвимым перед природной стихией. К тому же район перехода расположен в сейсмоопасной зоне. В случае аварии нефтяное пятно доплывёт до столицы Якутии за четыре дня. Акция «Спасём Лену!», начатая по инициативе экологического центра «Эйге» весной 2008 года, привлекла широкие слои населения, заставила задуматься людей о последствиях бездумного промышленного освоения. Якутяне собрали около двадцати тысяч подписей под обращением к президенту России с требованием обеспечения максимальной безопасности при

строительстве нефтепровода через Лену. Несмотря на акции протеста, региональная власть и заинтересованные хозяйствующие субъекты полностью проигнорировали мнение населения и осуществили менее затратный способ перехода.

Политическая элита полагает, что она является непосредственным выразителем любой политики и формулирует её в ходе различного рода обсуждений, считая, что никаких специальных разработок и методик для этого не требуется. Только грандиозные техногенные катастрофы способны, к сожалению, обратить внимание власти и общества на необходимость формирования серьёзного системного подхода к экологической политике. При этом речь должна идти не о слепом противодействии прогрессу, а о противодействии слепому прогрессу.

Прежде всего, необходимо чётко установить первостепенность комплексной научной экспертизы любых инвестиционных проектов на стадии их разработки. К сожалению, мы можем констатировать, что «Схема комплексного развития производительных сил, транспорта и энергетики Якутии до 2020 года» не прошла полноценную не только научную, но и даже государственную экологическую экспертизу. Это привело к серьёзным коллизиям в части её реализации на примере строительства ВСТО, когда были допущены весьма значительные нарушения технических регламентов и иных норм, способных оказать пагубное воздействие на окружающую среду. Здесь уместно привести следующий факт: институт биологических проблем криолитозоны СО РАН ещё в 2006 году принял участие в проведении экологических изысканий трассы нефтепровода в рамках разработки проекта «Расширение трубопроводной системы «Восточная Сибирь – Тихий океан». В очень сжатые сроки комплексным экспедиционным отрядом института проведены экологические изыскания на участке трассы длиной 425 км, который покрыт наземными маршрутными работами в сочетании с аэродесантным методом. Собранные данные позволили спрогнозировать развитие экологической ситуации в ходе прокладки и эксплуатации нефтепровода, нештатные ситуации, выполнить корректный расчёт ущербов в натуральном исчислении и денежном эквиваленте, определить участки, на которых инженерно-изыскательская деятельность потребует особой осторожности, разработать необходимые меры по минимизации отрицательного воздействия и сохранению особо ценных объектов. На их основании произведена корректировка оценки ущерба биологическим ресурсам на территории республики, которая выросла в несколько раз по сравнению с первоначальной оценкой. К сожалению, львиная доля научных рекомендаций так и осталась на бумаге.

В условиях дальнейшего развития добывающей промышленности на территории Дальнего Востока объективная и своевременная информация о текущей и прогнозируемой экологической обстановке должна определять обоснованность и оперативность решений государственного управления в сфере охраны окружающей среды. С этой целью в январе 2008 года создано государственное учреждение «Республиканский информационно-аналитический центр экологического мониторинга» (РИАЦЭМ). Его появление предопределено реализацией на территории Якутии крупномасштабных инфраструктурных и производственных проектов, что предполагает одновременное усиление экологического контроля и системы наблюдения за состоянием окружающей среды. В новую структуру вошли десять специализированных инспекций государственного экологического контроля и анализа. В 2009 году проведена работа по материально-техническому оснащению шести из них, аккредитованы девять лабораторий в Мирном, Ленске, Алдане, Нерюнгри, Нюрбе, Томпонском, Оймяконском, Усть-Янском районах и республиканская аналитическая инспекция, расположенная в Якутске.

Продолжается формирование информационных ресурсов. Создан банк данных природопользователей Южной и Западной Якутии. В промышленных районах формируются ГИС-проекты с использованием данных спутни-

ковых навигаторов, космической съёмки. Тесно сотрудничает новое учреждение с научными организациями республики. Налаживается контакт с крупными природопользователями (ОАО «Сургутнефтегаз», ЦУП «ВСТО», ОАО «Сахатранснефтегаз», ОАО ХК «Якутуголь», ОАО «АЛРОСА-Нюрба»), предоставившими результаты ведомственного мониторинга состояния природной среды на территориях производственной деятельности. Данные научных институтов и ведомств вкупе со сведениями, получаемыми собственными силами, вносятся в электронную базу. Таким образом, в Республиканском информационно-аналитическом центре экологического мониторинга составляется весьма объёмная картина всех природопользователей на территории Якутии. На этих данных будет основываться система ведения мониторинга, рассчитываться нагрузка на природную среду и вырабатываться рекомендации.

Обширные территории, богатейшие природные ресурсы Якутии создают иллюзию доступности, неисчерпаемости и безопасности последствий их использования. В 2009 году на территории республики заработал нефтепровод ВСТО, и практически сразу произошло два экологических инцидента, связанных с масштабным разливом нефти. В результате только первого случая на землю вылилось 450 куб.м нефти, площадь загрязнения составила 20 тыс. кв.м. Между тем в соответствии с приказом Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору «О распределении полномочий по организации надзорной деятельности за объектами магистрального трубопроводного транспорта» надзор за эксплуатацией линейной части ВСТО осуществляют межрегиональные отделы по надзору за объектами магистрального трубопроводного транспорта, находящиеся в Новосибирске и Хабаровске. В связи с этим возникает вполне резонный вопрос о пересмотре разграничений полномочий по надзорной деятельности исходя из территориальной принадлежности. Следует также ускорить законотворческую работу по созданию платформы экологической безопасности при реализации крупных промышленных проектов. В частности, необходимо скорейшее принятие закона об экологическом аудите. В России данный институт существует, но необходимо закрепить его правовую основу, что позволит дать стимул предприятиям внедрять экологически эффективные технологии и регулярно проводить природоохранные мероприятия. Крайне актуально принятие федерального закона об экологическом страховании, который позволит установить правовой механизм возмещения экологического вреда.

Литература

1. Баишев, С.И. К проблеме территориальной организации освоения Южной Якутии [Текст] / С.И. Баишев, В.К. Иванов // Южная Якутия – новый этап индустриального развития : материалы межд. науч.-практ. конф. – Нерюнгри : Изд-во Технического института, 2007. – Т. 2. – С. 3–5.
2. Быкадорова, Т.К. Физико-географический обзор Южной Якутии [Текст] / Т.К. Быкадорова // Нерюнгринский район: история, культура, фольклор. – Якутск : Национальное книжное изд-во «Бичик», 2007. – С. 14–21.
3. Васильев, Н.Ф. Влияние открытой добычи золота на растительность Якокит-Селигдарского междуречья (Южная Якутия) [Текст] : дис. … канд. биол. наук / Н.Ф. Васильев. – Якутск, 2006. – 121 с.
4. Гриб, Н.Н. Проявления техногенной сейсмичности в Южной Якутии [Текст] / Н.Н. Гриб, Г.В. Гриб // Пути решения актуальных проблем добычи и переработки полезных ископаемых Южной Якутии : тезисы докладов участников II республиканской науч.-практ. конф., г. Нерюнгри,19–21 октября 2004 г. – Нерюнгри : Изд-во ЯГУ, 2004. – С. 71–72.
5. Егорова, Л.П. Некоторые экологические проблемы промышленного освоения Южной Якутии [Текст] / Л.П. Егорова // Южная Якутия – новый этап индустриального развития : материалы междун. науч.-практ. конф. – Нерюнгри : Изд-во Технического института, 2007. – Т. 2. – С. 29–30.

6. Иванов, В.В. Особенности загрязнения территории, прилегающей к карьеру «Нерюнгринский», выбросами в атмосферу [Текст] / В.В. Иванов, Г.В. Назаров // Южная Якутия – новый этап индустриального развития : материалы междун. науч.-практ. конф. – Нерюнгри : Изд-во Технического института, 2007. – Т. 2. – С. 31–34.
7. Имаев, В.С. Сейсмическая опасность Южно-якусткого угольного комплекса [Текст] / В.С. Имаев, Л.П. Имаева, Б.М. Кобзин // Пути решения актуальных проблем добычи и переработки полезных ископаемых Южной Якутии : тезисы докладов участников II республиканской науч.-практ. конф., г. Нерюнгри, 19–21 октября 2004 г. – Нерюнгри : Изд-во ЯГУ, 2004. – С. 8–9.
8. Материалы по геологии и полезным ископаемым ЯАССР [Текст] / сост. : П.В. Грунвальд // Горные богатства. – Якутск : Якутгосиздат, 1927. – № 1. – 126 с.
9. Мельников, В.Г. Территориально- хозяйственные комплексы Якутской АССР [Текст] / В.Г. Мельников // Проблемы развития производительных сил Якутской АССР. – Якутск : Якутское книжное изд-во, 1969. – Вып. 1. – С. 44–47.
10. Миронова, С.И. Первые опыты по рекультивации отвалов угольного разреза «Нерюнгринский» [Текст] / С.В. Миронова, З.А. Кудинова // Южная Якутия – новый этап индустриального развития : материалы междун. науч.-практ. конф. – Нерюнгри : Изд-во Технического института, 2007. – Т. 2. – С. 37–40.
11. Поисеев, И.И. Экологический аспект градостроительства на севере [Текст] / И.И. Поисеев // Современные социально-культурные процессы в городах севера : сб. науч. трудов. – Якутск : Якутский филиал СО АН СССР, 1988. – С. 81–84.
12. Резник, И.В. Экологическое состояние рек Унгра и Чульман [Текст] : дис. ... канд. биол. наук / И.В. Резник. – Владивосток, 2011. – 119 с.
13. Сагир, А.В. 105 лет изучения и золотодобычи в Верхне-Тимптонском золотороссыпном районе Южной Якутии (1903–2008 гг.) [Текст] / А.В. Сагир, Н.В. Чварова // Международный научно-практический форум : Минерально-сырьевая база Сибири: история становления и перспективы, посвящённый 100-летию первого выпуска горных инженеров в Сибири и 90-летию Сибгеолкома. Полезные ископаемые : материалы науч.-практ. конф. – Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2008. – Т. 1. – С. 489–493.
14. Швецов, П.Ф. Изменение геокриологических обстановок на осваиваемых территориях Севера [Текст] / П.Ф. Швецов, Н.Г. Бобров // Проблемы рационального природопользования и контроля качества природной среды севера Сибири. – Якутск : Якутский филиал СО АН СССР, 1979. – С. 112–121.

ББК 63.3(2Р53)632-2
УДК 94(47).084.8/084.9

С.Н. АНДРЕЕНКОВ

S.N. ANDREENKOV

ПРОЕКТЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ КОЛХОЗНОЙ СИСТЕМЫ 1950-х ГГ. В СИБИРИ

TRANSFORMATION PROJECTS OF COLLECTIVE-FARM SYSTEM OF THE 1950s IN SIBERIA

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-31-01215)

В статье анализируются проблемы аграрно-хозяйственной истории СССР 1950-х гг., связанные с попытками государства повысить производительность колхозной системы посредством осуществления мероприятий организационно-экономического характера. Автор обосновывает тезис о том, что в данный период реализовывалось несколько проектов развития колхозов. Для изучения их результативности автор использует материалы Сибири.

The article concerns the problems of the agrarian-economic history of the USSR in 1950s associated with some state attempts to increase the efficiency of the collective farm system through some steps of the organizational-economic nature. The author proves that several development projects of collective farms were implemented. The author uses some special information for studying the effectiveness of the transformation projects.

Ключевые слова: колхозная система, совхозы, машинно-тракторные станции, сельское хозяйство, аграрная политика, Н.С. Хрущёв, Сибирь.

Key words: the collective farm system, the state farms, machine-tractor stations, agriculture, agrarian policy, N.S. Khrushchev, Siberia.

К научно-историческому анализу темы побуждает возросший в настоящее время общественный интерес к советской модели хозяйствования, вызванный широкими обсуждениями в средствах массовой информации недавнего прошлого нашей страны. В настоящее время проблемы реформирования колхозной системы в середине XX века нечасто становятся предметом специального исследования, хотя в 1950-е гг. руководство страны рассматривало ряд проектов её реорганизации, которые ещё не освещены в литературе. В настоящей статье мы попытаемся предметно проанализировать обстоятельства принятия и результаты осуществления в Сибири мероприятий по повышению производительности колхозов в указанный период.

В первые послевоенные годы в правительственных структурах страны вопрос о проведении такого рода преобразований поднимался неоднократно. В конце 1940-х гг. его актуализация обусловливалась пониманием того, что в рамках сложившейся системы аграрно-производственных отношений колхозы не смогут решить новые крупные хозяйственные задачи. Производительность труда колхозников оставалась низкой. Их идейная мотивация к результативной работе в артельном хозяйстве ослабевала, а условия для материальной заинтересованности отсутствовали. Из-за неэквивалентного обмена с государством уровень оплаты труда в сельхозартелях был мизерным. Участие крестьян в работе на общественных полях и фермах достигалось с помощью репрессивных механизмов. Медленно развивалась материально-техническая база колхозов.

В 1950 г. по инициативе секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущёва стало проводиться повсеместное укрупнение колхозов, которое было первым масштабным преобразовательным проектом в сельском хозяйстве после массовой коллективизации. Отталкиваясь от концепции о преимуществах

крупных хозяйственных структур над мелкими, он доказывал, что объединение колхозов, способствовав сокращению расходов на содержание управленческого персонала и улучшению использования техники и кадров, приведёт к понижению себестоимости продукции и росту доходности хозяйств. В связи с этим колхозы смогут наращивать производственные фонды, повышать оплату труда своих работников и развивать социальную инфраструктуру деревни. При сельхозартелях планировалось создавать крупные поселения – так называемые агрогорода.

Укрупнение колхозов осуществлялось принудительно, в ускоренном порядке. За 1950 г. в СССР количество сельхозартелей уменьшилось в 1,5 раза, в Сибири – в 2 раза. В Алтайском крае в этом году из имевшихся на 1 января 4 220 колхозов к 1 января 1951 г. было укрупнено 3 940 (93%). Число сельхозартелей в крае сократилось в 3 раза (до 1 409), в 3 раза увеличилось количество дворов, трудоспособных работников и пахотных угодий, приходящихся на 1 хозяйство [6, с. 271; 9, л. 63]. В большинстве случаев работа по укрупнению колхозов ограничивалась проведением общих собраний колхозников для утверждения решения о слиянии и избрания руководящих органов, а принятие устава вновь организованной сельхозартели, её годового плана и приходно-расходных смет, как правило, затягивалось. Планирование деятельности зачастую представляло собой простое суммирование показателей объединяемых колхозов без внимания к преимуществам крупного производства. Районные власти, как правило, не учитывали увеличение размеров хозяйств и, как и прежде, распределяли государственное плановое задание по всем сельхозартелям равномерно. Медленно шла работа по формированию новых бригад, установлению норм выработки и расценок оплаты труда. Штаты управленческого персонала в укрупнённых хозяйствах нередко увеличивались.

Недостатки в организации производства стали одной из причин нерационального использования значительно расширившихся земельных угодий, нарушения порядка севооборотов, запустения ранее обрабатываемых участков. В результате увеличения земельных фондов колхозов нормы их налогово-податного обложения возросли, одновременно увеличились и затраты на создание и обслуживание хозяйственной инфраструктуры, а это, в свою очередь, привело к росту себестоимости продукции. Итогом данной кампании стало возрастание убыточности колхозного сектора. В связи с этим отсутствовали и условия для создания агрогородов. В 1951 г. с критикой идеи их строительства выступил И.В. Сталин.

Из-за тяжёлых условий жизни в деревне её жители всеми силами стремились перебраться в город. Утечка трудовых ресурсов негативно отражалась на сельхозпроизводстве. В 1950–1953 гг. в Западной Сибири, несмотря на расширение посевов зерновых культур, производство хлеба понизилось. Медленно развивалось животноводство. В 1951–1952 гг. из-за недостатка кормов, скотных помещений и неудовлетворительного ухода за животными численность крупного рогатого скота (далее – КРС) в колхозах региона увеличилась только на 2,8%, овец – на 1,8%, а поголовье свиней уменьшилось на 7,7%. Одной из причин низкой продуктивности колхозных полей и ферм стала сильная засуха [10, с. 136].

После смерти И.В. Сталина пришедшие к власти функционеры главную причину низкой производительности колхозов видели в преимущественном использовании государством внеэкономических механизмов регулирования их деятельности и невнимании к экономическим средствам стимулирования сельхозпроизводства. Верховное руководство полагало, что «десталинизация» колхозной системы – прекращение репрессий, оказание финансовой помощи сельхозартелям, расширение самостоятельности хозяйств и развитие демократических начал в организации их работы – активирует ещё не реализованную трудовую энергию крестьян. В августе 1953 г. правительство повысило заготовительные и закупочные цены на продукцию колхозов. В июне

1954 г. общим колхозным собраниям предоставили право определять минимум выработки трудодней для трудоспособных работников [1, л. 151], в марте 1955 г. – участвовать в разработке и утверждать перспективный план развития общественного производства колхоза, в марте 1956 г. – определять претендентов на получение ежемесячного аванса, а также вносить изменения и дополнения в устав артели, в частности устанавливать размеры приусадебных участков колхозников и численность их личного скота [3, с. 365–371, 603–611].

«Десталинизация» колхозов имела противоречивые последствия. Подъём заготовительных и закупочных цен способствовал росту доходов хозяйств и их работников. Однако в одних регионах этот позитивный результат был весьма заметным, в других ощущался слабо. Уровень доходности сельхозартелей во многом зависел от продуктивности их земледельческого и животноводческого производства. Например, в 1954 г. колхозы Сибири, приступившие к массовому освоению целинных и залежных земель, смогли резко увеличить валовые сборы зерновых культур и, реализовав государству их излишки по закупочным ценам, существенно приумножить денежные поступления и поднять оплату труда. Но большинство сельхозартелей страны не имели излишков и сдавали продукцию в основном по заготовительным ценам, которые были ниже закупочных. Существенная часть вырученных средств шла на погашение задолженностей прошлых лет по обязательным поставкам и натуральной оплате услуг машинно-тракторных станций (далее – МТС).

Расширение прав колхозников в управлении артельным производством не пробудило у них интереса к его развитию. Перспективные планы, как правило, составлялись в авральном режиме узким кругом членов правления хозяйства и, несмотря на формальный характер и явные недостатки, почти безоговорочно утверждались общими собраниями. Эти документы в основном предусматривали умеренные темпы развития колхозного производства, что в целом устраивало колхозников, но не одобрялось региональными властями. Так, газета «Советская Сибирь» от 4 апреля 1955 г. в статье «Планируют формально, без учёта возможностей» раскритиковала план колхоза им. Жданова Чистоозёрного района Новосибирской области, согласно которому хозяйство должно было за период с 1955 по 1960 гг. увеличить годовые удои молока от каждой коровы с 15 ц до 20 ц. По мнению автора статьи, эти показатели являются заниженными, поскольку этот и другие колхозы района располагают всеми возможностями для достижения более высоких результатов. Важным резервом увеличения продуктивности животноводства называлось усиление его кормовой базы за счёт расширения посевов кукурузы. За их недооценку в статье критике подверглись колхозы «Победа», им. Дзержинского и им. Калинина.

Немало неприятных для региональных властей инцидентов возникало при определении колхозниками трудовых норм и корректировке уставов артелей. Газета «Советская Сибирь» от 6 января 1955 г. сообщала о том, что в колхозе «Знамя коммунизма» Чановского района Новосибирской области в 1954 г. согласно решению общего собрания каждому трудоспособному работнику следовало выработать как минимум 130 трудодней, тогда как только в растениеводстве для выполнения всех работ требовалось не менее 200. В сельхозартелях Доволенского и Венгеровского районов, находящихся в одинаковых условиях, были установлены различные объёмы выработки. В колхозах им. Ворошилова и им. Молотова Ояшинского района работники, не выполнившие минимума, пользовались всеми льготами, определёнными для колхозников, выдающих норму. Согласно отчёту группы контролёров Комиссии советского контроля, инспектировавших в 1960 г. хозяйства Омской области, в колхозе им. Свердлова Полтавского района с 1957 по 1960 гг. действовало 4 артельных устава с завышенными нормативами приусадебного землепользования и индивидуального животноводства и различными минимумами трудодней, что породило неразбериху во внутриколхозной жизни [4, л. 20].

В середине 1950-х гг. значительно возрос потенциал личных подсобных хозяйств (далее – ЛПХ) колхозников. В Алтайском крае в 1953–1957 гг. численность КРС в них увеличилась на 47%, свиней – в 7,7 раза, овец и коз – в 2,5 раза, тогда как в колхозах – на 0,1, 21,8 и 4,7%. В 1953–1958 гг. в колхозах и совхозах Западной Сибири производство мяса выросло на 35%, в ЛПХ – на 57%, в Восточной – на 19 и 24%. В Сибири в этот период личные хозяйства граждан производили 54% всего мяса и молока, а также 76% картофеля и 56% овощей [7, с. 65–66; 11, с. 235, 238, 240, 243].

Снижение степени управляемости общественного хозяйства колхозов и низкие темпы его развития заставили правительство скорректировать политику в сфере аграрно-производственных отношений. Со второй половины 1950-х гг. значительное внимания стало уделяться развитию индустриальных форм организации сельскохозяйственного производства, которые реализовывались в рамках совхозного хозяйства. Ставка на него делалась под давлением Н.С. Хрущёва, который, проинспектировав работу целинных совхозов Казахстана летом 1954 г., утвердился во мнении о том, что сельхозпредприятиям данного типа удаётся эффективнее использовать технику и кадры, снижать за счёт этого себестоимость продукции, повышать оплату труда работников. В связи с этим в колхозную систему стали имплантировать элементы совхозной формы хозяйствования (централизованное управление, принцип рентабельности, гарантированная регулярная плата за труд, квалифицированный персонал, современные агротехнологии и т. п.).

«Совхозизация» (индустриализация) колхозов началась с попыток заменить старых колхозных председателей-практиков на более образованных и лояльных по отношению к власти управленцев. Корпус руководителей сельхозартелей стали укреплять путём включения в него большого числа коммунистов, в первую очередь имевших опыт организаторской работы в промышленности. В конце марта 1955 г. стартовала кампания по отправке из городов в деревню для работы в качестве колхозных председателей 30 тыс. членов КПСС (движение «тридцатитысячников»). Однако посланцы партии оказались не самыми лучшими организаторами сельхозпроизводства. Значительная их часть была освобождена от руководства хозяйством. Например, из 970 человек, направленных в колхозы Алтайского края, Омской и Новосибирской областей в период с 25 марта 1955 г. по 1 апреля 1957 г., уволено было 457 чел. (53%) [6, с. 283–284].

В августе 1955 г. в целях повышения квалификации управленческого персонала колхозов на их баланс стали переводить агрономов и зоотехников, работавших в МТС. Правда, на новом месте эти кадры закреплялись слабо: в колхозах уровень и условия материального обеспечения были ниже, чем в МТС. В 1956 г. из Алтайского края уехали 183 колхозных агронома и зоотехника, или 11,7% от числа специалистов, перешедших из станций (1 562 человек) [13, л. 126, 126об, 127].

Рассмотренная выше мера была одним из первых шагов на пути ликвидации МТС, которые Н.С. Хрущёв фактически считал излишними административно-хозяйственными структурами. В 1956–1957 гг. ассигнования на строительство в МТС объектов хозяйственной и социальной инфраструктуры уменьшились, станции стали укрупнять и переводить на хозрасчёт. Многие предприятия ликвидировались, а их мощности передавались совхозам. За указанный период в РСФСР число МТС понизилось на 10%, в Западной Сибири – на 24%, в Восточной Сибири – на 11% [11, с. 75].

Уменьшение сети МТС было связано с сокращением численности колхозов из-за их продолжившегося укрупнения и начавшегося прямого преобразования в совхозы. На баланс государства стали переводить в основном безнадёжно слабые хозяйства. Хотя в совхозы реорганизовывали и экономически сильные сельхозартели близь городов в целях увеличения выпуска картофеля и овощей для их жителей. С 1950 по 1964 гг. в СССР из-за укрупнения и перевода в совхозный сектор количество колхозов уменьшилось

в 3,2 раза, в РСФСР – в 3,9, в Сибири – в 5,7 раза. В сибирских сельхозартелях средние размеры сельхозугодий, общественных посевов и поголовья скота возрастали быстрее, чем в стране в целом. При этом колхозы региона имели меньшее число дворов в расчёте на 1 хозяйство [11, с. 50, 62–63; 12, с. 484–485].

В конце 1955 г. Министерство сельского хозяйства СССР разработало план введения новой системы цен, которая позволяла колхозам восполнять все производственные затраты и превращаться в рентабельные сельхозпредприятия. В рамках его реализации в 1956 г. с сельхозартелей списали почти всю задолженность по натуральным повинностям и повысили заготовительные и закупочные цены на картофель и овощи. В 1958 г. обязательные поставки и натуроплата МТС были отменены, долги по ним вновь были списаны. Основным каналом поступления государству колхозной продукции стали госзакупки. Правда, введённые летом того года новые закупочные цены делали рентабельным только растениеводство, животноводство оставалось убыточным.

Параллельно с реформой системы цен и заготовок в соответствии с решениями февральского пленума ЦК КПСС 1958 г. быстрыми темпами осуществлялась продажа колхозам техники упраздняемых МТС. На баланс сельхозартелей передавались механизаторские кадры станций. Многие хозяйства переходили на гарантированную денежную оплату труда без трудодня с ежемесячным авансированием.

Однако для большинства сельхозартелей ускоренный выкуп и рациональная эксплуатация машинного парка, а также предоставление механизаторам достойного заработка оказались непосильными задачами. Экономические возможности колхозов явно переоценивались, значительная часть переданных им ресурсов была потеряна. Из-за низкой оплаты и плохих условий труда многие квалифицированные работники увольнялись. В 1959–1964 гг. в Алтайском крае количество колхозных трактористов, комбайнёров и шофёров уменьшилось на 13% [5, с. 211]. Технический парк использовался неудовлетворительно, многие сельхозмашины разукомплектовывались и расхищались по частям. В 1964 г. в колхозах Алтайского края дневная выработка одного условного трактора была в 2 раза ниже, чем в МТС в 1957 г. [5, с. 215]. В 1963 г. в регионе нерентабельными были 16% сельхозартелей (67 из 400), в Новосибирской области – 21% (39 из 183). Хотя уровень убыточности совхозной сети оказался ещё выше. В 1961 г. убытки понесли 75% алтайских совхозов (136 из 181) [2, л. 23; 13, л. 169–170; 14, л. 1–16].

В первой половине 1960-х гг. колхозно-совхозный сектор страны не удовлетворял потребности населения в продовольствии. В Сибири важной причиной снижения производственных показателей хозяйств был кризис целинного земледелия.

Однако предлагались и альтернативные пути реформирования колхозной системы. В декабре 1955 г. в Президиум ЦК КПСС поступила записка начальника планово-финансового отдела Главного управления МТС Урала К.Д. Карпова, в которой обосновывалась целесообразность объединения хозяйств МТС и колхозов и создания на этой базе хозрасчётных сельхозпредприятий индустриального типа под названием соцхозы (социалистические хозяйства). Их организация позволяла сократить управленческий аппарат, устранить разногласия по производственным вопросам, создать у работников стимулы к труду. Важно, что в рамках соцхозов можно было сохранить, приумножить и с большей отдачей использовать техническую и кадровую базу МТС [8, л. 51–122].

В сельхозотделе ЦК КПСС по РСФСР, куда была перенаправлена записка, идею создания соцхозов назвали неприемлемой. По мнению сотрудников отдела, в образовании данных хозяйств не было необходимости, так как колхозы располагали большими внутренними резервами для самостоятель-

ного развития. Тем не менее Министерству сельского хозяйства РСФСР было указано на необходимость использования некоторых положений записки при разработке мероприятий на последующие годы [8, л. 125–126]. Вероятно, в рамках реализации этого поручения в конце 1957 г. в Новосибирской области было проведено объединение руководства Усть-Луковской МТС и колхоза им. Ленина, Мохнато-Луговской МТС и колхоза «Сибирь» Краснозёрского района [6, с. 279]. Но уже в следующем году технику и кадры МТС стали передавать на баланс сельхозартелей. В итоге индустриальный уклад, формировавшийся в деревне в рамках МТС четверть века, был разрушен за несколько лет.

Таким образом, 1950-е гг. стали временем динамичных изменений в аграрном строе страны, обусловленных проведением мероприятий по подъёму сельхозпроизводства. Поиски путей повышения его производительности вылились в осуществление ряда проектов реформирования колхозной системы – массового укрупнения, «десталинизации», «совхозизации» колхозов. Все они, к сожалению, оказались провальными. Достойной альтернативой этим мерам могло стать создание соцхозов.

Литература

1. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО) : сб. постановлений Совета Министров СССР за 1954. – Т. 3.
2. ГАНО. Ф. Р-1406. Оп. 1. Д. 2854.
3. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам (1917–1957 гг.) [Текст]. – М. : Изд-во политической литературы, 1958. – Т. 4.
4. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р-1699. Оп. 1. Д. 2792.
5. Казанцев, А.В. Реорганизация МТС и формирование механизаторских кадров в колхозах Алтая (1958–1965 гг.) [Текст] / А.В. Казанцев // Проблемы истории советской сибирской деревни. – Новосибирск : Наука, 1977. – С. 204–216.
6. Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма [Текст] / Н.Я. Гущин, В.Т. Анисков и др. – Новосибирск : Наука, 1985.
7. Народное хозяйство Алтайского края [Текст] : сб. статей. – Барнаул : Крайстатиздат, 1958.
8. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 46. Д. 66.
9. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9476. Оп. 1. Д. 2554.
10. Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы [Текст] / В.А. Ильиных, С.Н. Андреенков, В.М. Рынков и др. – Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2012.
11. Сельское хозяйство СССР [Текст] : сб. статей. – М. : Госстатиздат, 1960.
12. Сельское хозяйство СССР [Текст] : сб. статей. – М. : Статистика, 1971.
13. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФАК). Ф. Р-827. Оп. 3. Д. 50.
14. ЦХАФАК. Ф. Р-569. Оп.11. Д. 298.

ББК 63.3
УДК 93/94:620.3(47+57)

Е.А. ХРОМОВ

ТЕНДЕНЦИИ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ СИБИРСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-Х ГГ.

E.A. KHROMOV

TRENDS AND FACTORS OF SIBERIAN REGIONAL ELITE DEVELOPMENT IN THE SECOND HALF OF 1950 – THE FIRST HALF OF 1960

Статья подготовлена при финансовой поддержке СурГПУ в рамках научно-исследовательского проекта «Кадровый корпус Советов народного хозяйства Сибири в 1957–1962 гг.», грант № 13-01-002/а

В статье рассматриваются основные тенденции и факторы развития сибирской региональной элиты, которая реализовывала функции управления сибирскими областями, краями и республиками в период крупнейших социально-политических и социально-экономических трансформаций в СССР. Исследование строится на анализе базы биографических данных первых секретарей обкомов и крайкомов КПСС сибирских регионов за период с середины 1950-х по середину 1960-х гг.

The paper examines the main trends and factors in the development of the Siberian regional elite that implements the management of Siberian regions, territories and republics in the period of major socio-political and socio-economic transformations in the USSR. The research is based on the analysis of biographical data base of the first secretaries of provincial and territorial committees of the Communist Party of the Soviet Union (the CPSU) of Siberian regions during the period from mid-1950 to mid-1960.

Ключевые слова: сибирская региональная элита, кадры, номенклатура, первый секретарь обкома.

Key words: siberian regional elite, cadre, nomenclature, first secretary of the regional committee.

При рассмотрении развития модернизационного процесса в советском государстве российские исследователи чаще всего в качестве субъектов, осуществлявших его реализацию, рассматривают центральные (федеральные) властвующие структуры. Однако не меньший интерес в данном контексте представляет анализ структур властного регионального уровня.

В статье выявляются основные тенденции и факторы развития сибирской региональной элиты, которая реализовывала функции управления сибирскими областями, краями и республиками в период крупнейших социально-политических и социально-экономических трансформаций в СССР.

Для решения поставленной задачи нами была создана электронная база данных «Сибирская региональная элита во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг.». База данных была создана в традиционной для подобного типа исследований СУБД Microsoft Access. Основным источником информации послужил Историко-биографический справочник по истории Коммунистической партии Советского Союза 1898–1991 гг. [17]. В современных условиях в исторической науке всё большее значение наряду с традиционными методами обработки и анализа всё возрастающего объёма статистических и конкретно-исторических данных приобретают количественные методы анализа, а также новые информационные технологии. Как извест-

но, зачастую исторические источники конкретного исследования выступают в разнородной форме. Сбор и обработка источников с количественными показателями в электронной базе данных позволяет раскрыть органические связи внутри них и выделить их типы, роды, виды, категории. Электронные базы данных обладают аналитическими возможностями, которые удовлетворяют потребность в первичной обработке статистического материала (расчёт средних, относительных характеристик и т. д.). Они решают проблему точности и сопоставимости данных источника. Используемая в этом исследовании просопографическая база данных позволяет изучить характерные черты группы людей, субъекты которой формировали сибирскую региональную элиту на основе их индивидуальных биографических сведений. Эти показатели содержат динамическую информацию, позволяющую комплексно изучить особенности становления личности, карьерный рост и социокультурные условия формирования стиля управления того или иного представителя сибирской региональной элиты. Таким образом, происходит визуализация статистических данных и их последующая качественная обработка с целью выявления и оценки корреляционных связей.

В базу данных были включены сведения о 31 первом секретаре крайкомов, обкомов КПСС. В расчёт были взяты сведения о руководителях таких регионов, как Алтайский, Красноярский края, Бурятская (республика), Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская, Тувинская, Тюменская, Читинская области.

База данных состоит из одной таблицы со следующими критериями-атрибутами: «Первый секретарь крайкома, обкома КПСС», «Экономико-географическая характеристика местности рождения», «Социальное происхождение», «Возраст», «Национальность», «Образование (уровень, вид)», «Географическое размещение оконченных учебных заведений», «Участие в Великой Отечественной войне».

Изучением региональной власти в СССР в советский период в основном занимались западные историки, такие как Р.Е. Блэквелл, С. Вайт, Е. Модсли, Дж. Х. Оливер, П. Франк [22, 23, 25, 26]. Они рассматривали данные властные структуры с кадровых, клиентарных позиций, выявляя основные тенденции трансформации региональных элит.

В постсоветское время рассмотрением этой тематики в рамках тенденций внутреннего развития групп партийно-государственных чиновников (руководящих сетей) стали заниматься наряду с западными специалистами и отечественные историки, в частности В.П. Мохов, О.В. Хлевнюк [13, 18].

Изучению проблематики способствует развитие отечественных взглядов о клиентарных отношениях, то есть отношений персональной зависимости в советской политической системе [2, 24].

В последние годы появились исследования А.Б. Коновалова, которые посвящены изучению структур власти в сибирских регионах [11].

Фактор социального происхождения элиты оказывал постоянное воздействие на ситуацию в обществе. Социальное происхождение выполняло важные функции как средство контроля, классового регулирования при проведении политического курса.

Из проанализированных биографий лидеров, представлявших сибирскую региональную элиту во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг., по социальному происхождению 56,5% – выходцы из крестьянских семей, 37,5% – из рабочих семей, 6% составляют прочие социальные категории (табл. 1). В то же время по стране в целом среди первых секретарей обкомов в начале 1960-х гг. две трети составляли выходцы из крестьянских семей, 30% – из семей рабочих [13, с. 174]. С представленных позиций правомерно считать, что выдвигавшиеся на высшие сибирские региональные должности люди полностью соответствовали социальным принципам советской кадровой политики.

Таблица 1

Социальное происхождение родителей руководителей сибирских регионов во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг.

Социальная категория	%
Рабочие	37,5
Крестьяне	56,5
Прочие	6

Высокий процент кадров городского происхождения приходится на не областные, а средние и мелкие города – около 74,3%. На крупные индустриальные города, которые являлись областными, республиканскими центрами (Киев, Ленинград, Харьков), приходилось около 25,7% (табл. 2). Социальная база сибирской региональной элиты в целом характеризовалась открытостью.

Таблица 2

Экономико-географическая характеристика местности рождения сибирской региональной элиты (в %)

Политико-географическая категория	Период	Город и городские поселения	Сельская местность
Сибирская элита	Вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.	44,2	55,7
	Вторая половина 1950-х гг.	50	50
	Первая половина 1960-х гг.	38,5	61,5
Удельный вес кадров городского происхождения			
Крупные и областные города		Средние и мелкие города	
25,7		74,3	

Примечание. Все таблицы рассчитаны по электронной базе данных «Сибирская региональная элита во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг.».

Необходимо отметить, что лидеры сибирской региональной элиты по критерию географического происхождения чаще всего не являлись представителями тех регионов, которыми они руководили. Из региональных руководителей, лишь 14,5% являлись представителями сибирских регионов, то есть родившимися в Сибири. Остальные были направлены из европейской части страны в полном соответствии с кампанией 1950–1960-х гг. по организованному перемещению номенклатурных работников (табл. 3). При этом всего 6,3% лидеров, руководили тем регионом, в котором они родились.

Таблица 3

Географическое происхождение региональных лидеров Сибири во второй половине 1950-х – середине 1960 гг. (в %)

Географическое пространство	%		
Европейские регионы	75		
Сибирские регионы	14,5		
Уральские регионы	3,5		
Дальневосточные регионы	7		
Руководство лидеров в регионе рождения			
да		**нет**	
6,3		93,7	

Во второй половине 1950-х гг. в связи с реформированием системы управления промышленностью и образованием совнархозов постепенно расширялась компетенция и укреплялся статус сибирских региональных лидеров, особенно это заметно в кадровой сфере [3, л. 134–136; 4, л. 89; 14, с. 110; 19, л. 213]. В начале 1960-х гг. из-за реформы по разделению партийных организаций по производственному принципу статусные позиции региональных лидеров стали ослабевать. Во-первых, реформа увеличила численность первых секретарей, так как образовались сельские и промышленные обкомы и крайкомы. Во-вторых, было урезано их влияние на принятие важных социально-экономических программ [9, л. 225]. С завершением реформ Н.С. Хрущёва региональные лидеры Сибири вновь начали обретать статусные позиции и активно их укреплять.

Необходимо обратить особое внимание на стиль и методы управления сибирской элиты, так как именно от них во многом зависело экономическое и социальное развитие регионов. Здесь необходимо пояснить, что под стилем управления понимают совокупность организационных, социально-психологических и духовно-нравственных черт взаимодействия должностных лиц органов государственной службы [12, с. 222].

Во второй половине 1950-х гг. региональная элита в своём стиле руководства производственными процессами проявляла слабую связь с местными партийными органами. Региональная власть делала сильный упор на административные мероприятия, а не на решение хозяйственных вопросов [7, л. 5]. Проявлялись и «нечистоплотные» методы работы отдельных руководителей. Показательна в этом отношении массовая деятельность отдельных первых секретарей сельских райкомов Сибири во второй половине 1950-х г. по организации «приписок» [5, л. 19; 8, л. 74; 20, л. 3; 21, л. 17].

К концу 1950-х – в первой половине 1960-х гг. происходит постепенная трансформация административно-командного стиля руководства региональной элиты Сибири в направлении технократического стиля. Эта тенденция явно проявилась в связи с реформой 1962 г., разделившей партийные организации по производственному принципу.

Существование промышленных и сельских обкомов стало периодом укрепления технократического стиля руководства. В этот период усилился контроль над производством. В качестве примера можно привести стиль и методы работы первого секретаря Тюменского обкома КПСС Б.Е. Щербины, первого секретаря Кемеровского обкома КПСС А.Ф. Ештокина [16, с. 40].

В целом приведённые факты свидетельствуют, что в Сибири, как и по всей стране, шла эволюция от «партийно-государственной» элиты (около 70% состава в 1953 г.) к «партийно-хозяйственной» (более 70% в 1956 г., 60–70% во второй половине 1950-х) [13, с. 121].

Анализ таких социально-демографических характеристик, как пол, возраст (на момент вступления в должность первого секретаря), национальность даёт нам картину внешнего облика сибирской региональной политической элиты. Половой состав сибирской региональной элиты был сугубо мужским. Национальный состав сибирских руководителей был преимущественно славянским: русские составляли 68%, украинцы 19%, на оставшиеся 13% приходились коренные сибирские нации и народности (табл. 4). Лидеры неславянской национальности преимущественно принадлежали к титульным народам областей и республик в соответствии с национальным принципом советской кадровой политики.

Таблица 4

Социально-демографические характеристики руководителей сибирских регионов во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. (в %)

Пол		Средний возраст*		Национальность		
		Вторая половина 1950 – первая половина 1960 гг.				
		50		Славянская		Неславянская
Муж.	Жен.	Середина 1950 гг.	Середина 1960 гг.	Русские	Украинцы	13
100	0	47	54	68	19	

*На момент вступления в должность первого секретаря.

Анализ возрастной структуры сибирских руководителей свидетельствует, что базовая возрастная категория во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. составляла 50 лет. При этом возрастная база второй половины 1950-х гг. отличается от первой половины 1960-х г. в сторону увеличения возраста. Так, на вторую половину 1950-х гг. средний возраст сибирских лидеров составлял около 47 лет, а в первой половине 1960-х гг. средний показатель почти достиг 54 лет (табл. 5). Таким образом, средний возраст имел тенденцию к повышению в среднем на 7 лет. Намечается старение сибирских региональных руководителей в полном соответствии с показателями по стране. Так, средний возраст первых секретарей обкомов и крайкомов РСФСР составил 44 года в 1950 г., 50 лет в 1961 г., 53 года в 1966 г. [27, с. 26].

Таблица 5

Образовательный уровень сибирской региональной элиты второй половины 1950-х – первой половины 1960-х гг. (в %)

Уровень образования			
Высшее	Незаконченное высшее	Среднее специальное	Среднее
85	6	6	3
Вид основного образования			
Техническое	Сельскохозяйственное	Гуманитарное	Партийное
56,2	24,8	9,5	9,5
Доля специалистов с техническим образованием			
Середина 1950 – середина 1960 гг.		Вторая половина 1950 гг.	Первая половина 1960 гг.
56,2		49,5	63
Вид высшего партийного образования			
Второе, дополнительное		Первое, основное	
28,1		9,5	
Географическое размещение оконченных учебных заведений			
Европейские регионы		Сибирские регионы	Уральские регионы
65		25	10

В то же время, на протяжении периода второй половины 1950-х – первой половины 1960-х г. можно проследить тенденцию увеличения срока нахождения в должности региональных лидеров Сибири (с 2–3 лет до 10 и более) [11, с. 139].

Образовательный критерий формирования элиты является наиболее важным, особенно для периода 1950–1960 гг., когда происходили коренные изменения в культурной, экономической, социальной и политической сфе-

рах советского общества. В Сибири на тот момент начались серьёзные трансформации, затронувшие как экономическую, так и социальную сферы. Эти трансформации требовали руководителей территорий, которые были бы способны справиться с поставленными задачами по развитию своих регионов, решить многие социокультурные проблемы.

Анализ образовательного уровня сибирской региональной элиты говорит о хорошем уровне образования лидеров в исследуемый период: 85% имели высшее образование, 6% незаконченное высшее, 6% среднее специальное, 3% среднее. Некоторые руководители обладали несколькими высшими образованиями или средним специальным и высшим образованием. Наблюдался перевес руководителей с высшим (в том числе и незаконченным) и средним специальным техническим образованием, таких насчитывалось 56,2%, с высшим сельскохозяйственным образованием – 24,8%, с высшим гуманитарным образованием (в том числе и незаконченным) – 9,5%, с высшим партийным образованием, т. е. закончившие Высшую партийную школу при ЦК КПСС, приравненную к полноценному высшему образованию, – также 9,5% (табл. 5). Наблюдалась тенденция увеличения партийно-политического образования среди высшей партийной элиты Сибири. 28,1% руководителей имели партийное образование в качестве второго дополнительного, приобретённого уже в период партийной работы.

Проявлялась тенденция увеличения числа высших кадров с инженерно-техническим образованием. Если во второй половине 1950 гг. их насчитывалось 49,5%, то в первой половине 1960 гг. – уже 63%, т. е. наблюдалась тенденция технократизации высших должностей в сибирских регионах. При этом в период реформ Н.С. Хрущёва усилилось внимание партии к приобретению руководителями технических и экономических знаний [1, с. 108–109].

Основная доля в квалификационной подготовке специалистов приходилась на европейскую часть страны – 65%, в том числе учебные заведения Москвы, Ленинграда. Вторым регионом кадровой подготовки являлась Сибирь, на её долю приходилось 25% совокупной подготовки специалистов. На уральский регион приходился самый низкий процент выпускников – 10%.

Характерной чертой сибирской элиты является то обстоятельство, что всего лишь 13,8% лидеров регионов принимало участие в Великой Отечественной войне, тогда как 86,2% на тот момент работали на партийных или советских должностях.

Итак, в целом проведённый количественный анализ показывает, что в кадровой, социальной и политической динамике сибирской региональной элиты проявилось несколько существенных долговременных тенденций.

При целенаправленной центральной кадровой политике по регулированию отбора на высшие должности, географическому перемещению кадров постепенно проявляется тенденция на укрепление власти сибирских руководителей на местах.

Увеличивалось число высших руководителей, которые были выходцами из сибирского региона, хотя необязательно они руководили областью, в которой родились и получили образование. В целом сибирская элита постепенно приобретала индустриальный характер, хотя начало индустриального обновления региона началось при преобладающем числе выходцев из сельской местности.

Прослеживалась тенденция увеличения среднего возраста региональных руководителей, что говорит о начинавшейся стагнации в корпусе сибирских руководителей, особенно национальных краёв и республик.

Социальную базу региональной элиты постепенно начинает составлять слой лиц с техническим образованием. Наметилась тенденция регионализации в образовательной сфере подготовки будущих высших руководителей.

На формирование сибирской региональной элиты во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. влияние оказывало несколько факторов. Среди них – кадровая политика специализированных органов ЦК КПСС, осуществлявших подбор и расстановку кадров в соответствии со своими принципами, процедурами и конъюнктурными установками времени. Происходило формирование в послевоенное время на территории Сибири новых административно-территориальных образований, что вызвало необходимость в появлении новых квалифицированных руководящих структур в сибирском регионе. Потребность сибирских регионов в интенсивной индустриализации инициировала процесс выдвижения на руководящие должности работников, обладавших необходимым влиянием на центральном уровне, для последовательного отстаивания территориальных социально-экономических интересов. На формирование региональной элиты оказало влияние и направление в сибирские регионы партийно-хозяйственных работников, которые обеспечивали эффективную деятельность эвакуированных промышленных предприятий. Существенным фактором являлось выдвижение на руководящие посты представителей коренных народностей в национальных регионах.

Литература

1. XX съезд КПСС: Стенографический отчёт [Текст]. – М. : Госполитиздат, 1956. – Т. 1.
2. Афанасьев, М.Н. Клиентелизм и российская государственность [Текст] / М.Н. Афанасьев. – М. : Московский общественный научный фонд, 2000. – 318 с.
3. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 124. Оп. 9. Д. 99.
4. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 117. Д. 80.
5. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 151. Д. 13.
6. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 193. Д. 420.
7. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 98. Д. 79.
8. ГАСПИТО. Ф. 1850. Оп. 1. Д. 13.
9. ГАСПИТО. Ф. 2011. Оп. 1. Д. 176.
10. История России. 1917–2004 : учеб. пособие для студ. вузов [Текст] / А.С. Барсенков, А.И. Вдовин. – М. : Аспект-Пресс, 2005.
11. Коновалов, А.Б. Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991) [Текст] / А.Б. Коновалов. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2006. – 636 с.
12. Литвинов, Ю.П. Стиль управленческой деятельности [Текст] / Ю.П. Литвинов // Государственная кадровая политика и механизм её реализации (кадроведение) : курс лекций. – М. : Изд-во РАГС, 1997.
13. Мохов, В.П. Региональная политическая элита России (1945–1991 гг.) [Текст] / В.П. Мохов. – Пермь : Пермское кн. изд-во, 2003.
14. Новиков, В.Н. В годы руководства Н.С. Хрущёва [Текст] / В.Н. Новиков // Вопросы истории. – 1989. – № 1.
15. Новосибирск : энциклопедия [Текст] / гл. ред. В.А. Ламин. – Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 2003.
16. Ситников, В.И. Школа Ештокина [Текст] / В.И. Ситников // Земляки. Кузбасс в нашей судьбе: Книга о людях Кузбасса / ред., сост. Н.Я. Троицкий. – М. : Воскресенье, 1997.
17. Справочник по истории Коммунистической партии Советского Союза 1898–1991 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.knowbysight.info/HHH/00674.asp (дата обращения: 12.11.12).
18. Хлевнюк, О.В. Региональная власть в СССР в 1953 – конце 1950-х гг. Устойчивость и конфликты [Текст] / О.В. Хлевнюк // Отечественная история. – 2007. – № 3.
19. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 2526.
20. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2751.
21. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2805.

22. Blackwell, R.E. Elite Recruitment and Functional Change: An Analysis of the Soviet Obkom Elite, 1950–1968 [Text] / R.E. Blackwell // The Journal of Politics. – 1972. – Vol. 34 (1). – P. 124–152.
23. Frank, P. The CPSU obkom first secretary: a profile [Text] / P. Frank // British Journal of Political Science. – 1971. – Vol. 1 (1). – P. 173–190.
24. Lewin, M. Russia/USSR/Russia [Text] / M. Lewin. – New York, 1995. – P. 185–208.
25. Mawdsley, E. The Soviet Elite from Lenin to Gorbachev: The Central Committee and its embers, 1917–1991 [Text] / E. Mawdsley, S. White. – Oxford, 2000.
26. Oliver, J.H. Turnover and Family Circles in Soviet Administration [Text] / J.H. Oliver // Slavic Review. – 1973. – Vol. 32. – P. 527–545.
27. Schneider, E. Die Sowjetische politische Elite Ein Literaturbericht [Text] / E. Schneider // Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und Internationale Studien. – 1981. – № 21.

ББК 65.304.13(253.3)
УДК 316.3(571.12)

В.П. КАРПОВ

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДОСУГА НАСЕЛЕНИЯ В РАЙОНАХ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА. 1960–1980-е ГГ.

V.P. KARPOV

PROBLEMS FOR LEISURE ORGANIZATION IN THE WEST SIBERIAN DISTRICTS OF THE OIL-AND-GAS COMPLEX. 1960–80s

Рассмотрены возможности организации досуга в районах нового промышленного освоения (РНПО) Тюменского Севера в 1960–80-е годы. Анализируются проблемы строительства учреждений культуры и их материально-технической базы в городах-новостройках Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Показана роль культурного шефства «Большой земли» над Тюменским Севером.

The possibility of leisure organization in the new industrial districts of Tyumen North in 1960s-80s was considered. The problems of building and construction work and their living conditions in the new towns of the West Siberian oil-and-gas complex were analysed. The role of patronage of the «Big Land» under Tyumen North was shown.

Ключевые слова: Тюмень, Север, нефть, новый город, человек, культура, досуг.

Key words: Tyumen, North, oil, new town, man, culture, leisure.

Тюменский Север, ставший в 1960–80-е годы Всесоюзной строительной площадкой, не обделён вниманием исследователей. Усилиями В.В. Алексеева, С.С. Букина, Н.Ю. Гавриловой, Н.М. Пашкова, А.И. Тимошенко и других историков создана широкая панорама развития сибирского нефтегазового Севера [1]. Солидный историографический задел открывает большие возможности для продолжения исследований не только в плоскости, относящейся к материально-вещественной среде, но и к духовно-нравственной.

Культурная среда в нефтегазодобывающих районах Тюменского Севера формировалась как результат взаимодействия различных субкультур, в том числе традиционной культуры коренного населения и индустриальной культуры новосёлов: «Возник новый канал социальной коммуникации между Тюменской областью и всей страной. По нему не только циркулировала рабочая сила, но и происходил обмен социальным и нравственным опытом» [3, с. 119]. Удалённость РНПО от крупных индустриальных центров и необходимость соответствовать запросам новопоселенцев, прибывших из староосвоенных регионов с более высоким уровнем жизни, предъявляли особые требования к культурному строительству, социальной инфраструктуре в целом.

Как и вся система жизнеобеспечения, учреждения культуры в РНПО создавались практически «с нуля». В середине 1960-х гг. в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах существовало 266 клубных учреждений, но 90% их было сосредоточено в сельской местности [13, с. 92], а материально-техническая база (МТБ) культурных объектов находилась в плачевном состоянии. Представители Министерства культуры РСФСР, посетившие Тюменскую область в 1966 г., дали такую оценку учреждений отрасли: «Проехали всю Россию, а такого убожества, как в вашей области, не видели» [16, с. 118]. В 1965 г. в аварийном состоянии находились 50% клубных учреждений и Домов культуры (ДК) Ямало-Ненецкого округа, 80% – Ханты-Мансийского автономного округа. Большинство прочих учреждений культуры также располагались в ветхих, часто арендуемых зданиях, непригодных для проведения культурно-массовой работы [16, с. 119].

По причине остаточного принципа финансирования культуры отраслевая МТБ улучшалась крайне медленно, ярким примером чего может служить крупнейший в области город нефтяников – Сургут. Здесь ДК «Строитель» из-за отсутствия ремонта приобрёл к 1976 г. следующий вид: вросшие в землю окна, разбитые двери, «обшарпанные» стены, отсутствие света и вентиляции во многих комнатах, аварийное электроснабжение. К 1988 г. в ветхое состояние из-за отсутствия ремонта пришёл и городской кинотеатр «Октябрь», построенный в 1951 г. В здании отсутствовали элементарные удобства, из-за рассошихся «трухлявых» дверей и сгнивших полов в зимнее время сохранялась низкая температура. Председатель Ханты-Мансийского окружкома профсоюза работников культуры утверждала в 1987 г.: «К цифре 26 учреждений культуры в аварийном состоянии, прозвучавшей в докладе управления культуры, надо бы, наверное, подставить «0» и получили бы 260!» [16, с. 121, 122, 123].

При новом строительстве объектов культуры часто принимались проекты с невыразительным художественным оформлением, поэтому культурные очаги, призванные формировать облик общественных центров северных городов, практически не отличались по внешнему виду от построек жилого и хозяйственного назначения. Клубы вместимостью до 100 мест возводились вообще без всяких проектов и «привязки», а под учреждения культуры большей вместимости зачастую приспосабливали ненужные помещения. Так, в Нижневартовске ДК им. 50-летия ВЛКСМ изначально представлял собой складское помещение. По проекту ремонтно-механических мастерских был построен в городе и ДК «Юбилейный» [17, с. 73]. Причины этой «самодеятельности» не только в том, что культура имела самый низкий приоритет по обеспечению материальными и финансовыми ресурсами даже среди отраслей социальной сферы, но и в том, что строили объекты в основном ведомства, мало заботившиеся об архитектурном облике города. Начальники трестов и управлений решали вопросы строительства самостоятельно, не согласуя свои действия с советскими органами, поскольку имели мощную поддержку первых руководителей своих отраслей, а перед этой категорией зачастую пасовали не только окружкомы, но и обком КПСС. С другой стороны, если бы культурное строительство не поддерживали ведомства – мощные производственные объединения геологов, нефтяников, газовиков, энергетиков, имевшие гораздо больше возможностей для этого, чем территориальные органы власти, ситуация в сфере культуры была бы ещё хуже.

Было бы правильно всё культурное строительство сосредоточить в руках местных органов советской власти, чтобы исчезла ведомственность, но местные Советы по существу не имели реальной власти: она была у тех, кто распоряжался финансовыми и материально-техническими ресурсами. В то же время руководители Тюменского облисполкома категорически возражали против выдвигаемой нефтяниками идеи о передаче решения социальных вопросов исполнительным органам советской власти. Аргумент простой – никаких объектов сферы жизнеобеспечения людей к началу добычи нефти построено не было. Поэтому во всех поселениях создание и содержание социальной сферы легли на плечи нефтяников и газовиков. Проблема хронически запущенного состояния учреждений культуры на территории ХМАО и ЯНАО в 1960–80-е годы так и не была решена.

Особое место в организации досуга северян занимал кинематограф. Поскольку кино, по словам В.И. Ленина, является важнейшим видом искусства по воздействию на массовую аудиторию, вопросы, связанные с развитием киносети, кинопроката и репертуаром, находились под постоянным контролем партийных органов. Если в конце 1960-х гг. из-за недостаточного количества фильмокопий жители северных районов смотрели новые фильмы через полгода со дня их выпуска на экраны кинотеатров Тюмени и южной части области, то с 1970 г. РНПО были выделены в «особое кольцо» по фильмоснабжению. В результате районы новостроек стали получать киноленты в первую очередь [4].

Однако вопрос о своевременном прокате всё равно не был решён в полной мере. В 1981 г. в городах-новостройках Севера задержка лучших кинофильмов в движении по «кольцу» составила 148 дней. В 1980-е годы, несмотря на увеличение количества фильмокопий, только 3–4 новых художественных фильма из 10 имели по 2 копии, поэтому случалось, что в отдалённых районах ЯНАО новинки доходили до зрителя только через 2 года. Их не всегда успевали прокрутить на киноустановках РНПО до появления на телеэкранах. Это вызывало нарекания северян на то, что показывают старое кино [18, с. 105].

Одной из особенностей кинопроката был постоянный «дефицит» мест для зрителей. Отчасти такое положение объяснялось недостатком киноустановок: даже в областном центре их в 1964 г. было только 18, а в 1985 г. – 22 [8, с. 187–188]. Огромные очереди у кинокасс были обычным явлением. Под «кинозалы» приспосабливали все имеющиеся помещения, включая производственные. Несмотря на то, что число киноустановок в Ямало-Ненецком округе с 1965 по 1985 гг. выросло втрое, такой показатель, как количество посадочных мест на 1 000 человек, был в Надыме вдвое ниже республиканского уровня. В Новом Уренгое и вовсе не было типового кинотеатра [9, с. 136].

Быстрое развитие нефтегазовой промышленности и преимущественно молодёжный состав населения в РНПО обусловили резкое увеличение спроса на книги. Об этом писали и местные, и центральные газеты. Корреспондент «Советской культуры» М. Дуненков рассказал об организации книжной торговли в югорских магазинах в 1965 г.: «Книжный лоток брали штурмом. Продавец А. Игнатова и заведующая отделом Ханты-Мансийского магазина окружного книготорга Ю. Лечинская едва успевали отвечать покупателям. За несколько часов были проданы все 25 кулей книг, которые смог привезти попутный транспорт. Меньше чем за день в Нефтеюганске было продано книг столько же, сколько за неделю в окружном центре. А купить могли и в 10 раз больше. Книгу таёжным нефтяникам только дай!» [7, с. 67].

Организация книжной торговли на Севере оставляла желать лучшего и в последующие годы, что было связано не только с дефицитом хороших книг в СССР, но и с трудностью доставки литературы в отдалённые районы Тюменской области. По поводу завоза литературы не раз ставился вопрос на заседаниях Тюменского облисполкома. Так, в протоколе № 2 заседания Управления по делам печати облисполкома в 1966 г. отмечалось: «С июля месяца 1966 г. идет невыполнение плана отгрузки. Дополнительно необходимо отобрать литературу в г. Сургут. Там не хватает учебника «Букварь». 26 тыс. учебников недополучили магазины Ямала» [7, с. 66]. Если на Севере был дефицит учебников, что же говорить о художественной литературе – её катастрофически не хватало и в 70-е, и в 80-е годы.

Интерес северян к литературе не смогли удовлетворить в полной мере и библиотеки, испытывавшие трудности с формированием книжных фондов на всём протяжении 1960–80-х гг. В конце 1965 г. на одного жителя в городских библиотеках ХМАО приходилось 3,5 книги, в сельских – 2,1, а в Урае, Междуреченске и Пионерском – 0,2 книги! [19, с. 174]. Учитывая недостатки централизованного обеспечения, пополнение библиотек в РНПО осуществлялось как за счёт перераспределения книжных фондов библиотек внутри области, так и с привлечением библиотечных учреждений РСФСР. В марте 1970 г. Министерство культуры РСФСР распорядилось направить библиотекам Севера Тюменской области 270 тыс. книг из фондов крупнейших библиотек республики. Но в целом эта работа проводилась формально. Вместо 100 тыс. томов в 1970 г. библиотеки городов-новостроек получили 58 тыс. Например, в Нефтеюганске из 829 книг, присланных Пермской научно-технической библиотекой, приняли только 30, на остальные 799 экземпляров был составлен акт о списании. Среди книг, присланных столичной библиотекой им. В.И. Ленина, были, например, «Методика изучения армянского языка»,

1 том из собрания сочинений В.И. Ленина на белорусском языке, методическое пособие «Мастеру-строителю метро» и т. п. случайные издания. Выполняя указания Минкультуры, библиотеки просто избавились от ненужной литературы [19, с. 175].

В 1979 г. коллегией Минкультуры РСФСР была поставлена задача к 1982 г. довести книгообеспеченность в районах нефте- и газодобычи Тюмени до 6,0 экземпляров на душу населения. С этой целью был повторён опыт 1970 г. С тем же результатом. В 1987 г. книжный фонд библиотек Тюменской области в расчёте на 1 тыс. читателей был уже ниже, чем в начале 80-х, и область по этому показателю заняла 73 место по РСФСР. Особенно острым был книжный «голод» в Нижневартовске, Ноябрьске, Новом Уренгое, Лангепасе, Радужном, Сургуте [14, с. 247].

Другой серьёзной проблемой организации досуга в РНПО было отсутствие профессиональных художественно-зрелищных организаций, что предопределило поиск нестандартных форм культурного обслуживания населения. Одной из них стало культурное шефство над РНПО, которое взяли на себя областные учреждения г. Тюмени: филармония, Драматический театр, Театр кукол, Краеведческий музей, Картинная галерея, Областная научная библиотека. Широкую популярность у жителей новых городов и новостроек приобрели культурно-бытовые поезда, теплоходы и агитмашины, в составе которых наряду с профессиональными коллективами были бригады художественной самодеятельности. Только в 1967–68 гг. ими было обслужено свыше 300 тыс. человек в Сургуте, Нижневартовске, Урае, Нефтеюганске, на трассах строительства газопроводов Игрим–Серов, Усть-Балык–Омск, железной дороги Тюмень–Сургут [12, с. 234].

Содружество с трудовыми коллективами Тюменского Севера практиковали также творческие Союзы писателей, композиторов, кинематографистов, художников СССР, столичные театры, издательства, журналы. Редакция «Советского экрана» установила контакт с коллективом ПО «Надымгазпром», журнал «Юность» осуществлял шефство над строительством железной дороги Тюмень–Сургут–Нижневартовск, а «Смена» взяла под опеку детские библиотеки г. Новый Уренгой. В 1985 г. 36 членов Союза писателей СССР провели более 1 000 выступлений в Тюмени и РНПО, в том числе в 270 вахтовых и трассовых посёлках. Некоторые из именитых писателей вели литературные объединения в Надыме, Ноябрьске, Салехарде [20, с. 107].

В 1978 г. шефство над районами Сибири и Дальнего Востока взяли 30 лучших театральных коллективов страны. Кураторами Тюменской и Томской областей стали Ленинградский Большой драматический театр (БДТ), Ленинградский ТЮЗ, театры «Ромэн» и им. Ленсовета. Однако к лету 1979 г. только последний нашёл возможность приехать в Надым с творческим отчётом. В 1980 г. московский театр им. Ленинского комсомола заключил договор о творческом содружестве с трестом «Севергазстрой» (Надым) и в том же году сделал первый и последний выезд к северянам со спектаклем. В 1982 г. Ленинградский театр им. Комиссаржевской заключил договор о творческом содружестве с «Главтюменьгеологией», но к культурному обслуживанию геологов так и не приступил [20, с. 106].

В 1970-е гг. популярностью в РНПО пользовались, ставшие традиционными, Дни советской литературы и Дни советской музыки на Тюменской земле. С 1970 г. ежегодно к нефтяникам и газовикам Нижневартовска, Нефтеюганска, Надыма, Сургута, других городов приезжали известные в стране писатели П. Нилин, Г. Марков, С. Смирнов, С. Капутикян, начинающие сатирики А. Арканов, Г. Горин, поэты Е. Евтушенко, Ю. Друнина, Р. Казакова и другие. В Днях советской музыки на Тюменской земле принимали участие композиторы С. Туликов, Д. Покрас, А. Эшпай, Л. Лядова, известные артисты Л. Лещенко, Э. Пьеха, И. Кобзон, начинающая певица А. Пугачёва и другие. «Теперь уже не верится, – сказал много лет спустя Лев Лещенко, – что первые концерты проходили прямо на опушке леса, в поле, на буровой. В день

давали по 3–4 концерта, а до благодарного зрителя, живущего в палаточных городках, добирались на вертолётах, а то и по бездорожью на вездеходах» [21].

В июле 1971 г. проходили очередные Дни культуры и искусства в Тюменской области. Сургутские журналисты встречали гостей на берегу Оби: «Юлия Друнина, Алексей Каплер, Римма Казакова и многие другие всегда выходили из своих кают вовремя и… трезвыми. Но случалось, что некоторые вообще были не в состоянии покинуть самостоятельно каюту, а если и появлялись, то всклокоченные, с травинками в волосах. Видимо, бурными у них были «зелёные» стоянки теплохода. Были и такие, кто вообще не сходил на берег, чтобы встретиться с сургутянами…» [15, с. 71].

Пик культурного шефства пришёлся на вторую половину 1960-х – начало 70-х годов. В последующие годы оно осуществлялось эпизодически. Встречи с известными писателями и музыкантами, композиторами и артистами обогащали культурную жизнь РНПО, но всё-таки были краткими эпизодами в социокультурном пространстве Тюменского севера. Большинство проводимых шефами мероприятий носили разовый характер, а принятые профессиональными коллективами обязательства часто не выполнялись.

Основное «поле» культурной деятельности принадлежало местным учреждениям, которым и предстояло решать проблемы организации досуга северян. С 70-х гг. в РНПО начинает развиваться местная художественная самодеятельность. Постоянно действующие агитбригады появились в Ханты-Мансийском, Берёзовском, Советском, Октябрьском, Кондинском районах ХМАО. В начале 70-х гг. в округе в 263 кружках художественной самодеятельности занималось 4 570 человек. Из них выросли Игримский и Пионерский хоры, Нефтеюганский и Горноправдинский танцевальные коллективы, Сургутский и Берёзовский оркестры, Ханты-Мансийский инструментальный ансамбль [5].

По данным окружного отдела культуры в Ханты-Мансийском округе в конце 1970-х гг. насчитывалось более 900 кружков народного творчества, в которых занималось 12 тыс. человек. Если верить цифрам, то в округе примерно за десятилетие в 3,4 раза возросло количество коллективов художественной самодеятельности и в 2,6 раза – число лиц, активно участвующих в их работе [6].

К сожалению, на Тюменском Севере социокультурная среда зачастую не оставляла человеку выбора: какой досуг предпочесть? Она располагала скорее к пассивному потреблению культуры, чем к активному творчеству. Отсутствие полноценного досуга многие северяне компенсировали алкоголем, на который уходила значительная часть их заработной платы – до 20%. Только за 1960-е гг. расходы на приобретение спиртных напитков выросли в расчёте на одного жителя Тюменской области с 62 до 150 руб. [10, с. 23]. Это было больше, чем тратилось на мясные, молочные продукты, обувь и ткани. В 1970-е гг. потребление спиртного выросло ещё в 1,3 раза – с 9,7 до 12,3 литров чистого алкоголя на каждого жителя области [2, с. 18].

Материальная база и содержательная сторона работы учреждений культуры не смогли в полной мере удовлетворить запросы северян ни в начальный период индустриализации региона, ни в последующие годы. Важнее среди мотивов обратной миграции были только плохие жилищные условия и плохое снабжение продуктами и промтоварами. Другие причины выезда новосёлов из РНПО, включая суровые природно-климатические условия Севера, не играли существенной роли [11, с. 76]. Таким образом, опыт культурного строительства на Тюменском нефтегазовом Севере ещё раз убедительно показал важность комплексного преобразования территории, освоения её не только в интересах «чистой» экономики, но и человека.

Литература

1. Алексеев, В.В. Прометеи сибирской нефти [Текст] / В.В. Алексеев, В.А. Ламин. – Свердловск : Ср.-Урал. кн. изд-во, 1989. – 269 с.; Гаврилова, Н.Ю. [Текст] / Н.Ю. Гаврилова. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2001. – 283 с.; Карпов, В.П. Западно-Сибирский нефтегазовый проект: от замысла к реализации [Текст] / В.П. Карпов и др. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2011. – 392 с.; и др.
2. Гаврилова, Н.Ю. Уровень жизни населения Тюменской области в 1960–80-е гг. [Текст] / Н.Ю. Гаврилова, В.П. Карпов // Тюменская область: исторический опыт экономического и социального развития : материалы всерос. науч.-практ. конф. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2009. – С. 16–20.
3. Ганопольский, М.Г. Региональный этос: истоки, становление, развитие [Текст] / М.Г. Ганопольский. – Тюмень : ТюмГНГУ, 1998. – 160 с.
4. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 209. Д. 108. Л. 6–7.
5. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 200. Д. 78. Л. 10.
6. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 200. Д. 78. Л. 10; Оп. 216. Д. 122. Л. 4. Подсчёт.
7. Давыдова, А.О. Книжная торговля на Севере Западной Сибири в 50–60-х гг. XX в. [Текст] / А.О. Давыдова // «Россия будет прирастать Сибирью...» : материалы регион. науч. конф. – Сургут : СурГУ, 2012. – С. 64–67.
8. Егорова, Д.А. Городская среда Тюмени: проблемы развития пространства для досуговой деятельности (1964–1985 гг.) [Текст] / Д.А. Егорова // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 4. – С. 187–189.
9. История Ямала : в 2 т. [Текст] / под общ. ред. В.В. Алексеева. – Екатеринбург : Изд-во «Баско», 2010. – Т. 2. – Кн. 2. – 328 с.
10. Карпов, В.П. Анатомия тюменского подвига [Текст] / В.П. Карпов // Родина. – 2012. – № 8. – С. 20–23.
11. Карпов, В.П. За туманом и за запахом тайги? Проблемы заселения нефтегазового Тюменского Севера [Текст] / В.П. Карпов, М.Г. Ганопольский // Родина. – 2013. – № 2. – С. 74–76.
12. Карпов, В.П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948–1990 гг.) [Текст] / В.П. Карпов. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2005. – 316 с.
13. Карпов, В.П. Повседневность Тюменского Севера в 1960–1980-е годы [Текст] / В.П. Карпов, Н.Ю. Гаврилова // Горные ведомости. – 2011. – № 1. – С. 84–96.
14. Очерки истории Тюменской области. – Тюмень : ТюмГУ, 1994. – 272 с.
15. Сургут день за днём. Публицистический рассказ о времени, о сургутянах и газете «Сургутская трибуна». – Сургут, 1999. – 272 с.
16. Ташлыкова, М.И. Проблемы поддержания удовлетворительного технического состояния основных фондов отрасли культуры на Севере Тюменской области (1965–1991 гг.) [Текст] / М.И. Ташлыкова // Актуальные вопросы истории Западной Сибири. – Сургут : СурГУ, 2010. – С. 118–126.
17. Ташлыкова, М.И. Особенности формирования сети учреждений культуры в городах ХМАО в 1965–1980-х гг. [Текст] / М.И. Ташлыкова // «Россия будет прирастать Сибирью...» : материалы регион. науч. конф. – Сургут : СурГУ, 2012. – С. 71–74.
18. Ташлыкова, М.И. Проблемы материально-технического оснащения учреждений кинофикации Севера Западной Сибири (1965–1980-е гг.) [Текст] / М.И. Ташлыкова // Сибирью прирастает Россия : материалы регион. науч. конф. – Сургут : СурГУ, 2010. – С. 104–107.
19. Ташлыкова, М.И. Проблемы формирования книжных фондов библиотек Севера Западной Сибири (1965–1991 гг.) [Текст] / М.И. Ташлыкова // Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера : материалы всерос. науч. конф. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2010. – С. 174–178.
20. Ташлыкова, М.И. Организация культурного шефства творческих организаций над учреждениями культуры Севера Тюменской области [Текст] / М.И. Ташлыкова // Исторические вызовы России и цивилизационные ответы Сибири : тез. докл. регион. науч. конф. – Сургут : СурГУ, 2009. – С. 105–109.
21. Шорохова, Л.И. Мой любимый край. Одна история – одна судьба [Текст] / Л.И. Шорохова // Тюменская область сегодня. – 2005. – 13 августа.

Рецензия

О.А. МИЛЕВСКИЙ

В ПОИСКАХ «КОНСЕРВАТИВНОГО ЭЙДОСА» (РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: ГРИГОРОВ, Е.В. СТРАТЕГИЯ КОНСЕРВАТИЗМА. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ [ТЕКСТ] : МОНОГРАФИЯ / Е.В. ГРИГОРОВ. – SAARBRUCKEN : LAP LAMBERT ACADEMIC PUBLISHING, 2012. – 132 С.)

O.A. MILEVSKY

IN SEARCH OF «CONSERVATIVE EIDOS» (REVIEW ON THE MONOGRAPH BY GRIGOROV, E.V. STRATEGY OF CONSERVATISM. SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS [TEXT] : MONOGRAPHY / E.V. GRIGOROV. – SAARBRUCKEN : LAP LAMBERT ACADEMIC PUBLISHING, 2012. – P. 132)

В настоящее время научные подходы к осмыслению наследия отечественного консерватизма претерпели существенные изменения связанные, по мнению ученого А.Ю. Минакова, с тем, что «изучение русского консерватизма явно вышло за пределы начальной стадии «накопления фактов» и исследователи начали ставить перед собой более широкие обобщающие задачи, а изучение русского консерватизма приобрело черты быстро развивающегося научного направления [10].

При таком развитии событий совершенно понятным становится интерес исследователей к выявлению сущностных аспектов консервативной идеологии, а в этом случае правильнее всего будет «танцевать от печки» – обратиться к определению того, что исследователи понимают под консерватизмом. И как ни странно это звучит – сегодня, невзирая на обилие работ по теории и политической практике консерватизма, современные ученые фактически все ещё находятся в положении героев индийской притчи о трёх слепых мудрецах, которые, ощупав слона за разные места его могучего тела, вынесли совершенно разные определения того, что собственно есть слон!

В современной историографии консерватизма существуют порой диаметрально противоположные подходы к его определению. Не случайно поэтому проблеме идентификации консерватизма были посвящены, дискуссии проводимые на страницах журналов «Полис» (1995 г.) [8] и «Отечественная история» (2001 г.) [12]. И как совершенно справедливо отмечает автор данной работы: «В рамках этих «круглых столов» были выявлены и заинтересованность исследователей в данной теме, и отсутствие не только единого определения консерватизма, но и единого подхода к решению этой задачи» [7, с. 6.], т. е., фигурально выражаясь, «абрис фигуры слона по-прежнему оставался неопределённым».

Непростую задачу по выведению и формулированию наиболее приемлемого для научной общественности определения консерватизма уже не первый год предпринимает в своих работах Е.В. Григоров [1–6]. В этом отношении его монография является своеобразным завершением интеллектуальных изысканий ученого в поисках наиболее научно адекватного определения консерватизма.

Свои поиски автор начинает с обращения к истокам зарождения консервативной идеологии, чему посвящена первая глава исследования, содержащая анализ работ основоположников политического консерватизма Но-

вого времени Э. Берка, Ж. де Местра и Н.М. Карамзина. Собственно выбор персоналий, вполне понятен, хотя и далеко не полон, например при выборе ранних российских консервативных мыслителей, достаточно познакомиться с глубокой и фактологически хорошо наполненной монографией А.Ю. Минакова [11]. Но в своём исследовании Е.В. Григоров проводит социально-философский анализ и для получения репрезентативных результатов данные персоналии вполне подходят. Тем более, что цель первой главы, как раз в том, чтобы продемонстрировать, что, при ближайшем рассмотрении, казалось бы, очевидное сходство идей трёх признанных основоположников консерватизма не исключает серьёзнейших отличий в их теоретических построениях.

На основе детальной проработки учений мыслителей Нового времени Е.В. Григоров и делает вывод о том, «что «единого консервативного лагеря», единой консервативной идеологии не было. Таким образом, мы лишаемся возможности прояснить сущность консерватизма, опираясь только на его исторические формы» [7, с. 36]. Далее же следует весьма смелое заявление о том, что «если консерватизм не является единым историческим феноменом, можно ли выделить консерватизм как чисто теоретическую концепцию. *В таком случае, политический консерватизм будет конструкцией созданной философами, а не консерваторами*. Следовательно, необходим философский онтологический анализ данного феномена» [7, с. 36] [выделено мной. – *М.О.*].

Если под консерваторами здесь понимать политических практиков, а под философами учёных-теоретиков, а именно такой смысл, по нашему мнению, вкладывает автор в эти понятия, то такая постановка вопроса представляется многообещающей, учитывая многообразие интерпретаций консерватизма, которыми действительно пестрят многочисленные исторические изыскания. Уже во 2 главе ученый подчёркивает, что «проблема определения консерватизма… имеет как реальные основания, так и связанные с «неправильным использованием слов». Мы ставим перед собой задачу отбросить проблемы надуманные и попытаться решить проблемы реальные» [7, с. 37].

Что же это за реальные проблемы? Автор определяет их следующим образом: проблема использования слова «консерватизм»; проблема разного содержания, конкретных черт политического консерватизма, проблема комплекса консервативных идей; проблема соотношения понятия «консерватизм» с понятием «традиция», «традиционализм», «реакция», «правые»; проблема зависимости подхода к определению консерватизма от мировоззрения исследователя, его политических взглядов, его отношения к периодизации истории, понимания её смысла [7, с. 38–55].

К разрешению обозначенных вопросов исследователь подходит, используя достаточно богатый философский арсенал, – упор, в этой главе, делается преимущественно на формально- логические схемы. Наиболее наглядно своё умение работать в данном ключе демонстрируется Е.В. Григоровым в соотнесении понятия «консерватизм» с понятиями «традиция» и «традиционализм». Мы не зря остановились именно на этой проблеме дело в том, что эти понятия давно и активно используется исследователями консерватизма. Вспомним, уже давно ставшие классическими работы К. Мангейма, считающего традиционализм видом консерватизма. Он обозначал им универсальный, естественный консерватизм [9, с. 135]. О сходстве, если не о полном тождестве этих терминов, писали Е. Шацкий, М.М. Фёдорова и др.

К чести Е.В. Григорова он, опираясь на законы формальной логики, бросает вызов устоявшимся стереотипам в такой оценке терминов, как «консерватизм» – «традиционализм». Детально разбирая идеи предшественников, автор выносит следующее суждение – утверждение, что «слово «традиционализм» можно использовать, как синоним к слову «консерватизм», но в тоже время они «не эквивалентны и не взаимозаменяемы» [по мнению

М.М. Фёдоровой. – *М.О.*] такой подход есть нарушение закона тождества» и в целом это свидетельствует о слабости научного анализа [7, с. 52]. Что же предлагает автор взамен не оправдавшим себя историко-политическим схемам? Им выдвигается мысль о том, что «если и есть путь для выявления единой сущности консерватизма, то он проходит через мировоззренческие, онтологические пласты действительности» [7, с. 56], иначе говоря, с исторического уровня необходимо переходить на философский.

Философский анализ предполагает переход от конкретных признаков при подходе к определению консерватизма к общим категориям. Ключ к разрешению проблемы «идеационного определения» консерватизма исследователь видит в использовании аксиологического подхода. В центр исследования Е.В. Григоров вводит категорию ценности, т. к., по его мнению, «по отношению к ней консерваторы занимают принципиально иную позицию, чем представители всех остальных политических течений» [7, с. 57].

Он указывает, что для консерватора факт существования ценности в качестве элемента политической реальности является определяющим. Автор выделяет две группы ценностей реальные и нормативные, первые опираются на категорию «существование», вторые – на категорию «должное». Это приводит его к первому общему определению: «консерватизм это такое мировоззрение, которое устанавливает приоритет реальных ценностей» [7, с. 60]. Именно обладание реальными ценностями (здесь ещё не даётся список конкретных ценностей, а это понятие пока используется методологически) делает человека консерватором. Однако реальные ценности исследователь связывает с двумя другими категориями, а именно с реализмом и иррационализмом консервативного мышления, которые дают почву для консервативной борьбы с рациональным предпочтением должного существующему.

Далее, пытаясь осмыслить важнейшие черты консервативной идеологии, Е.В. Григоров, обращается к разработке для него диалектической пары, через противопоставление которой можно более полно раскрыть его сущность. Наиболее приемлемой ему представляется антитеза «консерватизм-утопизм». Автор определяет утопизм, как ориентацию на нормативные ценности. В рамках своей аксиологической концепции он детально рассматривает понятия «утопии», «утопического мышления», «утопизма». Действительно, следуя в контексте авторской концепции, применение этих понятий позволяет более чётко сформулировать сущностное ядро консерватизма, выявить его место среди основных идеологических течений.

Дело в том, что, сталкиваясь с противоположными историческими формами консерватизма, исследователи, среди которых первенство принадлежит С. Хантингтону, выработали понятие ситуативного (ситуационного) консерватизма. Суть, которого сводится к тому, что консерваторы могут защищать абсолютно любые ценности в зависимости от исторической ситуации. Такое положение дел не устраивает автора рецензируемой монографии, он пишет: «…если принять «ситуативное» определение консерватизма, то придётся признать, что ни каких консерваторов в истории не было и быть не могло, что были либералы, социалисты, фашисты, коммунисты и т. д., которые в определённые периоды приходили к власти и становились «консерваторами» [7, с. 110–111]. Противопоставление консерватизма утопизму, по его мнению, позволяет, в случае выяснения утопических интенций в основе конкретных идеологий, отказать им и утверждаемым ими ценностям в консервативности.

Доказательству данного положения посвящена 6 глава «Консерватизм и либерализм». Анализируя концепции, критикующие современное общество модерна основанное на капиталистическом хозяйстве, как «слева» (Дебор), так и «справа» (Генон), Е.В. Григоров приходит к мысли, что «Воплощённые ценности либералов это ценности не сами по себе, они несут на себе след вторичности, они только копии, первичными же ценностями являются идеалы Рынка, Свободы, Демократии, Собственности и др.» [7, с. 111], и далее –

«Капиталистическое общество потребления, «общество спектакля», «современность» не могут быть объектом защиты консервативной идеологии, в силу своей утопичности, иллюзорности, аномальности» [7, с. 112].

В таком случае сложно не согласиться с автором утверждающим, что «анализ диалектической пары «консерватизм-утопизм», выяснение онтологических оснований данных явлений позволяет нам отрицать правомерность ситуативного подхода к консерватизму и утверждать наличие у него сущностного ядра, которое делает его самостоятельной идеологией наряду с либерализмом, социализмом, коммунизмом и другими политическими течениями» [7, с. 112].

Однако стремление что называется стерильно, используя только философско-логические категории подойти к определению консерватизма, периодически ставит автора в трудное положение. Так Е.В. Григоров отмечает, что «определить конкретную идеологию как консервативную можно только из будущего, после того как ценности, которые отстаивали консерваторы, вернулись в общественную жизнь. Говорить же о том, что сейчас… какие-то политические направления, течения, партии являются консервативными объективно невозможно» [7, с. 73], хотя сам для русских консерваторов выделяет теорию «официальной народности», как идеальную духовную ценность.

Вполне естественно, что подобное построение работы создаёт для ученого не мало трудностей, которые в рамках своего подхода он преодолевает, но которые оставляют значительное поле для дискуссий, например утверждение автора, что «реакционеры это не консерваторы, а создатели ретроспективных утопий» т. е. и Ж. де Местр, и Л.А. Тихомиров, и К.Н. Леонтьев всего лишь реакционеры, а К.П. Победоносцев, которого К. Леонтьев характеризовал как «мороз, нравственную гробницу» или А.А. Аракчеев, как раз и есть консерваторы?! Это положение становится ясным только исходя из авторской антитезы «консерватизм-утопизм», которое, таким образом, становится центральным в рассматриваемой концепции и, соответственно, требует более тщательного обоснования. Вообще проблема различения умеренных реформаторов, консерваторов и умеренных реакционеров наиболее сложная в исторических исследованиях, что придаёт анализу Е.В. Григорова несомненную ценность и актуальность в ситуации широкого исследования консерватизма, несмотря на некоторые, не вполне проработанные положения.

Установка на непринятие исторически обусловленных определений консерватизма с одной стороны и отказ от ситуативного определения – с другой, ставит перед автором сложную задачу выявления сущностных черт консерватизма, его интегрального ядра, того самого консервативного эйдоса, указанного в заглавии данной рецензии.

Предлагаемое Е.В. Григоровым итоговое определение консерватизма: «Консерватизм – это социально-политическая теория, отстаивающая, на основе приоритета реальных ценностей, идеи антиутопизма, иррационализма, историзм, традиционализма, антиидеализма (реализма), несовершенства человеческой природы, коллективизма, иерархии и неравенства, удовлетворённости существующими социально-политическими институтами» [7, с. 75], на первый взгляд, повторяет признаки, которые часто можно встретить в исторической литературе при характеристике конкретных консервативных идеологий. Однако методология, которой пользуется при этом автор, исключает случайность и бессистемность отбираемых признаков, как это часто случается в исторических изысканиях.

Исследователь последовательно и принципиально развивает здесь основные положения своего аксиологического подхода. Например, ценность традиции, которую буквально все мыслители априорно включают в состав любой консервативной концепции, он связывает с передачей реальных ценностей, а ценность иррационализма – с его противопоставлением рационализму, создающему нормативные ценности противоречащие реальным.

В заключении хотелось бы сказать, что монография Е.В. Григорова по-научному смелая и оригинальная, порою содержащая весьма острые и отнюдь небесспорные суждения, несомненно, заслуживает внимания специалистов, работающих по консервативной тематике, поскольку проблема научно-объективного определения консерватизма является своего рода первокирпичиком в фундаменте всех без исключения изысканий в этом направлении.

Литература

1. Григоров, Е.В. Аскиологическое определение консерватизма [Текст] / Е.В. Григоров // Вестник развития науки и образования. – 2006. – № 6. – С. 77–80.
2. Григоров, Е.В. Консервативная стратегия [Текст] / Е.В. Григоров // Философия права. – 2011. - № 3 (46) – С. 18–23.
3. Григоров, Е.В. Консерватизм и традиционализм: теория и идеология [Текст] / Е.В. Григоров // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2011. – № 1 (12). – С. 124–134.
4. Григоров, Е.В. Консерватизм и утопизм [Текст] / Е.В. Григоров // Научная жизнь. – 2006. – № 6. – С. 87–89.
5. Григоров, Е.В. Проблемы определения консерватизма [Текст] / Е.В. Григоров // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2009. – № 3 (6). – С. 5–17.
6. Григоров, Е.В. Рождение консерватизма? (Э. Бёрк, Жозеф де Местр, Н.М. Карамзин) [Текст] / Е.В. Григоров // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2010. – № 3 (10). – С. 94–107.
7. Григоров, Е.В. Стратегия консерватизма. Социально- философский анализ [Текст] / Е.В. Григоров. – Saarbrucken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 132 с.
8. Консерватизм как течение общественной мысли и фактор общественного развития (Материалы «круглого стола») [Текст] // Полис. – 1995. – № 4. – С. 33–59.
9. Мангейм, К. Консервативная мысль [Текст] / К. Мангейм // Социологические исследования. – 1993. – № 4. – С. 135–146.
10. Минаков, А.Ю. Русский консерватизм в современной историографии: новые подходы и тенденции изучения [Текст] / А.Ю. Минаков // Отечественная история. – 2005. – № 6. – С. 133–142.
11. Минаков, А.Ю. Русский консерватизм первой четверти XIX века [Текст] / А.Ю. Минаков. – Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2011. – 560 с.
12. Русский консерватизм: проблемы, подходы, мнения («круглый стол») [Текст] // Отечественная история. – 2001. – № 3. – С. 103–133.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
INFORMATION ABOUT AUTHORS

Акинин Михаил Александрович – аспирант кафедры социально-гуманитарных дисциплин Сургутского государственного педагогического университета

Akinin Mikhail Aleksandrovich – Post Graduate, Department of Social Studies and Arts, Surgut State Pedagogical University

E-mail: akininm@mail.ru

Андреенков Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук

Andreenkov Sergey Nikolaevich – Ph.D., History, Research Officer, Institute of History, Branch of the Russian Academy of Sciences

E-mail: Andreenkov_sn@mail.ru

Бодрова Елена Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры политической истории Отечества Российского государственного университета нефти и газа им. И.М. Губкина, Москва

Bodrova Yelena Vladimirovna – Doctor of Historical Sciences, Department of Domestic Political History, Russian State University of Oil and Gas named after I.M. Gubkin, Moscow

E-mail: Kafedra-i@yandex.ru

Варфоломеев Юрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

Varfolomeyev Yuriy Vladimirovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky

E-mail: ybartho@mail.ru

Ерёмин Сергей Владимирович – специалист информационно-аналитического отдела Нижневартовского государственного университета

Yeryomin Sergey Vladimirovich – Specialist, Department of Monitoring the Quality of Education, Nizhnevartovsk State University

E-mail: serjomin@mail.ru

Девятова Елена Юрьевна – преподаватель кафедры истории России Нижневартовского государственного гуманитарного университета

Devyatova Yelena Yuryevna – Lecturer, Department of Russian History, Nizhnevartovsk State University of Humanities

E-mail: elena9.81@mail.ru

Дутчак Елена Ерофеевна – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Национального исследовательского Томского государственного университета

Dutchak Yelena Yerofeevna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, National Research Tomsk State University

E-mail: dee010@mail.ru

Ермолаев Терентий Степанович – кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора этносоциологии, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук

Yermolaev Terentiy Stepanovich – Ph.D., History, Research Officer, Institute for Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples Problems, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

E-mail: tererm@mail.ru

Ерохин Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения и всеобщей истории Нижневартовского государственного университета

Yerokhin Vladimir Nikolaevich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Documentation Studies and General History, Nizhnevartovsk State University

E-mail: erohin_vladimir@inbox.ru

Калинов Вячеслав Викторович – кандидат исторических наук, доцент, декан факультета гуманитарного образования РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, заведующий кафедрой политической истории Отечества

Kalinov Vyacheslav Viktorovich – Ph.D., History, Associate Professor, Dean Faculty of Liberal Studies, Russian State University of Oil and Gas named after I.M. Gubkin, Moscow

E-mail: Kafedra-i@yandex.ru

Карпачев Михаил Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Воронежского государственного университета

Karpatchev Mikhail Dmitriyevich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of Russian History, Voronezh State University

E-mail: m-karpach@mail.ru

Карпов Виктор Петрович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии Тюменского государственного нефтегазового университета

Karpov ViKtor Petrovich – Ph. D., History, Professor, Department of History, Cultural Studies, Tyumen State Oil and Gas University

E-mail: 7654321.58@ mail.ru

Колева Галина Юрьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии Тюменского государственного нефтегазового университета

Koleva Galina Yuryevna – Ph. D., History, Professor, Department of History, Cultural Studies, Tyumen State Oil and Gas University

E-mail: gukoleva@gmail.com

Лёвин Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Балашовский институт

Lyovin Sergey Vladimirovich – Ph.D., History, Associate Professor, Department of History, Balashov Institute, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky

E-mail: Serg. Lewin@ yandex.ru

Мауль Виктор Яковлевич – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и экономических дисциплин Нижневартовского филиала Тюменского государственного нефтегазового университета

Maul ViKtor Yakovlevich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities and Economics Studies, Nizhnevartovsk Branch of the Tyumen State Oil and Gas University

E-mail: VYMaul@mail.ru

Милевский Олег Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Сургутского государственного педагогического университета

Milevskiy Oleg Anatolyevich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Social Studies and Arts, Surgut State Pedagogical University

E-mail: msa1966@mail.ru

Минаков Аркадий Юрьевич – доктор исторических наук, доцент кафедры истории России, директор Зональной научной библиотеки Воронежского государственного университета

Minakov Arkadiy Yuryevich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History, Head of the Zone Research Library, Voronezh State University

E-mail: minak.arkady2010@yandex.ru

Миронов Виктор Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории международных отношений Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Mironov ViKtor Vladimirovich – Ph.D., History, Associate Professor, Department of History and the Theory of the International Relations, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky

E-mail: vvm_512@rambler.ru

Мирошников Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики Томского государственного университета

Miroshnikov Sergey Nikolaevich – Ph.D., History, Associate Professor, Department of World Politics, Tomsk State University

E-mail: Smiroshnikov64[at]mail.ru

Обухова Юлия Александровна – соискатель ученой степени кандидата исторических наук, ассистент кафедры гуманитарных и экономических дисциплин филиала Тюменского государственного нефтегазового университета, Нижневартовск

Obukhova Yuliya Aleksandrovna – Degree-seeking Student, Assistant Lecturer, Department of Humanities and Economics Studies, Nizhnevartovsk Branch of the Tyumen State Oil and Gas University

E-mail: anm-666@yandex.ru

Панченко Алексей Борисович – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Сургутского государственного педагогического университета

Panchenko Aleksey Borisovich – Ph.D., History, Lecturer, Department of Social Studies and Arts, Surgut State Pedagogical University

E-mail: alexeypank@rambler.ru

Репников Александр Витальевич – доктор исторических наук, профессор, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории, Москва

Repnikov Aleksander Vitalyevich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Staff Consultant, Russian State Archive of Sociopolitical History, Moscow

E-mail: Repnikov@mail.ru

Савченкова Татьяна Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и культурологии Ишимского государственного педагогического института им. П.П.Ершова

Savchenkova Tatyana Pavlovna – Ph.D., Philology, Associate Professor Department of Philology and Cultural Studies, Ishim State Pedagogical Institute named after P.P. Yershov

E-mail: stp72@rambler.ru

Соколов Арсений Владимирович – кандидат исторических наук, докторант кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

Sokolov Arseniy Vladimirovich – Ph.D., History, Doctoral Candidate, Department of Russian History, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, St. Petersburg

E-mail: arsikus@mail.ru

Степаненкова Зоя Васильевна – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Сургутского государственного педагогического университета

Stepanenkova Zoya Vasilyevna – Senior Lecturer, Department of Social Studies and Arts, Surgut State Pedagogical University

E-mail: zoyastep@mail.ru

Солодкин Янкель Гутманович – доктор философии (Доктор истории), профессор, глава российского отдела истории Нижневартовского государственного университета гуманитарных наук

Solodkin Yankel Gutmanovich – Ph.D (Doctor of History), Professor, Head of the Russian History Department, Nizhnevartovsk State University of Humanities

E-mail: hist2@yandex.ru

Терехова Светлана Анатольевна – преподаватель кафедры экономики и права, начальник отдела аспирантуры и дополнительного образования Сургутского государственного педагогического университета

Terekhova Svetlana Anatolyevna – Lecturer, Department of Economics and Law, Head of Department of Postgraduate Studies and Further Education, Surgut State Pedagogical University

E-mail: msa1966@mail.ru

Троицкий Николай Алексеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

Troitskiy Nikolay Alekseevich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, Saratov State University

E-mail: Serg.Lewin@yandex.ru

Хромов Евгений Александрович – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры экономики и права Сургутского государственного педагогического университета

Khromov Yevgeniy Aleksandrovich – Ph.D, History, Lecturer, Department of Economics and Law, Surgut State Pedagogical University

E-mail: eah01@bk.ru

Худолеев Алексей Николаевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории и методики преподавания истории кафедры отечественной истории и методики преподавания истории Кузбасской государственной педагогической академии

Khudoleev Aleksey Nikolaevich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Department of Domestic History and its Teaching Methodology, Kuzbass State Pedagogical Academy

E-mail: khudoleev73@mail.ru

Юматов Константин Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Кемеровского государственного университета

Yumatov Konstantin Vladimirovich – Ph.D., History, Associate Professor, Department of Modern, Contemporary History and the International Relations, Kemerovo State University

E-mail: if@kemsu.ru

Юн Сергей Миронович – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики Томского государственного университета

Yun Sergey Mironovich – Ph.D., History, Associate Professor, Department of World Politics, Tomsk State University

E-mail: yun@dir.tsu.ru

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРАМИ

Научный журнал «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» **включён в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Научный журнал «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» публикует статьи по следующим разделам:

1. Педагогика.
2. Психология.
3. Филология.
4. История.
5. Социология.
6. Физиология человека.

Объем статьи: от 10000 до 20000 печатных знаков.

Сроки публикации определяются по мере комплектования журнала.

Все статьи проходят **рецензирование**. Результаты рецензирования и решение редколлегии о принятии представленной статьи к публикации в журнале «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» сообщаются авторам по электронной почте.

Для аспирантов необходимо представление отсканированной рецензии научного руководителя. При этом внутреннее рецензирование в СурГПУ остаётся обязательным.

После того как статья пройдёт рецензирование и будет принята к публикации, автору высылается договор.

Небольшие исправления стилистического и формального характера вносятся в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьёзных исправлений правка согласовывается с авторами или статья направляется авторам на доработку. Исправленная рукопись (электронный вариант) должна быть возвращена в редакцию не позднее чем через неделю.

Все авторы должны представить **персональные данные**:

1. Фамилия, имя, отчество.
2. Учёная степень.
3. Звание.
4. Должность и место работы.
5. Адрес с почтовым индексом.
6. Контактные телефоны.
7. Электронный адрес.

Тексты статей и сведения об авторах представляются в электронном и печатном (2 экз.) виде. Файлы со статьёй и персональными сведениями могут быть представлены как на дискете (диске), так и вложением в электронное письмо, отправленное по указанному адресу.

С правилами публикации и PDF версией журнала можно ознакомиться на сайте www.surgpu.ru.

Правила оформления рукописи статьи

Электронная копия	Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе *Microsoft Word* и сохраняется с расширением *doc*. В качестве имени файла указывается фамилия автора русскими буквами
Гарнитура (шрифт)	Times New Roman. Размер кегля – 14 пт
Форматирование основного текста	Абзацный отступ – 1 см. Междустрочный интервал – полуторный. Все поля – 2 см
Оформление статьи	В начале статьи указываются **индексы ББК** и **УДК**. Далее идут инициалы и фамилия автора, город, название статьи. Далее следует аннотация. Объём – до 8 строк. Слово «аннотация» не пишется. После аннотации указывается до 8 ключевых слов
Примечания. Списки литературы	Примечания, комментарии и пояснения к тексту статьи даются в виде концевых сносок. Ссылки на первоисточники в тексте заключаются в квадратные скобки с указанием номера из библиографического списка и страницы, например: [2, с. 160]. Список обозначается словом «Литература», размещается в конце статьи и оформляется с соблюдением ГОСТ 7.1–2003, например: Боголюбов, А.Н. О вещественных резонансах в волноводе с неоднородным заполнением [Текст] / А.Н. Боголюбов, А.Л. Делицын, М.Д. Малых // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 3, Физика. Астрономия. – 2001. – № 5. – С. 23–25. Вишняков, И.В. Модели и методы оценки коммерческих банков в условиях неопределённости [Текст] : дис. … канд. экон. наук / И.В. Вишняков. – М., 2002. – 234 с. Добродомов, И.Г. История одной идеи В.Н. Сидорова [Текст] / И.Г. Добродомов // IX Житниковские чтения: Развитие языка: стихийные и управляемые процессы : материалы всерос. науч. конф., г. Челябинск, 26–27 февр. 2009 г. / И.Г. Добродомов. – Челябинск : Энциклопедия, 2009. – С. 3–13. Игнатьева, Т.М. Педагогическое управление [Текст] / Т.М. Игнатьева. – М. : Флинта, 2006. – 198 с. Коменский, Я.А. Великая дидактика [Текст] // Соч. : в 2 т. / Я.А. Коменский. – М., 1982. – Т. 1. – С. 422–446. Никитин, П. Мониторинг в образовании [Текст] / П. Никитин, М. Мирошниченко // Учительская газ. – 2001. – 12 окт. – С. 3. Особенности вариабельности ритма сердца у больных артериальной гипертонией со структурными признаками гипертензивной энцефалопатии [Текст] / Н.Л. Афанасьева [и др.] // Сибирский медицинский журнал. – 2009. – № 4. – Вып. 2. – С. 31–35. Sporber, D. Relevance [Text] / D. Sperber, D. Wilson. – New Jersy : Blackwell Publishing, 1995. – 327 p.
Таблицы, рисунки, диаграммы	Все таблицы, рисунки, диаграммы и прочие графические объекты размещаются строго в рамках указанных полей
Не допускается вставка разрывов страниц, разделов и т.д.	

Название статьи, аннотация, ключевые слова и сведения об авторах (ФИО, ученая степень, звание, должность и место работы) **представляются на английском языке после русской версии**.

Редколлегия научного журнала **оставляет за собой право отклонять** представленные материалы, если они не соответствуют установленным требованиям.

Авторам присланные материалы и корректуры не возвращаются.

ПУБЛИКАЦИЯ СТАТЕЙ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ БЕСПЛАТНО.

Ответственный редактор журнала: кандидат филологических наук **Письменная Ольга Александровна**.

Главный редактор:

КОНОПЛИНА Н.В., д.пед.н., профессор

Ответственный редактор:

ПИСЬМЕННАЯ О.А., к.филол.н.

Редакционная коллегия:

БАРАКОВА О.В., д.филол.н., профессор
ВАРАКСИН Л.А., д.филол.н., профессор
ГОЛОЛОБОВ Е.И., д.ист.н., профессор
ДВОРЯШИН Ю.А., д.филол.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ
ЗАСЫПКИН В.П., д.социол.н., профессор
ЗБОРОВСКИЙ Г.Е., д.филос.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ
ЛАЗАРЕВ В.С., д.психол.н., академик РАО
КАЛИНОВСКИЙ Ю.И., д.пед.н., профессор
МИЛЕВСКИЙ О.А., д.ист.н., профессор
НИФОНТОВА О.Л., д.биол.н., доцент
ПАРФЁНОВА Н.Н., д.филол.н., профессор
ПИЦКОВА Л.П., д.филол.н., профессор
ПОПОВА М.А., д.мед.н., профессор
СЕМЁНОВ Л.А., д.пед.н., профессор
СИНЯВСКИЙ Н.И., д.пед.н., профессор
СТАВРИНОВА Н.Н., д.пед.н., профессор
ШИБАЕВА Л.В., д.психол.н., профессор
ШУКЛИНА Е.А., д.социол.н., профессор
ЯФАЛЬЯН А.Ф., д.пед.н., профессор